

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Ф. М. Достоевскаго.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БѢСЫ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1895.

322574

398279

Дозволено цензурою. СПБ. 2 января 1895 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Петръ Степановичъ въ хлопотахъ.

I.

День праздника былъ назначенъ окончательно, а фонъ-Лембке становился все грустнѣе и задумчивѣе. Онъ былъ полонъ странныхъ и зловѣщихъ предчувствій, и это сильно беспокоило Юлію Михайловну. Правда, не все обстояло благополучно. Прежній мягкій губернаторъ нашъ оставилъ управленіе не совсѣмъ въ порядкѣ; въ настоящую минуту надвигалась холера; въ иныхъ мѣстахъ объявился сильный скотскій падежъ, все лѣто свирѣпствовали по городамъ и селамъ пожары, а въ народѣ все сильнѣе и сильнѣе укоренялся глупый ропоть о поджогахъ. Грабительство возросло вдвое противъ прежнихъ размѣровъ. Но все бы это, разумѣется, было болѣе чѣмъ обыкновенно, если бы при этомъ не было другихъ болѣе вѣскихъ причинъ, нарушавшихъ спокойствіе доселѣ счастливаго Андрея Антоновича.

Всего болѣе поражало Юлію Михайловну, что онъ съ каждымъ днемъ становился молчаливѣе и, странное дѣло, скрытнѣе. И чего бы, кажется, ему было скрывать? Правда, онъ рѣдко ей возражалъ и большею частью совершенно повиновался. По ея настоянію были, напримѣръ, проведены двѣ или три мѣры, чрезвычайно рискованныя и чуть-ли не противозаконныя, въ видахъ усиленія губернаторской власти. Было сдѣлано нѣсколько зловѣщихъ потворствъ съ тою же цѣлью; люди, напримѣръ, достойные суда и Сибири, единственно по ея настоянію, были представлены къ наградѣ. На нѣкоторыя жалобы и запросы положено было систематически не отвѣчать. Все это обнаружилось вполсѣдствіи. Лембке не только все подписы-

валъ, но даже и не обсуждалъ вопроса о мѣрѣ участія своей супруги въ исполненіи его собственныхъ обязанностей. Зато вдругъ начиналъ временами дыбиться изъ-за „совершенныхъ пустяковъ“ и удивлялъ Юлію Михайловну. Конечно, за дни послушанія онъ чувствовалъ потребность вознаградить себя маленькими минутами бунта. Къ сожалѣнію, Юлія Михайловна, несмотря на всю свою проницательность, не могла понять этой благородной тонкости въ благородномъ характерѣ. Увы, ей было не до того, и отъ этого произошло много недоумѣній.

Мнѣ не стать, да и не сумѣю я рассказывать объ иныхъ вещахъ. Объ административныхъ ошибкахъ разсуждать тоже не мое дѣло, да и всю эту административную сторону я устраняю совсѣмъ. Начавъ хронику, я задался другими задачами. Кромѣ того, многое обнаружится назначеннымъ теперь въ нашу губернію слѣдствіемъ, стѣитъ только немножко подождать. Однако, все-таки нельзя миновать иныхъ разъясненій.

Но продолжаю о Юліи Михайловнѣ. Бѣдная дама (я очень сожалѣю о ней) могла достигнуть всего, что такъ влекло и манило ее (славы и прочаго) вовсе безъ такихъ сильныхъ и эксцентрическихъ движеній, какими она задалась у насъ съ самаго перваго шага. Но отъ избытка-ли поэзіи, отъ долгихъ-ли грустныхъ неудачъ первой молодости, она вдругъ, съ перемѣной судьбы, почувствовала себя какъ-то слишкомъ ужъ особенно призванною, чуть-ли не помазанною, „надъ коей вспыхнулъ сей языкъ“, а въ языкѣ-то этомъ и заключалась бѣда: все-таки вѣдь онъ не шиньонъ, который можетъ накрыть каждую женскую голову. Но въ этой истинѣ всего труднѣе увѣрить женщину; напротивъ, кто захочетъ поддакивать, тотъ успѣетъ, а поддакивали ей взапуски. Бѣдняжка разомъ очутилась игральщемою самыхъ различныхъ влiяній, въ то же время вполне воображая себя оригинальною. Многіе мастера погрѣли около нея руки и воспользовались ея простодушіемъ въ краткій срокъ ея губернаторства. И что за каша выходила тутъ подъ видомъ самостоятельности! Ей нравились и крупное землевладѣніе, и аристократическій элементъ, и усиленіе губернаторской власти, и демократическій элементъ, и новыя учрежденія, и порядокъ, и вольнодумство, и соціальныя идейки, и строгій тонъ аристократическаго салона, и развязность, чуть не трактирная, окружавшей ее молодежи. Она мечтала *дать счастье и*

примирить непримиримое, вѣрнѣе же, соединить всѣхъ и все въ обожаніи собственной ея особы. Были у ней и любимцы; Петръ Степановичъ, дѣйствуя, между прочимъ, грубѣйшею лестью, ей очень правился. Но онъ правился ей и по другой причинѣ, самой диковинной и самой характерно-рисующей обѣдную даму: она все надѣялась, что онъ укажетъ ей цѣлый государственный заговоръ! Какъ ни трудно это представить, а это было такъ. Ей почему-то казалось, что въ губерніи непременно укрывается государственный заговоръ. Петръ Степановичъ своимъ молчаніемъ въ однихъ случаяхъ и намеками въ другихъ способствовалъ укорененію ея странной идеи. Она же воображала его въ связяхъ со всѣмъ, что есть въ Россіи революціоннаго, но въ то же время ей преданнымъ до обожанія. Открытіе заговора, благодарность изъ Петербурга, карьера впереди, воздѣйствіе „лаской“ на молодежь для удержанія ея на краю, — все это вполне уживалось въ фантастической ея головѣ. Вѣдь спасла же она, покорила же она Петра Степановича (въ этомъ она была почему-то неотразимо увѣрена), спасетъ и другихъ. Никто, никто изъ нихъ не погибнетъ, она спасетъ ихъ всѣхъ; она ихъ разсортируетъ; она такъ о нихъ доложитъ; она поступитъ въ видахъ высшей справедливости, и даже, можетъ-быть, исторія и весь русскій либерализмъ благословятъ ея имя; а заговоръ все-таки будетъ открытъ. Всѣ выгоды разомъ.

Но все-таки требовалось, чтобы хоть къ празднику Андрей Антоновичъ сталъ посвѣтлѣе. Надо было непременно его развеселить и успокоить. Съ этою цѣлью она командировала къ нему Петра Степановича, въ надеждѣ повліять на его уныніе какимъ-нибудь ему извѣстнымъ успокоительнымъ способомъ. Можетъ-быть, даже какими-нибудь сообщеніями, такъ-сказать, прямо изъ первыхъ устъ. На его ловкость она вполне надѣялась. Петръ Степановичъ уже давно не былъ въ кабинетѣ господина фонъ-Лембке. Онъ разлетѣлся къ нему именно въ ту самую минуту, когда пациентъ находился въ особенно тугомъ настроеніи.

II.

Произошла одна комбинація, которую господинъ фонъ-Лембке никакъ не могъ разрѣшить. Въ уѣздѣ (въ томъ самомъ, въ которомъ пировалъ недавно Петръ Степано-

вичь) одинъ подпоручикъ подвергся словесному выговору своего ближайшаго командира. Случилось это предъ всею ротой. Подпоручикъ былъ еще молодой человекъ, недавно изъ Петербурга, всегда молчаливый и угрюмый, важный съ виду, хотя въ то же время маленькій, толстый и краснощекій. Онъ не вынесъ выговора и вдругъ бросился на командира съ какимъ-то неожиданнымъ взвизгомъ, удивившимъ всю роту, какъ-то дико наклонивъ голову; ударилъ и изо всей силы укусилъ его въ плечо, насилу могли оттащить. Сомнѣнія не было, что сошелъ съ ума, по крайней мѣрѣ, обнаружилось, что въ послѣднее время онъ замѣченъ былъ въ самыхъ невозможныхъ странностяхъ. Выбросилъ, на примѣръ, изъ квартиры своей два хозяйскіе образа и одинъ изъ нихъ изрубилъ топоромъ; въ своей же комнатѣ разложилъ на подставкахъ, въ видѣ трехъ налоевъ, сочиненія Фохта, Мошота и Бюхнера, и предъ каждымъ налоемъ зажигалъ восковыя церковныя свѣчки. По количеству найденныхъ у него книгъ можно было заключить, что человекъ онъ начитанный. Если-бъ у него было пятьдесятъ тысячъ франковъ, то онъ ушлылъ бы, можетъ-быть, на Маркизскіе острова, какъ тотъ „кадетъ“, о которомъ упоминаетъ съ такимъ веселымъ юморомъ г. Герценъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Когда его взяли, то въ карманахъ его и въ квартирѣ нашли цѣлую пачку самыхъ отчаянныхъ прокламацій.

Прокламаціи сами по себѣ тоже дѣло пустое и, по моему, вовсе не хлопотливое. Мало-ли мы ихъ видали. Притомъ же это были и не новыя прокламаціи: такія же точно, какъ говорили потомъ, были недавно разсыпаны въ Х—ской губерніи, а Липутинъ, ѣздившій мѣсяца полтора назадъ въ уѣздъ и въ сосѣднюю губернію, увѣрялъ, что уже тогда видѣлъ тамъ такіе же точно листки. Но поразило Андрея Антоновича главное то, что управляющій на Шпигулинской фабрикѣ доставилъ какъ разъ въ то же время въ полицію двѣ или три пачки совершенно такихъ же точно листочковъ, какъ и у подпоручика, подкинутыхъ ночью на фабрикѣ. Пачки были еще и не распакованы, и никто изъ рабочихъ не успѣлъ прочесть ни одной. Фактъ былъ глупенькій, но Андрей Антоновичъ усиленно задумался. Дѣло представлялось ему въ неприятно-сложномъ видѣ.

Въ этой фабрикѣ Шпигулинныхъ только что началась тогда та самая „шпигулинская исторія“, о которой такъ

много у насъ прокричали и которая съ такими вариантами перешла и въ столичныя газеты. Недѣли съ три назадъ заболѣлъ тамъ и умеръ одинъ рабочій азіатскою холерой; потомъ заболѣло еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ въ городѣ струсили, потому что холера надвигалась изъ сосѣдней губерніи. Замѣчу, что у насъ были приняты по возможности удовлетворительныя санитарныя мѣры для встрѣчи непрощенной гостыи. Но фабрику Шпигулиныхъ, милліонеровъ и людей со связями, какъ-то просмотрѣли. И вотъ вдругъ всѣ стали вопить, что въ ней-то и таится корень и разсадникъ болѣзни, что на самой фабрикѣ и особенно въ помѣщеніяхъ рабочихъ такая закоренѣлая нечистота, что если бъ и не было совсѣмъ холеры, то она должна была бы тамъ сама зародиться. Мѣры, разумѣется, были тотчасъ же приняты, и Андрей Антоновичъ энергически настоялъ на немедленномъ ихъ исполненіи. Фабрику очистили недѣли въ три, но Шпигулины, неизвѣстно почему, ее закрыли. Одинъ братъ Шпигулинъ постоянно проживалъ въ Петербургѣ, а другой, послѣ распоряженія начальства объ очисткѣ, уѣхалъ въ Москву. Управляющій приступилъ къ расчету работниковъ и, какъ теперь оказывается, нагло мошенничалъ. Работники стали роптать, хотѣли расчета справедливаго, по глупости ходили въ полицію, впрочемъ, безъ большого крика и вовсе ужъ не такъ волновались. Вотъ въ это-то время и доставлены были Андрею Антоновичу прокламаціи отъ управляющаго.

Петръ Степановичъ влетѣлъ въ кабинетъ не доложившись, какъ добрый другъ и свой человѣкъ, да и къ тому же съ порученіемъ отъ Юліи Михайловны. Увидѣвъ его, фонъ-Лембке угрюмо нахмурился и непривѣтливо остановился у стола. До этого онъ расхаживалъ по кабинету и толковалъ о чемъ-то глазъ-на-глазъ съ чиновникомъ своей канцеляріи Блюмомъ, чрезвычайно неуклюжимъ и угрюмымъ нѣмцемъ, котораго привезъ съ собой изъ Петербурга, несмотря на сильнѣйшую оппозицію Юліи Михайловны. Чиновникъ при входѣ Петра Степановича отступилъ къ дверямъ, но не вышелъ. Петру Степановичу даже показалось, что онъ какъ-то знаменательно переглянулся со своимъ начальникомъ.

— Ого, поймалъ-таки васъ, скрытный градоначальникъ! возопилъ, смѣясь, Петръ Степановичъ и накрылъ ладонью лежавшую на столѣ прокламацію, — это умножить вашу коллекцію, а?

Андрей Антоновичъ вспыхнулъ. Что-то вдругъ какъ бы перекопилось въ его лицѣ.

— Оставьте, оставьте сейчасъ! вскричалъ онъ, вздрогнувъ отъ гнѣва. — И не смѣйте... сударь...

— Чего вы такъ? Вы, кажется, сердитесь?

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, что я вовсе не намѣренъ отселѣть терпѣть вашего *sans façon* и прошу васъ припомнить...

— Фу, чортъ, да вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ!

— Молчите же, молчите! затопалъ по ковру ногами фонъ-Лембке. — И не смѣйте...

Богъ знаетъ, до чего бы дошло. Увы, тутъ было еще одно обстоятельство помимо всего, совсѣмъ неизвѣстное ни Петру Степановичу, ни даже самой Юліи Михайловнѣ. Несчастный Андрей Антоновичъ дошелъ до такого разстройства, что, въ послѣдніе дни, про себя сталъ ревновать свою супругу къ Петру Степановичу. Въ уединеніи, особенно по ночамъ, онъ выносилъ непріятнѣйшія минуты.

— А я думалъ, если человѣкъ два дня сряду за полночь читаетъ вамъ наединѣ свой романъ и хочетъ вашего мнѣнія, то ужъ самъ, по крайней мѣрѣ, вышелъ изъ этихъ официальныхъ... Меня Юлія Михайловна принимаетъ на короткой ногѣ; какъ васъ тутъ распознаешь? съ нѣкоторымъ даже достоинствомъ произнесъ Петръ Степановичъ. — Вотъ вамъ кстати и вашъ романъ, положилъ онъ на столъ большую, вѣскую, свернутую въ трубку тетрадь, наглухо обернутую синею бумагой.

Лембке покраснѣлъ и замялся.

— Гдѣ же вы отыскали? осторожно спросилъ онъ съ приливомъ радости, которую сдержать не могъ, но сдерживалъ, однакожъ, изо всѣхъ силъ.

— Вообразите, какъ была въ трубкѣ, такъ и скатилась за комодъ. Я, должно-быть, какъ вошелъ, бросилъ ее тогда пеловко на комодъ. Только третьяго дня отыскали, поли мыли, задали же вы мнѣ, однако, работу!

Лембке строго опустилъ глаза.

— Двѣ ночи сряду не спалъ по вашей милости. Третьяго дня отыскали, а я удержалъ, все читалъ, днемъ-то некогда, такъ я по ночамъ. Ну-съ и — недоволенъ: мысль не моя. Да наплевать, однако, критикомъ никогда не бывалъ, но — оторваться, батюшка, не могъ, хоть и недоволенъ! Четвертая и пятая главы это... это... это... чортъ знаетъ что такое! И сколько юмору у васъ напихано, хо-

хоталь. Какъ вы, однакожь, умѣете поднять на смѣхъ *sans que cela paraisse!* Ну, тамъ въ девятой, это все про любовь, не мос дѣло; эффектно, однако; за письмомъ Игренева чуть не занюнилъ, хотя вы его такъ тонко выставили... Знаете, оно чувствительно, а въ то же время вы его какъ бы фальшивымъ бокомъ хотите выставить, вѣдь такъ? Угадалъ я или нѣтъ? Ну, а за конецъ просто избилъ бы васъ. Вѣдь вы что проводите? Вѣдь это тоже прежнее обоготвореніе семейнаго счастья, приумноженія дѣтей, капиталовъ, стали жить поживать да добра наживать, помилуйте! Читателя очаруете, потому что даже я оторваться не могъ, да вѣдь тѣмъ сквернѣе. Читатель глупъ попрежнему, слѣдовало бы его умнымъ людямъ расталкивать, а вы... Ну, да довольно, однако, прощайте. Не сердитесь въ другой разъ; я пришелъ было вамъ два словечка нужныхъ сказать; да вы какой-то такой...

Андрей Антоновичъ между тѣмъ взялъ свой романъ и заперъ на ключъ въ дубовый книжный шкафъ, успѣвъ, между прочимъ, мигнуть Блему, чтобы тотъ стушевался. Тотъ исчезъ съ вытянутымъ и грустнымъ лицомъ.

— Я не какой-то такой, а я просто... все неприятности, пробормоталь онъ, нахмураясь, но уже безъ гнѣва и подсаживаясь къ столу, — садитесь и скажите ваши два слова. Я васъ давно не видалъ, Петръ Степановичъ, и только не влетайте вы впередъ съ вашею манерой... иногда при дѣлахъ оно...

— Манеры у меня однѣ...

— Знаю-съ и вѣрю, что вы безъ намѣренія, но иной разъ находишься въ хлопотахъ... Садитесь же.

Петръ Степановичъ разлегся на диванѣ и мигомъ поджалъ подъ себя ноги.

III.

— Это въ какихъ же вы хлопотахъ; неужто эти пустяки? кивнулъ онъ на прокламацію. — Я вамъ такихъ листовъ сколько угодно натаскаю, еще въ X—ской губерніи познакомился.

— То-есть въ то время, какъ вы тамъ проживали?

— Ну, разумѣется, не въ мое отсутствіе. Еще она съ виньеткой, топоръ наверху нарисованъ. Позвольте (онъ взялъ прокламацію); ну да, топоръ и тутъ; та самая, точнехонько.

— Да, топоръ. Видите—топоръ.

— Что-жь, топора испугались?

— Я не топора-съ... и не испугался-съ; но дѣло это... дѣло такое, тутъ обстоятельства.

— Какія? Что съ фабрики-то принесли? Хе-хе. А знаете, у васъ на этой фабрикѣ сами рабочіе скоро будутъ писать прокламаціи.

— Какъ это? строго удивился фонъ-Лембке.

— Да такъ. Вы и смотрите на нихъ. Слишкомъ вы мягкій человекъ, Андрей Антоновичъ; романы пишете. А тутъ надо бы по-старинному.

— Что такое по-старинному, что за совѣты? Фабрику вычистили; я велѣлъ, и вычистили.

— А между рабочими бунтъ. Перепоротъ ихъ сплошь, и дѣло съ концомъ.

— Бунтъ? Вздоръ это; я велѣлъ, и вычистили.

— Эхъ, Андрей Антоновичъ, мягкій вы человекъ!

— Я, во-первыхъ, вовсе не такой ужъ мягкій, а вторыхъ... укололся было опять фонъ-Лембке. Онъ разговаривалъ съ молодымъ человекомъ черезъ силу, изъ любопытства, не скажетъ-ли тотъ чего новенькаго.

— А-а, опять старая знакомая! перебилъ Петръ Степановичъ, нацѣлившись на другую бумажку подъ прессъ-папье, тоже въ родѣ прокламаціи, очевидно заграничной печати, но въ стихахъ;—ну, эту я наизусть знаю: *Свѣтлая Личность!* Посмотримъ; ну такъ, *Свѣтлая Личность* и есть. Знакомъ съ этой личностью еще съ заграницы. Гдѣ откопали?

— Вы говорите, что видѣли за границей? вострепенулся фонъ-Лембке.

— Еще бы, четыре мѣсяца назадъ, или даже пять.

— Какъ много вы, однако, за границей видѣли, тонко посмотрѣлъ фонъ-Лембке.

Петръ Степановичъ, не слушая, развернулъ бумажку и прочелъ вслухъ стихотвореніе:

Свѣтлая личность.

Онъ не знатной былъ породы,
Онъ возросъ среди народа,
Но, гонимый мезью царской,
Злобной завистью боярской,
Онъ обрекъ себя страданью,
Казнямъ, пыткамъ, истязанью,
И пошелъ вѣщать народу
Братство, равенство, свободу.

И, возстанье начиная,
Онъ бѣжалъ въ чужіе края
Изъ царева каземата,
Отъ кнута, шипцовъ и ката.
А пародъ, возстать готовый
Изъ-подъ участи суровой,
Отъ Смоленска до Ташкента
Съ нетерпѣньемъ ждалъ студента.

Ждалъ его онъ поголовно,
Чтобъ идти безпрекословно
Порѣшить въ конецъ боярство,
Порѣшить совсѣмъ и царство,
Сдѣлать общими имѣнья
И предать навѣки мѣнью
Церкви, браки и семейство—
Міра стараго злодѣйство!

— Должно-быть, у того офицера взяли, а? спросилъ
Петръ Степановичъ.

— А вы и того офицера изволите знать?

— Еще бы. Я тамъ съ нимъ два дня пировалъ. Ему
такъ и надо было сойти съ ума.

— Онъ, можетъ-быть, и не сходилъ съ ума.

— Не потому-ли, что кусаться началъ?

— Но, позвольте; если вы видѣли эти стихи за грани-
цей и потомъ оказывается здѣсь у того офицера...

— Что? Замысловато! Вы, Андрей Антоновичъ, меня,
какъ вижу, экзаменуете? Видите-съ, началъ онъ вдругъ
съ необыкновенною важностью. — О томъ, что я видѣлъ
за границей, я, возвратясь, уже кой-кому объяснилъ, и
объясненія мои найдены удовлетворительными, иначе я
не осчастливилъ бы моимъ присутствіемъ здѣшняго города.
Считаю, что дѣла мои въ этомъ смыслѣ покончены и ни-
кому не обязанъ отчетомъ. И не потому покончены, что
я доносчикъ, а потому, что не могъ иначе поступить.
Тѣ, которые писали Юліи Михайловнѣ, зная дѣло, пи-
сали обо мнѣ, какъ о человѣкѣ честномъ... Ну, это все,
однакоже, къ чорту, а я вамъ пришелъ сказать одну серь-
езную вещь, и хорошо, что вы этого трубочиста вашего
выслали. Дѣло для меня важное, Андрей Антоновичъ; бу-
детъ одна моя чрезвычайная просьба къ вамъ.

— Просьба? Гм... сдѣлайте одолженіе, я жду и, при-
знаюсь, съ любопытствомъ. И вообще прибавлю, вы меня
довольно удивляете, Петръ Степановичъ.

Фонъ-Лембке былъ въ нѣкоторомъ волненіи. Петръ Сте-
пановичъ закинулъ ногу за ногу.

— Въ Петербургѣ, началъ онъ, — я насчетъ многого былъ откровененъ, но насчетъ чего-нибудь или вотъ этого, напримѣръ (онъ стукнулъ пальцемъ по *Свѣтлой Личности*), я умолчалъ, во-первыхъ, потому, что не стоило говорить, а, во-вторыхъ, потому, что объявлялъ только о томъ, о чемъ спрашивали. Не люблю въ этомъ смыслѣ самъ впередъ забѣгать; въ этомъ и вижу разницу между подлецомъ и честнымъ человѣкомъ, котораго просто-за-просто накрыли обстоятельства... Ну, однимъ словомъ, это въ сторону. Ну-съ, а теперь... теперь, когда эти дураки... ну, когда это вышло наружу и уже у васъ въ рукахъ, и отъ васъ, я вижу, не укроется,—потому что вы человѣкъ съ глазами и васъ впередъ не распознаешь,—а эти глупцы между тѣмъ продолжаютъ, я... я... ну, да я, однимъ словомъ, пришелъ васъ просить спасти одного человѣка, одного тоже глупца, пожалуй, сумасшедшаго, во имя его молодости, несчастій, во имя вашей гуманности... Не въ романахъ же однихъ собственнаго издѣлія вы такъ гуманны! съ грубымъ сарказмомъ и въ нетерпѣніи оборвалъ онъ вдругъ рѣчь.

Однимъ словомъ, было видно человѣка прямого, но неловкаго и не политичнаго, отъ избытка гуманныхъ чувствъ и излишней, можетъ-быть, щекотливости, главное, человѣка недалекаго, какъ тотчасъ же съ чрезвычайною тонкостью оцѣнилъ фонъ-Лембке и какъ давно уже объ немъ полагалъ, особенно когда въ послѣднюю недѣлю, одинъ въ кабинетѣ, по ночамъ особенно, ругалъ его изо всѣхъ силъ про-себя за необъяснимые успѣхи у Юліи Михайловны.

— За кого же вы просите и чтò же все это означаетъ? савовито освѣдомился онъ, стараясь скрыть свое любопытство.

— Это... это... чортъ... Я не виноватъ вѣдь, что въ васъ вѣрю! Чѣмъ же я виноватъ, что почитаю васъ за благороднѣйшаго человѣка и, главное, толковаго... способнаго, то-есть, понять... чортъ...

Бѣдняжка, очевидно, не умѣлъ съ собой справиться.

— Вы, наконецъ, поймите, продолжалъ онъ,—поймите, что, называя вамъ его имя, я вамъ его вѣдь предаю; вѣдь предаю, не такъ-ли? Не такъ-ли?

— Но какъ же, однако, я могу угадать, если вы не рѣшаетесь высказаться?

— То-то вотъ и есть, вы всегда подкосите вотъ этою вашею логикой, чортъ... ну, чортъ... эта „свѣтлая лич-

ность“, зтотъ „студентъ“—это Шатовъ... вотъ вамъ и все!

— Шатовъ? То-есть, какъ это Шатовъ?

— Шатовъ, это „студентъ“, вотъ про котораго здѣсь упоминается. Онъ здѣсь живетъ; бывшій крѣпостной человѣкъ, ну, вотъ пощечину далъ.

— Знаю, знаю! прищурился Лембке.—Но, позвольте, въ чемъ же собственно онъ обвиняется и о чемъ вы-то, главнѣйше, ходатайствуете?

— Да спасти же его прошу, понимаете! Вѣдь я его восемь лѣтъ тому еще зналъ, вѣдь я ему другомъ, можетъ-быть, былъ, выходилъ изъ себя Петръ Степановичъ.— Ну, да я вамъ не обязанъ отчетами въ прежней жизни, махнулъ онъ рукой,—все это ничтожно, все это три съ половиной человѣка, а съ заграничными и десяти не наберется, а главное—я понадѣялся на вашу гуманность, на умъ. Вы поймете, и сами покажете дѣло въ настоящемъ видѣ, а не какъ Богъ знаетъ что, какъ глупую мечту сумасброднаго человѣка... отъ несчастій, замѣтите, отъ долгихъ несчастій, а не какъ чортъ знаетъ тамъ какой небывалый государственный заговоръ...

Онъ почти задыхался.

— Гм... Вижу, что онъ вповесть въ прокламаціяхъ съ топоромъ, почти величаво заключилъ Лембке;—позвольте, однако же, если-бъ одинъ, то какъ могъ онъ ихъ разбросать и здѣсь, и въ провинціяхъ, и даже въ X—й губерніи и... наконецъ, главнѣйшее, гдѣ взялъ?

— Да говорю же вамъ, что ихъ, очевидно, всего на все пять человѣкъ, ну, десять, почему я знаю?

— Вы не знаете?

— Да почему мнѣ знать, чортъ возьми!

— Но вотъ знали же, однако, что Шатовъ одинъ изъ сообщниковъ?

— Эхъ! махнулъ рукой Петръ Степановичъ, какъ бы отбиваясь отъ подавляющей прозорливости вопрошателя;— ну, слушайте, я вамъ всю правду скажу: о прокламаціяхъ ничего не знаю, то-есть ровнешенько ничего, чортъ возьми, понимаете что значитъ ничего?.. Ну, конечно, тотъ подпоручикъ, да еще кто-нибудь здѣсь... ну, и, можетъ, Шатовъ, ну и еще кто-нибудь, ну, вотъ и всѣ, дрянъ и мизеръ... Но я за Шатова пришелъ просить, его спасти надо, потому что это стихотвореніе—его, его собственное сочиненіе и за границей черезъ него отпечатано; вотъ, что я знаю навѣрно, а о прокламаціяхъ ровно ничего не знаю.

— Если стихи—его, то навѣрно и прокламаціи. Какія же, однако, данныя заставляютъ васъ подозрѣвать господина Шатова?

Петръ Степановичъ, съ видомъ окончательно выведеннаго изъ терпѣнія человѣка, выхватилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ него записку.

— Вотъ данныя! крикнулъ онъ, бросивъ ее на столъ.

Лембке развернулъ; оказалось, что записка писана, съ полгода назадъ, отсюда куда-то за границу, коротенькая, въ двухъ словахъ:

„Святлюю Личность отпечатать здѣсь не могу, да и ничего не могу; печатайте за границей.

„Ив. Шатовъ“.

Лембке пристально уставился на Петра Степановича. Варвара Петровна правду отнеслась, что у него былъ нѣсколько бараній взглядъ, иногда особенно.

— То-есть, это вотъ что, рванулъ Петръ Степановичъ,—значить, что онъ написалъ здѣсь, полгода назадъ, эти стихи, но здѣсь не могъ отпечатать, ну, въ тайной типографіи какой-нибудь — и потому просить напечатать за границей.. Кажется, ясно?

— Да-съ, ясно, но кого же онъ просить? Вотъ это еще не ясно? съ хитрѣйшею ироніей замѣтилъ Лембке.

— Да Кириллова же, наконецъ; записка писана къ Кириллову за границу.. Не знали, что-ли? Вѣдь что досадно, что вы, можетъ-быть, предо мною только прикидываетесь, а давнымъ-давно уже сами знаете про эти стихи, и все! Какъ же очутились они у васъ на столѣ? Сумѣли очутиться! За что же вы меня истязуете, если такъ?

Онъ судорожно утеръ платкомъ потъ со лба.

— Мнѣ, можетъ, и извѣстно нѣчто.. ловко уклонился Лембке;—но кто же этотъ Кирилловъ?

— Ну, да вотъ инженеръ пріѣзжій, былъ секундантомъ у Ставрогина, маньякъ, сумасшедшій; подпоручикъ вашъ, дѣйствительно, только можетъ въ бѣлой горячкѣ, ну, а этотъ ужъ совсѣмъ сумасшедшій,—совсѣмъ, въ этомъ гарантирую. Эхъ, Андрей Антоновичъ, если бы знало правительство, какіе это сплошь люди, такъ на нихъ бы рука не поднялась. Всѣхъ какъ есть цѣликомъ на седьмую версту; я еще въ Швейцаріи да на конгрессахъ наглядѣлся.

— Тамъ, откуда управляютъ дѣшнимъ движеніемъ?

— Да кто управляетъ-то? Три человѣка съ полчеловѣкомъ. Вѣдь, на нихъ гляди, только скука возьметъ. И ка-

кимъ это здѣшнимъ движеніемъ? Прокламаціями, что-ли? Да и кто на вербованъ-то: подпоручики въ бѣлой горячкѣ, да два-три студента! Вы умный человѣкъ, вотъ вамъ вопросъ: отчего не вербуются къ нимъ люди значительнѣе, отчего все студенты да недоросли двадцати двухъ лѣтъ? Да и много-ли? Небось миллионъ собакъ ищеть, а много-ль всего отыскали? Семь человѣкъ. Говорю вамъ, скука возьметъ.

Лембке выслушалъ со вниманіемъ, но съ выраженіемъ, говорившимъ: „Соловья баснями не накормишь“.

— Позвольте, однакоже, вотъ вы изволите утверждать, что записка адресована была за границу; но здѣсь адреса нѣтъ; почему же вамъ стало извѣстно, что записка была адресована къ господину Кириллову и, наконецъ, за границу и... и... что писана она дѣйствительно господиномъ Шатовымъ?

— Такъ достаньте сейчасъ руку Шатова, да и свѣрьте. У васъ въ канцеляріи непременно должна отыскаться какая-нибудь его подпись. А что къ Кириллову, такъ мнѣ самъ Кирилловъ тогда же и показалъ.

— Вы, стало-быть, сами...

— Ну, да, конечно, стало-быть, самъ. Мало-ли что мнѣ тамъ показывали. А что эти вотъ стихи, такъ это будто покойный Герцель написалъ ихъ Шатову, когда еще тотъ за-границей скитался, будто бы на память встрѣчи, въ похвалу, въ рекомендацію, ну, чортъ... а Шатовъ и распространяетъ въ молодежи. Самого, дескать, Герцена обо мнѣ мнѣніе.

— Те-те-те, догадался, наконецъ, совсѣмъ Лембке,— то-то я думаю: прокламація—это понятно, а стихи зачѣмъ?

— Да какъ ужъ вамъ не понять. И чортъ знаетъ, для чего я вамъ разболталъ! Слушайте, мнѣ Шатова отдайте, а тамъ чортъ дери ихъ всѣхъ остальныхъ, даже съ Кирилловымъ, который заперся теперь въ домѣ Филиппова, гдѣ и Шатовъ, и таится. Они меня не любятъ, потому что я воротился... но общайте мнѣ Шатова, и я вамъ ихъ всѣхъ на одной тарелкѣ подамъ. Пригожусь, Андрей Антоновичъ! Я эту всю жалкую кучку полагаю человѣкъ въ девять—въ десять. Я самъ за ними слѣжу, отъ себя-съ. Намъ ужъ трое извѣстны: Шатовъ, Кирилловъ и тотъ подпоручикъ. Остальныхъ я еще только *разглядываю*... впрочемъ, не совсѣмъ близорукъ. Это какъ въ X—ской губерніи: тамъ схвачено съ прокламаціями два студента,

одинъ гимназистъ, два двадцатилѣтнихъ дворянина, одинъ учитель и одинъ отставной майоръ, лѣтъ шестидесяти, одурѣвшій отъ пьянства, вотъ и все, и ужъ повѣрьте, что все; даже удивились, что тутъ и все. Но надо шесть дней. Я уже смекнулъ на счетахъ; шесть дней и не раньше. Если хотите какого-нибудь результата—не шевелите ихъ еще шесть дней, и я вамъ ихъ въ одинъ узелъ свяжу; а пошевелите раньше — гнѣздо разлетится. Но дайте Шатова. Я за Шатова... А всего бы лучше призвать его секретно и дружески, хоть сюда въ кабинетъ, и проэкзаменовать, поднявши предъ нимъ завѣсу... Да онъ навѣрно самъ вамъ въ ноги бросится и заплачетъ! Это человѣкъ нервный, несчастный; у него жена гуляетъ со Ставрогинимъ. Приголубьте его, и онъ все самъ откроетъ, но надо шесть дней... А главное, главное,—ни полсловечка Юліи Михайловнѣ. Секретъ. Можете секретъ?

— Какъ? вытаращилъ глаза Лембке. — Да развѣ вы Юліи Михайловнѣ ничего не... открывали?

— Ей? Да сохрани меня и помилуй! Э-эхъ, Андрей Антоновичъ! Видите-сь: я слишкомъ цѣню ея дружбу, и высоко уважаю... ну, и тамъ все это... но я не промахнусь. Я ей не противорѣчу, потому что ей противорѣчить, сами знаете, опасно. Я ей, можетъ, и закинулъ словечко, потому что она это любитъ, но чтобъ я выдалъ ей, какъ вамъ теперь, имена, или тамъ что-нибудь, э-эхъ, ба-тюшка! Вѣдь я почему обращаюсь теперь къ вамъ? Потому что вы все-таки мужчина, человѣкъ серьезный, съ старинною, твердою служебною опытностью. Вы видали виды. Вамъ каждый шагъ, въ такихъ дѣлахъ, я думаю, наизусть извѣстенъ еще съ петербургскихъ примѣровъ. А скажи я ей эти два имени, напримѣръ, и она бы такъ забарабанила... Вѣдь она отсюда хочетъ Петербургъ удивить. Нѣтъ-сь, горяча слишкомъ, вотъ что-сь.

— Да, въ ней есть нѣсколько этой фуги, не безъ удовольствія пробормоталъ Андрей Антоновичъ, въ то же время ужасно жалѣя, что этотъ неучъ осмѣливается, кажется, выразаться объ Юліи Михайловнѣ немного ужъ вольно.

Петру же Степановичу, вѣроятно, казалось, что этого еще мало и что надо еще поддать пару, чтобы польстить и совсѣмъ ужъ покорить „Лембку“.

— Именно фуги, поддакнулъ онъ, — пусть она женщина, можетъ-быть, гениальная, литературная, но — во-

робьевъ она распугаетъ. Шести часовъ не выдержать, не то что шести дней. Э-эхъ, Андрей Антоновичъ, не налагайте на женщину срока въ шесть дней! Вѣдь признаете же вы за мною нѣкоторую опытность, то-есть въ этихъ дѣлахъ; вѣдь знаю же я кое-что, и вы сами знаете, что я могу знать кое-что. Я у васъ не для баловства шести дней прошу, а для дѣла.

— Я слышалъ... не рѣшался высказать мысль свою Лембеке,—я слышалъ, что вы, возвратясь изъ-за границы, гдѣ слѣдуетъ изъявили... въ родѣ раскалнія?

— Ну, тамъ что бы ни было.

— Да и я, разумѣется, не желаю входить... Но мнѣ все казалось, вы здѣсь до сихъ поръ говорили совсѣмъ въ иномъ стилѣ, о христіанской вѣрѣ, напимѣрь, объ общественныхъ установленіяхъ и, наконецъ, о правительствѣ...

— Мало-ли что я говорилъ. Я и теперь тоже говорю, только не такъ эти мысли слѣдуетъ проводить, какъ тѣ дураки, вотъ въ чемъ дѣло. А то что въ томъ, что укусилъ въ плечо? Сами же вы соглашались со мной, только говорили, что рано.

— Я не про то собственно соглашался и говорилъ, что рано.

— Однакоже, у насъ каждое слово на крюкъ привѣшено, хе-хе! Осторожный человекъ! весело замѣтилъ вдругъ Петръ Степановичъ. — Слушайте, отецъ родной, надо же было съ вами познакомиться, пу, вотъ потому я въ моемъ стилѣ и говорилъ. Я не съ однимъ съ вами, а со многими такъ знакомлюсь. Мнѣ, можетъ, вашъ характеръ надо было распознать.

— Для чего бы вамъ мой характеръ?

— Ну, почему я знаю для чего (онъ опять разсмѣялся).—Видите-ли, дорогой и многоуважаемый Андрей Антоновичъ, вы хитры, но до *этого* еще не дошло, и навѣрно не дойдетъ, понимаете? Можетъ-быть, и понимаете? Я хоть и далъ гдѣ слѣдуетъ объясненія, возвратясь изъ-за границы, и право не знаю, почему бы человекъ извѣстныхъ убѣжденій не могъ дѣйствовать въ пользу искреннихъ своихъ убѣжденій... но мнѣ никто еще *тамъ* не заказывалъ вашего характера и никакихъ подобныхъ заказовъ *оттуда* я еще не бралъ на себя. Вникните сами: вѣдь могъ бы я не вамъ открыть первому два-то имени, а прямо *туда* махнуть, то-есть туда, гдѣ первоначаль-

ныя объясненія давалъ; и ужъ если-бъ я старался изъ-за финансовъ, али тамъ изъ-за выгоды, то ужъ, конечно, вышелъ бы съ моей стороны не расчетъ, потому что благодарны-то будутъ теперь вамъ, а не мнѣ. Я единственно за Шатова, съ благородствомъ прибавилъ Петръ Степановичъ,—за одного Шатова, по прежней дружбѣ... Ну, а тамъ, пожалуй, когда возьмете перо, чтобы *туда* отписать, ну, похвалите меня, если хотите... противорѣчить не стану, хе-хе! Adieu, однакоже, засидѣлся, и не надо бы столько болтать! прибавилъ онъ не безъ пріятности, и всталъ съ дивана.

— Напротивъ, я очень радъ, что дѣло, такъ сказать, опредѣляется, всталъ и фонъ-Лембке, тоже съ любезнымъ видомъ, видимо подъ вліяніемъ послѣднихъ словъ.—Я съ признательностію принимаю ваши услуги и, будьте увѣрены, все, что можно съ моей стороны насчетъ отзыва о вашемъ усердіи...

— Шесть дней, главное, шесть дней сроку, и чтобы въ эти дни вы не шевелились, вотъ что мнѣ надо.

— Пусть.

— Разумѣется, я вамъ рукъ не связываю, да и не смѣю. Не можете же вы не слѣдить; только не пугайте гнѣзда раньше времени, вотъ въ чемъ я надѣюсь на вашъ умъ и на опытность. А довольно у васъ, должно-быть, своихъ-то гончихъ припасено, и всякихъ тамъ ищеекъ, хе-хе! весело и легкомысленно (какъ молодой человѣкъ) брякнулъ Петръ Степановичъ.

— Не совсѣмъ это такъ, пріятно уклонился Лембке.— Это—предразсудокъ молодости, что слишкомъ много припасено... Но, кстати, позвольте одно словцо: вѣдь если этотъ Кирилловъ былъ секундантомъ у Ставрогина, то и господинъ Ставрогинъ, въ такомъ случаѣ...

— Что Ставрогинъ?

— То-есть, если они такіе друзья?

— Э, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вотъ тутъ маху дали, хоть вы и хитры. И даже меня удивляете. Я вѣдь думалъ, что вы насчетъ этого не безъ свѣдѣній... Гм... Ставрогинъ—это совершенно противоположное, то-есть совершенно... *Avis au lecteur.*

— Неужели! И можетъ-ли быть? съ недовѣрчивостію произнесъ Лембке.— Мнѣ Юлія Михайловна сообщила, что, по ея свѣдѣніямъ изъ Петербурга, онъ человѣкъ съ нѣкоторыми, такъ-сказать, наставленіями...

— Я ничего не знаю, ничего не знаю, совсѣмъ ничего. Adieu. Avis au lecteur! вдругъ и явно уклонился Петръ Степановичъ.

Онъ полетѣлъ къ дверямъ.

— Позвольте, Петръ Степановичъ, позвольте! крикнулъ Лембке.—Еще одно крошечное дѣльце, и я васъ не задержу.

Онъ вынулъ изъ столоваго ящика конвертъ.

— Вотъ-съ одинъ экземплярчикъ по той-же категоріи, и я вамъ тѣмъ самымъ доказываю, что вамъ въ высшей степени довѣряю. Вотъ-съ, и каково ваше мнѣніе?

Въ конвертѣ лежало письмо,—письмо странное, анонимное, адресованное къ Лембке и вчера только имъ полученное. Петръ Степановичъ, къ крайней досадѣ своей, прочелъ слѣдующее:

„Ваше превосходительство!

„Ибо по чину вы такъ. Симъ объявляю въ покушеніи на жизнь генеральскихъ особъ и отечества; ибо прямо ведетъ къ тому. Самъ разбрасывалъ непрерывно множество лѣтъ. Тоже и безбожіе. Приготовляется бунтъ, а прокламацій нѣсколько тысячъ, и за каждой побѣдить сто человѣкъ, высуня языкъ, если заранѣе не отобразить начальствомъ, ибо множество обѣщано въ награду, а простой народъ глупъ, да и водка. Народъ, почитая виновника, разоряетъ того и другого, и боясь обѣихъ сторонъ, раскаялся въ чемъ не участвовалъ, ибо обстоятельства мои таковы. Если хотите, чтобы донесъ для спасенія отечества, а также церквей и иконъ, то я одинъ только могу. Но съ тѣмъ, чтобы мнѣ прощеніе изъ третьяго отдѣленія по телеграфу, немедленно, одному изъ всѣхъ, а другіе пусть отвѣчаютъ. На окошкѣ у швейцара для сигнала въ семь часовъ ставьте каждый вечеръ свѣчу. Увидавъ, повѣрю и приду облобызать милосердную длань изъ столицы, но съ тѣмъ, чтобы пенсіонъ, ибо чѣмъ же я буду жить? Вы же не раскаетесь, потому что вамъ выйдетъ звѣзда. Надо потихоньку, а не то свернуть голову.

„Вашего превосходительства отчаянный человѣкъ

„Припадаетъ къ стопамъ

„раскаявшійся вольнодумецъ Incognito“.

Фонъ-Лембке объяснилъ, что письмо очутилось вчера въ швейцарской, когда тамъ никого не было.

— Такъ вы какъ же думаете? спросилъ, чуть не грубо, Петръ Степановичъ.

— Я бы предположилъ, что это анонимный пашквиль, въ насмѣшку.

— Вѣроятнѣе всего, что такъ и есть. Васъ не надуешь.

— Я, главное, потому, что такъ глупо.

— А вы получали здѣсь еще какіе-нибудь пашквилли?

— Получалъ два раза, анонимные.

— Ну, ужъ, разумѣется, не подпишуть. Разнымъ слогомъ? Разныхъ рукъ?

— Разнымъ слогомъ и разныхъ рукъ.

— И шутовскіе были, какъ это?

— Да, шутовскіе, и знаете... очень гадкіе.

— Ну, коли ужъ были, такъ навѣрное и теперь то же самое.

— А, главное, потому, что такъ глупо. Потому что тѣ люди образованные и навѣрно такъ глупо не напишуть.

— Ну, да, ну, да.

— А что, если это и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь хочетъ дѣйствительно донести.

— Невѣроятно, сухо отрѣзалъ Петръ Степановичъ.— Что значитъ телеграмма изъ третьяго отдѣленія и пенсіонъ? Пашквиль очевидный.

— Да, да, устыдился Лембке.

— Знаете что. Оставьте-ка это у меня. Я вамъ навѣрно разыщу. Раньше чѣмъ тѣхъ разыщу.

— Возьмите, согласился фонъ-Лембке, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, колебаніемъ.

— Вы кому-нибудь показывали?

— Нѣтъ, какъ можно, никому.

— То-есть Юліи Михайловнѣ?

— Ахъ, Боже сохрани, и ради Бога не показывайте ей сами! вскричалъ Лембке въ испугѣ.— Она будетъ такъ потрясена... и разсердится на меня ужасно.

— Да, вамъ же первому и достанется, скажетъ, что сами заслужили, коли вамъ такъ пишутъ. Знаемъ мы женскую логику. Ну, прощайте. Я вамъ, можетъ, даже дня черезъ три этого сочинителя представлю. Главное, уговоръ!

IV.

Петръ Степановичъ былъ человѣкъ, можетъ-быть, и не глупый, но Федька-каторжный вѣрно выразился о немъ, что

онъ „человѣка самъ сочинить, да съ нимъ и живетъ“. Ушелъ онъ отъ фонъ-Лембке вполне увѣренный, что, по крайней мѣрѣ, на шесть дней того успокоилъ, а срокъ этотъ былъ ему до крайности нуженъ. Но идея была ложная, и все основано было только на томъ, что онъ сочинилъ себѣ Андрея Антоновича, съ самаго начала, и разъ навсегда, совершеннѣйшимъ простачкомъ.

Какъ и каждый страдальчески-мнительный человѣкъ, Андрей Антоновичъ всякій разъ бывалъ чрезвычайно и радостно довѣрчивъ въ первую минуту выхода изъ неизвѣстности. Новый оборотъ вещей представился ему сначала въ довольно пріятномъ видѣ, несмотря на нѣкоторыя вновь наступившія хлопотливыя сложности. По крайней мѣрѣ, старыя сомнѣнія падали въ прахъ. Къ тому же онъ такъ усталъ за послѣдніе дни, чувствовалъ себя такимъ измученнымъ и беспомощнымъ, что душа его поневолѣ жаждала покоя. Но, увы, онъ уже опять былъ неспокоенъ. Долгое житіе въ Петербургѣ оставило въ душѣ его слѣды неизгладимые. Офіціальная, и даже секретная исторія „новаго поколѣнія“ ему была довольно извѣстна,—человѣкъ былъ любопытный и прокламаціи собиралъ,—но никогда не понималъ онъ въ ней самаго перваго слова. Теперь же былъ какъ въ лѣсу: онъ всѣми инстинктами своими предчувствовалъ, что въ словахъ Петра Степановича заключалось нѣчто совершенно несообразное, внѣ всякихъ формъ и условій,—„хотя, вѣдь, чортъ знаетъ, что можетъ случиться въ этомъ „новомъ поколѣніи“, и чортъ знаетъ, какъ это у нихъ тамъ совершается!“ раздумывалъ онъ, теряясь въ соображеніяхъ.

А тутъ, какъ нарочно, снова просунулъ къ нему голову Блюмъ. Все время посѣщенія Петра Степановича онъ выжидалъ недалеко. Блюмъ этотъ приходился даже родственникомъ Андрею Антоновичу, дальнимъ, но всю жизнь тщательно и боязливо скрываемымъ. Прошу прощенія у читателя въ томъ, что этому ничтожному лицу отдѣлю здѣсь хоть нѣсколько словъ. Блюмъ былъ изъ страннаго рода „несчастныхъ“ нѣмцевъ—вовсе не по крайней своей бездарности, а именно неизвѣстно почему. „Несчастные“ нѣмцы не миевъ, а дѣйствительно существуютъ, даже въ Россіи, и имѣютъ свой собственный типъ. Андрей Антоновичъ всю жизнь питалъ къ нему самое трогательное сочувствіе, и вездѣ, гдѣ только могъ, по мѣрѣ собственныхъ своихъ успѣховъ по службѣ, выдвигалъ его на

подчиненное, подвѣдомственное ему мѣстечко; но тому нигдѣ не везло. То мѣсто оставалось за штатомъ, то перемѣнялось начальство, то чуть не уpekли его однажды съ другими подъ судъ. Былъ онъ аккуратень, но какъ-то слишкомъ, безъ нужды, и во вредъ себѣ мраченъ: рыжій, высокій, сгорбленный, унылый, даже чувствительный и, при всей своей приниженности, упрямый и настойчивый какъ вошь, хотя всегда невпопадъ. Къ Андрею Антоновичу питалъ онъ съ женою и съ многочисленными дѣтьми многолѣтнюю и благоговѣйную привязанность. Кромѣ Андрея Антоновича, никто никогда не любилъ его. Юлія Михайловна сразу его забракoвала, но одолѣть упорство своего супруга не могла. Это была ихъ первая супружеская ссора, и случилась она тотчасъ послѣ свадьбы, въ самые первые медовые дни, когда вдругъ обнаружился предъ нею Блюмъ, до тѣхъ поръ тщательно отъ нея припрятанный, съ обидною тайной своего къ ней родства. Андрей Антоновичъ умолялъ сложа руки, чувствительно разсказалъ всю исторію Блюма и ихъ дружбы съ самаго дѣтства, но Юлія Михайловна считала себя опозоренною навѣки, и даже пустила въ ходъ обмороки. Фонъ-Лембке не уступилъ ей ни шагу и объявилъ, что не покинетъ Блюма ни за что на свѣтѣ и не отдалитъ отъ себя, такъ что она, наконецъ, удивилась и принуждена была позволить Блюма. Рѣшено было только, что родство будетъ скрывается еще тщательноѣе, чѣмъ до сихъ поръ, если только это возможно, и что даже имя и отчество Блюма будутъ измѣнены, потому что его тоже почему-то звали Андреемъ Антоновичемъ. Блюмъ у насъ ни съ кѣмъ не познакомился, кромѣ одного только нѣмца-аптекаря, никому не сдѣлалъ визитовъ и, по обычаю своему, зажилъ скупо и уединенно. Ему давно уже были извѣстны и литературные грѣшки Андрея Антоновича. Онъ преимущественно призывался выслушивать его романъ въ секретныхъ чтеніяхъ наединѣ, просиживалъ по шести часовъ сряду столбомъ; потѣлъ, напрягалъ всѣ свои силы, чтобы не заснуть и улыбаться; придя домой, стоналъ вмѣстѣ съ длинноногою и сухопарою женою о несчастной слабости ихъ благодѣтеля къ русской литературѣ.

Андрей Антоновичъ со страданіемъ посмотрѣлъ на вошедшаго Блюма.

— Я прошу тебя, Блюмъ, оставить меня въ покоѣ, началъ онъ тревожною скороговоркой, очевидно, желая

отклонить возобновленіе давешняго разговора, прерваннаго приходомъ Петра Степановича.

— И, однакожь, это можетъ быть устроено деликатнѣйше, совершенно не гласно; вы же имѣете всѣ полномочія, почтительно, но упорно настаивалъ на чемъ-то Блюмъ, сгорбивъ спину и придвигаясь все ближе мелкими шагами къ Андрею Антоновичу.

— Блюмъ, ты до такой степени преданъ мнѣ и услужливъ, что я всякій разъ смотрю на тебя внѣ себя отъ страха.

— Вы всегда говорите острия вещи, и въ удовольствіи отъ сказаннаго засыпаете спокойно, но тѣмъ самымъ себѣ повреждаете.

— Блюмъ, я сейчасъ убѣдился, что это вовсе не то, вовсе не то.

— Не изъ словъ-ли этого фальшиваго, порочнаго молодого человѣка, котораго вы сами подозрѣваете? Онъ васъ побѣдилъ льстивыми похвалами вашему таланту въ литературѣ.

— Блюмъ, ты не смыслишь ничего; твой проектъ—нелѣпость, говорю тебѣ. Мы не найдемъ ничего, а крикъ подымется страшный, затѣмъ смѣхъ, а затѣмъ Юлія Михайловна...

— Мы несомнѣнно найдемъ все, чего ищемъ, твердо шагнулъ къ нему Блюмъ, приставляя къ сердцу правую руку. — Мы сдѣлаемъ осмотръ внезапно, рано поутру, соблюдая всю деликатность къ лицу и всю предписанную строгость формъ закона. Молодые люди, Лямшинъ и Телятниковъ, слишкомъ увѣряютъ, что мы найдемъ все желаемое. Они посѣщали тамъ многократно. Къ господину Верховенскому никто внимательно не расположенъ. Генеральша Ставрогина явно отказала ему въ своихъ благодѣяніяхъ, и всякій честный человѣкъ, если только есть таковой въ этомъ грубомъ городѣ, убѣжденъ, что тамъ всегда укрывался источникъ безвѣрія и соціальнаго ученія. У него хранятся всѣ запрещенныя книги, *Думы* Рылѣва, всѣ сочиненія Герцена... И, на всякій случай, имѣю приблизительный каталогъ.

— О, Боже, эти книги есть у всякаго; какъ ты простъ, мой бѣдный Блюмъ!

— И многія прокламаціи, продолжалъ Блюмъ, не слушая замѣчаній.—Мы кончимъ тѣмъ, что непременно нападёмъ на слѣдъ настоящихъ здѣшнихъ прокламацій.

Этотъ молодой Верховенскій мнѣ весьма и весьма подозрителенъ.

— Но ты смѣшиваешь отца съ сыномъ. Они не въ ладахъ; сынъ смѣется надъ отцомъ явно.

— Это одна только маска.

— Блюмъ, ты поклялся меня замучить! Подумай, онъ лицо все-таки здѣсь замѣтное. Онъ былъ профессоромъ, онъ человѣкъ извѣстный, онъ раскричится, и тотчасъ пойдутъ насмѣшки по городу, ну и все манкируемъ... и подумай, что будетъ съ Юліей Михайловной...

Блюмъ лѣзъ впередъ и не слушалъ.

— Онъ былъ лишь доцентомъ, всего лишь доцентомъ, и по чину всего только коллежскій ассессоръ при отставкѣ, ударялъ онъ себя рукой въ грудь, — знаковь отличія не имѣть, уволенъ отъ службы по подозрѣнію въ замыслахъ противъ правительства. Онъ состоялъ подъ тайнымъ надзоромъ и несомнѣнно еще состоитъ. И въ виду обнаружившихся теперь безпорядковъ въ несомнѣнно обязаны долгомъ. Вы же, наоборотъ, упускаете ваше отличіе, потворствуя настоящему виновнику.

— Юлія Михайловна! Убир-райся, Блюмъ! вскричалъ вдругъ фонъ-Лембке, слышавшій голосъ своей супруги въ сосѣдней комнатѣ.

Блюмъ вздрогнулъ, но не сдался.

— Дозвольте же, дозвольте, приступалъ онъ, еще крѣпче прижимая обѣ руки къ груди.

— Убир-райся! проскрежеталъ Андрей Антоновичъ. — Дѣлай что хочешь... послѣ... О, Боже мой!

Поднялась портьера и появилась Юлія Михайловна. Она величественно остановилась при видѣ Блюма, высокомерно и обидчиво окинула его взглядомъ, какъ будто одно присутствіе этого человѣка здѣсь было ей оскорбленіемъ. Блюмъ молча и почтительно отдалъ ей глубокой поклонъ и, согбенный отъ почтенія, направился къ дверямъ на пыпочкахъ, разставивъ нѣсколько врозь свои руки.

Оттого-ли, что онъ и въ самомъ дѣлѣ понялъ послѣднее истерическое восклицаніе Андрея Антоновича за прямое дозволеніе поступить такъ, какъ онъ спрашивалъ, или покривилъ душой въ этомъ случаѣ для прямой пользы своего благодѣтеля, слишкомъ увѣренный, что конецъ увѣнчаетъ дѣло; но, какъ увидимъ ниже, изъ этого разговора начальника со своимъ подчиненнымъ произошла одна самая неожиданная вещь, насмѣлившая многихъ,

получившая огласку, возбудившая жестокой гнѣвъ Юліи Михайловны, и всѣмъ этимъ сбившая окончательно съ толку Андрея Антоновича, ввергнувъ его, въ самое горячее время, въ самую плачевную нерѣшительность.

V.

День для Петра Степановича выдался хлопотливый. Отъ фюнь-Лембке онъ поскорѣе побѣжалъ въ Богоявленскую улицу, но, проходя по Быковой улицѣ, мимо дома, въ которомъ квартировалъ Кармазиновъ, онъ вдругъ пріостановился, усмѣхнулся и вошелъ въ домъ. Ему отвѣтили: „ожидаютъ-съ“, что очень заинтересовало его, потому что онъ вовсе не предупреждалъ о своемъ прибытіи. Но великій писатель дѣйствительно его ожидалъ и даже еще вчера и третьяго дня. Четвертаго дня онъ вручилъ ему свою рукопись „Мерси“ (которую хотѣлъ прочесть на литературномъ утрѣ въ день праздника Юліи Михайловны) и сдѣлалъ это изъ любезности, вполне увѣренный, что пріятно польститъ самолюбію человѣка, давъ ему узнать великую вещь заранѣе. Петръ Степановичъ давно уже примѣчалъ, что этотъ тщеславный, избалованный и оскорбительно-недоступный для неизбранныхъ господинъ, этотъ „почти государственный умъ“, просто-запросто въ немъ заискиваетъ и даже съ жадностію. Мнѣ кажется, молодой человѣкъ, наконецъ, догадался, что тотъ если и не считалъ его коноводомъ всего тайно-революціоннаго въ цѣлой Россіи, то, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ самыхъ посвященныхъ въ секреты русской революціи и имѣющимъ неоспоримое вліяніе на молодежь. Настроеніе мыслей „умнѣйшаго въ Россіи человѣка“ интересовало Петра Степановича, но доселѣ онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, уклонялся отъ разъясненій.

Великій писатель квартировалъ въ домѣ своей сестры, жены камергера и помѣщицы; оба они, и мужъ, и жена, благоговѣли предъ знаменитымъ родственникомъ, но въ настоящій пріѣздъ его находились оба въ Москвѣ, къ великому ихъ сожалѣнію, такъ что принять его имѣла честь старушка, очень дальняя и бѣдная родственница камергера, проживавшая въ домѣ и давно уже завѣдывавшая всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Весь домъ заходилъ на цыпочкахъ съ пріѣздомъ господина Кармазинова. Старушка извѣщала въ Москву чуть не каждый день о томъ, какъ онъ почивалъ и что изволилъ скушать, а однажды отправила телеграмму съ извѣстіемъ, что онъ, по-

слѣ званого обѣда у градского головы, принужденъ былъ принять ложку одного лѣкарства. Въ комнату къ нему она осмѣливалась входить рѣдко, хотя онъ обращался съ нею вѣжливо, впрочемъ, сухо, и говорилъ съ нею только по какой-нибудь надобности. Когда вошелъ Петръ Степановичъ, онъ кушалъ утреннюю свою котлетку съ пол-стаканомъ краснаго вина. Петръ Степановичъ уже и прежде бывалъ у него и всегда заставлялъ его за эту утреннюю котлеткой, которую тотъ и съѣдалъ въ его присутствіи, но ни разу его самого не попотчивалъ. Послѣ котлетки подавалась еще маленькая чашечка кофе. Лакей, внесшій кушанье, былъ во фракѣ, въ мягкихъ неслышныхъ сапогахъ и въ перчаткахъ.

— А-а! приподнялся Кармазиновъ съ дивана, утираясь салфеткой, и съ видомъ чистѣйшей радости полѣзъ лобызаться — характерная привычка русскихъ людей, если они слишкомъ ужъ знамениты.

Но Петръ Степановичъ помнилъ, по бывшему уже опыту, что онъ лобызаться-то лѣзетъ, а самъ подставляетъ щеку и потому сдѣлалъ на сей разъ то же самое; обѣ щеки встрѣтились. Кармазиновъ, не показывая виду, что замѣтилъ это, усѣлся на диванъ и съ пріятностію указалъ Петру Степановичу на кресло противъ себя, въ которомъ тотъ и развалился.

— Вы вѣдь не... Не желаете-ли завтракать? спросилъ хозяинъ, на этотъ разъ измѣняя привычкѣ, но съ такимъ, разумѣется, видомъ, которымъ ясно подсказывался вѣжливый отрицательный отвѣтъ.

Петръ Степановичъ тотчасъ же пожелалъ завтракать. Тѣнь обидчиваго изумленія омрачила лицо хозяина, но на одинъ только мигъ; онъ нервно позвонилъ слугу, и, несмотря на все свое воспитаніе, брезгливо возвысилъ голосъ, приказывая подать другой завтракъ.

— Вамъ чего, котлетку или кофею? освѣдомился онъ еще разъ.

— И котлетку, и кофею, и вина прикажите еще прибавить, я проголодался, отвѣчалъ Петръ Степановичъ, со спокойнымъ вниманіемъ разсматривая костюмъ хозяина.

Господинъ Кармазиновъ былъ въ какой-то домашней куцавеечкѣ на ватѣ, въ родѣ какъ бы жакеточки, съ перламутровыми пуговками, но слишкомъ ужъ коротенькой, что вовсе и не шло къ его довольно сытенному брюшку и къ плотно округленнымъ частямъ начала его ногъ; но

вкусы бываютъ различны. На колѣняхъ его былъ развернуть до полу шерстяной клѣтчатый пледъ, хотя въ комнатѣ было тепло.

— Больны, что-ли? замѣтилъ Петръ Степановичъ.

— Нѣтъ, не боленъ, но боюсь стать больнымъ въ этомъ климатѣ, отвѣтилъ писатель своимъ крикливымъ голосомъ, впрочемъ, пѣжно скандируя каждое слово и пріятно, по-барски, шепелявя. — Я васъ ждалъ еще вчера.

— Почему же? Я вѣдь не обѣщаль.

— Да, но у васъ моя рукопись. Вы... прочли?

— Рукопись? Какая?

Кармазиновъ удивился ужасно.

— Но вы, однако, принесли ее съ собою? встревожился онъ вдругъ до того, что оставилъ даже кушать и смотрѣлъ на Петра Степановича съ испуганнымъ видомъ.

— Ахъ, это про эту „Bonjour“, что-ли...

— „Merci“.

— Ну, пусть. Совсѣмъ забылъ и не читаль, некогда. Право, не знаю, въ карманахъ нѣтъ... должно-быть, у меня на столѣ. Не безпокойтесь, отыщется.

— Нѣтъ, ужъ я лучше сейчасъ къ вамъ пошлю. Она можетъ пропасть и, наконецъ, украсть могутъ.

— Ну, кому надо! Да чего вы такъ испугались, вѣдь у васъ, Юлія Михайловна говорила, готовится всегда по нѣскольку списковъ, одинъ за границей у нотариуса, а другой въ Петербургѣ, третій въ Москвѣ, потомъ въ банкъ, что-ли, отсылаете.

— Но вѣдь и Москва сгорѣть можетъ, а съ ней моя рукопись. Нѣтъ, я лучше сейчасъ пошлю.

— Стойте, вотъ она! вынулъ Петръ Степановичъ изъ задняго кармана пачку почтовыхъ листиковъ. — Измялась немножко, вообразите, какъ взялъ тогда у васъ, такъ и пролежала все время въ заднемъ карманѣ съ носовымъ платкомъ; забылъ.

Кармазиновъ съ жадностью схватилъ рукопись, бережно осмотрѣлъ ее, сосчиталъ листки и съ уваженіемъ положилъ покамѣстъ подлѣ себя, на особый столикъ, но такъ, чтобы имѣть ее каждый мигъ на виду.

— Вы, кажется, не такъ много читаете? прошипѣлъ онъ, не вытерпѣвъ.

— Нѣтъ, не такъ много.

— А ужъ по части русской беллетристики—ничего?

— По части русской беллетристики? Позвольте, я

что-то читаль... „По пути“... или „Въ путь“... или „На перепутьи“, что-ли, не помню. Давно читаль, дѣтъ пять. Некогда.

Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— Я, какъ пріѣхаль, увѣрилъ ихъ всѣхъ, что вы чрезвычайно умный человекъ, и теперь, кажется, всѣ здѣсь отъ васъ безъ ума.

— Благодарю васъ, спокойно отозвался Петръ Степановичъ.

Принесли завтракъ. Петръ Степановичъ съ чрезвычайнымъ аппетитомъ набросился на котлетку, мигомъ съѣлъ ее, выпилъ вино и выхлебнулъ кофе.

„Этотъ неучъ“, въ раздумьи оглядывалъ его искоса Кармазиновъ, доѣдая послѣдній кусочекъ и выпивая послѣдній глоточекъ, „этотъ неучъ, вѣроятно, понялъ сейчасъ всю колкость моей фразы.. да и рукопись, конечно, прочиталь съ жадностью, а только лжетъ изъ видовъ. Но можетъ быть и то, что не лжетъ, а совершенно искренно глупъ. Геніальнаго человекъ я люблю нѣсколько глупымъ. Ужъ не геній-ли онъ какой у нихъ въ самомъ дѣлѣ, чертъ его, впрочемъ, дери“.

Онъ всталъ съ дивана и началъ прохаживаться по комнатѣ изъ угла въ уголь, для моціону, что исполнялъ каждый разъ послѣ завтрака.

— Скоро отсюда? спросилъ Петръ Степановичъ съ кресель, закуривъ папирску.

— Я собственно пріѣхаль продать имѣніе и завишу теперь отъ моего управляющаго.

— Вы вѣдь, кажется, пріѣхали потому, что тамъ эпидеміи послѣ войны ожидали?

— Н-нѣтъ, не совсѣмъ потому, продолжалъ господинъ Кармазиновъ, благодушно скандируя свои фразы, и при каждомъ оборотѣ изъ угла въ другой уголь бодро дрыгая правою ножкой, впрочемъ, чуть-чуть.—Я дѣйствительно, усмѣхнулся онъ не безъ яду,—намѣреваюсь прожить какъ можно дольше. Въ русскомъ барствѣ есть нѣчто чрезвычайно быстро изнашивающееся, во всѣхъ отношеніяхъ. Но я хочу износиться какъ можно позже, и теперь перебираюсь за границу совсѣмъ; тамъ и климатъ лучше, и строеніе каменное, и все крѣпче. На мой вѣкъ Европы хватитъ, я думаю. Какъ вы думаете?

— Я почему знаю.

— Гм... Если тамъ дѣйствительно рухнетъ Вавилонъ и

паденіе его будетъ великое (въ чемъ я совершенно съ вами согласенъ, хотя и думаю, что на мой вѣкъ его хватить), то у насъ въ Россіи и разрушится нечему, сравнительно говоря. Упадутъ у насъ не камни, а все расплывется въ грязь. Святая Русь менѣ всего на свѣтѣ можетъ дать отпору чему-нибудь. Простой народъ еще держится кое-какъ Русскимъ Богомъ; по Русскій Богъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, весьма неблагонадеженъ и даже противъ крестьянской реформы едва устоялъ, по крайней мѣрѣ, сильно покачулся. А тутъ желѣзныя дороги, а тутъ вы... ужъ въ Русскаго-то Бога я совсѣмъ не вѣрую.

— А въ Европейскаго?

— Я ни въ какого не вѣрую. Меня оклеветали предъ русскою молодежью. Я всегда сочувствовалъ каждому движенію ея. Мнѣ показывали эти здѣшнія прокламаціи. На нихъ смотрятъ съ недоумѣніемъ, потому что всѣхъ пугаетъ форма, но всѣ, однако, увѣрены въ ихъ могуществѣ, хотя бы и не сознавая того. Всѣ давно падаютъ и всѣ давно знаютъ, что не за что ухватиться. Я уже потому убѣжденъ въ успѣхѣ этой таинственной пропаганды, что Россія есть теперь по преимуществу то мѣсто въ цѣломъ мірѣ, гдѣ все, что угодно, можетъ произойти безъ малѣйшаго отпора. Я понимаю слишкомъ хорошо, почему русскіе съ состояніемъ всѣ хлынули за границу, и съ каждымъ годомъ больше и больше. Тутъ просто инстинктъ. Если кораблю потонуть, то крысы первыя изъ него выселяются. Святая Русь страна деревянная, нищая и... опасная, страна тщеславныхъ нищихъ въ высшихъ слояхъ своихъ, а въ огромномъ большинствѣ живетъ въ избушкахъ на курьихъ ножкахъ. Она обрадуется всякому выходу, стбитъ только растолковать. Одно правительство еще хочетъ сопротивляться, но машетъ дубиной въ темнотѣ и бьетъ по своимъ. Тутъ все обречено и приговорено. Россія, какъ она есть, не имѣетъ будущности. Я сдѣлался нѣмцемъ и вмѣняю это себѣ въ честь.

— Нѣтъ, вы вотъ начали о прокламаціяхъ; скажите все, какъ вы на нихъ смотрите?

— Ихъ всѣ боятся, стало-быть, онѣ могущественны. Онѣ открыто обличаютъ обманъ и доказываютъ, что у насъ не за что ухватиться и не на что опереться. Онѣ говорятъ громко, когда всѣ молчатъ. Въ нихъ всего побѣдительнѣе (несмотря на форму) эта неслышанная до

сихъ поръ смѣлость засматривать прямо въ лицо истинѣ. Эта способность смотрѣть истинѣ прямо въ лицо принадлежитъ одному только русскому поколѣнію. Нѣтъ, въ Европѣ еще не такъ смѣлы: тамъ царство каменное, тамъ еще есть на чемъ опереться. Сколько я вижу, и сколько судить могу, вся суть русской революціонной идеи заключается въ отрицаніи чести. Мнѣ нравится, что это такъ смѣло и безбоязненно выражено. Нѣтъ, въ Европѣ еще этого не поймутъ, а у насъ именно на это-то и бросятся. Русскому человѣку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременемъ, во всю его исторію. Открытымъ „правомъ на безчестье“ его скорѣй всего увлечь можно. Я поколѣнія стараго, и, признаюсь, еще стою за честь, но вѣдь только по привычкѣ. Мнѣ лишь нравятся старыя формы, положимъ, по малодушію; нужно же какъ-нибудь дожить вѣкъ.

Онъ вдругъ пріостановился.

„Однако, я говорю-говарю, подумалъ онъ,—а онъ все молчитъ и высматриваетъ. Онъ пришелъ за тѣмъ, чтобъ я задалъ ему прямой вопросъ. А я и задамъ“.

— Юлія Михайловна просила меня какъ-нибудь обманомъ у васъ выпытать, какой это сюрпризъ вы готовите къ балу послѣзавтра? вдругъ спросилъ Петръ Степановичъ.

— Да, это дѣйствительно будетъ сюрпризъ, и я дѣйствительно изумлю... пріосанился Кармазиновъ,—но я не скажу вамъ, въ чемъ секретъ.

Петръ Степановичъ не настаивалъ.

— Здѣсь есть какой-то Шатовъ, освѣдомился великій писатель,—и, вообразите, я его не видалъ.

— Очень хорошая личность. А что?

— Такъ, онъ про что-то тамъ говоритъ. Вѣдь онъ по щекъ ударилъ Ставрогина?

— Онъ.

— А о Ставрогинѣ какъ вы полагаете?

— Не знаю; волокита какой-то.

Кармазиновъ возненавидѣлъ Ставрогина, потому что тотъ взялъ привычку не замѣчать его вовсе.

— Этого волокиту, сказалъ онъ, хихикая,—если у васъ осуществится когда-нибудь то, о чемъ проповѣдуютъ въ прокламаціяхъ, вѣроятно, вздернуть перваго на сукъ.

— Можетъ, и раньше, вдругъ сказалъ Петръ Степановичъ.

— Такъ и слѣдуетъ, уже не смѣясь и какъ-то слишкомъ серьезно поддакнулъ Кармазиновъ.

— А вы уже это разъ говорили и, знаете, я ему передалъ.

— Какъ, неужто передали? разсмѣялся опять Кармазиновъ.

— Онъ сказалъ, что если его на сукъ, то васъ довольно и высѣчь, но только не изъ чести, а больно, какъ мужика сѣкутъ.

Петръ Степановичъ взялъ шляпу и всталъ съ мѣста. Кармазиновъ протянулъ ему на прощаніе обѣ руки.

— А что, пропищалъ онъ вдругъ медовымъ голосомъ и съ какою-то особенною интонаціей, все еще придерживая его руки въ своихъ,—что, если назначено осуществиться всему тому... о чемъ замышляютъ, то... когда это могло бы произойти?

— Почему я знаю, нѣсколько грубо отвѣтилъ Петръ Степановичъ.

Оба пристально смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Примѣрно? Приблизительно? еще слаще пропищалъ Кармазиновъ.

— Продать имѣніе успѣете и убраться тоже успѣете, еще грубѣе пробормоталъ Петръ Степановичъ.

Оба еще пристальнѣе смотрѣли другъ на друга.

Произошла минута молчанія.

— Къ началу будущаго мая начнется, а къ Покрову все кончится, вдругъ проговорилъ Петръ Степановичъ.

— Благодарю васъ искренно, проникнутымъ голосомъ произнесъ Кармазиновъ, сжавъ ему руки.

„Успѣешь, крыса, выселиться изъ корабля! думалъ Петръ Степановичъ, выходя на улицу.—Ну, коли ужъ этотъ „почти государственный умъ“ такъ увѣренно осѣдомляется о днѣ и часѣ, и такъ почтительно благодарить за полученное свѣдѣніе, то ужъ намъ-то въ себѣ нельзя послѣ того сомнѣваться. (Онъ усмѣхнулся). Гм... А онъ въ самомъ дѣлѣ у нихъ не глупъ и... всего только переселяющаяся крыса; такая не донесетъ.“

Онъ побѣжалъ въ Божоявленскую улицу, въ домъ Филипова.

VI.

Петръ Степановичъ прошелъ сперва къ Кириллову. Тотъ былъ, по обыкновенію, одинъ и въ этотъ разъ про-

дѣлывалъ среди комнаты гимнастику, то-есть, разставивъ ноги, вертѣлъ какимъ-то особеннымъ образомъ надъ собою руками. На полу лежалъ мячъ. На столѣ стоялъ неприбранный утреннй чай, уже холодный. Петръ Степановичъ постоялъ съ минуту на порогѣ.

— Вы, однакожъ, о здоровьи своемъ сильно заботитесь, проговорилъ онъ громко и весело входя въ комнату. — Какой славный, однакоже, мячъ; фу, какъ отскакиваетъ; онъ тоже для гимнастики?

Кирилловъ надѣлъ сюртукъ.

— Да, тоже для здоровья, пробормоталъ онъ сухо. — Садитесь.

— Я на минуту. А, впрочемъ, сяду. Здоровье — здоровьемъ, но я пришелъ напомнить объ уговорѣ. Приближается „въ нѣкоторомъ смыслѣ“ нашъ срокъ-съ, заключилъ онъ съ неловкимъ вывертомъ.

— Какой уговоръ?

— Какъ какой уговоръ? всполохнулся вдругъ Петръ Степановичъ, даже испугался.

— Это не уговоръ и не обязанность, я ничѣмъ не вязалъ себя, съ вашей стороны ошибка.

— Послушайте, что же вы это дѣлаете? вскочилъ ужъ совсѣмъ Петръ Степановичъ.

— Свою волю.

— Какую?

— Прежнюю.

— То-есть какъ же это понять? Значить-ли, что вы въ прежнихъ мысляхъ!

— Значить. Только уговору нѣтъ и не было, и я ничѣмъ не вязалъ. Была одна моя воля и теперь одна моя воля.

Кирилловъ объяснялся рѣзко и брезгливо.

— Я согласенъ, согласенъ, пусть воля, лишь бы эта воля не измѣнилась, усѣлся опять съ удовлетвореннымъ видомъ Петръ Степановичъ. — Вы сердитесь за слова. Вы что-то очень стали послѣднее время сердиты; я потому избѣгалъ посѣщать. Впрочемъ, былъ совершенно увѣренъ, что не измѣните.

— Я васъ очень не люблю, но совершенно увѣрены можете быть! Хотя и не признаю измѣны и неизмѣны.

— Однако, знаете, всполохнулся опять Петръ Степановичъ, — надо бы опять поговорить толкомъ, чтобы не сбиться. Дѣло требуетъ точности, а вы меня ужасно какъ горошите. Позволяете поговорить?

— Говорите, отрѣзалъ Кирилловъ, смотря въ уголь.

— Вы давно уже положили лишить себя жизни... то-есть у васъ такая была идея. Такъ, что-ли, я выразился? Нѣтъ-ли какой ошибки?

— У меня и теперь такая же идея.

— Прекрасно. замѣтите при этомъ, что васъ никто не принуждалъ къ тому.

— Еще бы; какъ вы говорите глупо.

— Пусть, пусть; я очень глупо выразился. Безъ сомнѣнія, было бы очень глупо къ тому принуждать; я продолжаю: вы были членомъ общества еще при старой организаціи и открылись тогда же одному изъ членовъ общества.

— Я не открывался, а просто сказалъ.

— Пусть. И смѣшно бы было въ этомъ „открываться“, что за исповѣдь? Вы просто сказали, и прекрасно.

— Нѣтъ, не прекрасно, потому что вы очень мямлите. Я вамъ не обязанъ никакимъ отчетомъ, и мыслей моихъ вы не можете понимать. Я хочу лишить себя жизни потому, что такая у меня мысль, потому что я не хочу страха смерти, потому... потому что вамъ нечего тутъ знать... Чего вы? Чай хотите пить? Холодный. Дайте и вамъ другой стаканъ принесу.

Петръ Степановичъ дѣйствительно схватился было за чайникъ и искалъ порожней посуды, Кирилловъ сходилъ въ шкафъ и принесъ чистый стаканъ.

— Я сейчасъ у Кармазинова завтракалъ, замѣтилъ гость,—потомъ слушалъ, какъ онъ говорилъ, и вспотѣлъ, а куда бѣжалъ—тоже вспотѣлъ, смерть хочется пить.

— Пейте. Чай холодный хорошо.

Кирилловъ опять усѣлся на стулъ и опять уперся глазами въ уголь.

— Въ обществѣ произошла мысль, продолжалъ онъ тѣмъ же голосомъ,—что я могу быть тѣмъ полезенъ, если убью себя, и что когда вы что-нибудь тутъ накутите, и будутъ виновныхъ искать, то я вдругъ застрѣлюсь и оставлю письмо, что я все сдѣлалъ, такъ что васъ цѣлый годъ подозрѣвать не могутъ.

— Хоть нѣсколько дней; и день одинъ дорогъ.

— Хорошо. Въ этомъ смыслѣ мнѣ сказали, чтобъ я, если хочу, подождать. Я сказалъ, что подожду, пока скажутъ срокъ отъ общества, потому что мнѣ все равно.

— Да, но вспомните, что вы обзались, когда будете

сочинять предсмертное письмо, то не иначе какъ вмѣстѣ со мной, и, прибывъ въ Россію, будете въ моемъ... ну, однимъ словомъ, въ моемъ распоряженіи, то-есть на одинъ только этотъ случай, разумѣется, а во всѣхъ другихъ вы, конечно, свободны, почти съ любезностью прибавилъ Петръ Степановичъ.

— Я не обязался, а согласился, потому что мнѣ все равно.

— И прекрасно, прекрасно, я нисколько не имѣю намѣренія стѣснять ваше самолюбіе, но...

— Тутъ не самолюбіе.

— Но вспомните, что вамъ собрали сто двадцать талеровъ на дорогу, стало-быть, вы брали деньги.

— Совсѣмъ нѣтъ, вспыхнулъ Кирилловъ, — деньги не съ тѣмъ. За это не берутъ.

— Берутъ иногда.

— Врете вы. Я заявилъ письмомъ изъ Петербурга, а въ Петербургѣ заплатилъ вамъ сто двадцать талеровъ, вамъ въ руки... и они туда отосланы, если только вы не задержали у себя.

— Хорошо, хорошо, я ни въ чемъ не спорю, отосланы. Главное, что вы въ тѣхъ же мысляхъ, какъ прежде.

— Въ тѣхъ самыхъ. Когда вы придете и скажете: „пора“, я все исполню. Чтѣ, очень скоро?

— Не такъ много дней... Но помните, записку мы сочиняемъ вмѣстѣ, въ ту же почтѣ.

— Хоть и днемъ. Вы сказали, надо взять на себя прокламаціи?

— И кое-что еще.

— Я не все возьму на себя.

— Чего же не возьмете? всполохнулся опять Петръ Степановичъ.

— Чего не захочу; довольно. Я не хочу больше о томъ говорить.

Петръ Степановичъ скрѣпился и перемѣнилъ разговоръ.

— Я о другомъ, предупредилъ онъ, — будете вы сегодня вечеромъ у нашихъ? Виргинскій именинникъ, подтѣмъ предложомъ и соберутся.

— Не хочу.

— Сдѣлайте одолженіе, будьте. Надо. Надо внушить и числомъ и лицомъ... У васъ лицо... ну, однимъ словомъ, у васъ лицо фатальное.

— Вы находите? разсмѣялся Кирилловъ. — Хорошо, приду; только не для лица. Когда?

— О, пораньше, въ половинѣ седьмого. И, знаете, вы можете войти, сѣсть и ни съ кѣмъ не говорить, сколько бы тамъ ихъ ни было. Только, знаете, не забудьте захватить съ собою бумагу и карандашъ.

— Это зачѣмъ?

— Вѣдь вамъ все равно; а это моя особенная просьба. Вы только будете сидѣть ни съ кѣмъ ровно не говоря, слушать и изрѣдка дѣлать какъ бы отмѣтки; ну, хоть рисуйте что-нибудь.

— Какой вздоръ, зачѣмъ?

— Ну, коли вамъ все равно; вѣдь вы все говорите, что вамъ все равно.

— Нѣтъ, зачѣмъ?

— А вотъ зачѣмъ, что тотъ членъ отъ общества, ревизоръ, засѣлъ въ Москвѣ, а я тамъ кой-кому объявилъ, что, можетъ-быть, посѣтитъ ревизоръ; и они будутъ думать, что вы-то и есть ревизоръ, а такъ какъ вы уже здѣсь три недѣли, то еще больше удивятся.

— Фокусы. Никакого ревизора у васъ нѣтъ въ Москвѣ.

— Ну, пусть нѣтъ, чортъ его и дери, вамъ-то какое дѣло и чѣмъ это васъ затруднить? Сами же членъ общества.

— Скажите имъ, что я ревизоръ; я буду сидѣть и молчать, а бумагу и карандашъ не хочу.

— Да почему?

— Не хочу.

Петръ Стенановичъ разозлился, даже позеленѣлъ, но опять скрѣпилъ себя, всталъ и взялъ шляпу.

— *Этотъ* у васъ? произнесъ онъ вдругъ вполголоса.

— У меня.

— Это хорошо. Я скоро его выведу, не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь. Онъ только ночуетъ. Старуха въ больницѣ, сноха померла; я два дня одинъ. Я ему показалъ мѣсто въ заборѣ, гдѣ доска вынимается; онъ промѣзетъ, никто не видитъ.

— Я его скоро возьму.

— Онъ говорилъ, что у него много мѣстъ почевать.

— Онъ вретъ, его ищутъ, а здѣсь пока незамѣтно. Развѣ вы съ нимъ пускаетесь въ разговоры?

— Да, всю ночь. Онъ васъ очень ругаетъ. Я ему ночью Апокалипсисъ читалъ, и чай. Очень слушалъ; даже очень, всю ночь.

— А, чортъ, да вы его въ христіанскую вѣру обратите!

— Онъ и то христіанской вѣры. Не безпокойтесь, зарѣжете. Кого вы хотите зарѣзать?

— Нѣтъ, онъ не для того у меня: онъ для другого...

А Шатовъ про Ѳедьку знаетъ?

— Я съ Шатовымъ ничего не говорю и не вижу.

— Злитса, что-ли?

— Нѣтъ, не злимса, а только отворачиваемся. Слишкомъ долго вмѣстѣ въ Америкѣ пролежали.

— Я сейчасъ къ нему зайду.

— Какъ хотите.

— Мы со Ставрогинимъ къ вамъ тоже, можетъ, зайдемъ оттуда, этакъ часовъ въ десять.

— Приходите.

— Мнѣ надо съ нимъ поговорить о важномъ... Знаете, подарите-ка мнѣ вашъ мячъ; къ чему вамъ теперь? Я тоже для гимнастики. Я вамъ, пожалуй, заплачу деньги.

— Возьмите такъ.

Петръ Степановичъ положилъ мячъ въ задній карманъ.

— А я вамъ не дамъ ничего противъ Ставрогина, пробормоталъ Кирилловъ, выпуская гостя.

Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но не отвѣтилъ.

Послѣднія слова Кириллова смутили Петра Степановича чрезвычайно; онъ еще не успѣлъ ихъ осмыслить, но еще на лѣстницѣ къ Шатову постарался передѣлать свой недовольный видъ въ ласковую фізіономію. Шатовъ былъ дома и немного боленъ. Онъ лежалъ на постели, впрочемъ, одѣтый.

— Вотъ неудача! вскричалъ Петръ Степановичъ съ порога;—серьезно больны?

Ласковое выраженіе его лица вдругъ исчезло; что-то злобное засверкало въ глазахъ.

— Нисколько, нервно привскочилъ Шатовъ. — Я вовсе не боленъ, немного голова...

Онъ даже потерялся; внезапное появленіе такого гостя рѣшительно испугало его.

— Я именно по такому дѣлу, что хворать не слѣдуетъ, началъ Петръ Степановичъ быстро и какъ-бы властно;—позвольте сѣсть (онъ сѣлъ), а вы садитесь опять на вашу койку, вотъ такъ. Сегодня подъ видомъ дня рожденія Виргинскаго соберутся у него изъ нашихъ; другого, впрочемъ, оттѣнка не будетъ вовсе, приняты мѣры. Я приду

съ Николаемъ Ставрогинымъ. Васъ бы я, конечно, не по-тащилъ туда, зная вашъ теперешній образъ мыслей... то-есть въ томъ смыслѣ, чтобы васъ тамъ не мучить, а не изъ того, что мы думаемъ, что вы донесете. Но вышло такъ, что вамъ придется идти. Вы тамъ встрѣтите тѣхъ самыхъ, съ которыми окончательно и порѣшимъ, какимъ образомъ вамъ оставить общество и кому сдать, что у васъ находится. Сдѣлаемъ непримѣтно; я васъ отведу куда-нибудь въ уголь; народу много, а всѣмъ незачѣмъ знать. Признаться, мнѣ пришлось-таки изъ-за васъ языкъ поточить; но теперь, кажется, и они согласны, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы вы сдали типографію и всѣ бумаги. Тогда ступайте себѣ на всѣ четыре стороны.

Шатовъ выслушалъ нахмуренно и злобно. Нервный недавній испугъ оставилъ его совсѣмъ.

— Я не признаю никакой обязанности давать чортъ знаетъ кому отчетъ, проговорилъ онъ наотрѣзъ. — Никто меня не можетъ отпускать на волю.

— Не совсѣмъ. Вамъ многое было довѣрено. Вы не имѣли права прямо разрывать. И, наконецъ, вы никогда не заявляли о томъ ясно, такъ что вводили ихъ въ двусмысленное положеніе.

— Я, какъ пріѣхалъ сюда, заявилъ ясно письмомъ.

— Нѣтъ, не ясно, спокойно оспаривалъ Петръ Степановичъ. — Я вамъ прислалъ, напимѣръ, *Свѣтлую Личность*, чтобы здѣсь напечатать и экземпляры сложить до востребованія гдѣ-нибудь тутъ у васъ; тоже двѣ прокламаціи. Вы воротили съ письмомъ двусмысленнымъ, ничего не обозначающимъ.

— Я прямо отказался печатать.

— Да, но не прямо. Вы написали: „не могу“, но не объяснили по какой причинѣ. „Не могу“ не значить „не хочу“. Можно было подумать, что вы просто отъ матеріальныхъ причинъ не можете. Такъ это и поняли, и сочли, что вы все-таки согласны продолжать связь съ обществомъ, а, стало-быть, могли опять вамъ что-нибудь довѣрить, слѣдовательно себя компрометировать. Здѣсь они говорятъ, что вы просто хотѣли обмануть, съ тѣмъ, чтобы, получивъ какое-нибудь важное сообщеніе, донести. Я васъ защищалъ изо всѣхъ силъ и показалъ вашъ письменный отвѣтъ въ двѣ строки, какъ документъ въ вашу пользу. Но и самъ долженъ былъ сознаться, перечитавъ теперь, что эти двѣ строчки не ясны и вводятъ въ обманъ.

— А у васъ такъ тщательно сохранилось это письмо?

— Это ничего, что оно у меня сохранилось; оно и теперь у меня.

— Ну, и пускай, чортъ!... яростно вскричалъ Шатовъ.— Пускай ваши дураки считаютъ, что я донесъ, какое мнѣ дѣло! Я бы желалъ посмотрѣть, что вы мнѣ можете сдѣлать?

— Васъ бы отмѣтили и при первомъ успѣхѣ революціи повѣсили.

— Это когда вы захватите верховную власть и покорите Россію?

— Вы не смѣйтесь. Повторяю, я васъ отстаивалъ. Такъ-ли, этакъ, а все-таки я вамъ явиться сегодня совѣтую. Къ чему напрасныя слова изъ-за какой-то фальшивой гордости? Не лучше-ли разстаться дружелюбно? Вѣдь ужъ во всякомъ случаѣ вамъ придется сдавать станокъ и буквы старыя и бумажки, вотъ о томъ и поговоримъ.

— Приду, проворчалъ Шатовъ, въ раздумьи понутивъ голову.

Петръ Степановичъ искоса разсматривалъ его со своего мѣста.

— Ставрогинъ будетъ? спросилъ вдругъ Шатовъ, подымая голову.

— Будетъ непременно.

— Хе-хе!

Опять съ минуту помолчали. Шатовъ брезгливо и раздражительно ухмылялся.

— А эта ваша подлая *Свѣтлая Личность*, которую я не хотѣлъ здѣсь печатать, напечатана?

— Напечатана.

— Гимназистовъ увѣряетъ, что вамъ самъ Герценъ въ альбомъ написалъ?

— Самъ Герценъ.

Опять помолчали минуты съ три. Шатовъ всталъ, наконецъ, съ постели.

— Ступайте вонъ отъ меня, я не хочу сидѣть вмѣстѣ съ вами.

— Иду, даже какъ-то весело проговорилъ Петръ Степановичъ, немедленно подымаясь.— Одно только слово: Кирилловъ, кажется, одинъ-одинёшенекъ теперь во флигелѣ, безъ служанки?

— Одинъ-одинёшенекъ. Ступайте, я не могу оставаться въ одной съ вами комнатѣ.

„Ну, хорошъ же ты теперь!“ весело обдумывалъ Петръ Степановичъ, выходя на улицу; — „хорошъ будешь и вечеромъ, а мнѣ именно такого тебя теперь надо, и лучше желать нельзя, лучше желать нельзя! Самъ Русскій Богъ помогаетъ!“

VII.

Вѣроятно, онъ очень много хлопоталъ въ этотъ день по разнымъ побѣгушкамъ; и должно-быть успѣшно — что и отозвалось въ самодовольномъ выраженіи его фیزیономіи, когда вечеромъ, ровно въ шесть часовъ, онъ явился къ Николаю Всеволодовичу. Но къ тому его не сейчасъ допустили; съ Николаемъ Всеволодовичемъ только-что заперся въ кабинетѣ Маврикій Николаевичъ. Это извѣстіе мигомъ его озаботило. Онъ усѣлся у самыхъ дверей кабинета съ тѣмъ, чтобы ждать выхода гостя. Разговоръ былъ слышенъ, но словъ нельзя было уловить. Визитъ продолжался не долго; вскорѣ послышался шумъ, раздавался чрезвычайно громкій и рѣзкій голосъ; вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и вышла Маврикій Николаевичъ съ совершенно блѣднымъ лицомъ. Онъ не замѣтилъ Петра Степановича и быстро прошелъ мимо. Петръ Степановичъ тотчасъ же воѣжалъ въ кабинетъ.

Не могу обойти подробнаго отчета объ этомъ, чрезвычайно краткомъ свиданіи двухъ „соперниковъ“, — свиданіи, повидимому, невозможномъ при сложившихся обстоятельствахъ, но, однакоже, состоявшемся.

Произошло это такъ: Николай Всеволодовичъ дремалъ въ своемъ кабинетѣ послѣ обѣда на кушеткѣ, когда Алексѣй Егоровичъ доложилъ о приходѣ неожиданнаго гостя. Услышавъ возвыщенное имя, онъ вскочилъ даже съ мѣста и не хотѣлъ вѣрить. Но вскорѣ улыбка сверкнула на губахъ его — улыбка высокомернаго торжества и въ то же время какого-то тупого недовѣрчиваго изумленія. Вошедшій Маврикій Николаевичъ, кажется, былъ пораженъ выраженіемъ этой улыбки, но крайней мѣрѣ, вдругъ приостановился среди комнаты, какъ бы не рѣшаясь: идти-ли дальше или воротиться? Хозяинъ тотчасъ же успѣлъ измѣнить свое лицо и съ видомъ серьезнаго недоумѣнія шагнулъ ему навстрѣчу. Тотъ не взялъ протянутой руки, цѣловко придвинулъ стулъ и, не сказавъ ни слова, сѣлъ еще прежде хозяина, не дождавшись приглашенія. Николай Всеволодовичъ усѣлся наискось на кушеткѣ и, всматриваясь въ Маврикія Николаевича, молчалъ и ждалъ.

— Если можете, то женитесь на Лизаветѣ Николаевнѣ, подарилъ вдругъ Маврикій Николаевичъ, и что было всего любопытнѣе—никакъ нельзя было узнать по интонаціи голоса, что это такое: просьба, рекомендація, уступка или приказаніе.

Николай Всеволодовичъ продолжалъ молчать; но гость, очевидно, сказалъ уже все, для чего пришелъ, и глядѣлъ въ упоръ, ожидая отвѣта.

— Если не ошибаюсь (впрочемъ, это слишкомъ вѣрно), Лизавета Николаевна уже обручена съ вами, проговорилъ, наконецъ, Ставрогинъ.

— Помолвлена и обручилась, твердо и ясно подтвердилъ Маврикій Николаевичъ.

— Вы... поссорились?.. Извините меня, Маврикій Николаевичъ.

— Нѣтъ, она меня „любитъ и уважаетъ“, ея слова. Ея слова драгоценнѣе всего.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Но знайте, что если она будетъ стоять у самаго наоя подъ вѣнцомъ, а вы ее кликнете, то она броситъ меня и всѣхъ и пойдетъ къ вамъ.

— Изъ-подъ вѣнца?

— И послѣ вѣнца.

— Не ошибаетесь-ли?

— Нѣтъ. Изъ-подъ непрерывной къ вамъ ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновеніе сверкаетъ любовь и... безуміе... самая искренняя и безмѣрная любовь и—безуміе! Напротивъ, изъ-за любви, которую она ко мнѣ чувствуетъ, тоже искренно, каждое мгновеніе сверкаетъ ненависть, — самая великая! Я бы никогда не могъ вообразить прежде всѣ эти... метаморфозы.

— Но я удивляюсь, какъ могли вы, однако, придти располагать рукой Лизаветы Николаевны? Имѣете-ли вы на то право? Или она васъ уполномочила?

Маврикій Николаевичъ нахмурился и на минуту потупилъ голову.

— Вѣдь это только одни слова съ вашей стороны, проговорилъ онъ вдругъ, — мстительныя и торжествующія слова; я увѣренъ, вы понимаете недосказанное въ строкахъ, и неужели есть тутъ мѣсто мелкому тщеславію? Мало вамъ удовольстворенія? Неужели надо размазывать, ставить точки на і. Извольте, я поставлю точки, если вамъ такъ нужно мое униженіе: права я не имѣю, полномочіе

невозможно; Лизавета Николаевна ни о чемъ не знаетъ, а женихъ ея потерялъ послѣдній умъ и достоинъ сумасшедшаго дома, и въ довершеніе самъ приходитъ вамъ объ этомъ рапортовать. На всемъ свѣтѣ только вы одни можете сдѣлать ея счастливою. И только я одинъ — несчастною. Вы ее оспариваете, вы ее преслѣдуете, но, не знаю почему, не женитесь. Если это любовная ссора, бывшая за границей, и, чтобы пресѣчь ее, надо принести меня въ жертву, — приносите. Она слишкомъ несчастна, и я не могу того вынести. Мои слова не позволеніе, не предписаніе, а потому и самолюбію вашему нѣтъ оскорбленія. Если бы вы хотѣли взять мое мѣсто у наоя, то могли это сдѣлать безо всякаго позволенія съ моей стороны, и мнѣ, конечно, нечего было приходиться къ вамъ съ безуміемъ. Тѣмъ болѣе, что и свадьба наша послѣ теперешняго моего шага уже никакъ невозможна. Не могу же я вести ее къ алтарю подлецомъ? То, что я дѣлаю здѣсь, и то, что я предаю ее вамъ, можетъ-быть, неприимиримѣйшему ея врагу, на мой взглядъ, такая подлость, которую я, разумѣется, не перенесу никогда.

— Застрѣлитесь, когда насъ будутъ вѣнчать?

— Нѣтъ, позже гораздо. Къ чему марать мою кровью ея брачную одежду. Можетъ, я и совсѣмъ не застрѣлюсь, ни теперь, ни позже.

— Говоря такъ, желаете, вѣроитно, меня успокоить?

— Васъ? Одинъ лишній брызгъ крови что для васъ можетъ значить?

Онъ поблѣднѣлъ и глаза его засверкали. Послѣдовало минутное молчаніе.

— Извините меня за предложенные вамъ вопросы, началъ вновь Ставрогинъ. — Нѣкоторые изъ нихъ я не имѣлъ никакого права вамъ предлагать, но на одинъ изъ нихъ я имѣю, кажется, полное право: скажите мнѣ, какія данныя заставили васъ заключить о моихъ чувствахъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ? Я разумѣю о той степени этихъ чувствъ, увѣренность въ которой позволила вамъ придти ко мнѣ... и рискнуть такимъ предложеніемъ.

— Какъ? даже вздрогнулъ немного Маврикій Николаевичъ, — развѣ вы не домогались? Не домогаетесь и не хотите домогаться?

— Вообще о чувствахъ моихъ къ той или другой женщинѣ я не могу говорить вслухъ третьему лицу, да и кому бы то ни было, кромѣ той одной женщины. Изви-

ните, такого ужъ страшности организма. Но взаѣмъ того я скажу вамъ всю остальную правду: я женать и жениться или „домогаться“ мнѣ уже невозможно.

Маврикій Николаевичъ былъ до того изумленъ, что отшатнулся на спинку кресла и нѣкоторое время смотрѣлъ неподвижно на лицо Ставрогина.

— Представьте, я никакъ этого не подумалъ, пробормоталъ онъ.—Вы сказали тогда, въ то утро, что не женаты... я такъ и повѣрилъ, что не женаты.

Онъ ужасно блѣднѣлъ; вдругъ онъ ударилъ изо всей силы кулакомъ по столу.

— Если вы послѣ такого признанія не оставите Лизавету Николаевну и сдѣлаете ее несчастною сами, то я убью васъ палкой, какъ собаку подъ заборомъ!

Онъ вскочилъ и быстро вышелъ изъ комнаты. Въѣжавшій Петръ Степановичъ засталъ хозяина въ самъ неожиданный расположеніи духа.

— А, это вы! громко захохоталъ Ставрогинъ; хохоталъ онъ, казалось, одной только фигурѣ Петра Степановича, въѣжавшаго съ такимъ стремительнымъ любопытствомъ.

— Вы у дверей подслушивали? Постойте, съ чѣмъ это вы прибыли? Вѣдь, я что-то вамъ общалъ... А, ба! Помню: къ „нашимъ“! Идемъ, очень радъ, и ничего вы не могли придумать теперь болѣе кстати.

Онъ схватилъ шляпу, и оба немедленно вышли изъ дому.

— Вы заранѣе смѣтаете, что увидите „нашихъ“? весело юлилъ Петръ Степановичъ, то стараясь шагать рядомъ со своимъ спутникомъ, по узкому кирпичному тротуару, то сбѣгая даже на улицу въ самую грязь, потому что спутникъ совершенно не замѣчалъ, что идетъ одинъ по самой срединѣ тротуара, а, стало-быть, занимаетъ его весь одною своею особой.

— Нисколько не смѣюсь, громко и весело отвѣчалъ Ставрогинъ.—Напротивъ, убѣжденъ, что у васъ тамъ самый серьезный народъ.

— „Угрюмыя тупицы“, какъ вы изволили разъ выразиться.

— Ничего нѣтъ веселѣе иной угрюмой тупицы.

— А, это вы про Маврикія Николаевича! Я убѣжденъ, что онъ вамъ сейчасъ невѣсту приходилъ уступать, а? Это я его подуськалъ косвенно, можете себѣ представить. А не уступить, такъ мы у него сами возьмемъ,—а?

Петръ Степановичъ, конечно, зналъ, что рискуетъ, пу-

скаясь въ такіе выверты, но ужъ когда онъ самъ бывалъ возбужденъ, то лучше желалъ рисковать хоть на все, чѣмъ оставлять себя въ неизвѣстности. Николай Всеволодовичъ только разсмѣялся.

— А вы все еще разсчитываете мнѣ помогать? спросилъ онъ.

— Если кликнете. Но знаете, что есть одинъ самый лучший путь?

— Знаю вашъ путь?

— Ну, нѣтъ, это покажѣтъ секретъ. Только помните, что секретъ денегъ стоить.

— Знаю сколько и стоить, проворчалъ про себя Старогинъ, но удержался и замолчалъ.

— Сколько? Что вы сказали? встрепенулся Петръ Степановичъ.

— Я сказалъ: ну васъ къ чорту и съ секретомъ! Скажите мнѣ лучше, кто у васъ тамъ? Я знаю, что мы на именины идемъ, но кто тамъ именно?

— О, въ высшей степени всякая всячина! Даже Кирилловъ будетъ.

— Все члены кружковъ?

— Чортъ возьми, какъ вы торопитесь! Тутъ и одного кружка еще не состоялось.

— Какъ же вы разбросали столько прокламацій?

— Тамъ, куда мы идемъ, членовъ кружка всего четверо. Остальные, въ ожиданіи, шпіонятъ другъ за другомъ взапуски, и мнѣ переносятъ. Народъ благонадежный. Все это матеріалъ, который надо организовать да и убираться. Впрочемъ, вы сами уставъ писали, вамъ нечего объяснять.

— Что-жь, трудно, что-ли, идетъ? Заколодило?

— Идетъ? Какъ не надо легче. Я васъ посмѣшу: первое, что ужасно дѣйствуетъ—это мундиръ. Нѣтъ ничего сильнѣе мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, ихъ товарищи—очень правится и отлично принялось. Затѣмъ слѣдующая сила, разумвется, сентиментальность. Знаете, социализмъ у насъ распространяется преимущественно изъ сентиментальности. Но тутъ бѣда, вотъ эти кусающіеся подлоручики; нѣтъ-нѣтъ да и нарвешься. Затѣмъ слѣдуютъ чистые мошенники; ну эти, пожалуй, хорошій народъ, иной разъ выгодны очень, но на нихъ много времени идетъ, неусып-

ный надзоръ требуется. Ну и, наконецъ, самая главная сила — цементъ все связующій — это стыдъ собственнаго мнѣнія. Вотъ это такъ сила! И кто это работалъ, кто этотъ „миленкій“ трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого въ головѣ! За стыдъ почитаютъ.

— А коли такъ, изъ чего вы хлопочете?

— А коли лежитъ просто, ротъ разбъваетъ на всѣхъ, такъ какъ же его не стибрить! Будто серьезно не вѣрите, что возможенъ успѣхъ? Эхъ, вѣра-то есть, да надо хотѣнья. Да, именно съ такими и возможенъ успѣхъ. И вамъ говорю, онъ у меня въ огонь пойдетъ, стоитъ только прикрикнуть на него, что недостаточно либералень. Дураки попрекаютъ, что я всѣхъ здѣсь надулъ центральнымъ комитетомъ и „безчисленными развѣтвленіями“. Вы сами разъ этимъ меня корили, а какое тутъ надуваніе: центральный комитетъ—я да вы, а развѣтвленій будетъ сколько угодно.

— И все этакая-то сволочь!

— Матеріаль. Пригодятся и эти.

— А вы на меня все еще рассчитываете?

— Вы начальникъ, вы сила; я у васъ только сбоку буду, секретаремъ. Мы, знаете, сядемъ въ ладью, веселки кленовныя, паруса шелковые, на кормѣ сидитъ красна дѣвица, свѣтъ Лизавета Николаевна... или какъ тамъ у нихъ, чортъ, поется въ этой пѣснѣ...

— Запнулся, захохоталъ Ставрогинъ. — Нѣтъ, я вамъ скажу лучше присказку. Вы вотъ высчитываете по пальцамъ, изъ какихъ силъ кружки составляются? Все это чиновничество и сентиментальность — все это клейстеръ хорошій, но есть одна штука еще лучше: подговорите четырехъ членовъ кружка уколошить пятого, подъ видомъ того, что тотъ донесетъ, и тотчасъ же вы ихъ всѣхъ, пролитую кровью, какъ однимъ узломъ свяжете. Рабами вашими станутъ, не посмѣютъ бунтовать и отчетовъ спрашивать. Ха-ха-ха!

„Однакоже, ты... однакоже, ты мнѣ эти слова долженъ выкупить, подумалъ про себя Петръ Степановичъ,— и даже сегодня же вечеромъ. Слишкомъ ты много ужъ позволяешь себѣ“.

Такъ, или почти такъ, долженъ былъ задуматься Петръ Степановичъ. Впрочемъ, ужъ подходили къ дому Виргинскаго.

— Вы, конечно, меня тамъ выставили какимъ-нибудь членомъ изъ-за границы, въ связяхъ съ Internationale, ревизоромъ? спросилъ вдругъ Ставрогинъ.

— Нѣтъ, не ревизоромъ; ревизоромъ будете не вы; но вы членъ-учредитель изъ-за границы, которому извѣстны важнѣйшія тайны—вотъ ваша роль. Вы, конечно, станете говорить?

— Это съ чего вы взяли?

— Теперь обязаны говорить.

Ставрогинъ даже остановился въ удивленіи среди улицы, недалеко отъ фонаря. Петръ Степановичъ дерзко и спокойно выдержалъ его взглядъ. Ставрогинъ плюнулъ и пошелъ далѣе.

— А вы будете говорить? вдругъ спросилъ онъ Петра Степановича.

— Нѣтъ, ужъ я васъ послушаю.

— Чортъ васъ возьми! Вы мнѣ въ самомъ дѣлѣ даете идею!

— Какую? выскочилъ Петръ Степановичъ.

— Тамъ-то я, пожалуй, поговорю, но зато потомъ васъ отколочу и знаете—хорошо отколочу.

— Кстати, я давеча сказалъ про васъ Кармазинову, что будто вы говорили про него, что его надо высѣчь, да и не просто изъ чести, а какъ мужика сѣеуть, больно.

— Да я этого никогда не говорилъ, ха-ха!

— Ничего. Se non e vero.

— Ну, спасибо, искренно благодарю.

— Знаете еще чтó говорить Кармазиновъ: что въ сущности наше ученіе есть отрицаніе чести, и что откровеннымъ правомъ на безчестье всего легче русскаго человѣка за собой увлечь можно.

— Превосходныя слова! Золотыя слова! вскричалъ Ставрогинъ.—Прямо въ точку попалъ! Право на безчестье,—да это всѣ къ намъ прибѣгутъ, ни одного тамъ не останется! А слушайте, Верховенскій, вы не изъ высшей полиціи, а?

— Да вѣдь кто держитъ въ умѣ такіе вопросы, тотъ ихъ не выговариваетъ.

— Понимаю, да вѣдь мы у себя.

— Нѣтъ, покажѣте не изъ высшей полиціи. Довольно, пришли. Сочините-ка вашу фізіономію, Ставрогинъ; я всегда сочиняю, когда къ нимъ вхожу. Побольше мрачности и только, больше ничего не надо; очень не хитрая вещь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

У нашихъ.

I.

Виргинскій жилъ въ собственномъ домѣ, то-есть въ домѣ своей жены, въ Муравьиной улицѣ. Домъ былъ деревянный, одноэтажный и постороннихъ жильцовъ въ немъ не было. Подъ видомъ дня рожденія хозяина, собралось гостей человѣкъ до пятнадцати, но вечеринка совсѣмъ не походила на обыкновенную провинціальную именинную вечеринку. Еще съ самаго начала своего сожитія, супруги Виргинскіе положили взаимно, разъ навсегда, что собирать гостей въ именины совершенно глупо, да и „нечему вовсе радоваться“. Въ нѣсколько лѣтъ они какъ-то успѣли совсѣмъ отдалить себя отъ общества. Онъ, хотя и человѣкъ со способностями и вовсе не „какой-нибудь бѣдный“, казался всѣмъ почему-то чудачкомъ, полюбившимъ уединеніе и сверхъ того говорившимъ „надменно“. Сама же м-ше Виргинская, занимавшаяся повивальною профессіей, уже тѣмъ однимъ стояла ниже всѣхъ на общественной лѣстницѣ; даже ниже попады, несмотря на офицерскій чинъ мужа. Соотвѣтственнаго же ея званію смиренія не примѣчалось въ ней вовсе. А послѣ глупѣйшей и непростительно-откровенной связи ея, изъ принципа, съ какимъ-то мошенникомъ, капитаномъ Лебядкинымъ, даже самыя снисходительныя изъ нашихъ дамъ отвернулись отъ нея съ замѣчательнымъ пренебреженіемъ. Но м-ше Виргинская приняла все такъ, какъ будто ей того и надо было. Замѣчательно, что тѣ же самыя строгія дамы, въ случаяхъ интереснаго своего положенія, обращались по возможности къ Аринѣ Прохоровнѣ (то-есть къ Виргинской), минуя остальныхъ трехъ акушеровъ нашего города. Присылали за нею даже изъ уѣзда къ помѣщикамъ—до того всѣ вѣровали въ ея знаніе, счастье и ловкость въ рѣшительныхъ случаяхъ. Кончилось тѣмъ, что она стала практиковать единственно только въ самыхъ богатыхъ домахъ; деньги же любила до жадности. Ощутивъ вполне свою силу, она подъ конецъ уже нисколько не стѣсняла себя въ характерѣ. Можетъ быть, даже нарочно, на практикѣ въ самыхъ знатныхъ домахъ, пугала слабонервныхъ родильницъ какимъ-нибудь неслыханнымъ нигилистическимъ забвеніемъ приличій или, наконецъ, насмѣшками надъ „всѣмъ священнымъ“, и именно

въ тѣ минуты, когда „священное“ наиболѣе могло бы пригодиться. Нашъ штабъ-лѣкаръ Розановъ, онъ же и акушеръ, положительно засвидѣтельствовалъ, что однажды, когда родильница въ мукахъ вопила и призывала всемогущее имя Божіе, именно одно изъ такихъ вольнодумствъ Арины Прохоровны, внезапныхъ, „въ родѣ выстрѣла изъ ружья“, подѣйствовавъ на больную испугомъ, способствовало быстрѣйшему ея разрѣшенію отъ бремени. Но хотъ и нигилистка, а въ нужныхъ случаяхъ Арина Прохоровна вовсе не брезгала не только свѣтскими, но и стародавними, самыми предразсудочными обычаями, если таковые могли принести ей пользу. Ни за чтò не пропустила бы она, на примѣръ, крестинъ повитаго ею младенца, при чемъ являлась въ зеленомъ шелковомъ платьѣ со шлейфомъ, а шиньонъ расчесывала въ локоны и въ букли, тогда какъ во всякое другое время доходила до самоуслажденія въ своемъ неряшествѣ. И хотя во время совершенія таинства сохраняла всегда „самый наглый видъ“, такъ что конфузила причтъ, но по совершеніи обряда шампанское непременно выносила сама (для того и являлась и рядилась), и попробовали бы вы, взявъ бокаль, не положить ей „на кашу“.

Собравшіеся на этотъ разъ къ Виргинскому гости (почти все мужчины) имѣли какой-то случайный и экстренный видъ. Не было ни закуски, ни картъ. Посреди большой гостиной комнаты, оклеенной отмѣнно старыми голубыми обоями, сдвинуты были два стола и покрыты большою скатертью, не совсѣмъ, впрочемъ, чистою, а на нихъ кидѣли два самовара. Огромный подносъ съ двадцатью пятью стаканами и корзина съ обыкновеннымъ французскимъ бѣлымъ хлѣбомъ, изрѣзаннымъ на множество ломтей, въ родѣ какъ въ благородныхъ мужскихъ и женскихъ пансіонахъ для воспитанниковъ, занимали конецъ стола. Чай разливала тридцатилѣтняя дѣва, сестра хозяйки, безбровая и бѣлобрысая, существо молчаливое и ядовитое, но раздѣлявшее новые взгляды и которой ужасно боялся самъ Виргинскій въ домашнемъ быту. Всѣхъ дамъ въ комнатѣ было три: сама хозяйка, безбровая ея сестрица и родная сестра Виргинскаго, дѣвица Виргинская, какъ разъ только что прикатившая изъ Петербурга. Арина Прохоровна, видная дама, лѣтъ двадцати семи, собою недурная, нѣсколько растрѣпанная, въ шерстяномъ не праздничномъ платьѣ зеленоватаго оттѣнка, сидѣла, обводи

смѣлыми очами гостей и какъ бы спѣша проговорить своимъ взглядомъ: „видите, какъ я совсѣмъ ничего не боюсь“. Прибывшая дѣвица Виргинская, тоже недурная собой, студентка и нигилистка, сытенъкая и плотненькая какъ шарикъ, съ очень красными щеками и низенькаго роста, помѣстилась подлѣ Арины Прохоровны, еще почти въ дорожномъ своемъ костюмѣ, съ какимъ-то сверткомъ бумагъ въ рукѣ, и разглядывала гостей нетерпѣливыми, прыгающими глазами. Самъ Виргинскій въ этотъ вечеръ былъ нѣсколько нездоровъ, однакоже вышелъ посидѣть въ креслахъ за чайнымъ столомъ. Всѣ гости тоже сидѣли, и въ этомъ чинномъ размѣщеніи на стульяхъ вокругъ стола предчувствовалось засѣданіе. Видимо, всѣ чего-то ждали, а въ ожиданіи вели хотя и громкія, но какъ бы постороннія рѣчи. Когда появились Ставрогинъ и Верховенскій, все вдругъ затихло.

Но позволю себѣ сдѣлать нѣкоторое поясненіе для опредѣленности.

Я думаю, что всѣ эти господа дѣйствительно собрались тогда въ пріятной надеждѣ услышать что-нибудь особенно любопытное, и собрались предувѣдомленные. Они представляли собою цвѣтъ самаго яркочернаго либерализма въ нашемъ древнемъ городѣ и были весьма тщательно подобраны Виргинскимъ для этого „засѣданія“. Замѣчу еще, что нѣкоторые изъ нихъ (впрочемъ, очень немногіе) прежде совсѣмъ не посѣщали его. Конечно, большинство гостей не имѣло яснаго понятія, для чего ихъ предувѣдомляли. Правда, всѣ они принимали тогда Петра Степановича за пріѣхавшаго заграничнаго эмиссара, имѣющаго полномочія; эта идея какъ-то сразу укоренилась и натурально льстила. А, между тѣмъ, въ этой собравшейся кучкѣ гражданъ, подъ видомъ празднованія именинъ, уже находились нѣкоторые, которымъ были сдѣланы и опредѣленные предложенія. Петръ Верховенскій успѣлъ слѣпить у насъ „пятерку“, наподобіе той, которая уже была у него заведена въ Москвѣ и еще, какъ оказалось теперь, въ нашемъ уѣздѣ между офицерами. Говорятъ, тоже была одна у него и въ Х—ской губерніи. Эти пятеро избранныхъ сидѣли теперь за общимъ столомъ и весьма искусно умѣли придать себѣ видъ самыхъ обыкновенныхъ людей, такъ что никто ихъ не могъ узнать. То были,—такъ какъ теперь это не тайна,—во-первыхъ, Липутинъ, затѣмъ самъ Виргинскій, длинноухій Шигалевъ, братъ г-жи Вир-

гинской, Лямшинъ и, наконецъ, нѣкто Толкаченко, — странная личность, человѣкъ уже лѣтъ сорока и славившійся огромнымъ изученіемъ народа, преимущественно мошенниковъ и разбойниковъ, ходившій нарочно по кабакамъ (впрочемъ, не для одного изученія народнаго) и щеголявшій между нами дурнымъ платьемъ, смазными сапогами, прищуренно-хитрымъ видомъ и народными фразами съ завиткомъ. Разъ или два еще прежде Лямшинъ приводилъ его къ Степану Трофимовичу на вечера, гдѣ, впрочемъ, онъ особеннаго эффекта не произвелъ. Въ городѣ появлялся онъ временами, преимущественно когда бывалъ безъ мѣста, а служилъ по желѣзнымъ дорогамъ. Всѣ эти пятеро дѣятелей составили свою первую кучку съ теплою вѣрой, что она лишь единица между сотнями и тысячами такихъ же пятерокъ, какъ и ихняя, разбросанныхъ по Россіи, и что всѣ зависятъ отъ какого-то центрального, огромнаго, но тайнаго мѣста, которое въ свою очередь связано органически съ европейскою всемірною революціей. Но, къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что между ними даже и въ то уже время началъ обнаруживаться разладъ. Дѣло въ томъ, что они хотъ и ждали еще съ весны Петра Верховенскаго, возвѣщеннаго имъ сперва Толкаченкомъ, а потомъ пріѣхавшимъ Шигалевымъ; хотъ и ждали отъ него чрезвычайныхъ чудесъ, и хотъ и пошли тотчасъ же всѣ, безъ малѣйшей критики и по первому его зову, въ кружокъ, но только что составили пятерку, всѣ какъ бы тотчасъ же и обидѣлись, и именно, я полагаю, за быстроту своего согласія. Пошли они, разумѣется, изъ великодушнаго стыда, чтобы не сказали потомъ, что они не посмѣли пойти; но все-таки Петръ Верховенскій долженъ бы былъ одѣнить ихъ благородный подвигъ и, по крайней мѣрѣ, рассказать имъ въ награжденіе какой-нибудь самый главный анекдотъ. Но Верховенскій вовсе не хотѣлъ удовлетворить ихъ законнаго любопытства и лишняго ничего не рассказывалъ; вообще третировалъ ихъ съ замѣчательною строгостью и даже небрежностью. Это рѣшительно раздражило, и членъ Шигалевъ уже подбивалъ остальныхъ „потребовать отчета“, но, разумѣется, не теперь у Виргинскаго, гдѣ собралось столько постороннихъ.

По поводу постороннихъ у меня тоже есть одна мысль, что вышеозначенные члены первой пятерки склонны были подозрѣвать съ этотъ вечеръ въ числѣ гостей Вир-

гинскаго еще членовъ какихъ-нибудь имъ неизвѣстныхъ группъ, тоже заведенныхъ въ городъ, по той же тайной организаціи и тѣмъ же самымъ Верховенскимъ, такъ что, въ концѣ концовъ, всѣ собравшіеся подозрѣвали другъ друга и одинъ предъ другимъ принимали разныя осанки, что и придавало всему собранію весьма сбивчивый и даже отчасти романическій видъ. Впрочемъ, тутъ были люди и внѣ всякаго подозрѣнія. Такъ, напримѣръ, одинъ служащій майоръ, близкій родственникъ Виргинскаго, совершенно невинный человѣкъ, котораго и не приглашали, но который самъ пришелъ къ имениннику, такъ что никакъ нельзя было его не принять. Но именинникъ все-таки былъ спокоенъ, потому что майоръ „никакъ не могъ донести“; ибо, несмотря на всю свою глупость, всю жизнь любилъ сновать по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ водятся крайніе либералы; самъ не сочувствовалъ, но послушать очень любилъ. Мало того, былъ даже компрометированъ: случилось такъ, что чрезъ его руки, въ молодости, прошли цѣлыя склады „Колокола“ и прокламацій, и хотъ онъ ихъ даже развернуть боялся, но отказаться распространять ихъ почелъ бы за совершенную подлость—и таковы иные русскіе люди даже и до сего дня. Остальные гости или представляли собою типъ придавленнаго до желчи благороднаго самолюбія, или типъ перваго благороднѣйшаго порыва пылкой молодости. То были два или три учителя, изъ которыхъ одинъ хромой, лѣтъ уже сорока пяти, преподаватель въ гимназіи, очень ядовитый и замѣчательно тщеславный человѣкъ, и два или три офицера. Изъ послѣднихъ одинъ очень молодой артиллеристъ, всего только на-дняхъ пріѣхавшій изъ одного учебнаго военнаго заведенія, мальчикъ молчаливый и еще не успѣвшій составить знакомства, вдругъ очутился теперь у Виргинскаго съ карандашомъ въ рукахъ и, почти не участвуя въ разговорѣ, поминутно отмѣчалъ что-то въ своей записной книжкѣ. Всѣ это видѣли, но всѣ почему-то старались дѣлать видъ, что не примѣчаютъ. Былъ еще тутъ праздничношатающійся семинаристъ, который съ Лямшинымъ под-сунулъ книгоношѣ мерзостныя фотографіи, крупный паренъ, съ развязною, но въ то же время недовѣрчивою манерой, съ безсмѣнно обличительною улыбкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со спокойнымъ видомъ торжествующаго совершенства, заключеннаго въ немъ самомъ. Былъ, не знаю для чего, и сынъ нашего городского головы, тотъ самый

скверный мальчишка, истаскавшийся не по лѣтамъ и о которомъ я уже упоминалъ, рассказывая исторію маленькой поручицы. Этотъ весь вечеръ молчалъ. И, наконецъ, въ заключеніе, одинъ гимназистъ, очень горячій и взъерошенный мальчикъ лѣтъ восемнадцати, сидѣвшій съ мрачнымъ видомъ оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ молодого человѣка и видимо страдая за свои восемнадцать лѣтъ. Этотъ крошка былъ уже начальникомъ самостоятельной кучки заговорщиковъ, образовавшейся въ высшемъ классѣ гимназіи, что и обнаружилось, ко всеобщему удивленію, впоследствии. Я не упоминулъ о Шатовѣ: онъ расположился тутъ же, въ заднемъ углу стола, нѣсколько выдвинувъ изъ ряда свой стулъ, смотрѣлъ въ землю, мрачно молчалъ, отъ чаю и хлѣба отказался и все время не выпускалъ изъ рукъ свой картузь, какъ бы желая тѣмъ заявить, что онъ не гость, а пришелъ по дѣлу, а когда захочетъ, встанетъ и уйдетъ. Недалеко отъ него помѣстился и Кирилловъ, тоже очень молчаливый, но въ землю не смотрѣлъ, а, напротивъ, въ упоръ разсматривалъ cadaго говорившаго своимъ неподвижнымъ взглядомъ безъ блеску и выслушивалъ все безъ малѣйшаго волненія или удивленія. Нѣкоторые изъ гостей, никогда не видавшіе его прежде, разглядывали его задумчиво и украдкой. Неизвѣстно, знала-ли что-нибудь сама м-ше Виргинская о существовавшей пятеркѣ? Полагаю, что знала все, и именно отъ супруга. Студентка же, конечно, ни въ чемъ не участвовала, но у ней была своя забота: она намѣревалась прогостить всего только день или два, а затѣмъ отправиться дальше и дальше, по всѣмъ университетскимъ городамъ, чтобы „принять участіе въ страданіяхъ бѣдныхъ студентовъ и возбудить ихъ къ протесту“. Она везла съ собою нѣсколько сотъ экземпляровъ литографированнаго воззванія и, кажется, собственнаго сочиненія. Замѣчательно, что гимназистъ возненавидѣлъ ее съ перваго взгляда почти до кровомщенія, хотя и видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни, а она равномѣрно его. Майоръ приходился ей роднымъ дядей и встрѣтилъ ее сегодня въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ. Когда вошли Ставрогинъ и Верховенскій, щеки ея были красны какъ клюква: она только что разобралась съ дядей за убѣжденія по женскому вопросу.

II.

Верховенскій замѣчательно небрежно развалился на стулѣ въ верхнемъ углу стола, почти ни съ кѣмъ не здоровавшись. Видъ его былъ брюзгливый и даже надменный. Ставрогинъ раскланялся вѣжливо, но, несмотря на то, что всѣ только ихъ и ждали, всѣ, какъ по командѣ, сдѣлали видъ, что ихъ почти не примѣчаютъ. Хозяйка строго обратилась къ Ставрогину, только что онъ усѣлся.

— Ставрогинъ, хотите чаю?

— Дайте, отвѣтилъ тотъ.

— Ставрогину чаю, скомандовала она разливательница, — а вы хотите? (это ужъ къ Верховенскому).

— Давайте, конечно, кто-жъ про это гостей спрашиваетъ? Да давайте и сливокъ, у васъ всегда такую мерзость даютъ вмѣсто чаю; а еще въ домѣ именинникъ.

— Какъ, и вы признаете именины? засмѣялась вдругъ студентка. — Сейчасъ о томъ говорили.

— Старо, проворчалъ гимназистъ съ другого конца стола.

— Что такое старо? Забывать предрасудки не старо, хотя бы самые невинные, а, напротивъ, къ общему стыду, до сихъ поръ еще ново, мигомъ заявила студентка, такъ и дернувшись впередъ со стула. — Къ тому же нѣтъ невинныхъ предрасудковъ, прибавила она съ ожесточеніемъ.

— Я только хотѣлъ заявить, заволновался гимназистъ ужасно, — что предрасудки хотя, конечно, старая вещь и надо истреблять, но насчетъ именинъ всѣ уже знаютъ, что глупости и очень старо, чтобы терять драгоценное время, и безъ того уже всѣмъ свѣтомъ потерянное, такъ что можно бы употребить свое остроуміе на предметъ болѣе нуждающійся...

— Слишкомъ долго тянете, ничего не поймешь, прокричала студентка.

— Мнѣ кажется, что всякій имѣетъ право голоса наравнѣ съ другимъ, и если я желаю заявить мое мнѣніе, какъ и всякій другой, то...

— У васъ никто не отниметъ права вашего голоса, рѣзко оборвала уже сама хозяйка, — васъ только приглашаютъ не мямлить, потому что васъ никто не можетъ понять.

— Однакоже, позвольте замѣтить, что вы меня не ува-

жаете; если я и не могъ докончить мысль, то это не оттого, что у меня нѣтъ мыслей, а скорѣе отъ избытка мыслей... чуть не въ отчаяніи пробормоталъ гимназистъ, и окончательно спутался.

— Если не умѣете говорить, то молчите, хлопнула студентка.

Гимназистъ даже привскочилъ со стула.

— Я только хотѣлъ заявить, проеирчалъ онъ, весь горя отъ стыда и боясь осмотрѣться вокругъ,—что вамъ только хотѣлось выскочить съ вашимъ умомъ потому, что вошелъ господинъ Ставрогинъ—вотъ что!

— Ваша мысль грязна и безнравственна и означаетъ все ничтожество вашего развитія. Прошу болѣе ко мнѣ не относиться, протрещала студентка.

— Ставрогинъ, начала хозяйка,—до васъ тутъ кричали сейчасъ о правахъ семейства,—вотъ этотъ офицеръ (она кивнула на родственника своего, майора). И ужъ, конечно, не я стану васъ беспокоить такимъ старымъ вздоромъ, давно порѣшеннымъ. Но откуда, однако, могли взяться права и обязанности семейства въ смыслѣ того предразсудка, въ которомъ теперь представляются? Вотъ вопросъ. Ваше мнѣніе?

— Какъ откуда могли взяться? переспросилъ Ставрогинъ.

— То-есть, мы знаемъ, напимѣръ, что предразсудокъ о Богѣ произошелъ отъ грома и молніи, вдругъ рванулась опять студентка, чуть не вскакивая глазами на Ставрогина;—слишкомъ извѣстно, что первоначальное человѣчество, пугаясь грома и молніи, обоготворило невидимаго врага, чувствуя предъ нимъ свою слабость. Но откуда произошелъ предразсудокъ о семействѣ? Откуда могло взяться само семейство?

— Это не совсѣмъ то же самое... хотѣла было остановить хозяйка.

— Я полагаю, что отвѣтъ на такой вопросъ нескромный, отвѣчалъ Ставрогинъ.

— Какъ такъ? дернулась впередъ студентка.

Но въ учительской группѣ послышалось хихиканье, которому тотчасъ же отозвались съ другого конца Лямшинъ и гимназистъ, а за ними сильнымъ хохотомъ и родственникъ майоръ.

— Вамъ бы писать водевили, замѣтила хозяйка Ставрогину.

— Слишкомъ не къ чести вашей относится, не знаю какъ васъ зовуть, отрѣзала въ рѣшительномъ негодованіи студентка.

— А ты не выскакивай! брякнулъ майоръ, — ты барышня, тебѣ должно скромно держать себя, а ты ровно на иголку сѣла.

— Извольте молчать и не смѣйте обращаться ко мнѣ фамиллярно съ вашими пакостными сравненіями. Я васъ въ первый разъ вижу и знать вашего родства не хочу.

— Да вѣдь я-жъ тебѣ дяди; я тебя на рукахъ, еще грудного ребенка, таскалъ!

— Какое мнѣ дѣло, что бы вы тамъ ни таскали. Я васъ тогда не просила таскать, значить, вамъ, господинъ неучливый офицеръ, самому тогда доставляло удовольствіе. И позвольте мнѣ замѣтить, что вы не смѣете говорить мнѣ *ты*, если не отъ гражданства, и я вамъ разъ навсегда запрещаю.

— Вотъ всѣ онѣ такъ! стукнулъ майоръ кулакомъ по столу, обращаясь къ сидѣвшему напротивъ Ставрогину. — Нѣтъ-съ, позвольте, я либерализмъ и современность люблю и люблю послушать умные разговоры, но, предупреждаю — отъ мужчинъ. Но отъ женщинъ, но вотъ отъ современныхъ этихъ разлетаекъ — нѣтъ-съ, это боль моя! Ты не вертись! крикнулъ онъ студенткѣ, которая порывалась со стула, — нѣтъ, я тоже слова прошу, я обиженъ-съ.

— Вы только мѣшаете другимъ, а сами ничего не умѣете сказать, съ негодованіемъ проворчала хозяйка.

— Нѣтъ, ужъ я выскажу, горячился майоръ, обращаясь къ Ставрогину. — Я на васъ, господинъ Ставрогинъ, какъ на новаго вошедшаго человѣка рассчитываю, хотя и не имѣю чести васъ знать. Безъ мужчинъ онѣ пропадутъ какъ мухи — вотъ мое мнѣніе. Весь ихъ женскій вопросъ — это одинъ только недостатокъ оригинальности. Увѣряю же васъ, что женскій этотъ весь вопросъ выдумали имъ мужчины, съ-дуру, сами на свою шею, — слава только Богу, что я не женатъ! Ни малѣйшаго разнообразія-съ, узора простого не выдумаютъ, и узоры за нихъ мужчины выдумываютъ! Вотъ-съ, я ее на рукахъ носилъ, съ ней, десятилѣтней, мазурку танцевалъ, сегодня она пріѣхала, натурально лечу обнять, а она мнѣ со второго слова объявляетъ, что Бога нѣтъ. Да хоть бы съ третьяго, а не со второго слова, а то спѣшить! Ну, положимъ, умные люди не вѣрують, такъ вѣдь это отъ ума, а ты, говорю,

пузырь, ты что въ Богѣ понимаешь? Вѣдь тебя студентъ научилъ, а научилъ бы лампадки зажигать, ты бы и за-жигала.

— Вы все лжете, вы очень злой человѣкъ, а я давеча доказательно выразила вамъ вашу несостоятельность, от-вѣтила студентка съ пренебреженіемъ и какъ бы прези-рая много объясняться съ такимъ человѣкомъ. — Я вамъ именно говорила давеча, что насъ всѣхъ учили по катехи-зису: „Если будешь почитать своего отца и своихъ роди-телей, то будешь долготѣнимъ и тебѣ дано будетъ богат-ство“. Это въ десяти заповѣдяхъ. Если Богъ нашелъ необхо-димымъ предлагать за любовь награду, стало-быть, вашъ Богъ безнравственъ. Вотъ въ какихъ словахъ я вамъ давеча доказала, и не со второго слова, а потому что вы заявили права свои. Кто-жъ виновать, что вы тупы и до сихъ поръ не понимаете. Вамъ обидно и вы злитесь—вотъ вся разгадка вашего поколѣнія.

— Дурында! проговорилъ майоръ.

— А вы дуракъ.

— Ругайся!

— Но, позвольте, Капитонъ Максимовичъ, вѣдь вы сами же говорили мнѣ, что въ Бога не вѣруете, пропищаль съ конца стола Липутинъ.

— Что-жъ что я говорилъ, я—другое дѣло! Я, можетъ, и вѣрую, но только не совѣмъ. Я хоть и не вѣрую вполне, но все-таки не скажу, что Бога разстрѣлять надо. Я, еще въ гусарахъ служа, насчетъ Бога задумывался. Во всѣхъ стихахъ приято, что гусаръ пьетъ и кутить, такъ-съ, я, можетъ, и пилъ, но, вѣрите-ли, вскочишь ночью съ по-стели въ однихъ носкахъ и давай кресты крестить предъ образомъ, чтобы Богъ вѣру послалъ, потому что я и тогда не могъ быть спокойнымъ: есть Богъ или нѣтъ? До того оно мнѣ солоно доставалось! Утромъ, конечно, развлечешься, и опять вѣра какъ будто пропадетъ, да и вообще, я замѣтилъ, что днемъ всегда вѣра нѣсколько пропадаетъ.

— А не будетъ-ли у васъ картъ? зѣвнулъ во весь ротъ Верховенскій, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Я слишкомъ, слишкомъ сочувствую вашему вопросу! рванулась студентка, рдѣя въ негодованіи отъ словъ майора.

— Теряется золотое время, слушая глупые разговоры, отрѣзала хозяйка и взыскательно посмотрѣла на мужа.

Студентка подобралась.

— Я хотѣла заявить собранію о страданіи и о протестѣ студентовъ, а такъ какъ время тратится въ безнравственныхъ разговорахъ...

— Ничего нѣтъ ни нравственнаго, ни безнравственнаго! тотчасъ не вытерпѣлъ гимназистъ, какъ только начала студентка.

— Это я знала, господинъ гимназистъ, гораздо прежде, чѣмъ васъ тому научили.

— А я утверждаю, остервенился тотъ,—что вы—пріѣхавшій изъ Петербурга ребенокъ съ тѣмъ, чтобы насъ всѣхъ просвѣтить, тогда какъ мы и сами знаемъ. О заповѣди: „Чти отца и мать твою“, которую вы не умѣли прочесть, и что она безнравственна—уже съ Бѣлинскаго всѣмъ въ Россіи извѣстно.

— Кончится-ли это когда-нибудь? рѣшительно проговорила м-ше Виргинская мужу.

Какъ хозяйка, она краснѣла за ничтожество разговоровъ, особенно замѣтивъ нѣсколько улыбокъ и даже недоумѣніе между новоопозванными гостями.

— Господа, возвысилъ вдругъ голосъ Виргинскій,—если бы кто пожелалъ начать о чемъ-нибудь болѣе идущемъ къ дѣлу, или имѣетъ что заявить, то я предлагаю приступить, не теряя времени.

— Осмѣлюсь сдѣлать одинъ вопросъ, мягко проговорилъ доселѣ молчавшій и особенно чинно сидѣвшій хромой учитель: — я желалъ бы знать, составляемъ-ли мы здѣсь, теперь, какое-нибудь засѣданіе, или, просто, мы собраніе обыкновенныхъ смертныхъ, пришедшихъ въ гости? Спрашиваю болѣе для порядку и чтобы не находиться въ невѣдѣніи.

„Хитрый“ вопросъ произвелъ впечатлѣніе; всѣ переглянулись, какъ бы ожидая одинъ отъ другого отвѣта и, вдругъ всѣ, какъ по командѣ, обратили взгляды на Верховенскаго и Ставрогина.

— Я просто предлагаю вотировать отвѣтъ на вопросъ; „засѣданіе мы или нѣтъ?“ проговорила м-ше Виргинская.

— Совершенно присоединяюсь къ предложенію, отозвался Липутинъ,—хотя оно и нѣсколько неопредѣленно.

— И я присоединяюсь, и я, слышались голоса.

— И мнѣ кажется, дѣйствительно, будетъ болѣе порядку, скрѣпилъ Виргинскій.

— И такъ, на голоса! объявила хозяйка. — Лямшигъ,

прошу васъ, сядьте за фортепіано: вы и оттуда можете подать вашъ голосъ, когда начнутъ вотировать.

— Опять! крикнулъ Лямшинъ. — Довольно я вамъ барабанилъ.

— Я васъ прошу настойчиво, сядьте играть; вы не хотите быть полезнымъ дѣлу?

— Да увѣряю же васъ, Арина Прохоровна, что никто не подслушиваетъ. Одна ваша фантазія. Да и окна высоки, да и кто тутъ пойметъ что-нибудь, если-бъ и подслушивалъ.

— Мы и сами-то не понимаемъ въ чемъ дѣло, проворчалъ чей-то голосъ.

— А я вамъ говорю, что предосторожность всегда необходима. Я на случай, если бы шпионы, обратилась она съ толкованіемъ къ Верховенскому, — пусть услышатъ съ улицы, что у насъ именины и музыка.

— Э, чортъ! выругался Лямшинъ, сѣлъ за фортепіано и началъ барабанить вальсъ, зря и чуть не кулаками стуча по клавишамъ.

— Тѣмъ, кто желаетъ, чтобы было засѣданіе, я предлагаю поднять правую руку вверхъ, предложила м-ше Виргинская.

Одни подняли, другіе нѣтъ. Были и такіе, что подняли и опять взяли назадъ. Взяли назадъ и опять подняли.

— Фу, чортъ! Я ничего не понялъ, крикнулъ одинъ офицеръ.

— И я не понимаю! крикнулъ другой.

— Нѣтъ, я понимаю! крикнулъ третій. — Если да, то руку вверхъ.

— Да что да-то значитъ?

— Значить, засѣданіе.

— Нѣтъ, не засѣданіе.

— Я вотировалъ засѣданіе, крикнулъ гимназистъ, обращаясь къ м-ше Виргинской.

— Такъ зачѣмъ же вы руку не подняли?

— Я все на васъ смотрѣлъ, вы не подняли, такъ и я не поднималъ.

— Какъ глупо; я потому, что я предлагала, потому и не подняла. Господа, предлагаю вновь обратно: кто хочетъ засѣданіе, пусть сидитъ и не поднимаетъ руки, а кто не хочетъ, тотъ пусть подыметъ правую руку.

— Кто не хочетъ? переспросилъ гимназистъ.

— Да вы это нарочно, что-ли? крикнула въ гнѣвѣ m-ше Виргинская.

— Нѣтъ-съ, позвольте, кто хочетъ или кто не хочетъ, потому что это надо точнѣе опредѣлить? раздались два-три голоса.

— Кто не хочетъ, не хочетъ.

— Ну, да, но что надо дѣлать, подымать или не подымать, если не хочетъ? крикнулъ офицеръ.

— Эхъ, къ конституціи-то мы еще не привыкли! замѣтилъ майоръ.

— Господинъ Лямшинъ, сдѣлайте одолженіе, вы такъ стучите, никто не можетъ слышать, замѣтилъ хромой учитель.

— Да ей-Богу же, Арина Прохоровна, никто не подслушиваетъ, вскочилъ Лямшинъ.—Да не хочу же играть! Я къ вамъ въ гости пришелъ, а не барабанить!

— Господа, продолжалъ Виргинскій,—отвѣчайте всѣмъ голосомъ: засѣданіе мы или нѣтъ?

— Засѣданіе, засѣданіе! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А если такъ, то нечего и вотировать, довольно. Довольны-ли вы, господа, надо-ли еще вотировать?

— Не надо, не надо, поняли!

— Можетъ-быть, кто не хочетъ засѣданія?

— Нѣтъ, нѣтъ, всѣ хотимъ!

— Да что такое засѣданіе? крикнулъ голосъ.

Ему не отвѣтили.

— Надо выбрать президента! крикнули съ разныхъ сторонъ.

— Хозяина, разумѣется, хозяина!

— Господа, коли такъ, началъ избранный Виргинскій, — то я предлагаю давешнее первоначальное мое предложеніе: если бы кто пожелалъ начать о чемъ-нибудь болѣе идущемъ къ дѣлу, или имѣетъ что заявить, то пусть приступитъ не теряя времени.

Общее молчаніе. Взгляды всѣхъ вновь обратились на Ставрогина и Верховенскаго.

— Верховенскій, вы не имѣете ничего заявить? прямо спросила хозяйка.

— Ровно ничего, потянулся онъ, зѣвая на стулъ.—Я, впрочемъ, желалъ бы рюмку коньяку.

— Ставрогинъ, вы не желаете?

— Благодарю, я не пью.

— Я говорю, желаете вы говорить или нѣтъ, а не про коньякъ!

— Говорить, объ чемъ? Нѣтъ, не желаю.

— Вамъ принесутъ коньяку, отвѣтила она Верховенскому.

Поднялась студентка. Она уже нѣсколько разъ подвскакивала.

— Я пріѣхала заявить о страданіяхъ несчастныхъ студентовъ и о возбужденіи ихъ повсемѣстно къ протесту...

Но она осѣклась; на другомъ концѣ стола явился уже другой конкурентъ, и всѣ взоры обратились къ нему. Длинноухій Шигалевъ съ мрачнымъ и угрюмымъ видомъ медленно поднялся со своего мѣста и меланхолически положилъ толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь на столъ. Онъ не сѣлся и молчалъ. Многіе съ замѣшательствомъ смотрѣли на тетрадь, но Липутинъ, Виргинскій и хромой учитель были, казалось чѣмъ-то довольны.

— Прощу слова, угрюмо, но твердо заявилъ Шигалевъ.

— Имѣете, разрѣшилъ Виргинскій.

Ораторъ сѣлъ, помолчалъ съ полминуты, и произнесъ важнымъ голосомъ:

— Господа!..

— Вотъ коньякъ! брезгливо и презрительно отрубил родственница, разливавшая чай, уходившая за коньякомъ, и ставя его теперь передъ Верховенскимъ вмѣстѣ съ рюмкой, которую принесла въ пальцахъ, безъ подноса и безъ тарелки.

Прерванный ораторъ съ достоинствомъ пріостановился.

— Ничего, продолжайте, я не слушаю! крикнулъ Верховенскій, наливая себѣ рюмку.

— Господа, обращаясь къ вашему вниманію, началъ вновь Шигалевъ, — и, какъ увидите ниже, испрашивая вашей помощи въ пунктѣ первостепенной важности, я долженъ произнести предисловіе.

— Арина Прохоровна, нѣтъ у васъ ножницъ? спросилъ вдругъ Петръ Степановичъ.

— Зачѣмъ вамъ ножницъ? выпучила та на него глаза.

— Забылъ ногти обстричь, три дня собираюсь, промолвилъ онъ, безмятежно разсматривая свои длинные и нечистые ногти.

Арина Прохоровна вспыхнула, но дѣвицѣ Виргинской какъ бы что-то понравилось.

— Кажется, я ихъ здѣсь, на окнѣ давеча видѣла, встала она изъ-за стола, пошла, отыскала ножницы и тотчасъ же принесла съ собой.

Петръ Степановичъ даже не посмотрѣлъ на нее, взявъ ножницы и началъ возиться съ ними. Арина Прохоровна поняла, что это реальный пріемъ, и устыдилась своей обидчивости. Собраніе переглядывалось молча. Хромымъ учитель злобно и завистливо наблюдалъ Верховенскаго. Шигалевъ сталъ продолжать:

— Посвятить мою энергію на изученіе вопроса о социальномъ устройствѣ будущаго общества, которымъ замѣнится настоящее, я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ создатели социальныхъ системъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противорѣчившіе себѣ, ничего ровно не понимавшіе въ естественной наукѣ и въ томъ странномъ животномъ, которое называется человѣкомъ. Платонъ, Руссо, Фурье, колонны изъ алюминія, все это годится развѣ для воровъ, а не для общества человѣческаго. Но такъ какъ будущая общественная форма необходима именно теперь, когда всѣ мы, наконецъ, собираемся дѣйствовать, чтобъ уже болѣе не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства міра. Вотъ она! стукнулъ онъ по тетради. — Я хотѣлъ изложить собранію мою книгу по возможности въ сокращенномъ видѣ; но вижу, что потребуется еще прибавить множество изустныхъ разъясненій, а потому все изложеніе потребуетъ, по крайней мѣрѣ, десяти вечеровъ, по числу главъ моей книги. (Послышался смѣхъ). Кромѣ того, объявляю заранѣе, что система моя не окончена. (Смѣхъ опять). Я запутался въ собственныхъ данныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противорѣчій съ первоначальной идеей, изъ которой я выхожу. Выходя изъ безграничной свободы, я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ. Прибавлю, однакожъ, что кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы не можетъ быть никакого.

Смѣхъ разрастался сильнѣй и сильнѣй, но смѣялись болѣе молодые и, такъ сказать, мало посвященные гости. На лицахъ хозяйки, Лишутина и хромого учителя выразилась нѣкоторая досада.

— Если вы сами не сумѣли слѣпить свою систему и пришли къ отчаянію, то намъ-то тутъ чего дѣлать? осторожно замѣтилъ одинъ офицеръ.

— Вы правы, господинъ служащій офицеръ, рѣзко оборотился къ нему Шигалевъ,—и всего болѣе тѣмъ, что употребили слово отчаяніе. Да, я приходилъ къ отчаянію; тѣмъ не менѣе все, что изложено въ моей книгѣ,—незамѣнимо и другого выхода нѣтъ; никто ничего не выдумаетъ. И потому спѣшу, не теряя времени, пригласить все общество, по выслушаніи моей книги въ продолженіе десяти вечеровъ, заявить свое мнѣніе. Если же члены не захотятъ меня слушать, то разойдемся въ самомъ началѣ,—мужчины, чтобы заняться государственною службой, женщины—въ свои кухни, потому что, отвергнувъ книгу мою, другого выхода они не найдутъ. Ни-ка-кого! Упустивъ же время, повредятъ себѣ, такъ какъ потомъ неминуемо къ тому же воротятся.

Началось движеніе: „Что онъ, помѣшанный, что-ли?“ раздались голоса.

— Значить, все дѣло въ отчаяніи Шигалева, заключилъ Лямшинъ,—а насущный вопросъ въ томъ: быть или не быть ему въ отчаяніи?

— Близость Шигалева къ отчаянію есть вопросъ личный, заявилъ гимназистъ.

— Я предлагаю вотировать, насколько отчаяніе Шигалева касается общаго дѣла, а съ тѣмъ вмѣстѣ, стоитъ-ли слушать его или нѣтъ? весело рѣшилъ офицеръ.

— Тутъ не то-съ, ввязался, наконецъ, хромой. Вообще онъ говорилъ съ нѣкоторой, какъ бы насмѣшливою улыбкой, такъ что, пожалуй, трудно было и разобрать, искренно онъ говоритъ или шутить.—Тутъ, господа, не то-съ. Г. Шигалевъ слишкомъ серьезно преданъ своей задачѣ и притомъ слишкомъ скроменъ. Мнѣ книга его извѣстна. Онъ предлагаетъ, въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса,—раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Гдѣ же должны потерять личность и обратиться въ родъ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть рядомъ перерожденій первобытной невинности, въ родъ какъ бы первобытнаго рая, хотя, впрочемъ, и будутъ работать. Мѣры, предлагаемыя авторомъ для отнятія у девяти десятыхъ человѣчества воли и передѣлки его въ стадо, посредствомъ перевоспитанія цѣлыхъ поколѣній,—весьма замѣчательны, основаны на естественныхъ данныхъ и очень логичны. Можно не согласиться съ иными выводами, но

въ умѣ и въ знаніяхъ автора усомниться трудно. Жаль, что условіе десяти вечеровъ совершенно несовмѣстимо съ обстоятельствами, а то бы мы могли услышать много любопытнаго.

— Неужели вы серьезно? обратилась къ хрому м-ше Виргинская, въ нѣкоторой даже тревогѣ.—Если этотъ человѣкъ, не зная куда дѣваться съ людьми, обращаетъ ихъ девять десятыхъ въ рабство? Я давно подозрѣвала его.

— То-есть вы про вашего брата? спросилъ хромой.

— Родство? Вы смѣтаетесь надо мною или нѣтъ?

— И кромѣ того работать на аристократовъ и повиноваться имъ какъ богамъ—это подлость! яростно замѣтила студентка.

— Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другого на землѣ быть не можетъ, властно заключилъ Шигалевъ.

— А я бы, вмѣсто рая, вскричалъ Лямшинъ,—взялъ бы этихъ девять десятыхъ человѣчества, если ужъ некуда съ ними дѣваться, и взорвалъ ихъ на воздухъ, а оставилъ бы только кучку людей образованныхъ, которые и начали бы жить-поживать по-ученому.

— Такъ можетъ говорить только шутъ! вспыхнула студентка.

— Онъ шутъ, но полезень, шепнула ей м-ше Виргинская.

— И, можетъ быть, это было бы самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ задачи! горячо оборотился Шигалевъ къ Лямшину,—вы, конечно, и не знаете, какую глубокую вещь удалось вамъ сказать, господинъ веселый человѣкъ. Но такъ какъ ваша идея почти невыполнима, то и надо ограничиться земнымъ раемъ, если ужъ такъ это назвали.

— Однако, порядочный вздоръ! какъ бы вырвалось у Верховенскаго. Впрочемъ, онъ совершенно равнодушно и не подымая глазъ продолжалъ обстригать свои ногти.

— Почему же вздоръ-съ? тотчасъ же подхватилъ хромой, какъ будто такъ и ждалъ отъ него перваго слова, чтобы вцѣпиться.—Почему же именно вздоръ? Господинъ Шигалевъ отчасти фанатикъ человѣколюбія; но вспомните, что у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самыхъ деспотическихъ и самыхъ фантастическихъ предрѣшеній вопроса. Господинъ Шигалевъ даже, можетъ быть, гораздо трезвѣе ихъ разрѣшаетъ

дѣло. Увѣряю васъ, что, прочитавъ книгу его, почти невозможно не согласиться съ иными вещами. Онъ, можетъ быть, менѣе всѣхъ удалился отъ реализма, и его земной рай—есть почти настоящій, тотъ самый, о потерѣ котораго вздыхаетъ человѣчество, если только онъ когда-нибудь существовалъ.

— Ну, я такъ и зналъ, что нарвусь, пробормоталъ опять Верховенскій.

— Позвольте-съ, вскиналъ все болѣе и болѣе хромой,— разговоры и сужденія о будущемъ социальномъ устройствѣ—почти настоящая необходимостъ всѣхъ мыслящихъ современныхъ людей. Герценъ всю жизнь только о томъ заботился. Бѣлинскій, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, проводилъ цѣлыя вечера со своими друзьями, дебатировавъ и предрѣшая заранѣе даже самыя мелкія, такъ сказать, кухонныя подробности въ будущемъ социальномъ устройствѣ.

— Даже съ ума сходятъ иные, вдругъ замѣтилъ майоръ.

— Все-таки хоть до чего-нибудь договориться можно, тѣмъ сидѣть и молчать въ видѣ диктаторовъ, прошипѣлъ Лицутинь, какъ бы осмѣливаясь, наконецъ, начать нападеніе.

— Я не про Шигалева сказалъ, что вздоръ, промямлилъ Верховенскій. — Видите, господа, приподнялъ онъ капельку глаза, — по-моему, всѣ эти книги, Фурье, Кабетты, всѣ эти „права на работу“, Шигалевщина—все это въ родѣ романовъ, которыхъ можно написать сто тысячъ. Эстетическое препровожденіе времени. Я понимаю, что вамъ здѣсь въ городишкѣ скучно, вы и бросаетесь на писанную бумагу.

— Позвольте-съ, задергался на стулѣ хромой,—мы хоть и провинціалы и, ужъ конечно, достойны тѣмъ сожалѣніямъ, но, однакоже, знаемъ, что на свѣтѣ покамѣстъ ничего такого новаго не случилось, о чемъ бы намъ плакать, что проглядѣли. Намъ вотъ предлагаютъ, чрезъ разныя подкидныя листки иностранной фактуры, сомкнуться и завести кучки съ единственною цѣлью всеобщаго разрушенія, подъ тѣмъ предлогомъ, что какъ міръ ни лѣчи, все не вылѣчишь, а срѣзавъ радикально сто миліоновъ головъ и тѣмъ облегчивъ себя, можно вѣрнѣе перескочить черезъ канавку. Мысль прекрасная, безъ сомнѣнія, но, по крайней мѣрѣ, столь же несомѣстимая съ дѣйствительностію, какъ и „Шигалевщина“, о которой вы сейчасъ отнеслись такъ презрительно.

— Ну, да я не для разсужденій пріѣхалъ, промахнулся значительнымъ словомъ Верховенскій, и какъ бы вовсе не замѣчая своего промаха, подвинулъ къ себѣ свѣчу, чтобы было свѣтлѣе.

— Жаль-съ, очень жаль, что не для разсужденій пріѣхали, и очень жаль, что вы теперь заняты своимъ туалетомъ!

— А чего вамъ мой туалетъ?

— Сто милліоновъ головъ такъ же трудно осуществить, какъ и передѣлать міръ пропагандой. Даже, можетъ быть, и труднѣе, особенно если въ Россіи, рискнулъ опять Липутинъ.

— На Россію - то теперь и надѣются, проговорилъ офицеръ.

— Слышали мы о томъ, что надѣются, подхватилъ хромой.— Намъ извѣстно, что на наше прекрасное отечество обращенъ таинственный index, какъ на страну наиболѣе способную къ исполненію великой задачи. Только вотъ что-съ: въ случаѣ постепеннаго разрѣшенія задачи пропагандой, я хоть что-нибудь лично выиграю, ну, хоть приятно поболтаю, а отъ начальства такъ и чинъ получу за услуги соціальному дѣлу. А во второмъ, въ быстромъ-то разрѣшеніи посредствомъ ста милліоновъ головъ, мнѣ-то собственно какая будетъ награда? Начнешь пропагандировать, такъ еще пожалуй языкъ отрѣжутъ.

— Вамъ непременно отрѣжутъ, сказалъ Верховенскій.

— Видите-съ. А такъ какъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ раньше пятидесяти лѣтъ, ну, тридцати, такую рѣзню не докончишь, потому что вѣдь не бараны же тѣ-то, пожалуй, и не дадутъ себя рѣзать,— то не лучше-ли, собравши свой скарбъ, переселиться куда-нибудь за тихія моря на тихіе острова, и закрыть тамъ свои глаза безмятежно? Повѣрьте-съ, постучалъ онъ значительно пальцемъ по столу,—вы только эмиграцію такую пропагандой вызовете, а болѣе ничего-съ!

Онъ закончилъ видимо торжествуя. Это была сильная губернская голова. Липутинъ коварно улыбался, Виргинскій слушалъ нѣсколько уныло, остальные всѣ, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, слѣдили за споромъ, особенно дамы и офицеры. Всѣ понимали, что агента ста милліоновъ головъ приперли къ стѣнѣ, и ждали, что изъ этого выйдетъ.

— Это вы, впрочемъ, хорошо сказали, еще равнодуш-

нѣе чѣмъ прежде, даже какъ бы со скукой промямлилъ Верховенскій. — Эмигрировать — мысль хорошая. Но все-таки, если, несмотря на всѣ явныя невыгоды, которыя вы предчувствуете, солдатъ на общее дѣло является все больше и больше съ каждымъ днемъ, то и безъ васъ обойдется. Тутъ, батюшка, новая религія идетъ взамѣнъ старой, оттого такъ много солдатъ и является, и дѣло это крупное. А вы эмигрируйте! И знаете, я вамъ совѣтую въ Дрезденъ, а не на тихіе острова. Во-первыхъ, это городъ, никогда не видавшій никакой эпидеміи, а такъ какъ вы человѣкъ развитый, то навѣрно смерти боитесь; во-вторыхъ, близко отъ русской границы, такъ что можно скорѣе получать изъ любезнаго отечества доходы; въ-третьихъ, включаетъ въ себѣ такъ-называемыя сокровища искусствъ, а вы человѣкъ эстетическій, бывшій учитель словесности, кажется; ну, и наконецъ, включаетъ въ себѣ свою собственную карманную Швейцарію — это ужъ для поэтическихъ вдохновеній, потому, навѣрно, стишки пишете. Однимъ словомъ, кладъ въ табакеркѣ!

Произошло движеніе; особенно офицеры зашевелились. Еще мгновеніе, и всѣ бы разомъ заговорили. Но хромой раздражительно накинулся на приманку:

— Нѣтъ-съ, мы еще, можетъ быть, и не уѣдемъ отъ общаго дѣла! Это надо понимать-съ...

— Какъ такъ, вы развѣ пошли бы въ пятерку, если бѣ и вамъ предложилъ? брякнулъ вдругъ Верховенскій и положилъ ножницы на столъ.

Всѣ какъ бы вздрогнули. Загадочнымъ человѣкъ слишкомъ вдругъ раскрылся. Даже прямо про „пятерку“ заговорилъ.

— Всякій чувствуетъ себя честнымъ человѣкомъ и не уклонится отъ общаго дѣла, закривился хромой, — но...

— Нѣтъ-съ, тутъ ужъ дѣло не въ *но*, властно и рѣзко перебилъ Верховенскій. — Я объявляю, господа, что мнѣ нуженъ прямой отвѣтъ. Я слишкомъ понимаю, что я, прибывъ сюда и собравъ васъ самъ вмѣстѣ, обязанъ вамъ объясненіями (опять неожиданное раскрытіе); но я не могу дать никакихъ, прежде чѣмъ не узнаю, какого образа мыслей вы держитесь. Минуя разговоры, — потому что не тридцать же лѣтъ опять болтать, какъ болтали до сихъ поръ тридцать лѣтъ, — я васъ спрашиваю, что вамъ милѣе: медленный-ли путь, состоящій въ сочиненіи социальныхъ романовъ и въ канцелярскомъ предрѣшеніи судебъ чело-

вѣческихъ на тысячи лѣтъ впередъ на бумагѣ, тогда какъ деспотизмъ тѣмъ временемъ будетъ глотать жареные куски, которые вамъ сами въ ротъ летятъ и которые вы мимо рта пропускаете, или вы держитесь рѣшенія скорого, въ чемъ бы оно ни состояло, но которое, наконецъ, развяжетъ руки и дастъ человѣчеству на просторѣ самому социальнo устроиться и уже на дѣлѣ, а не на бумагѣ? Кричатъ: „сто милліоновъ головъ“; это, можетъ-быть, еще и метафора, но чего ихъ бояться, если при медленныхъ бумажныхъ мечтаніяхъ деспотизмъ въ какія-нибудь во сто лѣтъ съѣстъ не сто, а пятьсотъ милліоновъ головъ? Забудьте еще, что неизлѣчимый большой все равно не вылѣчится, какіе бы ни прописывали ему на бумагѣ рецепты, а, напротивъ, если промедлить, до того загниетъ, что и насъ заразитъ, перепортитъ всѣ свѣжія силы, на которыя теперь еще можно рассчитывать, такъ что мы всѣ, наконецъ, провалимся. Я согласенъ совершенно, что либерально и краснорѣчиво болтать чрезвычайно пріятно, а дѣйствовать — немного кусается... Ну, да, впрочемъ, я говорить не умѣю: я прибылъ сюда съ сообщеніями, а потому прошу всю почтенную компанію не то что вотировать, а прямо и просто заявить, что вамъ веселѣе: черепаший-ли ходъ въ болотѣ, или на всѣхъ парахъ черезъ болото?

— Я положительно за ходъ на парахъ! крикнулъ въ восторгѣ гимназистъ.

— Я тоже, отозвался Лямининъ.

— Въ выборѣ, разумѣется, нѣтъ сомнѣнія, пробормоталъ одинъ офицеръ, за нимъ другой, за нимъ еще кто-то.

Главное, всѣхъ поразило, что Верховенскій съ „сообщеніями“ и самъ обѣщаль сейчасъ говорить.

— Господа, я вижу, что почти всѣ рѣшаютъ въ духѣ прокламацій, проговорилъ онъ, озирая общество.

— Всѣ, всѣ, раздалось большинство голосовъ.

— Я, признаюсь, болѣе принадлежу къ рѣшенію гуманному, проговорилъ майоръ, — но такъ какъ ужъ всѣ, то я со всѣми.

— Выходитъ, стало-быть, что и вы не противорѣчите? обратился Верховенскій къ хромому.

— Я не то чтобы... покраснѣлъ было вѣскольکو тотъ, — но я если и согласенъ теперь со всѣми, то единственно, чтобы не нарушить...

— Вотъ вы всѣ таковы! Полгода спорить готовы для либеральнаго краснорѣчія, а кончить вѣдь тѣмъ, что во-

тируетъ со всѣми! Господа, разсудите, однако, правда-ли, что вы всѣ готовы?

(Къ чему готовы? вопросъ неопредѣленный, но ужасно заманчивый).

— Конечно, всѣ... раздалися заявленія.

Всѣ, впрочемъ, поглядывали другъ на друга.

— А, можетъ, потомъ и обидитесь, что скоро согласились? Вѣдь это почти всегда такъ у васъ бываетъ.

Заволновались въ различномъ смыслѣ, очень заволновались. Хромой налетѣлъ на Верховенскаго.

— Позвольте вамъ, однако, замѣтить, что отвѣты на подобные вопросы обуславливаются. Если мы и дали рѣшеніе, то замѣтите, что все-таки вопросъ, заданный такимъ страннымъ образомъ...

— Какимъ страннымъ образомъ?

— Такимъ, что подобные вопросы не такъ задаются.

— Научите пожалуйста. А, знаете, я такъ вѣдь и увѣренъ былъ, что вы первый обидитесь.

— Вы изъ насъ вытянули отвѣтъ на готовность къ немедленному дѣйствию, а какія, однакоже, права вы имѣли такъ поступать? Какія полномочія, чтобы задавать такіе вопросы?

— Такъ вы объ этомъ раньше бы догадались спросить! Зачѣмъ же вы отвѣчали? Согласились, да и спохватились.

— А по-моему, легкомысленная откровенность вашего главнаго вопроса даетъ мнѣ мысль, что вы вовсе не имѣете ни полномочій, ни правъ, а лишь отъ себя любопытствовали.

— Да вы про что, про что? вскричалъ Верховенскій, какъ бы пачиная очень тревожиться.

— А про то, что аффилиаціи, какія бы ни были, дѣлаются, по крайней мѣрѣ, глазъ-на-глазъ, а не въ незнакомомъ обществѣ двадцати человѣкъ! брякнулъ хромой.

Онъ высказался весь, но уже слишкомъ былъ раздраженъ. Верховенскій быстро оборотился къ обществу съ отличо поддѣланнымъ встревоженнымъ видомъ.

— Господа, считаю долгомъ всѣмъ объявить, что все это глупости и разговоръ нашъ далеко зашелъ. Я еще ровно никого не аффилировалъ и никто про меня не имѣетъ права сказать, что я аффилирую, а мы просто говорили о мнѣніяхъ. Такъ-ли? Но такъ или этакъ, а вы меня очень тревожите, повернулся онъ опять къ хромому,—

я никакъ не думалъ, что здѣсь о такихъ почти невинныхъ вещахъ надо говорить глазъ-на-глазъ. Или вы боитесь доноса? Неужели между нами можетъ заключаться теперь доносчикъ?

Волненіе началось чрезвычайное; всѣ заговорили.

— Господа, если бы такъ, продолжалъ Верховенскій, — то вѣдь всѣхъ болѣе компрометировалъ себя я, а потому предложу отвѣтить на одинъ вопросъ, разумѣется, если захотите. Вся ваша полная воля.

— Какой вопросъ? Какой вопросъ? загалдѣли есѣ.

— А такой вопросъ, что послѣ него станетъ ясно: оставаться намъ вмѣстѣ, или молча разобрать наши шапки и разойтись въ свои стороны.

— Вопросъ, вопросъ?

— Если бы каждый изъ насъ зналъ о замышленномъ политическомъ убійствѣ, то пошелъ-ли бы онъ донести, предвидя всѣ послѣдствія, или остался бы дома, ожидая событій? Тутъ взгляды могутъ быть разные. Отвѣтъ на вопросъ скажетъ ясно — разойтись намъ или оставаться вмѣстѣ и уже далеко не на одинъ этотъ вечеръ. Позвольте обратиться къ вамъ первому, обернулся онъ къ хромому.

— Почему же ко мнѣ первому?

— Потому что вы все и начали. Сдѣлайте одолженіе, не уклоняйтесь, ловкость тутъ не поможетъ. Но, впрочемъ, какъ хотите: ваша полная воля.

— Извините, но подобный вопросъ даже обиденъ.

— Нѣтъ, ужъ нельзя-ли точнее.

— Агентомъ тайной полиціи пикогда не бывалъ-съ, скривился тотъ еще болѣе.

— Сдѣлайте одолженіе, точнѣе, не задерживайте.

Хромой до того озлился, что даже пересталъ отвѣчать. Молча, злобнымъ взглядомъ изъ-подъ очковъ въ упоръ смотрѣлъ онъ на истязателя.

— Да или нѣтъ? Допесли бы или не донесли? крикнулъ Верховенскій.

— Разумѣется, не донесу! крикнулъ вдвое сильнѣе хромой.

— И никто не донесетъ, разумѣется, не донесетъ, слышались многіе голоса.

— Позвольте обратиться къ вамъ, господинъ майоръ, донесли бы вы или не донесли? продолжалъ Верховенскій.—И замѣтите, я нарочно къ вамъ обращаюсь.

— Не донесу-съ.

— Ну, а если бы вы знали, что кто-нибудь хочет убить и ограбить другого, обыкновеннаго смертнаго, вѣдь вы бы донесли, предупѣдомили?

— Конечно-съ, по вѣдь это гражданскій случай, а тутъ доносъ политическій. Агентомъ тайной полиціи не бываль-съ.

— Да и никто здѣсь не бываль, слышались опять голоса.—Напрасный вопросъ. У всѣхъ одинъ отвѣтъ. Здѣсь не доносчики!

— Отчего встаетъ этотъ господинъ? крикнула студентка.

— Это Шатовъ. Отчего вы встали, Шатовъ? крикнула хозяйка.

Шатовъ всталъ дѣйствительно, онъ держалъ свою шапку въ рукѣ и смотрѣлъ на Верховенскаго. Казалось, онъ хотѣлъ ему что-то сказать, но колебался. Лицо его было блѣдно и злобно, но онъ выдержалъ, не проговорилъ ни слова и молча пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Шатовъ, вѣдь это для васъ же невыгодно! загадочно крикнуть ему вслѣдъ Верховенскій.

— Зато тебѣ выгодно, какъ шпиону и подлецу! прокричалъ ему въ дверяхъ Шатовъ и вышелъ совсѣмъ.

Опять крики и восклицанія.

— Вотъ она проба-то! крикнулъ голосъ.

— Пригодилась! крикнулъ другой.

— Не поздно-ли пригодилась-то? замѣтилъ третій.

— Кто его приглашалъ?—Кто принялъ?—Кто таковъ?—Кто такой Шатовъ?—Донесетъ или не донесетъ? сыпались вопросы.

— Если бы доносчикъ, онъ бы прикинулся, а то онъ наплевалъ да и вышелъ, замѣтилъ кто-то.

— Вотъ и Ставрогинъ встаетъ, Ставрогинъ тоже не отвѣчалъ на вопросъ, крикнула студентка.

Ставрогинъ дѣйствительно всталъ, а съ нимъ вмѣстѣ съ другого конца стола поднялся и Кирилловъ.

— Позвольте, господинъ Ставрогинъ, рѣзко обратилась къ нему хозяйка, — мы всѣ здѣсь отвѣтили на вопросъ, между тѣмъ какъ вы молча уходите?

— Я не вижу надобности отвѣчать на вопросъ, который васъ интересуетъ, пробормоталъ Ставрогинъ.

— Но мы себя компрометировали, а вы нѣтъ, закричало нѣсколько голосовъ.

— А мнѣ какое дѣло, что вы себя компрометировали? засмѣялся Ставрогинъ, но глаза его сверкали.

— Какъ какое дѣло? Какъ какое дѣло! раздались восклицанія.

Многіе вскочили со стульевъ.

— Позвольте, господа, позвольте, кричалъ хромой, — вѣдь и господинъ Верховенскій не отвѣчалъ на вопросъ, а только его задавалъ.

Замѣчаніе произвело эффектъ поразительный. Всѣ переглянулись. Ставрогинъ громко засмѣялся въ глаза хромому и вышелъ, а за нимъ Кирилловъ. Верховенскій выбѣжалъ вслѣдъ за ними въ переднюю.

— Что вы со мной дѣлаете? пролепеталъ онъ, схвативъ Ставрогина за руку и изо всей силы стиснувъ ее въ своей.

Тотъ молча вырвалъ руку.

— Будьте сейчасъ у Кириллова, я приду... Мнѣ необходимо, необходимо!

— Мнѣ нѣтъ необходимости! отрѣзалъ Ставрогинъ.

— Ставрогинъ будетъ, покончилъ Кирилловъ.—Ставрогинъ, вамъ есть необходимость. Я вамъ тамъ покажу.

Они вышли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Иванъ-царевичъ.

Они вышли. Петръ Степановичъ бросился было въ „засѣданіе“, чтобъ унять хаосъ, но, вѣроятно, разсудивъ, что не стоитъ возиться, оставилъ все и черезъ двѣ минуты уже летѣлъ по дорогѣ вслѣдъ за ушедшими. На бѣгу ему припомнился переулочекъ, которымъ можно было еще ближе пройти къ дому Филиппова; увязая по колѣна въ грязи, онъ пустился по переулку и въ самомъ дѣлѣ прибѣжалъ въ ту самую минуту, когда Ставрогинъ и Кирилловъ проходили въ ворота.

— Вы уже здѣсь? замѣтилъ Кирилловъ.— Это хорошо. Входите.

— Какъ же вы говорили, что живете одинъ? спросилъ Ставрогинъ, проходя въ сѣняхъ мимо наставленнаго и уже закипавшаго самовара.

— Сейчасъ увидите, съ кѣмъ я живу, пробормоталъ Кирилловъ.— Входите.

Едва вошли, Верховенскій тотчасъ же вынулъ изъ кармана давешнее анонимное письмо, взятое у Лембке, и положилъ предъ Ставрогинымъ. Всѣ трое сѣли. Ставрогинъ молча прочелъ письмо.

— Ну? спросилъ онъ.

— Этотъ негодяй сдѣлаеть какъ по писанному, полсилъ Верховенскій. — Такъ какъ онъ въ вашемъ распоряженіи, то научите какъ поступить. Увѣрю васъ, что онъ, можетъ-быть, завтра же пойдетъ къ Лембке.

— Ну, и пусть идетъ.

— Какъ пусть? Особенно, если можно обойтись.

— Вы ошибаетесь, онъ отъ меня не зависитъ. Да и мнѣ все равно; мнѣ онъ ничѣмъ не угрожаетъ, а угрожаетъ лишь вамъ.

— И вамъ.

— Не думаю.

— Но васъ могутъ другіе не пощадить, неужто не понимаете? Слушайте, Ставрогинъ, это только игра на словахъ. Неужто вамъ денегъ жалко?

— А надо развѣ денегъ?

— Непремѣнно, тысячи двѣ или минимумъ полторы. Дайте мнѣ завтра или даже сегодня, и завтра къ вечеру я спроважу его вамъ въ Петербургъ, того-то ему и хочется. Если хотите, съ Марьей Тимофеевной — это за мѣтьте.

Было въ немъ что-то совершенно сбившееся, говорилъ онъ какъ-то неосторожно, вырывались слова необдуманнныя. Ставрогинъ присматривался къ нему съ удивленіемъ.

— Мнѣ незачѣмъ отсылать Марью Тимофеевну.

— Можетъ-быть, даже и не хотите, иронически улыбнулся Петръ Степановичъ.

— Можетъ-быть, и не хочу.

— Однимъ словомъ: будутъ или не будутъ деньги? въ злобномъ нетерпѣннн и какъ бы властно крикнулъ онъ на Ставрогина.

Тотъ оглядѣлъ его серьезно.

— Денегъ не будетъ.

— Эй, Ставрогинъ! Вы что-нибудь знаете или что-нибудь уже сдѣлали! Вы кутите!

Лицо его искривилось, концы губъ вздрогнули, и онъ вдругъ разсмѣялся какимъ-то совсѣмъ безпредметнымъ, ни къ чему не идущимъ смѣхомъ.

— Вѣдь вы отъ отца вашего получили же деньги за ямѣніе, спокойно замѣтилъ Николай Всеволодовичъ. — Маша выдала вамъ тысячъ шесть или восемь за Степана Трофимовича. Вотъ и заплатите полторы тысячи изъ своихъ. Я не хочу, наконецъ, платить за чужихъ, я

и такъ много роздалъ, мнѣ это обидно... усмѣхнулся онъ самъ на свои слова.

— А, вы шутить начинаете...

Ставрогинъ всталъ со стула, мигомъ вскочилъ и Верховешскій и машинально сталъ спиной къ дверямъ, какъ бы загораживая выходъ. Николай Всеволодовичъ уже сдѣлалъ жестъ, чтобъ оттолкнуть его отъ двери и выйти, но вдругъ остановился.

— Я вамъ Шатова не уступлю, сказалъ онъ.

Петръ Степановичъ вздрогнулъ; оба глядѣли другъ на друга.

— Я вамъ давеча сказалъ, для чего вамъ Шатова кровь нужна, засверкалъ глазами Ставрогинъ. — Вы этою мазью ваши кучки слѣпить хотите. Сейчасъ вы отлично выгнали Шатова: вы слишкомъ знали, что онъ не сказалъ бы: „не донесу“, а солгать предъ вами почелъ бы низостью. Но я-то, я-то для чего вамъ теперь понадобился? Вы ко мнѣ пристааете почти что съ заграницы. То, чѣмъ вы это объясняли мнѣ до сихъ поръ, одинъ только бредъ. Межъ тѣмъ вы клоните, чтобъ я, отдавъ полторы тысячи Лебядину, далъ тѣмъ случай Ѳедькѣ его зарѣзать. Я знаю, у васъ мысль, что мнѣ хочется зарѣзать заодно и жену. Связавъ меня преступленіемъ, вы, конечно, думаете получить надо мною власть, вѣдь такъ? Для чего вамъ власть? На кой чортъ я вамъ повадобился? Разъ навсегда разсмотрите ближе: вашъ-ли я человѣкъ, и оставьте меня въ покоѣ.

— Къ вамъ Ѳедька самъ приходилъ? одышливо проговорилъ Верховешскій.

— Да, онъ приходилъ; его цѣна тоже полторы тысячи... Да вотъ онъ самъ подтвердитъ, вошь стоитъ... протянулъ руку Ставрогинъ.

Петръ Степановичъ быстро обернулся. На порогѣ, изъ темноты, выступила новая фигура — Ѳедька, въ полушубкѣ, но безъ шапки, какъ дома. Онъ стоялъ и посмѣивался, скаля свои ровные бѣлые зубы. Черные съ желтымъ отливомъ глаза его осторожно шмыгали по комнатамъ, наблюдая господъ. Онъ чего-то не понималъ; его очевидно сейчасъ привелъ Кирилловъ, и къ нему-то обращался его вопросительный взглядъ; стоялъ онъ на порогѣ, но переходить комнату не хотѣлъ.

— Онъ здѣсь у васъ припасецъ, вѣроятно, чтобы слышать нашъ торгъ или видѣть даже деньги въ рукахъ,

вѣдь такъ? спросилъ Ставрогинъ и, не дожидаясь отвѣта, пошелъ вонъ изъ дому.

Верховенскій нагналъ его у воротъ почти въ сумасшествіи.

— Стой! Ни шагу! крикнулъ онъ, хватая его за локоть.

Ставрогинъ рванулъ руку, но не вырвалъ. Бѣшенство охватило имъ: схвативъ Верховенскаго за волосы лѣвой рукой, онъ бросилъ его изо всей силы объ землю и вышелъ въ ворота. Но онъ не прошелъ еще тридцати шаговъ, какъ тотъ опять нагналъ его.

— Помиримтесь, помиримтесь, прошепталъ онъ ему судорожнымъ шопотомъ.

Николай Всеволодовичъ вскинулъ плечами, но не остановился и не оборотился.

— Слушайте, я вамъ завтра же приведу Лизавету Никололаевну, хотите? Нѣтъ? Чтѣ же вы не отвѣчаете? Скажите, чего вы хотите, я сдѣлаю. Слушайте: я вамъ отдамъ Шатова, хотите?

— Стало-быть, правда, что вы его убить положили? вскричалъ Николай Всеволодовичъ.

— Ну, зачѣмъ вамъ Шатовъ? Зачѣмъ? задыхающейся скороговоркой продолжалъ изступленный, поминутно забѣгая впередъ и хватаясь за локоть Ставрогина, вѣро-ятно, и не замѣчая того.—Слушайте: я вамъ отдамъ его, помиримтесь. Вашъ счетъ великъ, но... помиримтесь!

Ставрогинъ взглянулъ на него, наконецъ, и былъ пораженъ. Это былъ не тотъ взглядъ, не тотъ голосъ, какъ всегда или какъ сейчасъ тамъ въ комнатѣ; онъ видѣлъ почти другое лицо. Интонація голоса была не та: Верховенскій молилъ, упрасивалъ. Это былъ еще не опомнившійся человѣкъ, у котораго отнимаютъ или уже отняли самую драгоценную вещь.

— Да чтѣ съ вами? вскричалъ Ставрогинъ.

Тотъ не отвѣтилъ, но бѣжалъ за нимъ, и глядѣлъ на него прежнимъ умоляющимъ, но въ то же время и непреклоннымъ взглядомъ.

— Помиримтесь! прошепталъ онъ еще разъ.—Слушайте, у меня въ сапогѣ, какъ у Федьки, ножъ припасенъ, но и съ вами помирюсь.

— Да на чтѣ я вамъ, наконецъ, чортъ! вскричалъ въ рѣшительномъ гнѣвѣ и изумленіи Ставрогинъ. — Тайна, чтѣ-ль, тутъ какая. Чтѣ я вамъ за талисманъ достался?

— Слушайте, мы сдѣлаемъ смуту, бормоталъ тотъ быстро и почти какъ въ бреду.—Вы не вѣрите, что мы сдѣлаемъ смуту. Мы сдѣлаемъ такую смуту, что все поѣдетъ съ основъ. Кармазиновъ правъ, что не за что хватиться. Кармазиповъ очень уменъ. Всего только десять такихъ же кучекъ по Россіи, и я пеуловимъ.

— Это такихъ же все дураковъ, пехотл вырвалось у Ставрогина.

— О, будьте поглупѣе, Ставрогинъ, будьте поглупѣе сами! Знаете, вы вовсе вѣдь не такъ и умны, чтобы вамъ этого желать; вы боитесь, вы не вѣрите, васъ пугаютъ размѣры. И почему они дураки? Они не такіе дураки; нынче у всякаго умъ не свой. Нынче ужасно мало особливыхъ умовъ. Виргинскій это человѣкъ чистѣйшій, чище такихъ, какъ мы, въ десять разъ; ну, и пусть его, впрочемъ. Липутинъ мошенникъ, но я у него одну точку знаю. Нѣтъ мошенника, у котораго бы не было своей точки. Одинъ Лямшинъ безо всякой точки, зато у меня въ рукахъ. Еще нѣсколько такихъ кучекъ, и у меня повсемѣстно паспорты и деньги, хотя бы это? Хотя бы это одно? И сохранныя мѣста, и пусть ищутъ. Одну кучку вырвутъ, а на другой сядутъ. Мы пустимъ смуту... Неужто вы не вѣрите, что насъ двоихъ совершенно достаточно?

— Возьмите Шигалева, а меня бросьте въ покоѣ...

— Шигалевъ гениальный человѣкъ! Знаете-ли, что это геній въ родѣ Фурье; но смѣлѣе Фурье, но сильнѣе Фурье; я имъ займусь. Онъ выдумалъ „равенство“!

„Съ нимъ лихорадка и онъ бредитъ; съ нимъ что-то случилось очень особенное“, посмотрѣлъ на него еще разъ Ставрогинъ. Оба шли не останавливаясь.

— У него хорошо въ тетради, продолжалъ Верховенскій,—у него шпионство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ допсомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ клевета и убійство, а, главное, равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цидерону отрѣзывается языкъ, Копернику

выбалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями, вотъ Шигалевщина! Рабы должны быть равны: безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ Шигалевщина! Ха-ха-ха, вамъ странно? Я за Шигалевщину!

Ставрогинъ старался ускорить шагъ, и добратся поскорѣе домой. „Если этотъ человѣкъ пьянъ, то гдѣ же онъ успѣлъ напиться“, приходило ему на умъ. „Неужели же коньякъ?“

— Слушайте, Ставрогинъ: горы сравнять — хорошая мысль, не смѣшная. Я за Шигалева! Не надо образованія, довольно науки! И безъ науки хватитъ матеріалу на тысячу лѣтъ, но надо устроиться послушанію. Въ мірѣ одного только недостаетъ—послушанія. Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство. „Мы научились ремеслу, и мы честные люди, намъ не надо ничего другого“— вотъ недавній отвѣтъ англійскихъ рабочихъ. Необходимо лишь необходимое, вотъ девизъ земного шара отсель. Но нужна и судорога; объ этомъ позаботимся мы, правители. У рабовъ должны быть правители. Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ и судорогу, и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, до извѣстный черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе аристократическое; въ Шигалевщинѣ не будетъ желаній. Желаніе и страданіе для насъ, а для рабовъ Шигалевщина.

— Себя вы исключаете? сорвалось опять у Ставрогина.

— И васъ. Знаете-ли, я думалъ отдать міръ папѣ. Пусть онъ выйдетъ пѣшъ и босъ, и покажется черни: „Вотъ, дескать, до чего меня довели!“ и все повалить за нимъ, даже войско. Папа вверху, мы кругомъ, а подъ нами Шигалевщина. Надо только чтобы съ папой Internationale согласилась; такъ и будетъ. А старикашка согласится мигомъ. Да другого ему и выхода нѣтъ, вотъ помяните мое слово, ха-ха-ха, глупо? Говорите, глупо или нѣтъ?

— Довольно, пробормоталъ Ставрогинъ съ досадой.

— Довольно! Слушайте, я бросилъ папу! Къ чорту

Шигалевщину! Къ чорту папу! Нужно злобу дня, а не Шигалевщину, потому что Шигалевщина ювелирская вещь. Это идеаль, это въ будущемъ. Шигелевъ ювелиръ и глупъ какъ всякій филантропъ. Нужна черная работа, а Шигалевъ презираетъ черную работу. Слушайте: папа будетъ на западѣ, а у насъ, у насъ будете вы!

— Отстаньте отъ меня, пьяный человекъ! пробормоталъ Ставрогинъ и ускорилъ шагъ.

— Ставрогинъ, вы красавецъ! вскричалъ Петръ Степановичъ почти въ упоеніи, — знаете-ли, что вы красавецъ! Въ васъ всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я васъ изучилъ! Я на васъ часто сбоку, изъ угла гляжу! Въ васъ даже есть простодушіе и наивность, знаете-ли вы это? Еще есть, есть! Вы, должно быть, страдаете, и страдаете искренно, отъ тсго простодушія. Я люблю красоту. Я нигилистъ, но люблю красоту. Развѣ нигилисты красоту не любятъ? Они только идоловъ не любятъ, ну, а я люблю идола! Вы мой идолъ! Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ; вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся, это хорошо. Къ вамъ никто не подойдетъ васъ потрепать по плечу. Вы ужасный аристократъ. Аристократъ, когда идетъ въ демократію, обаятеленъ! Вамъ ничего не значить пожертвовать жизнью и своею, и чужою. Вы именно таковъ, какого надо. Мнѣ, мнѣ именно такого надо, какъ вы. Я никого кромѣ васъ не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ...

Онъ вдругъ подѣловалъ у него руку. Холодъ прошелъ по спинѣ Ставрогина и онъ въ испугѣ вырвалъ свою руку. Они остановились.

— Помѣшанный! прошепталъ Ставрогинъ.

— Можетъ и брежу, можетъ и брежу! подхватилъ тотъ скороговоркой, — но я выдумалъ первый шагъ. Никогда Шигалеву не выдумать первый шагъ. Много Шигалевыхъ! Но одинъ, одинъ только человекъ въ Россіи избрѣлъ первый шагъ и знаетъ какъ его сдѣлать. Этотъ человекъ я. Чтѣ вы глядите на меня? Мнѣ вы, вы надобны, безъ васъ я нуль. Безъ васъ я муха, идея въ склянкѣ, Колумбъ безъ Америки.

Ставрогинъ стоялъ и пристально глядѣлъ въ его безумные глаза.

— Слушайте, мы сначала пустимъ смуту, торопился ужасно Верховенскій, поминутно схватывая Ставрогина

за лѣвый рукавъ.—Я уже вамъ говорилъ: мы проникнемъ въ самый народъ. Знаете-ли, что мы ужъ и теперь ужасно сильны? Наши не тѣ только, которые рѣжутъ и жгутъ, да дѣлаютъ классическіе выстрѣлы или кусаются. Такіе только мѣшаютъ. Я безъ дисциплины ничего не понимаю. Я вѣдь мошенникъ, а не социалистъ, ха-ха! Слушайте, я ихъ всѣхъ сосчиталъ: учитель, смѣющийся съ дѣтми надъ ихъ Богомъ и надъ ихъ колыбелью, уже нашъ. Адвокатъ, защищающій образованнаго убійцу тѣмъ, что онъ развитѣе своихъ жертвъ и, чтобы денегъ добыть, не могъ не убить, уже нашъ. Школьники, убивающіе мужика, чтобъ испытать ощущеніе, наши. Присяжные, оправдывающіе преступниковъ сплошь, наши. Прскуроръ, трепещущій на судѣ, что онъ недостаточно либераленъ, нашъ, нашъ. Администраторы, литераторы, о, нашихъ много, ужасно много, и сами того не знаютъ. Съ другой стороны, послушаніе школьниковъ и дурачковъ достигло высшей черты; у наставниковъ раздавленъ пузырь съ желчью; вездѣ тщеславіе размѣровъ непомѣрныхъ, аппетитъ звѣрскій, неслыханный... Знаете-ли, знаете-ли, сколько мы однѣми готовыми идейками возьмемъ? Я поѣхалъ—свирѣпствовалъ тезисъ Littré, что преступленіе есть помѣшательство; пріѣзжаю — и уже преступленіе не помѣшательство, а именно здравый-то смыслъ и есть, почти долгъ, по крайней мѣрѣ, благородный протестъ. „Ну, какъ развитому убійцѣ не убить, если ему денегъ надо!“ Но это лишь ягодки. Русскій Богъ уже спасовалъ предъ „дешевкой“. Народъ пьянъ, матери пьяны, дѣти пьяны, церкви пусты, а на судахъ: „двѣсти розогъ, или тащи ведро“. О, дайте возрасти поколѣнію. Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они еще попьавѣ стали! Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ пролетаріевъ! Но будутъ, будутъ, къ этому идетъ...

— Жаль то же, что мы поглупѣли, пробормоталъ Ставригинъ и двинулся прежнею дорогой.

— Слушайте, я самъ видѣлъ ребенка шести лѣтъ, который велъ домой пьяную мать, а та его ругала скверными словами. Вы думаете я этому радъ? Когда въ наши руки попадетъ, мы, пожалуй, и выльчимъ... если потребуется, мы на сорокъ лѣтъ въ пустыню выгонимъ... Но одно, или два поколѣнія разврата теверь необходимо; разврата неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую

мразь — вотъ чего надо! А тутъ еще „свѣженькой кро-
вухи“, чтобъ попривыкъ. Чего вы смѣтаете? Я себѣ не
противорѣчу. Я только филантропамъ и Щигалевщинѣ
противорѣчу, а не себѣ! Я мошенникъ, а не социалистъ.
Ха-ха-ха! Жаль только, что времени мало. Я Кармази-
нову общалъ въ маѣ начать, а къ Покрову кончить.
Скоро? Ха-ха! Знаете-ли, что я вамъ скажу, Ставрогинъ:
въ русскомъ народѣ до сихъ поръ не было цинизма, хоть
онъ и ругался скверными словами. Знаете-ли, что этотъ
рабъ крѣпостной больше себя уважалъ, чѣмъ Кармази-
новъ себя? Его драли, а онъ своихъ боговъ отстоялъ, а
Кармазиновъ не отстоялъ.

— Ну, Верховенскій, я въ первый разъ слушаю васъ
и слушаю съ изумленіемъ, промолвилъ Николай Всеволо-
довичъ, — вы, стало быть, и впрямь не социалистъ, а какой-
нибудь политическій... честолюбецъ?

— Мошенникъ, мошенникъ. Васъ заботитъ, кто я такой?
Я вамъ скажу сейчасъ, кто я такой, къ тому и веду. Не
даромъ же я у васъ руку поцѣловалъ. Но надо, чтобъ и
народъ увѣровалъ, что мы знаемъ, чего хотимъ, а что
тѣ только „машутъ дубиной и бьютъ по своимъ“. Эхъ,
кабы время! Одна бѣда — времени нѣтъ. Мы провозгласимъ
разрушеніе... почему, почему, опять-таки, эта идея такъ
обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пу-
стимъ пожары... Мы пустимъ легенды... Тутъ каждая ше-
лудивая „кучка“ пригодится. Я вамъ въ этихъ же са-
мыхъ кучкахъ такихъ охотниковъ отыщу, что на всякій
выстрѣлъ пойдутъ, да еще за честь благодарны останутся.
Ну-съ, и начнется смута! Раскачка такая пойдетъ, какой
еще міръ не видалъ... Затуманится Русь, заплачетъ земля
по старымъ богамъ... Ну-съ, тутъ-то мы и пустимъ...
Кого?

— Кого?

— Ивапа-Царевича.

— Кого-о?

— Ивана-Царевича; васъ, васъ!

Ставрогинъ подумалъ съ минуту.

— Самозванца? вдругъ спросилъ онъ, въ глубокомъ
удивленіи смотря на изступленнаго. — Э, такъ вотъ, нако-
нецъ, вашъ планъ!

— Мы скажемъ, что онъ „скрывается“, тихо, какимъ-то
любовнымъ шопотомъ проговорилъ Верховенскій, въ са-
домъ дѣлѣ какъ будто пьяный. — Знаете-ли вы, что зна-

читать это слово: „онъ скрывается“? Но онъ явится, явится. Мы пустимъ легенду получше, чѣмъ у скопцовъ. Онъ есть, но никто не видалъ его. О, какую легенду можно пустить! А главное—новая сила идетъ. А ее-то и вадо, по ней-то и плачутъ. Ну что въ социализмъ: старыя силы разрушилъ, а новыхъ не внесъ. А тутъ сила, да еще какая, неслышанная! Намъ вѣдь только на разъ рычагъ, чтобы землю поднять. Все подыметъ!

— Такъ это вы серьезно на меня рассчитывали? усмѣхнулся злобно Ставрогинъ.

— Чего вы смѣетесь, и такъ злобно? Не пугайте меня. Я теперь какъ ребенокъ, меня можно до смерти испугать одною вотъ такою улыбкой. Слушайте, я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его, онъ скрывается. А знаете, что можно даже и показать, изъ ста тысячъ одному, наиримѣрь. И пойдетъ по всей землѣ: „видѣли, видѣли“. И Ивана Филипповича бога-саваооа видѣли, какъ онъ въ колесницѣ на небо вознесенъ предъ людьми, „собственными“ глазами видѣли. А вы не Иванъ Филипповичъ; вы красавецъ, гордый какъ богъ, ничего для себя не ищущій, съ ореоломъ жертвы, „скрывающійся“. Главное, легенду! Вы ихъ побѣдите, взглянете и побѣдите. Новую правду несетъ и „скрывается“. А тутъ мы два - три соломоновскихъ приговора пустимъ. Кучки-то, пятерки-то — газетъ не надо! Если изъ десяти тысячъ одну только просьбу удовлетворить, то всѣ пойдутъ съ просьбами. Въ каждой волости каждый мужикъ будетъ знать, что есть, дескать, гдѣ-то такое дупло, куда просьбы опускать указано. И застонетъ стономъ земли: „новый правый законъ идетъ“, и взволнуется море и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ, какъ бы поставить строеніе каменное. Въ первый разъ! Строить мы будемъ, мы, одни мы.

— Неистовство! проговорилъ Ставрогинъ.

— Почему, почему вы не хотите? Бойтесь? Вѣдь я потому и схватился за васъ, что вы ничего не бойтесь. Неразумно, что-ли? Да вѣдь я пока еще Колумбъ безъ Америки; развѣ Колумбъ безъ Америки разуменъ?

Ставрогинъ молчалъ. Межъ тѣмъ пришли къ самому дому и остановились у подъѣзда.

— Слушайте, наклонился къ его уху Верховенскій:— я вамъ безъ денегъ; я кончу завтра съ Марьей Тимоее-

евной... безъ денегъ, и завтра же приведу къ вамъ Лизу. Хотите Лизу, завтра же?

„Что онъ, вправду помѣшался?“ улынулся Ставрогинъ. Двери крыльца отворились.

— Ставрогинъ, наша Америка? схватилъ въ послѣдній разъ его за руку Верховенскій.

— Зачѣмъ? серьезно и строго проговорилъ Николай Всеволодовичъ.

— Охоты нѣтъ, такъ я и зналъ! вскричалъ тотъ въ порывѣ неистовой злобы. — Врете вы, дрянной, блудливый, изломанный барченокъ, не вѣрю, аппетитъ у васъ волчій!.. Поймите же, что вашъ счетъ теперь слишкомъ великъ, и не могу же я отъ васъ отказаться! Нѣтъ на землѣ много, какъ вы! Я васъ съ границы выдумалъ; выдумалъ на васъ же глядя. Если бы не глядѣлъ я на васъ изъ угла, не пришло бы мнѣ ничего въ голову!..

Ставрогинъ, не отвѣчая, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ.

— Ставрогинъ! крикнулъ ему вслѣдъ Верховенскій, — даю вамъ день... ну два.. ну три; больше трехъ не могу, а тамъ—вашъ отвѣтъ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Степана Трофимовича описали.

Между тѣмъ произошло у насъ приключеніе, меня удивившее, а Степана Трофимовича потрясшее. Утромъ въ восемь часовъ прибѣжала отъ него ко мнѣ Настасья, съ извѣстіемъ, что барипа „описали“. Я сначала ничего не могъ понять; добился только, что „описали“ чиновники, пришли и взяли бумаги, а солдатъ завязалъ въ узелъ и „отвезъ въ тачкѣ“. Извѣстіе было дикое. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ Степану Трофимовичу.

Я засталъ его въ состояніи удивительномъ: разстроеннаго и въ большомъ волненіи, по въ то же время съ несомнѣнно торжествующимъ видомъ. На столѣ, среди комнаты, кинѣлъ самоваръ и стоялъ налитый но не тронутый и забытый стаканъ чаю. Степанъ Трофимовичъ слонялся около стола и заходилъ во всѣ углы комнаты, не давая себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ. Онъ былъ въ своей обыкновенной красной фуфайкѣ, но, увидѣвъ меня, поспѣшилъ надѣть свой жилетъ и сюртукъ, чего прежде никогда не дѣлалъ, когда кто изъ близкихъ заставлялъ его въ этой фуфайкѣ. Онъ тотчасъ же и горячо схватилъ меня за руку.

— Enfin un ami! (Онъ вздохнулъ полною грудью). Cher, я къ вамъ къ одному послалъ, и никто ничего не знаетъ. Надо велѣть Настасьѣ запереть двери и не впускать никого, кромѣ, разумѣется, *тѣхъ*... Vous comprenez?

Онъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на меня, какъ бы ожидая отвѣта. Разумѣется, я бросился разспрашивать, и кое-какъ, изъ несвязной рѣчи, съ перерывами и ненужными вставками, узналъ, что въ семь часовъ утра къ нему „вдругъ“ пришелъ губернской чиновникъ.

— Pardon, j'ai oublié son nom. Il n'est pas du pays, но, вается, его привезъ Лембе, quelque chose de bête et d'allemand dans la physionomie. Il s'appelle Rosenthal.

— Не Блюмъ-ли?

— Блюмъ. Именно онъ такъ и назвался. Vous le connaissez? Quelque chose d'hébéte et de très content dans la figure, pourtant très severe, roide et sérieux. Фигура изъ полиціи, изъ повинующихся, le m'y connais. Я спалъ еще, и, вообразите, онъ попросилъ меня „взглянуть“ на мои книги и рукописи, oui je m'en souviens, il a employé ce mot. Онъ меня не арестовалъ, а только книги... Il se tenait à distance и когда началъ мнѣ объяснять о приходѣ, то имѣлъ видъ, что я... enfin il avait l'air de croire que je tomberai sur lui immédiatement et que je commencerai à le battre comme plâtre. Tous ces gens du bas étage sont comme ça, когда имѣютъ дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ. Само собою, я тотчасъ все понималъ. Voilà vingt ans que je m'y prépare. Я ему отперъ всѣ ящики и передалъ всѣ ключи; самъ и подалъ, я ему все подалъ. J'étais digne et calme. Изъ книгъ онъ взялъ заграничныя изданія Герцена, переплетенный экземпляръ *Колокола*, четыре списка моей поэмы et enfin tout ça. Затѣмъ бумаги и письма et quelques unes de mes ébauches historiques, critiques et politiques. Все это они понесли. Настасья говорить, что солдатъ въ тачкѣ свезъ и фартукомъ накрыли; oui, c'est cela, фартукомъ.

Это былъ бредъ. Кто могъ что-нибудь тутъ понять? Я вновь забросалъ его вопросами: одинъ-ли Блюмъ приходилъ или нѣтъ? Отъ чьего имени? По какому праву? Какъ онъ смѣлъ? Чѣмъ объяснилъ?

— Il était seul, bien seul, впрочемъ, и еще кто-то былъ dans l'antichambre, oui, je m'en souviens, et puis... Впрочемъ, и еще кто-то, кажется, былъ, а въ сѣняхъ стоялъ сторожъ. Надо спросить у Настасьи; она все это лучше

знаеть. J'étais surexcité, voyez vous. Il parlait, il parlait... un tas de choses, впрочемъ, онъ очень мало говорилъ, а это все я говорилъ... Я рассказалъ мою жизнь, разумѣется, съ одной этой точки зрѣнія... J'étais surexcité, mais dingé, je vous l'assure. Боюсь, впрочемъ, что я, кажется, зашлалъ. Тачку они взяли у лавочника, рядомъ.

— О, Боже, какъ могло все это сдѣлаться! Но ради Бога говорите точнѣе, Степанъ Трофимовичъ, вѣдь это сонъ, что вы рассказываете!

— Cher, я и самъ какъ во снѣ... Savez vous! Il a prononcé le nom de Teliatnikoff, и я думаю, что вотъ этотъ-то и прятался въ сѣняхъ. Да, вспомнилъ, онъ предлагалъ прокурора и, кажется, Дмитрія Митрича... qui me doit encore quinze roubles de ералашъ soit dit en passant. Enfin, je n'ai pas trop compris. Но я ихъ перехитрилъ, и какое мнѣ дѣло до Дмитрія Митрича. Я, кажется, очень сталъ просить его скрыть, очень просилъ, очень, боюсь даже, что унижился, comment croyez vous? Enfin il a consenti... Да вспомнилъ, это онъ самъ просилъ, что будетъ лучше, чтобы скрыть, потому что онъ пришелъ только „взглянуть“ et rien de plus, и больше ничего, ничего... и что если ничего не найдутъ, то и ничего не будетъ. Такъ что мы и кончили все en amis, je suis tout-à-fait content.

— Помилуйте, да вѣдь онъ предлагалъ вамъ извѣстный въ такихъ случаяхъ порядокъ и гарантин, а вы же сами и отклонили! вскричалъ я въ дружескомъ негодованіи.

— Нѣтъ, этакъ лучше безъ гарантин. И къ чему скандалъ? Пускай до поры до времени en amis... Вы знаете, въ нашемъ городѣ если узнаютъ... mes ennemis... et puis à quoi bon ce procureur, ce cochon de notre procureur, qui deux fois m'a manqué de politesse et qu'on a rossé à plaisir l'autre année chez cette charmante et belle Наталья Павловна, quand il se cacha dans son boudoir. Et puis, mon ami, не возражайте мнѣ и не обезкураживайте, прошу васъ, потому что нѣтъ ничего несноснѣе, когда человѣкъ несчастенъ, а ему тутъ-то и указываютъ сто друзей, какъ онъ сглупилъ. Садитесь, однако, и пейте чай, и, признаюсь, я очень усталъ... не прилечь-ли мнѣ и не приложить-ли укусу къ головѣ, какъ вы думаете?

— Непремѣнно, вскричалъ я, — и даже бы льду. Вы очень разстроены. Вы блѣдны и руки трясутся. Лягте, отдохните и подождите рассказывать. Я посижу подлѣ и подожду.

Онъ не рѣшался лечь, но я настоялъ. Настасья принесла въ чашкѣ уксусу, я намочилъ полотенце и приложилъ къ его головѣ. Затѣмъ Настасья стала на стулъ и полѣзла зажигать въ углу лампадку предъ образомъ. Я съ удивленіемъ это замѣтилъ; да и лампадки прежде никогда не бывало, а теперь вдругъ явилась.

— Это я давеча распорядился, только что тѣ ушли, пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ, хитро посмотрѣвъ на меня,—*quand on a de ces choses - là dans sa chambre et qu'on vient vous arreter*, то это внушаетъ, и должны же они доложить, что видѣли...

Кончивъ съ лампадкой, Настасья стала въ дверяхъ, приложила правую ладонь къ щекѣ и начала смотрѣть на него съ плачевнымъ видомъ.

— *Eloignez - la* подъ какимъ - нибудь предлогомъ, кивнулъ онъ мнѣ съ дивана.— Терпѣть я не могу этой русской жалости *et puis ça m'embête*.

Но она ушла сама. Я замѣтилъ, что онъ все озирается къ дверямъ и прислушивался въ переднюю.

— *Il faut être prêt, voyez-vous*, значительно взглянулъ онъ на меня, — *chaque moment...* придуть, возьмутъ, и фью—исчезъ человѣкъ!

— Господи! Кто придетъ? Кто васъ возьметъ!

— *Voyez vous, mon cher*, я прямо спросилъ его, когда онъ уходилъ: что со мной теперь сдѣлаютъ?

— Вы бы ужъ лучше спросили, куда сошлютъ! вскричалъ я въ томъ же негодованіи.

— Я это и подразумѣвалъ, задавая вопросъ, но онъ ушелъ и ничего не отвѣтилъ. *Voyez vous*: насчетъ бѣлья, платья, теплаго платья, особенно, это ужъ какъ они сами хотятъ, велеть взять — такъ, а то такъ и въ солдатской шинели отправятъ. Но я тридцать пять рублей (понижилъ онъ вдругъ голосъ, озираясь на дверь, въ которую вышла Настасья) тихонько просунулъ въ прорѣху въ жилетномъ карманѣ, вотъ тутъ, пощупайте... Я думаю, жилета они снимать не станутъ, а для виду въ портмонэ оставилъ семь рублей, „все, дескать, что имѣю“. Знаете, тутъ мелочь и сдача мѣдными на столъ, такъ что они не догадуются, что я деньги спряталъ, а подумаютъ, что тутъ всё. Вѣдь Богъ знаетъ, гдѣ сегодня придется ночевать.

Я поникъ головой при такомъ безуміи. Очевидно, ни арестовать, ни обыскивать такъ нельзя было, какъ онъ передавалъ, и, ужъ конечно, онъ сбивался. Правда, все

это случилось тогда, еще до теперешнихъ послѣднихъ за-
яновъ. Правда и то, что ему предлагали (по его же сло-
вамъ) болѣе правильную процедуру, но онъ *перехитрилъ*
и отказался... Конечно, прежде, то-есть такъ недавно, гу-
бернаторъ и могъ въ крайнихъ случаяхъ... Но какой же
опять тутъ могъ быть такой крайній случай? Вотъ что
сбивало меня съ толку.

— Тутъ навѣрно телеграмма изъ Петербурга была, ска-
заль вдругъ Степанъ Трофимовичъ.

— Телеграмма! Про васъ? Это за сочиненія-то Герцена,
да за вашу поэму, съ ума вы сошли, да за что тутъ аре-
стовать?

Я просто озлился. Онъ сдѣлалъ гримасу и видимо оби-
дѣлся—не за окрикъ мой, а за мысль, что не за что было
арестовать.

— Кто можетъ знать въ наше время, за что его могутъ
арестовать? загадочно пробормоталъ онъ.

Дикая, нелѣпѣйшая идея мелькнула у меня въ умѣ.

— Степанъ Трофимовичъ, скажите мнѣ, какъ другу,
вскричалъ я,—какъ истинному другу, я васъ не выдамъ:
принадлежите вы къ какому-нибудь тайному обществу
или нѣтъ?

И вотъ, къ удивленію моему, онъ и тутъ былъ не увѣ-
ренъ: участвуетъ онъ или нѣтъ въ какомъ-нибудь тай-
номъ обществѣ.

— Вѣдь, какъ это считать, *vous savez*...

— Какъ, какъ „считать“?

— Когда принадлежишь всѣмъ сердцемъ прогрессу и...
кто можетъ заручиться: думаешь, что не припадлежишь,
анъ смотришь, окажется, что къ чему-нибудь и принад-
лежишь.

— Какъ это можно, тутъ да или нѣтъ?

— *Cela date de Pétersbourg*, когда мы съ нею хотѣли
тамъ основать журналъ. Вотъ гдѣ корень. Мы тогда
ускользнули, и они насъ забыли, а теперь вспомнили.
Cher, cher, развѣ вы меня не знаете! воскликнулъ онъ
болѣзненно.—И насъ возьмутъ, посадятъ въ кибитку и
маршъ въ Сибирь на весь вѣкъ, или забудутъ въ казематѣ.

И онъ вдругъ заплакалъ горячими-горячими слезами.
Слезы такъ и хлынули. Онъ закрылъ глаза своимъ крас-
нымъ фуляромъ и рыдалъ, рыдалъ минутъ пять, конвуль-
сивно. Мени всего передернуло. Этотъ человекъ, двадцать
лѣтъ памъ пророчествовавшій, нашъ проповѣдникъ, на-

ставникъ, патріархъ, Кукольникъ, такъ высоко и величественно державшій себя надъ всѣми нами, предъ которыми мы такъ отъ души преклонялись, считая за честь— и вдругъ онъ теперь рыдалъ, рыдалъ какъ крошечный напавшій мальчикъ, въ ожиданіи розги, за которою отправился учитель. Мнѣ ужасно стало жаль его. Въ „кибитку“ онъ очевидно вѣрилъ, какъ въ то, что я сидѣлъ подлѣ него, и ждалъ ее именно въ это утро, сейчасъ, сію минуту, и все это за сочиненія Герцена, да за какую-то свою поэму! Такое полнѣйшее, совершеннѣйшее незнаніе обыденной дѣйствительности было умилительно и какъ-то противно.

Онъ, наконецъ, плакать пересталъ, всталъ съ дивана и началъ опять ходить по комнатѣ, продолжая со мной разговоръ, но поминутно поглядывая въ окошко и прислушиваясь въ переднюю. Разговоръ нашъ продолжался безсвязно. Всѣ увѣренія мои и успокоенія отскакивали какъ отъ стѣны горохъ. Онъ мало слушалъ, но все-таки ему ужасно нужно было, чтобъ я его успокоивалъ, и безъ умолку говорилъ въ этомъ смыслѣ. Я видѣлъ, что онъ не могъ теперь безъ меня обойтись и ни за что бы не отпустилъ отъ себя. Я остался, и мы просидѣли часа два слишкомъ. Въ разговорѣ онъ вспомнилъ, что Блюмъ захватилъ съ собою двѣ найденныя у него прокламаціи.

— Какъ прокламаціи! испугался я сдуру.—Развѣ вы...

— Э, мнѣ подкинули десять штукъ, отвѣтилъ онъ досадливо (онъ со мною говорилъ то досадливо и высокомерно, то ужасно жалобно и приниженно), но я съ восьмью уже распорядился, а Блюмъ захватилъ только двѣ...

И онъ вдругъ покраснѣлъ отъ негодованія.

— Vous me mettez avec ces gens-là! Неужто вы полагаете, что я могу быть съ этими подлецами, съ подметчиками, съ моимъ сыномъ Петромъ Степановичемъ, avec ces esprits-forts de la lâcheté! О, Боже!

— Ба, да не смѣшали-ли васъ какъ-нибудь... Впрочемъ, вздоръ, быть не можетъ! замѣтилъ я.

— Savez vous, вырвалось у него вдругъ, — я чувствую минутами, que je ferai là-bas quelque esclandre. О, не уходите, не оставляйте меня одного! Ma carrière est finie aujourd'hui, je le sens. Я, знаете, я, можетъ-быть, брошусь и укушу тамъ кого-нибудь, какъ тотъ подпоручикъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня страннымъ взглядомъ—испуганнымъ и въ то же время какъ бы и желающимъ испу-

гать. Онъ дѣйствительно все болѣе и болѣе раздражался на кого-то и на что-то, по мѣрѣ того, какъ проходило время и не являлись „кибитки“; даже злился. Вдругъ Настасья, зашедшая зачѣмъ-то изъ кухни въ переднюю, задѣла и уронила тамъ вѣшалку. Степанъ Трофимовичъ задрожалъ и помертвѣлъ на мѣстѣ; но когда дѣло обозначилось, онъ чуть не завизжалъ на Настасью и, топоча ногами, прогналъ ее обратно на кухню. Минуту спустя онъ проговорилъ, смотря на меня въ отчаяніи.

— Я погибъ! Cher, сѣлъ онъ вдругъ подлѣ меня и жалко-жалко посмотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза.—Cher, я не Сибири боюсь, клянусь вамъ, о, je vous jure (даже слезы проступили въ глазахъ его), я другого боюсь...

Я догадался уже по виду его, что онъ хочетъ сообщить мнѣ, наконецъ, что-то чрезвычайное, но что до сихъ поръ онъ, стало-быть, удерживался сообщить.

— Я позора боюсь, прошепталъ онъ таинственно.

— Какого позора? Да вѣдь напротивъ! Повѣрьте, Степанъ Трофимовичъ, что все это сегодня же объяснится и кончится въ вашу пользу...

— Вы такъ увѣрены, что меня простятъ?

— Да что такое „простятъ“! Какія слова! Что вы сдѣлали такого? Увѣряю же васъ, что вы ничего не сдѣлали!

— Qu'en savez-vous; вся моя жизнь была... cher... Они все припомнятъ... а если ничего и не найдутъ, такъ *тѣмъ хуже*, прибавилъ онъ вдругъ неожиданно.

— Какъ тѣмъ хуже?

— Хуже.

— Не понимаю.

— Другъ мой, другъ мой, пу, пусть въ Сибирь, въ Архангельскъ, лишеніе правъ,—погибать такъ погибать! Но... я другого боюсь (опять шопотъ, испуганный видъ и таинственность).

— Да чего, чего?

— Высѣкутъ, произнесъ онъ и съ потеряннымъ видомъ посмотрѣлъ на меня.

— Кто васъ высѣчетъ? Гдѣ? Почему? вскричалъ я, испугавшись, не сходить-ли онъ съ ума.

— Гдѣ? Ну, тамъ... гдѣ это дѣлается.

— Да гдѣ это дѣлается?

— Э, cher, зашепталъ онъ почти на ухо,—подъ вами вдругъ раздвигается полъ, вы опускаетесь до половины... Это всѣмъ извѣстно.

— Басни, вскричалъ я, догадавшись, — старыя басни, да неужто вы вѣрили до сихъ поръ? Я расхохотался.

— Басни! Съ чего-нибудь да взялись же эти басни; сѣченный не расскажетъ. Я десять тысячъ разъ представлялъ себѣ въ воображеніи!

— Да васъ-то, васъ-то за что? Вѣдь вы ничего не сдѣлали?

— Тѣмъ хуже, увидяль, что ничего не сдѣлалъ, и высѣкутъ.

— И вы увѣрены, что васъ затѣмъ въ Петербургъ повезутъ!

— Другъ мой, я сказалъ уже, что мнѣ ничего не жаль, *ma carrière est finie*. Съ того часа въ Скворешникахъ, какъ она простилась со мною, мнѣ не жаль моей жизни... но позоръ, позоръ, *que dira-t-elle*, если узнаетъ?

Онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на меня и, бѣдный, весь покраснѣлъ. Я тоже опустилъ глаза.

— Ничего она не узнаетъ, потому что ничего съ вами не будетъ. Я съ вами точно въ первый разъ въ жизни говорю, Степанъ Трофимовичъ, до того вы меня удивили въ это утро.

— Другъ мой, да вѣдь это не страхъ. Но пусть даже меня простятъ, пусть опять сюда привезутъ и ничего не сдѣлаютъ—и вотъ тутъ-то я и погибъ. *Elle me soupçonnera toute sa vie...* меня, меня, поэта, мыслителя, человѣка, которому она поклонялась двадцать два года!

— Ей и въ голову не придетъ.

— Придетъ, прошепталъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ.—Мы съ ней нѣсколько разъ о томъ говорили въ Петербургѣ, въ Великій постъ, передъ выѣздомъ, когда оба боялись. *Elle me soupçonnera toute sa vie...* и какъ разуверитъ? Выйдетъ невѣроятно. Да и кто здѣсь въ городишкѣ повѣритъ, *c'est invraisemblable...* Et puis les femmes... Она сбродуется. Она будетъ очень огорчена, очень искренно, какъ истинный другъ, но втайнѣ—обрадуется... Я дамъ ей оружіе противъ меня на всю жизнь. О, погибла моя жизнь! Двадцать лѣтъ такого полного счастья съ нею... и вотъ!

Онъ закрылъ лицо руками.

— Степанъ Трофимовичъ, не дать-ли вамъ знать сейчасъ же Варварѣ Петровнѣ о происшедшемъ? предложилъ я.

— Боже меня упаси! вздрогнулъ онъ и вскочилъ съ

мѣста.—Ни за что, никогда, послѣ того, что было сказано при прощаньи въ Скворешникахъ, ни-ко-гда!

Глаза его засверкали.

Мы просидѣли, я думаю, еще часъ или болѣе, все чего-то ожидая,—ужь такая задалась идея. Онъ прилежъ опять, даже закрылъ глаза и минутъ двадцать пролежалъ не говоря ни слова, такъ что я подумалъ даже, что онъ заснулъ или въ забытьи. Вдругъ онъ стремительно приподнялся, сорвалъ съ головы полотенце, вскочилъ съ дивана, бросился къ зеркалу, дрожащими руками повязалъ галстукъ и громовымъ голосомъ крикнулъ Настасью, приказывая подать себѣ пальто, новую шляпу и палку.

— Я не могу терпѣть болѣе, проговорилъ онъ обрывающимся голосомъ.—Не могу, не могу!.. Иду самъ.

— Куда? вскочилъ я тоже.

— Къ Лембке. Cher, я долженъ, я обязанъ. Это долгъ. Я гражданинъ и человѣкъ, а не щенка, я имѣю права, я хочу моихъ правъ... Я двадцать лѣтъ не требовалъ моихъ правъ, я всю жизнь преступно забывалъ о нихъ... но теперь я ихъ потребую. Онъ долженъ мнѣ все сказать, все. Онъ получилъ телеграмму. Онъ не смѣетъ меня мучить, не то арестуй, арестуй, арестуй!

Онъ восклицалъ съ какими-то взвизгами и топалъ ногами.

— Я васъ одобряю, сказалъ я нарочно какъ можно спокойнѣе, хотя очень за него боялся.—Право, это лучше, чѣмъ сидѣть въ такой тоскѣ, но я не одобряю вашего настроенія; посмотрите, на кого вы похожи и какъ вы пойдете туда. Il faut être digne et calme avec Lembke. Дѣйствительно, вы можете теперь броситься и кого-нибудь тамъ укусить.

— Я предаю себя самъ. Я иду прямо въ львиную пасть...

— Да и я пойду съ вами.

— Я ожидалъ отъ васъ не менѣе, принимаю вашу жертву, жертву истиннаго друга, но до дому, только до дому: вы не должны, вы не въ правѣ компрометировать себя далѣе моимъ сообществомъ. O, croyez moi, je serai calme! Я сознаю себя въ эту минуту à la hauteur de tout ce qu'il y a de plus sacré...

— Я, можетъ-быть, и въ домъ съ вами пойду, прервалъ я его.—Вчера меня извѣстили изъ ихъ глупаго комитета, чрезъ Высоцкаго, что на меня рассчитываютъ и приглашаютъ на этотъ завтрашній праздникъ въ число

распорядителей, или какъ ихъ... въ число тѣхъ шести молодыхъ людей, которые назначены смотрѣть за подносами, ухаживать за дамами, отводить гостямъ мѣсто и носить бантъ изъ бѣлыхъ съ пунсовыми лентъ на лѣвомъ плечѣ. Я хотѣлъ отказаться, но теперь почему мнѣ не войти въ домъ подъ предлогомъ объясниться съ самой Юліей Михайловной. Вотъ такъ мы и войдемъ съ вами вмѣстѣ.

Онъ слушалъ, кивая головой, но ничего, кажется, не понялъ. Мы стояли на порогѣ.

— Cher, протянулъ онъ руку въ уголь къ лампадкѣ, — cher, я никогда этому не вѣрилъ, но... пусть, пусть! (Онъ перекрестился). Allons!

„Ну такъ-то лучше, подумалъ я, выходя съ нимъ на крыльцо, — дорогой поможетъ свѣжій воздухъ, и мы поутихнемъ, воротимся домой и ляжемъ почивать...“

Но я рассчитывалъ безъ хозяина. Дорогой именно какъ разъ случилось приключеніе, еще болѣе потрясшее и окончательно направившее Степапа Трофимовича... такъ что я, признаюсь, даже и не ожидалъ отъ нашего друга такой прыти, какую онъ вдругъ въ это утро выказалъ. Бѣдный другъ, добрый другъ!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Флибустьеры. Роковое утро.

I.

Происшествіе, случившееся съ нами дорогой, было тоже изъ удивительныхъ. Но надо рассказать все въ порядкѣ. Часомъ раньше того, какъ мы со Степаномъ Трофимовичемъ вышли на улицу, по городу проходила и была многими съ любопытствомъ замѣчена толпа людей, рабочихъ съ Шпигулинской фабрики, человѣкъ съ семьдесятъ, можетъ, и болѣе. Она проходила чинно, почти молча, въ нарочномъ порядкѣ. Потомъ утверждали, что эти семьдесятъ были выборные отъ всѣхъ фабричныхъ, которыхъ было у Шпигулиныхъ до девятисотъ, съ тѣмъ, чтобы идти къ губернатору и, за отсутствіемъ хозяевъ, искать у него управы на хозяйскаго управляющаго, который, закрывая фабрику и отпуская рабочихъ, нагло обсчиталъ ихъ всѣхъ — фактъ не подверженный теперь никакому сомнѣнію. Другіе до сихъ поръ у насъ отвергаютъ выборъ, утверждая, что семидесяти человѣкъ слишкомъ было бы много для

выборныхъ, а что просто эта толпа состояла изъ наиболѣе обиженныхъ и приходили они просить лишь сами за себя, такъ что общаго фабричнаго „бунта“, о которомъ потомъ такъ прогремѣли, совсѣмъ никакого не было. Третьи съ азартомъ увѣряютъ, что семьдесятъ эти чловѣкъ были не простые бунтовщики, а рѣшительно политическіе, то-есть, будучи изъ самыхъ буйныхъ, были возбуждены сверхъ того не иначе какъ подметными грамотами. Однимъ словомъ, было-ли тутъ чье вліяніе или подговоръ—до сихъ поръ въ точности неизвѣстно. Мое же личное мнѣніе, это—что подметныхъ грамотъ рабочіе совсѣмъ не читали, а если-бъ прочли, такъ и не поняли бы изъ нихъ ни слова, уже по тому одному, что пишущіе ихъ, при всей обнаженности ихъ стила, пишутъ крайне неясно. Но такъ какъ фабричнымъ приходилось въ самомъ дѣлѣ туго, а полиція, къ которой они обращались, не хотѣла войти въ ихъ обиду,—то что же естественнѣе было ихъ мысли идти скопомъ къ „самому генералу“, если можно, то даже съ бумагой на головѣ, выстроиться чинно предъ его крыльцомъ и, только что онъ покажется, броситься всѣмъ на колѣни и возопить какъ бы къ самому Провидѣнію? По-моему, тутъ не надо ни бунта, ни даже выборныхъ, ибо это средство старое, историческое; русскій народъ искони любилъ разговоръ съ „самимъ генераломъ“, собственно изъ одного ужъ удовольствія и даже чѣмъ бы сей разговоръ ни оканчивался.

И потому я совершенно убѣжденъ, что хотя Петръ Степановичъ, Липутинъ, можетъ, и еще кто-нибудь, даже, пожалуй, и Оедька, и шмыгали предварительно между фабричными (такъ какъ на это обстоятельство дѣйствительно существуютъ довольно твердыя указанія) и говорили съ ними, но навѣрное не болѣе какъ съ двумя, съ тремя, ну, съ пятью, лишь для пробы, и что изъ этого разговора ничего не вышло. Что же касается до бунта, то если и поняли что-нибудь изъ ихъ проаганды фабричные, то навѣрно тотчасъ же перестали и слушать, какъ о дѣлѣ глупомъ и вовсе не подходящемъ. Другое дѣло Оедька: этому, кажется, посчастливилось болѣе, чѣмъ Петру Степановичу. Въ послѣдовавшемъ три дня спустя городскомъ пожарѣ, какъ несомнѣнно теперь обнаружилось, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Оедькой участвовали двое фабричныхъ, и потомъ, спустя мѣсяць, схвачены были еще трое бывшихъ фабричныхъ въ уѣздѣ,

тоже съ поджогомъ и грабежомъ. Но если Федька и успѣлъ ихъ переманить къ прямой, непосредственной дѣятельности, то опять-таки единственно сихъ пятерыхъ, ибо о другихъ ничего не слышно было подобнаго.

Какъ бы тамъ ни было, но рабочіе пришли, наконецъ, всею толпою на площадку предъ губернаторскямъ домомъ и выстроились чинно и молча. Затѣмъ разинули рты на крыльцо и начали ждать. Говорили мнѣ, что они, будто бы, едва стали, тотчасъ же и сняли шапки, то-есть, можетъ, за полчаса до появленія хозяина губерніи, котораго, какъ нарочно, не случилось въ ту минуту дома. Полиція тотчасъ же показалась, сначала въ отдѣльныхъ явленіяхъ, а потомъ и въ возможномъ комплектѣ; начали, разумѣется, грозно, повелѣвая разойтись. Но рабочіе стали въ упоръ, какъ стадо барановъ, дошедшее до забора, и отвѣчали лаконически, что они къ „самому енералу“; видна была твердая рѣшимость. Неестественные окрики прекратились, ихъ быстро смѣнила задумчивость, таинственная распорядительность шопотомъ и суровая хлопотливая забота, сморщившая брови начальства. Полицеймейстеръ предпочелъ выждать прибытія самого фонъ-Лембеке. Это вздоръ, что онъ прилетѣлъ на тройкѣ во весь опоръ и еще съ дрожекъ будто бы началъ драться. Онъ у насъ, дѣйствительно, леталъ и любилъ летать въ своихъ дрожкахъ съ желтымъ задкомъ, и, по мѣрѣ того, какъ „до разврата доведенныя пристяжныя“ сходили все больше и больше съ ума, приводя въ восторгъ всѣхъ купцовъ изъ Гостинаго Ряда, онъ подымался на дрожкахъ, становился во весь ростъ, придерживаясь за нарочно придѣланный сбоку ремень, и, простирая правую руку въ пространство, какъ на монументахъ, обозрѣвалъ такимъ образомъ городъ. Но въ настоящемъ случаѣ онъ не дрался, и хотя не могъ же онъ, слетая съ дрожекъ, обойтись безъ крѣпкаго словца, но сдѣлалъ это единственно, чтобы не потерять популярности. Еще болѣе вздоръ, что приведены были солдаты со штыками, и что по телеграфу дано было знать куда-то о присылкѣ артиллеріи и казаковъ: это сказки, которымъ не вѣрятъ теперь сами изобрѣтатели. Вздоръ тоже, что привезены были пожарныя бочки съ водой, изъ которыхъ обливали народъ. Просто-за-просто Илья Ильичъ крикнулъ разгорячившись, что ни одинъ у него сухъ изъ воды не выйдетъ; вѣроятно, изъ этого и сдѣлали бочки, которыя и пере-

шли такимъ образомъ въ корреспонденціи столичныхъ газетъ. Самый вѣрный вариантъ, надо полагать, состоялъ въ томъ, что толпу одѣпили на первый разъ всѣми случившимися подъ рукой полицейскими, а къ Лембке послали нарочнаго, пристава первой части, который и полетѣлъ на полицеймейстерскихъ дрожкахъ по дорогѣ въ Скворешники, зная, что туда, назадъ тому полчаса, отправился фонъ-Лембке въ своей коляскѣ...

Но, признаюсь, для меня все-таки остается нерѣшенный вопросъ: какимъ образомъ пустую, то-есть обыкновенную толпу просителей—правда въ семьдесятъ человекъ—такъ-таки съ перваго приѣма, съ перваго шага обратили въ бунтъ, угрожающій потрясеніемъ основъ? Почему самъ Лембке накинулся на эту идею, когда явился черезъ двадцать минутъ вслѣдъ за нарочнымъ? Я бы такъ предположилъ (но опять-таки личнымъ мнѣніемъ), что Ильѣ Ильичу, покудившемуся съ управляющимъ, было даже выгодно представить фонъ-Лембке эту толпу въ этомъ свѣтѣ, и именно чтобъ не доводить его до настоящаго разбирательства дѣла; а надумилъ его къ тому самъ же Лембке. Въ послѣдніе два дня онъ имѣлъ съ нимъ два таинственныхъ и экстренныхъ разговора, весьма, впрочемъ, сбивчивыхъ, но изъ которыхъ Илья Ильичъ все-таки усмотрѣлъ, что начальство крѣпко уперлось на идеѣ о прокламаціяхъ и о подговорѣ Шпигулинскихъ кѣмъ-то къ социальному бунту, и до того уперлось, что, пожалуй, само пожалѣло бы, если бы подговоръ оказался вздоромъ. „Какъ-нибудь отличиться въ Петербургѣ хотятъ“, подумалъ нашъ хитрый Илья Ильичъ, выходя отъ фонъ-Лембке,—„ну, что-жъ, памъ и на руку“.

Но я убѣжденъ, что бѣдный Андрей Антоновичъ не пожелалъ бы бунта даже для собственнаго отличія. Это былъ чиновникъ крайне исполнительный, до самой своей женитьбы пребывавшій въ невинности. Да и онъ-ли былъ виноватъ, что вмѣсто невинныхъ казенныхъ дровъ и столь же невинной Минхень сорокалѣтняя княжна вознесла его до себя? Я почти положительно знаю, что вотъ съ этого-то рокового утра и начались первые явные слѣды того состоянія, которое и привело, говорятъ, бѣднаго Андрея Антоновича въ то извѣстное особое заведеніе въ Швейцаріи, гдѣ онъ будто бы теперь собирается съ новыми силами. Но если только допустить, что именно съ этого утра обнаружались явные факты *чего-нибудь*, то

возможно, по-моему, допустить, что и накануне уже могли случиться проявленія подобныхъ же фактовъ, хотя бы и не такъ явныя. Мнѣ извѣстно, по слухамъ самымъ интимнѣйшимъ (ну, предположите, что сама Юлія Михайловна впоследствии, и уже не въ торжествѣ, а почти раскаиваясь,—ибо женщина никогда *вполнѣ* не раскается,—сообщила мнѣ частичку этой исторіи), извѣстно мнѣ, что Андрей Антоновичъ пришелъ къ своей супругѣ накануне, уже глубокою ночью, въ третьемъ часу утра, разбудилъ ее и потребовалъ выслушать „свой ультиматумъ“. Требованіе было до того настойчивое, что она принуждена была встать со своего ложа, въ негодованіи и въ папильоткахъ, и, усѣвшись на кушеткѣ, хотя и съ саркастическимъ презрѣніемъ, а все-таки выслушать. Тутъ только въ первый разъ поняла она, какъ далеко хватилъ ее Андрей Антоновичъ, и про себя ужаснулась. Ей бы слѣдовало, наконецъ, опомниться и смягчиться, но она скрыла свой ужасъ и уперлась еще упорнѣе прежняго. У нея (какъ у всякой, кажется, супруги) была своя манера съ Андреемъ Антоновичемъ, уже не однажды испытанная и не разъ доводившая его до изступленія. Манера Юліи Михайловны состояла въ презрительномъ молчаніи, на часъ, на два, на сутки, и чуть-ли не на трое сутокъ;—въ молчаніи во что бы ни стало, что бы онъ тамъ ни говорилъ, что бы ни дѣлалъ, даже если бы полѣзъ въ окошко броситься изъ третьяго этажа,—манера нестерпимая для чувствительнаго человѣка! Наказывала-ли Юлія Михайловна своего супруга за его промахи въ послѣдніе дни, и за ревнивую зависть его, какъ градоначальника, къ ея административнымъ способностямъ; негодовала-ли на его критику ея поведенія съ молодежью и со всѣмъ нашимъ обществомъ, безъ пониманія ея топкихъ и дальпозидныхъ политическихъ цѣлей; сердилась-ли за тупую и бессмысленную ревность его къ Петру Степановичу,—какъ бы тамъ ни было, но она рѣшилась и теперь не смягчаться, даже несмотря на три часа ночи и еще невиданное ею волненіе Андрея Антоновича. Раскаживая внѣ себя взадъ и впередъ, и во всѣ стороны, по коврамъ ея будуара, онъ изложилъ ей все, все, правда, безъ всякой связи, но за то *все* накипѣвшее, ибо—„перешло за предѣлы“. Онъ началъ съ того, что надъ нимъ всѣ смѣются и его „водятъ за носъ“. „Наплевать на выраженіе! привзвизгнулъ онъ тотчасъ же, подхвативъ ем

улыбку,—пусть „за носъ“, но вѣдь это правда!..“ „Нѣтъ, сударыня, настала минута; знайте, что теперь не до смѣху и не до пріемовъ женскаго кокетства. Мы не въ будуарѣ жеманной дамы, а какъ бы два отвлеченныя существа на воздушномъ шарѣ, встрѣтившіяся чтобы высказать правду“. (Онъ, конечно, сбивался и не находилъ правильныхъ формъ для своихъ, впрочемъ, вѣрныхъ мыслей). „Это вы, вы, сударыня, вывели меня изъ прежняго состоянія, я принялъ это мѣсто лишь для васъ, для вашего честолюбія... Вы улыбаетесь саркастически? Не торжествуйте, не торопитесь. Знайте, сударыня, знайте, что я бы могъ, и бы сумѣлъ справиться съ этимъ мѣстомъ, и не то что съ однимъ этимъ мѣстомъ, а съ десятью такими мѣстами, потому что имѣю способности; но съ вами, сударыня, но при васъ—нельзя справиться; ибо я при васъ не имѣю способностей. Два центра существовать не могутъ, а вы ихъ устроили два—одинъ у меня, а другой у себя въ будуарѣ,—два центра власти, сударыня; но я того не позволю, не позволю!! Въ службѣ, какъ и въ супружествѣ, одинъ центръ, а два невозможны... Чѣмъ отплатили вы мнѣ? восклицалъ онъ далѣе.—Наше супружество состояло лишь въ томъ, что вы все время, ежечасно, доказывали мнѣ, что я ничтоженъ, глупъ и даже подлъ, а я все время, ежечасно и унижительно принужденъ былъ доказывать вамъ, что я не ничтоженъ, совсѣмъ не глупъ и поражаю всѣхъ своимъ благородствомъ; ну, не унижительно-ли это съ обѣихъ сторонъ?“ Тутъ онъ началъ скоро и часто топотать по ковру обѣими ногами, такъ что Юлія Михайловна принуждена была приподняться съ суровымъ достоинствомъ. Онъ быстро стихъ, но зато перешелъ въ чувствительность и началъ рыдать (да, рыдать), ударяя себя въ грудь, почти цѣлыя пять минутъ, все болѣе и болѣе внѣ себя отъ глубочайшаго молчанія Юліи Михайловны. Наконецъ, окончательно далъ маху и проговорился, что ревнуетъ ее къ Петру Степановичу. Догадавшись, что сглупилъ выше мѣры—разсвирѣпѣлъ до ярости и закричалъ, что „не позволить отвергать Бога“, что онъ разгонитъ ея „безпардонный салонъ безъ вѣры“, что градоначальникъ даже обязанъ вѣрить въ Бога, „а, стало-быть, и жена его“; что молодыхъ людей онъ не потерпитъ; что „вамъ, вамъ, сударыня, слѣдовало бы изъ собственнаго достоинства позаботиться о мужѣ и стоять за его

умъ, даже если-бъ онъ былъ и съ плохими способностями (а я вовсе не съ плохими способностями!), а между тѣмъ вы-то и есть причина, что всѣ меня здѣсь презирають, вы-то ихъ всѣхъ и настроили!..“ Онъ кричалъ, что женскій вопросъ уничтожить, что душокъ этотъ выкурить, что нелѣпый праздникъ по подпискѣ для гувернантокъ (чортъ ихъ дери!) онъ завтра же запретить и разгонить; что первую встрѣтившуюся гувернантку онъ завтра же утромъ выгонитъ изъ губерніи „съ казакомъ-съ!“ Нарочно, нарочно! привзвизгивалъ онъ. „Знаете-ли, знаете-ли, кричалъ онъ, что на фабрикѣ подговаривають людей ваши негодяи и что мнѣ это извѣстно? Знаете-ли, что разбрасываютъ нарочно прокламаціи, нарочно-съ! Знаете-ли, что мнѣ извѣстны имена четырехъ негодяевъ и что я схожу съ ума, схожу окончательно, окончательно!!!..“ Но тутъ Юлія Михайловна вдругъ прервала молчаніе и строго объявила, что она давно сама знаетъ о преступныхъ замыслахъ и что все это глупость, что онъ слишкомъ серьезно принялъ, и что касается до шалуновъ, то она не только тѣхъ четырехъ знаетъ, но и всѣхъ (она солгала); но что отъ этого совсѣмъ не намѣрена сходить съ ума, а, напротивъ, еще болѣе вѣруеть въ свой умъ и надѣется все привести къ гармоничному окончанію: ободрить молодежь, образумить ее, вдругъ и неожиданно доказать имъ, что ихъ замыслы извѣстны, и затѣмъ указать имъ на новыя цѣли для разумной и болѣе свѣтлой дѣятельности. О, чтоъ случилось съ Андреемъ Антоновичемъ! Узнавъ, что Петръ Степановичъ опять надулъ его и такъ грубо надъ нимъ насмѣялся, что ей онъ открылъ гораздо больше и прежде чѣмъ ему, и что, наконецъ, можетъ быть, самъ-то Петръ Степановичъ и есть главный зачинщикъ всѣхъ преступныхъ замысловъ,—онъ пришелъ въ изступленіе: „Знай, безтолковая, но лдовитая женщина, воскликнулъ онъ, разомъ порывая всѣ цѣпи,—знай, что я недостойнаго твоего любовника сейчасъ же арестую, закую въ кандалы и препровожу въ рavelинъ, или — выпрыгну самъ сейчасъ въ твоихъ глазахъ изъ окошка!“ На эти тирады Юлія Михайловна, позеленѣвъ отъ злобы, разразилась немедленно хохотомъ, долгимъ, звонкимъ, съ переливомъ и перекатами, точь-въ-точь какъ на французскомъ театрѣ, когда парижская актриса, выписанная за сто тысячъ и играющая кокетокъ, смѣется въ глаза надъ мужемъ, осмѣлившимся приревновать ее. Фонъ-Лембке

бросился было къ окну, но вдругъ остановился какъ влопанный, сложилъ на груди руки и, блѣдный какъ мертвецъ, зловѣщимъ взглядомъ посмотрѣлъ на смѣющуюся: „знаешь-ли, знаешь-ли, Юля... проговорилъ онъ, задыхаясь, умоляющимъ голосомъ:—знаешь-ли, что и я могу что-нибудь сдѣлать?“ Но при новомъ, еще сильнѣйшемъ взрывѣ хохота, послѣдовавшемъ за его послѣдними словами, онъ стиснулъ зубы, застоналъ и вдругъ бросился— не въ окно—а на свою супругу, занеся надъ нею кулакъ! Онъ не опустилъ его,—нѣтъ, трижды нѣтъ; но зато пропалъ тутъ же на мѣстѣ. Не слыша подъ собою ногъ, добѣжалъ онъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ былъ, одѣтый бросился ничкомъ на посланную ему постель, судорожно закутался весь съ головой въ простыню и такъ пролежалъ часа два,—безъ сна, безъ размышленій, съ камнемъ на сердцѣ и съ тупымъ, неподвижнымъ отчаяніемъ въ душѣ. Изрѣдка вздрагивалъ онъ всѣмъ тѣломъ мучительною, лихорадочною дрожью. Вспоминались ему какія-то несвязныя вещи, ни къ чему не подходящія: то онъ думалъ, напримѣръ, о старыхъ стѣнныхъ часахъ, которые были у него лѣтъ пятнадцать назадъ въ Петербургѣ и отъ которыхъ отвалилась минутная стрѣлка; то о развеселомъ чиновникѣ Мильбуа, и какъ они съ нимъ въ Александровскомъ паркѣ разъ поймали воробья, а, поймавъ, вспомнили, смѣясь на весь паркъ, что одинъ изъ нихъ уже коллежскій ассессоръ. Я думаю, онъ заснулъ часовъ въ семь утра, не замѣтивъ того, спалъ съ наслажденіемъ, съ прелестными снами. Проснувшись около десяти часовъ, онъ вдругъ дико вскочилъ съ постели, разомъ вспомнилъ все и плотно ударилъ себя ладонью по лбу: ни завтрака, ни Блюма, ни полицеймейстера, ни чиновника, явившагося напомнить, что члены —скаго собранія ждутъ его председательства въ это утро, онъ не прицпалъ, онъ ничего не слышалъ и не хотѣлъ понимать, а побѣжалъ какъ шальной на половину Юліи Михайловны. Тамъ Софья Антроповна, старушка изъ благородныхъ, давно уже проживавшая у Юліи Михайловны, растолковала ему, что та еще въ десять часовъ изволила отправиться въ большой компаніи, въ трехъ экипажахъ, къ Варварѣ Петровнѣ Ставрогиной въ Скворешники, чтобы осмотрѣть тамошнее мѣсто для будущаго, уже второго, замышляемаго праздника, черезъ двѣ недѣли, и что такъ еще три дня тому было условлено съ самою Варварой Петровной. Поражен-

ный извѣстіемъ, Андрей Антоновичъ, возвратился въ кабинетъ и стремительно приказалъ лошадей. Даже едва могъ дождаться. Душа его жаждала Юліи Михайловны,— взглянуть только на нее, побыть около нея пять минутъ; можетъ быть, она на него взглянетъ, замѣтитъ его, улыбнется попрежнему, проститъ—о-о! „Да что же лошади?“ Малинально развернулъ онъ лежавшую на столѣ толстую книгу (иногда онъ загадывалъ такъ по книгѣ, развертывая наудачу и читая на правой страницѣ, сверху, три строки). Вышло: „Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles“. Voltaire, *Candide*. Онъ плюнулъ и побѣжалъ садиться: „Въ Скворешники!“ Кучеръ рассказывалъ, что баринъ погонялъ всю дорогу, но только что стали подъѣзжать къ господскому дому, онъ вдругъ велѣлъ повернуть и везти опять въ городъ: „Поскорѣй, пожалуйста, поскорѣй“. Не доѣзжая городского вала, „они мнѣ велѣли снова остановить, вышли изъ экипажа и прошли черезъ дорогу въ поле, думалъ, что по какой ни есть слабости, а они стали и начали цвѣточки разсматривать, и такъ время стояли, чудно, право, совсѣмъ уже я усомнился“. Такъ показывалъ кучеръ. Я припоминаю въ то утро погоду: былъ холодный и ясный, но вѣтреный сентябрьскій день; предъ зашедшимъ за дорогу Андреемъ Антоновичемъ разстился суровый пейзажъ обнаженнаго поля съ давно уже убраннѣмъ хлѣбомъ; завывавшій вѣтеръ колыхалъ какіе-нибудь жалкіе остатки умиравшихъ желтыхъ цвѣточковъ... Хотѣлось-ли ему сравнить себя и судьбу свою съ чахлыми и побитыми осенью и морозомъ цвѣточками? Не думаю. Даже думаю навѣрно, что нѣтъ и что онъ вовсе и не помнилъ ничего про цвѣточки, несмотря на показанія кучера и подъѣхавшаго въ ту минуту на полицеймейстерскихъ дрожкахъ пристава первой части, утверждавшаго потомъ, что онъ дѣйствительно засталъ начальство съ пучкомъ желтыхъ цвѣтовъ въ рукѣ. Этотъ приставъ—восторженно-административная личность, **Василій Ивановичъ Флибустьеровъ**, былъ еще недавнимъ гостемъ въ нашемъ городѣ, но уже отличился и прогремѣлъ своею непомерною ревностью, своимъ какимъ-то наскокомъ во всѣхъ приемахъ по исполнительной части и прирожденнымъ нетрезвымъ состояніемъ. Соскочивъ съ дрожекъ и не усомнившись нисколько при видѣ занятой начальства, съ сумасшедшимъ, но убѣжденнымъ видомъ, онъ залпомъ доложилъ, что „въ городѣ не спокойно“.

— А? Что? обернулся къ нему Андрей Антоновичъ, съ лицомъ строгимъ, но безъ малѣйшаго удивленія или какого-нибудь воспоминанія о коляскѣ и кучерѣ, какъ будто у себя въ кабинетѣ.

— Приставъ первой части Флибустьеровъ, ваше превосходительство. Въ городѣ бунтъ.

— Флибустьеры? переговорилъ Андрей Антоновичъ въ задумчивости.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Бунтуютъ Шпигулинскіе.

— Шпигулинскіе!..

Что-то какъ бы напомнилось ему при имени „Шпигулинскіе“. Онъ даже вздрогнулъ и поднялъ палецъ ко лбу: „Шпигулинскіе!“ Молча, но все еще въ задумчивости, пошелъ онъ не торопясь къ коляскѣ, сѣлъ и велѣлъ въ городъ. Приставъ на дрожжахъ за нимъ.

Я воображаю, что ему смутно представлялись дорогою многія весьма интересныя вещи, на многія темы, но врядъ ли онъ имѣлъ какую-нибудь твердую идею или какое-нибудь определенное намѣреніе при вѣздѣ на площадь передъ губернаторскимъ домомъ. Но только лишь завидѣлъ онъ выстроившуюся и твердо стоявщую толпу „бунтовщиковъ“, цѣль городовыхъ, безсильнаго (а, можетъ быть, и нарочно безсильнаго) полицеймейстера и общее устремленное къ нему ожиданіе, какъ вся кровь прилила къ его сердцу. Блѣдный онъ вышелъ изъ коляски.

— Шалки долой! проговорилъ онъ едва слышно и задыхаясь. — На колѣни! взвизгнулъ онъ неожиданно, неожиданно для самого себя, и вотъ въ этой-то неожиданности и заключалась, можетъ быть, вся послѣдовавшая развязка дѣла. Это какъ на горахъ на масляницѣ; ну, можно-ли, чтобы санки, слетѣвшія сверху, остановились посрединѣ горы? Какъ на зло себѣ, Андрей Антоновичъ всю жизнь отличался ясностью характера, и ни на кого никогда не кричалъ и не топалъ ногами; а съ такими опаснѣе, если разъ случится, что ихъ санки почему-нибудь вдругъ сорвутся съ горы. Все передъ нимъ закружилось.

— Флибустьеры! провозилъ онъ еще визгливѣе и нелѣпнѣе, и голосъ его пресѣкъся. Онъ сталъ, еще не зная, что онъ будетъ дѣлать, но зная и ощущая всею существомъ своимъ, что непременно сейчасъ что-то сдѣлаетъ.

„Господи!“ послышалось изъ толпы. Какой-то парень

началъ креститься; три-четыре человѣка дѣйствительно хотѣли было стать на колѣни, но другіе подвинулись всею громадой шага на три впередъ и вдругъ всѣ разомъ загалдѣли: „ваше превосходительство... рядили по сороку... управляющій... ты не моги говорить“ и т. д., и т. д. Ничего нельзя было разобрать.

Увы! Андрей Антоновичъ не могъ разбирать: цвѣточки еще были въ рукахъ его. Бунтъ ему былъ очевиденъ, какъ давеча кибитки Степану Трофимовичу. А между толпою выпучившихъ на него глаза „бунтовщиковъ“ такъ и сноваль передъ нимъ „возбуждающій“ ихъ Петръ Степановичъ, не покидавшій его ни на одинъ моментъ со вчерашняго дня,—Петръ Степановичъ, ненавидимый имъ Петръ Степановичъ.

— Розогъ! крикнулъ онъ еще неожиданно.

Наступило мертвое молчаніе.

Вотъ какъ произошло это въ самомъ началѣ, судя по точнѣйшимъ свѣдѣніямъ и по моимъ догадкамъ. Но далѣе свѣдѣнія становятся не такъ точны, равно какъ и мои догадки. Имѣются, впрочемъ, нѣкоторые факты.

Во-первыхъ, розги явились какъ-то ужъ слишкомъ поспѣшно; очевидно, были въ ожиданіи припасены догадливымъ полицеймейстеромъ. Наказаны, впрочемъ, были всего двое, не думаю, чтобы даже трое, на этомъ настаиваю. Сущая выдумка, что наказаны были всѣ или, по крайней мѣрѣ, половина людей. Вздоръ тоже, что будто бы какая-то проходившая мимо бѣдная, но благородная дама была схвачена и немедленно для чего-то высѣчена; между тѣмъ я самъ читалъ объ этой дамѣ, спустя, въ корреспонденціи одной изъ петербургскихъ газетъ. Многіе говорили у насъ о какой-то кладбищенской богадѣленкѣ, Авдотѣ Петровнѣ Тарапыгиной, что будто бы она, возвращаясь изъ гостей назадъ въ свою богадѣльню и проходя по площади, протѣснилась между зрителями, изъ естественнаго любопытства, и, видя происходящее, воскликнула: „Экой срамъ!“ и плюнула. За это ее будто бы подхватили и тоже „отрапортовали“. Объ этомъ случаѣ не только напечатали, но даже устроили у насъ въ городѣ сгоряча ей подписку. Я самъ подписалъ двадцать копеекъ. И что же? Оказывается теперь, что никакой такой богадѣленки Тарапыгиной совсѣмъ у насъ и не было! Я самъ ходилъ справляться въ ихъ богадѣльню на кладбище: ни о какой Тарапыгиной тамъ и не слыхивали; мало того, очень оби-

дѣлись, когда я рассказалъ имъ ходившій слухъ. Я же потому собственно упоминаю объ этой несуществовавшей Авдотѣ Петровнѣ, что со Степаномъ Трофимовичемъ чуть-чуть не случилось того же, что и съ нею (въ случаѣ, если-бъ та существовала въ дѣйствительности); даже, можетъ-быть, съ него-то какъ-нибудь и взялся весь этотъ нелѣпый слухъ о Тарапыгиной, то-есть просто, въ дальнѣйшемъ развитіи сплетни, взяли да и передѣлали его въ какую-то Тарапыгину. Главное, не понимаю, какимъ образомъ онъ отъ меня ускользнулъ, только что мы съ нимъ вышли на площадь. Предчувствуя что-то очень недоброе, я хотѣлъ было обвести его кругомъ площади прямо къ губернаторскому крыльцу, но залюбопытствовался самъ и остановился лишь на одну минуту разспросить какого-то перваго встрѣчнаго, и вдругъ смотрю, Степана Трофимовича ужъ нѣтъ подлѣ меня. По инстинкту тотчасъ же бросился я искать его въ самомъ опасномъ мѣстѣ; мнѣ почему-то предчувствовалось, что и у него санки полетѣли съ горы. И дѣйствительно, онъ отыскался уже въ самомъ центрѣ событія. Помню, я схватилъ его за руку; но онъ тихо и гордо посмотрѣлъ на меня съ непомѣрнымъ авторитетомъ:

— Спер, произнесъ онъ голосомъ, въ которомъ задрожала какая-то надорванная струна. — Если ужъ всѣ они тутъ, на площади, при насъ такъ безцеремонно распоряжаются, то чего же ждать хоть отъ *этого*... если случится ему дѣйствовать самостоятельно.

И онъ, дрожа отъ негодованія и съ непомѣрнымъ желаніемъ вызова, перевелъ свой грозный обличительный перстъ на стоявшаго въ двухъ шагахъ и выпучившаго на насъ глаза Флибустьерова.

— *Этого!* воскликнулъ тотъ, не взвидя свѣта.— Какого этого? А ты кто? подступилъ онъ, сжавъ кулакъ. — Ты кто? проревѣлъ онъ бѣшено, болѣзненно и отчаянно (замѣчу, что онъ отлично зналъ въ лицо Степана Трофимовича).

Еще мгновеніе и, конечно, онъ схватилъ бы его за шиворотъ; но, къ счастью, Лембке повернулъ на крикъ голову. Съ недоумѣніемъ, но пристально посмотрѣлъ онъ на Степана Трофимовича, какъ бы что-то соображая, и вдругъ нетерпѣливо замахалъ рукой. Флибустьеровъ осѣкся. Я потащилъ Степана Трофимовича изъ толпы. Впрочемъ, можетъ-быть, онъ уже и самъ желалъ отступить.

— Домой, домой, настаивалъ я.—Если насъ не прибили, то, конечно, благодаря Лембке.

— Идите, другъ мой, я виновенъ, что васъ подвергаю. У васъ будущность и карьера своего рода, а я—*mon heure a sonné*.

Онъ твердо ступилъ на крыльцо губернаторскаго дома. Швейцаръ меня зналъ; я объявилъ, что мы оба къ Юліи Михайловнѣ. Въ пріемной залѣ мы усѣлись и стали ждать. Я не хотѣлъ оставлять моего друга, но лишнимъ находилъ еще что-нибудь ему говорить. Онъ имѣлъ видъ человѣка, обречшаго себя въ родѣ какъ бы на вѣрную смерть за отечество. Разсѣлись мы не рядомъ, а по разнымъ угламъ, я ближе ко входнымъ дверямъ, онъ далеко напротивъ, задумчиво склонивъ голову и обѣими руками слегка опираясь на трость. Широкополую шляпу свою онъ придерживалъ въ лѣвой рукѣ. Мы просидѣли такъ минутъ десять.

II.

Лембке вдругъ вошелъ быстрыми шагами, въ сопровожденіи полицеймейстера, разсѣянно поглядѣлъ на насъ и, не обративъ вниманія, прошелъ было направо въ кабинетъ, но Степанъ Трофимовичъ сталъ передъ нимъ и заслонилъ дорогу. Высокая, совсѣмъ не похожая на другихъ, фигура Степана Трофимовича произвела впечатлѣніе; Лембке остановился.

— Кто это? пробормоталъ онъ въ недоумѣніи, какъ бы съ вопросомъ къ полицеймейстеру, нисколько, впрочемъ, не повернувъ къ нему головы и все продолжая осматривать Степана Трофимовича.

— Отставной коллежскій асессоръ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій, ваше превосходительство, отвѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, осанисто наклоняя голову.

Его превосходительство продолжалъ всматриваться, впрочемъ, весьма тупымъ взглядомъ.

— О чемъ? и онъ съ начальническимъ лаконизмомъ, брезгливо и нетерпѣливо повернулъ къ Степану Трофимовичу ухо, принявъ его, наконецъ, за обыкновеннаго просителя съ какою-нибудь письменною просьбой.

— Былъ сегодня подвергнуть домашнему обыску чиновникомъ, дѣйствовавшимъ отъ имени вашего превосходительства; потому желалъ бы...

— Имя, имя? нетерпѣливо спросилъ Лембке, какъ бы вдругъ о чемъ-то догадавшись.

Степанъ Трофимовичъ еще осанистѣе повторилъ свое имя.

— А-а-а! Это... это тотъ разсадникъ... Милостивый государь, вы заявили себя съ такой точки... Вы профессоръ? Профессоръ?

— Когда-то имѣлъ честь прочесть нѣсколько лекцій юношеству — скаго университета.

— Ю-но-шеству! какъ бы вздрогнулъ Лембке, хотя бьюсь объ закладъ, еще мало понималъ, о чемъ идетъ дѣло и даже, можетъ-быть, съ кѣмъ говорить.

— Я, милостивый государь мой, этого не допущу-сь, разсердился онъ вдругъ ужасно.—Я юношества не допускаю. Это все прокламаціи. Это наскокъ на общество, милостивый государь, морской наскокъ, флибустьерство... О чемъ изволите просить?

— Напротивъ, ваша супруга просила меня читать завтра на ея праздникѣ. Я же не прошу, а пришелъ искать правъ моихъ...

— На праздникѣ? Праздника не будетъ. Я вашего праздника не допущу-сь! Лекцій? Лекцій? вскричалъ онъ бѣшено.

— Я бы очень желалъ, чтобы вы говорили со мной повѣжливѣе, ваше превосходительство, не топали ногами и не кричали на меня, какъ на мальчика.

— Вы, можетъ-быть, понимаете съ кѣмъ говорите? по-краснѣлъ Лембке.

— Совершенно, ваше превосходительство.

— Я ограждаю собою общество, а вы его разрушаете!.. Вы... Я, впрочемъ, объ васъ припоминаю: это вы состояли гувернеромъ въ домѣ генеральши Ставругиной?

— Да, я состоялъ... гувернеромъ... въ домѣ генеральши Ставругиной.

— И въ продолженіе двадцати лѣтъ составляли разсадникъ всего, что теперь накопилось... всѣ плоды... Кажется, я васъ сейчасъ видѣлъ на площади. Бойтесь, однако, милостивый государь, бойтесь; ваше направленіе мыслей извѣстно. Будьте увѣрены, что я имѣю въ виду. Я, милостивый государь, лекцій вашихъ не могу допустить, не могу-сь. Съ такими просьбами обращайтесь не ко мнѣ.

Онъ опять хотѣлъ было пройти.

— Повторяю, что вы изволите ошибаться, ваше превосходительство: это ваша супруга просила меня прочесть—не лекцію, а что-нибудь литературное на завтрашнемъ праздникѣ. Но я и самъ теперь отъ чтенія отказываюсь. Покорнѣйшая просьба моя объяснить мнѣ, если возможно: какимъ образомъ, за что и почему я подвергнутъ былъ сегодняшнему обыску? У меня взяли нѣкоторыя книги, бумаги, частныя, дорогія для меня, письма и повезли по городу въ тачкѣ...

— Кто обыскивалъ? встрепенулся и опомнился совершенно Лембке, и вдругъ весь покраснѣлъ.

Онъ быстро обернулся къ полицеймейстеру. Въ сію минуту въ дверяхъ показалась согбенная, длинная, неуклюжая фигура Блюма.

— А вотъ этотъ самый чиновникъ, указалъ на него Степанъ Трофимовичъ.

Блюмъ выступилъ впередъ съ виноватымъ, но вовсе не сдающимся видомъ.

— Vous ne faites que des bêtises, съ досадою и злобой бросилъ ему Лембке и вдругъ какъ бы весь преобразился и разомъ пришелъ въ себя.

— Извините... пролепеталъ онъ съ чрезвычайнымъ замѣшательствомъ и краснѣя какъ только можно,—это все... все это была одна лишь, вѣроятно, неловкость, недоразумѣніе... одно лишь недоразумѣніе.

— Ваше превосходительство, замѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, — въ молодости я былъ свидѣтелемъ одного характернаго случая. Разъ въ театрѣ, въ коридорѣ, нѣкто быстро приблизился къ кому-то и далъ тому при всей публикѣ звонкую пощечину. Разглядѣвъ тотчасъ же, что пострадавшее лицо было вовсе не то, которому назначалась его пощечина, а совершенно другое, лишь нѣсколько на то похожее, онъ со злобой и торопясь, какъ человѣкъ, которому некогда терять золотого времени, произнесъ точь-въ-точь какъ теперь ваше превосходительство: „Я ошибся... извините, это недоразумѣніе, одно лишь недоразумѣніе“. И когда обиженный человѣкъ все-таки продолжалъ обижаться и закричалъ, то съ необычайною досадою замѣтилъ ему: „Вѣдь говорю же вамъ, что это недоразумѣніе, чего же вы еще кричите!“

— Это... это, конечно, очень смѣшно... криво улыбнулся Лембке. — Но... но неужели вы не видите, какъ я самъ несчастенъ?

Онъ почти вскрикнулъ и... и, кажется, хотѣлъ закрыть лицо руками.

Это неожиданное болѣзненное восклицаніе, чуть не рыданіе, было нестерпимо. Это, вѣроятно, была минута перваго полнаго, со вчерашняго дня, яркаго сознанія всего происшедшаго — и тотчасъ же затѣмъ отчаянія полнаго, унижительнаго, предающагося; кто знаетъ—еще мгновеніе, и онъ, можетъ-быть, зарыдалъ бы на всю залу. Степанъ Трофимовичъ сначала дико посмотрѣлъ на него, потомъ вдругъ склонилъ голову и глубоко проникнутымъ голосомъ произнесъ:

— Ваше превосходительство, не беспокойте себя болѣе моею сварливою жалобой и велите только возвратить мнѣ мои книги и письма...

Его прервали. Въ это самое мгновеніе съ шумомъ возвратилась Юлія Михайловна со всею сопровождавшею ее компаніей. Но тутъ мнѣ хотѣлось бы описать какъ можно подробнѣе.

III.

Во-первыхъ, всѣ разомъ, изъ всѣхъ трехъ колясокъ, толпой, вступили въ приемную. Входъ въ покои Юліи Михайловны былъ особый, прямо съ крыльца, налѣво; но на сей разъ всѣ направились черезъ залу — и, я полагаю, именно потому, что тутъ находился Степанъ Трофимовичъ и что все съ нимъ случившееся, равно какъ и все о Шпигулинскихъ, уже было возвѣщено Юліи Михайловнѣ при въѣздѣ въ городъ. Успѣлъ извѣститъ Лямшинъ, за какую-то провинность оставленный дома и не участвовавшій въ поѣздкѣ и такимъ образомъ раньше всѣхъ все узнавшій. Съ злобною радостью бросился онъ на наемной казачьей клячкѣ по дорогѣ въ Скворешники, навстрѣчу возвращавшейся кавалькадѣ, съ веселыми извѣстіями. Я думаю, Юлія Михайловна, несмотря на всю свою высшую рѣшимость, все-таки немного сконфузилась, услыхавъ такія удивительныя новости; впрочемъ, вѣроятно, на одно только мгновеніе. Политическая, напимѣрь, сторона вопроса не могла ее озаботить: Петръ Степановичъ уже раза четыре внушалъ ей, что Шпигулинскихъ буяновъ надо бы всѣхъ пересѣчь, а Петръ Степановичъ, съ нѣкотораго времени, дѣйствительно сталъ для нея чрезвычайнымъ авторитетомъ. „Но... все-таки онъ мнѣ за это заплатитъ“, навѣрно подумала она про себя, при чемъ онъ,

конечно, относилось къ супругу. Мелькомъ замѣчу, что Петръ Степановичъ на этотъ разъ въ общей поѣздкѣ тоже какъ нарочно не участвовалъ, и съ самаго утра его никто нигдѣ не видалъ. Упомяну еще кстати, что Варвара Петровна, принявъ у себя гостей, возвратилась вмѣстѣ съ ними въ городъ (въ одной коляскѣ съ Юліей Михайловной), съ дѣлюю участвовать непременно въ послѣднемъ засѣданіи комитета о завтрашнемъ праздникѣ. Ее, конечно, должны были тоже заинтересовать извѣстія, сообщенныя Лямшинымъ о Степанѣ Трофимовичѣ, а, можетъ-быть, даже и взволновать.

Расплата съ Андреемъ Антоновичемъ началась немедленно. Увы! онъ почувствовалъ это съ перваго взгляда на свою прекрасную супругу. Съ открытымъ видомъ, съ обворожительною улыбкой, быстро приблизилась она къ Степану Трофимовичу, протянула ему прелестно гантированную ручку и засыпала его самыми лестными привѣтствіями,—какъ будто у ней только и заботы было во все это утро, что поскорѣй подбѣжать и обласкать Степана Трофимовича за то, что видитъ его, наконецъ, въ своемъ домѣ. Ни одного намека объ утреннемъ обыскѣ, точно какъ будто она еще ничего не знала. Ни одного слова мужу, ни одного взгляда въ его сторону — какъ будто того и не было въ залѣ. Мало того, Степана Трофимовича тотчасъ же властно конфисковала и увела въ гостиную, — точно и не было у него никакихъ объясненій съ Лембке, да и не стоило ихъ продолжать, если бъ и были. Опять повторяю: мнѣ кажется, что, несмотря на весь свой высокій тонъ, Юлія Михайловна въ семь случаевъ дала еще разъ большого маху. Особенно помогъ ей тутъ Кармазиновъ (участвовавшій въ поѣздкѣ по особой просьбѣ Юліи Михайловны и такимъ образомъ, хотя косвенно, сдѣлавшій, наконецъ, визитъ Варварѣ Петровнѣ, чѣмъ та, по малодушію своему, была совершенно восхищена). Еще изъ дверей (онъ вошелъ позже другихъ) закричалъ онъ, завидѣвъ Степана Трофимовича, и полѣзъ къ нему съ объятіями, перебивая даже Юлію Михайловну.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Наконецъ-то... Excellent ami.

Онъ сталъ цѣловаться и, разумѣется, подставилъ щеку. Потерявшійся Степанъ Трофимовичъ принужденъ былъ облобызать ее.

— Cher, говорилъ онъ мнѣ уже вечеромъ, припоминая

все о тогдашнемъ днѣ, — я подумалъ въ ту минуту: кто изъ насъ подлѣе? Онъ-ли, обнимающій меня съ тѣмъ, чтобы тутъ же унижить, я-ли, презирающій его и его щеку и тутъ же ее лобызающій, хотя и могъ отвернуться... тьфу!

— Ну, расскажите же, расскажите все, мямлилъ и сюсюкалъ Кармазиновъ, какъ будто такъ и можно было взять и рассказать ему всю жизнь за двадцать пять лѣтъ.

Но это глупенькое легкомысліе было въ „высшемъ“ тонѣ.

— Вспомните, что мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ въ Москвѣ, на обѣдѣ въ честь Грановскаго, и что съ тѣхъ поръ прошло двадцать четыре года... началъ было очень резонно (а, стало-быть, очень не въ высшемъ тонѣ) Степанъ Трофимовичъ.

— Се cher homme, крикливо и фамильярно перебилъ Кармазиновъ, слишкомъ ужъ дружески сжимая рукой его плечо. — Да отведите же насъ поскорѣе къ себѣ, Юлія Михайловна, онъ тамъ сядетъ и все расскажетъ.

— А между тѣмъ я съ этою раздражительною бабой никогда и близокъ-то не былъ, трясясь отъ злобы, все тогда же вечеромъ, продолжалъ мнѣ жаловаться Степанъ Трофимовичъ. — Мы были почти еще юношами, и уже тогда я начиналъ его ненавидѣть... равно какъ и онъ меня, разумѣется...

Салонъ Юліи Михайловны быстро наполнился. Варвара Петровна была въ особенно возбужденномъ состояніи, хотя и старалась казаться равнодушною, но я уловилъ ея два-три ненавистныхъ взгляда на Кармазинова и гнѣвныхъ на Степана Трофимовича, — гнѣвныхъ заранѣе, гнѣвныхъ изъ ревности, изъ любви: если бы Степанъ Трофимовичъ на этотъ разъ какъ-нибудь оплошалъ и далъ себя сръзать при всѣхъ Кармазинову, то, мнѣ кажется, она тотчасъ бы вскочила и прибила его. Я забылъ сказать, что тутъ же находилась и Лиза, и никогда еще я не видалъ ее болѣе радостною, безпечно веселою и счастливою. Разумѣется, былъ и Маврикій Николаевичъ. Затѣмъ, въ толпѣ молодыхъ дамъ и полураспущенныхъ молодыхъ людей, составлявшихъ обычную свиту Юліи Михайловны, и между которыми эта распущенность принималась за веселость, а грошевый цинизмъ за умъ, я замѣтилъ два-три новыхъ лица: какого-то заѣзжаго, очель юлившаго поляка, какого-то пѣмца-доктора, здороваго

старика, громко и съ наслажденіемъ смѣявшагося поминутно собственнымъ своимъ видамъ, и, наконецъ, како-го-то очень молодого князька изъ Петербурга, автоматической фигуры, съ осанкой государственнаго человѣка и въ ужасно длинныхъ воротничкахъ. Но видно было, что Юлія Михайловна очень цѣнила этого гостя и даже безповоилась за свой салонъ...

— Cher m-r Karmazinoff, заговорилъ Степанъ Трофимовичъ, картинно усѣвшись на диванъ и начавъ вдругъ сюсюкать не хуже Кармазинова, — cher m-r Karmazinoff, жизнь человѣка нашего прежняго времени и извѣстныхъ убѣждений, хотя бы и въ двадцатипятилѣтній промежутокъ, должна представляться однообразною...

Нѣмецъ громко и отрывисто захохоталъ, точно заржалъ, очевидно, полагая, что Степанъ Трофимовичъ сказалъ что-то ужасно смѣшное. Тотъ съ выдѣланнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, не произведя, впрочемъ, на того никакого эффекта. Посмотрѣлъ и князь, повернувшись къ нѣмцу всѣми своими воротничками и наставивъ пенсне, хотя и безъ малѣйшаго любопытства.

— ...Должна представляться однообразною, нарочно повторилъ Степанъ Трофимовичъ, какъ можно длиннѣе и безцеремоннѣе растягивая каждое слово. — Такова была и моя жизнь за всю эту четверть столѣтія, et comme on trouve partout plus de moines que de raison, и такъ какъ я съ этимъ совершенно согласенъ, то и вышло, что я во всю эту четверть столѣтія...

— C'est charmant, les moines, прошептала Юлія Михайловна, повернувшись къ сидѣвшей подлѣ Варварѣ Петровнѣ.

Варвара Петровна отвѣтила гордымъ взглядомъ. Но Кармазиновъ не вынесъ усмѣха французской фразы и быстро и крикливо перебилъ Степана Трофимовича:

— Чтѣ до меня, то я на этотъ счетъ успокоенъ и сижу вотъ уже седьмой годъ въ Карлсруэ. И когда прошлаго года городскимъ совѣтомъ положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовалъ въ своемъ сердцѣ, что этотъ карлсруйскій водосточный вопросъ милѣе и дороже для меня всѣхъ вопросовъ моего милаго отечества... за все время, такъ называемыхъ, здѣшнихъ реформъ.

— Принужденъ сочувствовать, хотя бы и противъ сердца, вздохнулъ Степанъ Трофимовичъ, многозначительно наклоняя голову.

Юлія Михайловна торжествовала: разговоръ становился и глубокимъ, и съ направленіемъ.

— Труба для стока нечистотъ? громко освѣдомился докторъ.

— Водосточная, докторъ, водосточная, и я даже тогда помогаль имъ писать проектъ.

Докторъ съ трескомъ захохоталъ. За нимъ многіе, и уже на этотъ разъ въ глаза доктору, который этого не примѣтилъ и ужасно былъ доволенъ, что всё смѣются.

— Позвольте не согласиться съ вами, Кармазиновъ, поспѣшила вставить Юлія Михайловна.— Карлсруэ своимъ чередомъ, но вы любите мистифировать, и мы на этотъ разъ вамъ не повѣримъ. Кто изъ русскихъ людей, изъ писателей, выставилъ столько самыхъ современныхъ типовъ, угадалъ столько самыхъ современныхъ вопросовъ, указалъ именно на тѣ главные современные пункты, изъ которыхъ составляется типъ современнаго дѣятеля? Вы, одинъ вы, и никто другой. Увѣряйте послѣ того въ вашемъ равнодушіи къ родинѣ и въ страшномъ интересѣ къ карлсруйской водосточной трубѣ! Ха-ха!

— Да, я, конечно, засюсюкалъ Кармазиновъ, — выставилъ въ типѣ Погожева всё недостатки славянофиловъ, а въ типѣ Никодимова всё недостатки западниковъ...

— Ужъ будто и *всѣ*, прошепталъ тихонько Лямшинъ.

— Но я дѣлаю это вскользь, лишь бы какъ-нибудь убить неотвязчивое время и... удовлетворить всякимъ этимъ неотвязчивымъ требованіямъ соотечественниковъ.

— Вамъ вѣроятно извѣстно, Степанъ Трофимовичъ, восторженно продолжала Юлія Михайловна, — что завтра мы будемъ имѣть наслажденіе услышать прелестныя строки... одно изъ самыхъ послѣднихъ изящнѣйшихъ беллетристическихъ вдохновеній Семена Егоровича, — оно называется „Merci“. Онъ объявляетъ въ этой піесѣ, что писать болѣе не будетъ, не станетъ ни за что на свѣтѣ, если бы даже ангелъ съ неба или, лучше сказать, все высшее общество его упрашивало измѣнить рѣшеніе. Однимъ словомъ, кладетъ перо на всю жизнь, и это граціозное „Merci“ обращено къ публикѣ въ благодарность за тотъ постоянный восторгъ, которымъ она сопровождала столько лѣтъ его постоянное служеніе честной русской мысли.

Юлія Михайловна была на верху блаженства.

— Да, я распрощаюсь; скажу свое „Merci“ и уѣду, и

тамъ... въ Карлсруэ... закрою глаза свои, началъ мало-помалу раскисать Кармазиновъ.

Какъ многіе изъ нашихъ великихъ писателей (а у насъ очень много великихъ писателей), онъ не выдерживалъ похвалъ и тотчасъ же начиналъ слабѣть, несмотря на свое остроуміе. Но я думаю, что это простительно. Говорятъ, одинъ изъ нашихъ Шекспировъ прямо такъ и брякнулъ въ частномъ разговорѣ, что, „дескать, намъ, великимъ людямъ, иначе и нельзя“ и т. д., да еще и не замѣтилъ того.

— Тамъ, въ Карлсруэ, я закрою глаза свои. Намъ, великимъ людямъ, остается, сдѣлавъ свое дѣло, поскорѣе закрывать глаза, не ища награды. Сдѣлаю такъ и я.

— Дайте адресъ, и я приѣду къ вамъ въ Карлсруэ на вашу могилу, безмѣрно расхохотался нѣмецъ.

— Теперь мертвыхъ и по желѣзнымъ дорогамъ пересылаютъ, неожиданно проговорилъ кто-то изъ незначительныхъ молодыхъ людей.

Лямшинъ такъ и завизжалъ отъ восторга. Юлія Михайловна нахмурилась. Вошелъ Николай Ставрогинъ.

— А мнѣ сказали, что васъ взяли въ часть? громко проговорилъ онъ, обращаясь прежде всѣхъ къ Степану Трофимовичу.

— Нѣтъ, это былъ всего только частный случай, скаламбурилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Но надѣюсь, что онъ не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на мою просьбу, опять подхватила Юлія Михайловна. — Я надѣюсь, что вы, не взирая на эту несчастную несприятность, о которой я не имѣю до сихъ поръ понятія, не обманете нашихъ лучшихъ ожиданій и не лишите насъ наслажденія услышать ваше чтеніе на литературномъ утрѣ.

— Я не знаю, я... теперь...

— Право, я такъ несчастна, Варвара Петровна... и представьте, именно, когда я такъ жаждала поскорѣе узнать лично одного изъ самыхъ замѣчательныхъ и независимыхъ русскихъ умовъ, и вотъ вдругъ Степанъ Трофимовичъ изъявляетъ намѣреніе отъ насъ удалиться.

— Похвала произнесена такъ громко, что я, конечно, долженъ бы былъ не слышать, отчеканилъ Степанъ Трофимовичъ, — но не вѣрю, чтобы моя бѣдная личность была такъ необходима завтра для вашего праздника. Впрочемъ, я...

— Да вы его избалуете! прокричалъ Петръ Степановичъ, быстро вбѣгая въ комнату.—Я только лишь взялъ его въ руки, и вдругъ, въ одно утро — обыскъ, арестъ, полицейскій хватаетъ его за шиворовъ, а вотъ теперь его убаюкиваютъ дамы въ салонѣ градоправителя! Да у него каждая косточка ноетъ теперь отъ восторга; ему и во снѣ не снился такой бенефисъ. То-то начнетъ теперь на социалистовъ доносить!

— Быть не можетъ, Петръ Степановичъ. Соціализмъ слишкомъ великая мысль, чтобы Степанъ Трофимовичъ не сознавалъ того, съ энергіей заступилась Юлія Михайловна.

— Мысль великая, по исповѣдующіе не всегда великаны, *et brisons là, mon cher*, заключилъ Степанъ Трофимовичъ, обращаясь къ сыну и красиво приподымаясь съ мѣста.

Но тутъ случилось самое неожиданное обстоятельство. Фонъ-Лембке уже нѣсколько времени находился въ салонѣ, но какъ бы никѣмъ не примѣченный, хотя всѣ видѣли, какъ онъ вошелъ. Настроенная на прежнюю идею, Юлія Михайловна продолжала его игнорировать. Онъ помѣстился около дверей и мрачно, съ строгимъ видомъ, прислушивался къ разговорамъ. Заслышавъ намеки объ утреннихъ происшествіяхъ, онъ сталъ какъ-то безпокойно повертываться, уставился было на князя, видимо пораженный его торчащими впередъ, густо накрахмаленными воротничками; потомъ вдругъ точно вздрогнулъ, слышавъ голосъ и завидѣвъ вбѣжавшаго Петра Степановича, и только что Степанъ Трофимовичъ успѣлъ проговорить свою сентенцію о социалистахъ, вдругъ подошелъ къ нему, толкнувъ по дорогѣ Лямшина, который тотчасъ же отскочилъ съ выдѣланнымъ жестомъ и изумленіемъ, потирая плечо и представляясь, что его ужасно больно ушибли.

— Довольно! проговорилъ фонъ-Лембке, энергически схвативъ испуганнаго Степана Трофимовича за руку и изо всѣхъ силъ сжимая ее въ своей. — Довольно, флибустьеры нашего времени опредѣлены. Ни слова болѣе. Мѣры приняты...

Онъ проговорилъ громко, на всю комнату, заключилъ энергически. Произведенное впечатлѣніе было болѣзненное. Всѣ почувствовали нѣчто неблагополучное. Я видѣлъ, какъ Юлія Михайловна поблѣднѣла. Эффектъ завершился

глупою случайностью. Объявивъ, что мѣры приняты, Лембке круто повернулся и быстро вышелъ изъ комнаты, но съ двухъ шаговъ запнулся за коверъ, клюнулся носомъ впередъ и чуть было не упалъ. На мгновение онъ остановился, поглядѣлъ на то мѣсто, о которое запнулся, и вслухъ проговоривъ: „перемѣнить“, — вышелъ въ дверь. Юлія Михайловна побѣжала вслѣдъ за нимъ. Съ ея выходомъ поднялся шумъ, въ которомъ трудно было что-нибудь разобрать. Говорили, что „разстроены“, другіе, что „подвержены“. Третьи показывали пальцемъ около лба; Лямшинъ въ уголку наставилъ два пальца выше лба. Намекали на какія-то домашнія происшествія, все шопотомъ, разумѣется. Никто не брался за шляпу, а всѣ ожидали. Я не знаю, что успѣла сдѣлать Юлія Михайловна, но минутъ черезъ пять она воротилась, стараясь изо всѣхъ силъ казаться спокойною. Она отвѣчала уклончиво, что Андрей Антоновичъ немного въ волненіи, но что это ничего, что съ нимъ это еще съ дѣтства, что она знаетъ „гораздо лучше“, и что завтрашній праздникъ, конечно, развеселитъ его. Затѣмъ еще нѣсколько лестныхъ, но единственно для приличія, словъ Степану Трофимовичу и громкое приглашеніе членамъ комитета теперь же, сейчасъ, открыть засѣданіе. Тутъ только стали было не участвовавшіе въ комитетѣ собираться домой, но болѣзненные приключенія этого рокового дня еще не окончились...

Еще въ самую ту минуту, какъ вошелъ Николай Всеволодовичъ, я замѣтилъ, что Лиза быстро и пристально на него поглядѣла и долго потомъ не отводила отъ него глазъ, — до того долго, что подъ конецъ это возбудило вниманіе. Я видѣлъ, что Маврикій Николаевичъ нагнулся къ ней сзади и, кажется, хотѣлъ было что-то ей пошептать, но видно перемѣнилъ намѣреніе и быстро выпрямился, оглядывая всѣхъ, какъ виноватый. Возбудилъ любопытство и Николай Всеволодовичъ: лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, а взглядъ необычайно разсѣянъ. Бросивъ свой вопросъ Степану Трофимовичу при входѣ, онъ какъ бы забылъ о немъ тотчасъ же и, право, мнѣ кажется, такъ и забылъ подойти къ хозяйкѣ. На Лизу не взглянулъ ни разу, — не потому что не хотѣлъ, а потому, утверждаю это, что и ее тоже вовсе не замѣчалъ. И вдругъ, послѣ нѣкотораго молчанія, послѣдовавшаго за приглашеніемъ Юліи Михайловны открыть, не теряя вре-

мени, послѣднее засѣданіе,—вдругъ раздался звонкій, на-мѣренно громкій голосъ Лизы. Она позвала Николая Всеволодовича.

— Николай Всеволодовичъ, мнѣ какой-то капитанъ, называющій себя вашимъ родственникомъ, братомъ вашей жены, по фамиліи Лебядкинъ, все пишетъ неприличныя письма и въ нихъ жалуется на васъ, предлагая мнѣ открыть какія-то про васъ тайны. Если онъ въ самомъ дѣлѣ вашъ родственникъ, то запретите ему меня обижать и избавьте отъ непріятностей.

Страшный вызовъ послышался въ этихъ словахъ, всѣ это поняли. Обвиненіе было явное, хотя, можетъ-быть, и для нея самой внезапное. Похоже было на то, когда чело-вѣкъ, зажмуря глаза, бросается съ крыши.

Но отвѣтъ Николая Ставрогина былъ еще изумительнѣе.

Во-первыхъ, уже то было странно, что онъ вовсе не удивился и выслушалъ Лизу съ самымъ спокойнымъ вниманіемъ. Ни смущенія, ни гнѣва не отразилось на лицѣ его. Просто, твердо, даже съ видомъ полной готовности отвѣтилъ онъ на роковой вопросъ:

— Да, я имѣю несчастіе состоять родственникомъ этого чело-вѣка. Я мужъ его сестры, урожденной Лебядкиной, вотъ уже скоро пять лѣтъ. Будьте увѣрены, что я передамъ ему ваши требованія въ самомъ скорѣйшемъ времени, и отвѣчаю, что болѣе онъ не будетъ васъ беспокоить.

Никогда не забуду ужаса, изобразившагося на лицѣ Варвары Петровны. Съ безумнымъ видомъ привстала она со стула, приподнявъ предъ собою, какъ бы защищаясь, правую руку. Николай Всеволодовичъ посмотрѣлъ на нее, на Лизу, на зрителей, и вдругъ улыбнулся съ безпре-дѣльнымъ высокомеріемъ; не торопясь, вышелъ онъ изъ комнаты. Всѣ видѣли, какъ Лиза вскочила съ дивана, только лишь повернулся Николай Всеволодовичъ уходить, и явно сдѣлала движеніе бѣжать за нимъ, но опомнилась и не побѣжала, а тихо вышла, тоже не сказавъ никому ни слова и ни на кого не взглянувъ, разумѣется, въ сопровожденіи бросившагося за ней Маврикія Николаевича...

О шумѣ и о рѣчахъ въ городѣ въ этотъ вечеръ не упоминаю. Варвара Петровна заперлась въ своемъ городскомъ домѣ, а Николай Всеволодовичъ, говорили, прямо проѣхалъ въ Скворешники, не выдавшись съ матерью. Сте-

панъ Трофимовичъ посылалъ меня вечеромъ къ „cette chère amie“ вымолить ему разрѣшеніе явиться къ ней, но меня не приняли. Онъ былъ пораженъ ужасно, плакалъ: „Такой бракъ! Такой бракъ! Такой ужасъ въ семействѣ“, повторялъ онъ поминутно. Однако, вспоминалъ и про Кармазинова и ужасно бранилъ его. Энергически приготавлился и къ завтрашнему чтенію и—художественная натура!—приготавлился предъ зеркаломъ и припоминалъ всё свои острия словца и каламбурчики за всю жизнь, записанные отдѣльно въ тетрадку, чтобы вставить въ завтрашнее чтеніе.

— Другъ мой! я это для великой идеи, говорилъ онъ мнѣ, очевидно, оправдываясь.—Сher ami, я двинулся съ двадцатипятилѣтняго мѣста и вдругъ поѣхалъ, куда — не знаю, но я поѣхалъ...

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Праздникъ. Отдѣлъ первый.

I.

Праздникъ состоялся, несмотря ни на какія недоумѣнія прошедшаго „Шпигулинскаго“ дня. Я думаю, что если бы даже Лембке умеръ въ ту самую ночь, то праздникъ все-таки бы состоялся на утро,—до того много соединяла съ нимъ какого-то особеннаго значенія Юлія Михайловна. Увы, она до послѣдней минуты находилась въ ослѣпленіи и не понимала настроенія общества. Никто подъ конецъ не вѣрилъ, что торжественный день пройдетъ безъ какого-нибудь колоссальнаго приключенія безъ „развязки“, какъ выражались иные, заранѣе потирая руки. Многіе, правда, старались принять самый нахмуренный и политическій видъ; но, вообще говоря, непомерно веселить русскаго человѣка всякая общественная скандальная суматоха. Правда, было у насъ нѣчто и весьма посерьезнѣе одной лишь жажды скандала: было всеобщее раздраженіе, что-то неутолимо злобное; казалось, всѣмъ все надоѣло ужасно. Воцарился какой-то всеобщій сбивчивый цинизмъ, цинизмъ черезъ силу, какъ бы съ натуги. Только дамы не сбивались, и то въ одномъ только пунктѣ: въ безпощадной ненависти къ Юліи Михайловнѣ. Въ этомъ сошлись всѣ дамскія направленія. А та бѣдная и не подозревала; она до послѣдняго часу все еще была увѣрена, что „окружена“ и что ей все еще „преданы фанатически“.

Я уже намекалъ о томъ, что у насъ появились разные людишки. Въ смутное время колебанія или перехода, все-

гда и вездѣ появляются разные людишки. Я не про тѣхъ, какъ называемыхъ „передовыхъ“ говорю, которые всегда спѣшать прежде всѣхъ (главная забота) и хотя очень часто съ глупѣйшею, но все же съ опредѣленною болѣе или менѣе цѣлью. Нѣтъ, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть въ каждомъ обществѣ и уже не только безо всякой цѣли, но даже не имѣя и признака мысли, а лишь выражая собою изо всѣхъ силъ безпокойство и нетерпѣніе. Между тѣмъ, эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадаетъ подѣ команду той малой кучки „передовыхъ“, которые дѣйствуютъ съ опредѣленною цѣлью, и та направляетъ весь этотъ соръ куда ей угодно, если только сама не состоитъ изъ совершенныхъ идіотовъ, что, впрочемъ, тоже случается. У насъ вотъ говорятъ теперь, когда уже все прошло, что Петромъ Степановичемъ управляла Интернаціоналка, а Петръ Степановичъ Юліей Михайловной, а та уже регулировала по его командѣ всякую сволочь. Солиднѣйшіе изъ нашихъ умовъ дивятся теперь на себя: какъ это они тогда вдругъ оплошали? Въ чемъ состояло наше смутное время и отъ чего къ чему былъ у насъ переходъ—я не знаю, да и никто, я думаю, не знаетъ—развѣ вотъ нѣкоторые посторонніе гости. А между тѣмъ, дряннѣйшіе людишки получили вдругъ перевѣсъ, стали громко критиковать все священное, тогда какъ прежде и рта не смѣли раскрыть, а первѣйшіе люди, до тѣхъ поръ такъ благополучно державшіе верхъ, стали вдругъ ихъ слушать, а сами молчать; а иные такъ позорнѣйшимъ образомъ подхихикивать. Какіе-то Лямшины, Телятниковы, помѣщики Гентетниковы, доморощенные соплики Радищевы, скорбно, но надменно улыбающіеся жидашки, хохотуны заѣзжіе путешественники, поэты съ направлениемъ изъ столицы, поэты, взамѣнъ направленія и таланта, въ поддевкахъ и смазныхъ сапогахъ, майоры и полковники, смѣющіеся надъ безмысленностью своего званія и за лишній рубль готовые тотчасъ же снять свою шапку и улизнуть въ писаря на желѣзную дорогу; генералы, перекѣжавшіе въ адвокаты; развитые посредники, развивающіеся купчики, безчисленные семинаристы, женщины, изображающія собою женскій вопросъ, — все это вдругъ у насъ взяло полный верхъ, и надъ кѣмъ же? Надъ клубомъ, надъ почтенными сановниками, надъ генералами на деревянныхъ ногахъ, надъ строжайшимъ и

неприступнѣйшимъ нашимъ дамскимъ обществомъ. Ужь если Варвара Петровна, до самой катастрофы съ ея сыномъ, состояла чуть не на посылкахъ у всей этой сволочи, то другимъ изъ нашихъ Минервъ отчасти и простительна ихъ тогдашняя одурь. Теперь все приписываютъ, какъ я уже и сказалъ, Интернаціоналкѣ. Идея эта до того укрѣпилась, что въ этомъ смыслѣ доносятъ даже наѣхавшимъ постороннимъ. Еще недавно совѣтникъ Кубриковъ, шестидесяти двухъ лѣтъ и со Станиславомъ на шеѣ, пришелъ безо всякаго зову и проникнутымъ голосомъ объявилъ, что въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, несомнѣнно, состоялъ подъ вліяніемъ Интернаціоналки. Когда же, со всѣмъ уваженіемъ къ его лѣтамъ и заслугамъ, пригласили его объяснить удовлетворительнѣе, то онъ хотя и не могъ представить никакихъ документовъ, кромѣ того, что „ощущалъ всѣми своими чувствами“, но тѣмъ не менѣе твердо остался при своемъ заявленіи, такъ что его уже болѣе не допрашивали.

Повторю еще разъ. Сохранилась и у насъ маленькая кучка особъ осторожныхъ, уединившихся въ самомъ началѣ и даже затворившихся на замокъ. Но какой замокъ устоитъ предъ закономъ естественнымъ? Въ самыхъ осторожнѣйшихъ семействахъ такъ же точно растутъ дѣвицы, которымъ необходимо потанцовать. И вотъ всѣ эти особы тоже кончили тѣмъ, что подписались на гувернантокъ. Балъ же предполагался такой блистательный, непомѣрный; рассказывали чудеса, ходили слухи о заѣзжихъ князьяхъ съ лорнетами, о десяти распорядителяхъ, все молодыхъ кавалерахъ, съ бантами на лѣвомъ плечѣ; о петербургскихъ какихъ-то двигателяхъ; о томъ, что Кармазиновъ, для приумноженія сбору, согласился прочесть „Мерсі“ въ костюмѣ гувернантки нашей губерніи; о томъ, что будетъ „кадриль литературы“, тоже вся въ костюмахъ и каждый костюмъ будетъ изображать собою какое-нибудь направленіе. Наконецъ, въ костюмѣ же пропляшетъ и какая-то „честная русская мысль“, — чтò уже само собою представляло совершенную новость. Какъ же было не подписаться? Всѣ подписались.

II.

Праздничный день по программѣ былъ раздѣленъ на двѣ части: на литературное утро, съ полудня до четырехъ, и потомъ на балъ съ десяти часовъ во всю ночь. Но въ

самомъ этомъ распоряженіи уже таились зародыши безпорядка. Во-первыхъ, съ самага начала въ публикѣ укрѣпился слухъ о завтракѣ, сейчасъ послѣ литературнаго утра, или даже во время онаго, при нарочно устроенномъ для того перерывѣ, — о завтракѣ, разумѣется, даровомъ, входящемъ въ программу, и съ шампанскимъ. Огромная цѣна билета (три рубля) способствовала укорененію слуха. „А то сталъ бы я попустому подписываться? Праздникъ предполагается сутки, ну, и корми. Народъ проголодается“. Вотъ какъ у насъ разсуждали. Я долженъ признаться, что сама же Юлія Михайловна и укоренила этотъ пагубный слухъ чрезъ свое легкомысліе. Съ мѣсяць назадъ, еще подъ первымъ обаяніемъ великаго замысла, она лепетала о своемъ праздникѣ первому встрѣчному, а о томъ, что у нея будутъ провозглашены тосты, послала даже въ одну изъ столичныхъ газетъ. Ее, главное, прельщали тогда эти тосты: она сама хотѣла провозгласить ихъ и въ ожиданіи все сочиняла ихъ. Они должны были разъяснить наше главное знамя (какое?—бьюсь объ закладъ, бѣдняжка такъ ничего и не сочинила), перейти въ видѣ корреспонденцій въ столичныя газеты, умилишь и очаровать высшее начальство, а затѣмъ разлетѣться по всѣмъ губерніямъ, возбуждая удивленіе и подражаніе. Но для тостовъ необходимо шампанское, а такъ какъ шампанское нельзя же пить натошакъ, то, само собою, необходимъ столъ и завтракъ. Потомъ, когда уже ея усиліями устроился комитетъ и приступили къ дѣлу серьезнѣе, то ей тотчасъ же и ясно было доказано, что если мечтать о пирахъ, то на гувернантокъ очень мало останется, даже и при богатѣйшемъ сборѣ. Вопросъ представилъ такимъ образомъ два исхода: Вальтасаровскій пиръ и тосты, и рублей девяносто на гувернантокъ, или—осуществленіе значительнаго сбора, при праздникѣ, такъ сказать, только для формы. Комитетъ, впрочемъ, только хотѣлъ задать страху, самъ же, конечно, придумалъ третье рѣшеніе, примиряющее и благоразумное, то-есть весьма порядочный праздникъ во всѣхъ отношеніяхъ, только безъ шампанскаго, и такимъ образомъ въ остаткѣ сумма весьма приличная, гораздо больше девяности рублей. Но Юлія Михайловна не согласилась; ея характеръ презиралъ мѣщанскую средину. Она тутъ же положила, что если первая мысль неосуществима, то немедленно и всецѣло броситься въ обратную крайность, то-есть осуществить колоссальный сборъ

на зависть всѣмъ губерніямъ. „Должна же, наконецъ, понять публика“, заключила она свою пламенную комитетскую рѣчь, „что достиженіе общечеловѣческихъ цѣлей несравненно возвышеннѣе минутныхъ наслажденій тѣлесныхъ, что праздникъ въ сущности есть только провозглашеніе великой идеи, а потому должно удовольствоваться самымъ экономическимъ, нѣмецкимъ балкомъ, единственно для аллегоріи и если ужъ совсѣмъ безъ этого несноснаго бала обойтись невозможно!“ до того она вдругъ возненавидѣла его. Но ее, наконецъ, успокоили. Тогда-то, напримѣръ, выдумали и предложили „кадриль литературы“ и прочія эстетическія вещи, для замѣщенія ими наслажденій тѣлесныхъ. Тогда же и Кармазиновъ окончательно согласился прочесть „Merci“ (а до тѣхъ поръ только томилъ и мямилъ) и тѣмъ истребить даже самую идею ѣды въ умахъ нашей невоздержной публики. Такимъ образомъ опять-таки балъ становился великолѣпнѣйшимъ торжествомъ, хотя и не въ томъ уже родѣ. А чтобы не уходить совсѣмъ въ облака, рѣшили, что въ началѣ бала можно будетъ подать чаю съ лимономъ и кругленькимъ печеньемъ, потомъ оршадъ и лимонадъ, а подъ конецъ даже и морожепое, но и только. Для тѣхъ же, которые непременно всегда и вездѣ ощущаютъ голодъ и, главное, жажду—можно открыть въ концѣ анфилады комнатъ особый буфетъ, которымъ и займется Прохорычъ (главный клубный поваръ) и—впрочемъ, подъ строжайшимъ надзоромъ комитета—будетъ подавать, что угодно, но за особую плату, а для того нарочно объявить въ дверяхъ залы надписью, что буфетъ—внѣ программы. Но утромъ положили совсѣмъ не открывать буфета, чтобы не помѣшать чтенію, несмотря на то, что буфетъ назначался за пять комнатъ до бѣлой залы, въ которой Кармазиновъ согласился прочесть „Merci“. Любопытно, что этому событію, то-есть чтенію „Merci“, кажется, придавали въ комитетѣ слишкомъ уже колоссальное значеніе, и даже самые практическіе люди. Что же до людей поэтическихъ, то предводительша, напримѣръ, объявила Кармазинову, что она послѣ чтенія велитъ, тотчасъ же, вдѣлать въ стѣну своей бѣлой залы мраморную доску съ золотою надписью, что такого-то числа и года, здѣсь, на семь мѣстѣ, великій русскій и европейскій писатель, кладя перо, прочелъ „Merci“ и такимъ образомъ въ первый разъ простился съ русскою публикой въ лицѣ представителей нашего

города, и что эту надпись всё уже прочтутъ на балѣ, то-есть всего только пять часовъ спустя послѣ того какъ будетъ прочитано „Merci“. Я навѣрно знаю, что Кармазиновъ-то главное и потребовалъ, чтобы буфета утромъ не было, пока онъ будетъ читать, ни подъ какимъ видомъ, несмотря на замѣчанія иныхъ комитетскихъ, что это не совсѣмъ въ нашихъ нравахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ городѣ все еще продолжали вѣрить въ Вальтасаровскій пиръ, то-есть въ буфетъ отъ комитета; вѣрили до послѣдняго часа. Даже барышни мечтали о множествѣ конфетъ и варенья и еще чего-то неслыханнаго. Всѣ знали, что сборъ осуществился богатѣйшій, что ломится весь городъ, что ѣдутъ изъ уѣздовъ и недостаетъ билетовъ. Извѣстно было тоже, что сверхъ положенной цѣны состоялись и значительныя пожертвованія: Варвара Петровна, напримѣръ, заплатила за свой билетъ триста рублей и отдала на украшеніе залы всѣ цвѣты изъ своей оранжереи. Предводительша (членъ комитета) дала домъ и освѣщеніе; клубъ—музыку и прислугу и на весь день уступилъ Прохорыча. Были и еще пожертвованія, хотя и не столь крупныя, такъ что даже приходила мысль сбавить первоначальную цѣну билета съ трехъ рублей на два. Комитетъ дѣйствительно сперва опасался, что по три рубля не поѣдутъ барышни, и предлагалъ устроить какъ-нибудь билеты посемейныя, а именно, чтобы каждое семейство платило за одну лишь барышню, а всѣ остальные барышни, принадлежащія къ этой фамиліи, хотя бы въ числѣ десяти экземпляровъ, входили даромъ. Но всѣ опасенія оказались напрасными: напротивъ, барышни-то и явились. Даже самые бѣднѣйшіе чиновники привезли своихъ дѣвицъ и, слишкомъ ясно, не будь у нихъ дѣвицъ, имъ самимъ и въ мысль не пришло бы подписаться. Одинъ ничтожнѣйшій секретарь привезъ всѣхъ своихъ семерыхъ дочерей, не считая, разумѣется, супруги, и еще племянницу, и каждая изъ этихъ особъ держала въ рукѣ входной трехрублевый билетъ. Можно, однако, представить, какая была въ городѣ революція! Взять уже то, что такъ какъ праздникъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія, то и костюмовъ дамскихъ потребовалось по два на каждую: утренній для чтенія и бальный—для танцевъ. Многіе изъ средняго класса, какъ оказалось потомъ, заложили къ этому дню все, даже семейное бѣлье, даже простыни и чуть-ли не тюфяки на-

на зависть всѣмъ губерніямъ. „Должна же, наконецъ, понять публика“, заключила она свою пламенную комитетскую рѣчь, „что достиженіе общечеловѣческихъ цѣлей несравненно возвышеннѣе минутныхъ наслажденій тѣлесныхъ, что праздникъ въ сущности есть только провозглашеніе великой идеи, а потому должно удовольствоваться самымъ экономическимъ, нѣмецкимъ балкомъ, единственно для аллегоріи и если ужъ совсѣмъ безъ этого несноснаго бала обойтись невозможно!“ до того она вдругъ возненавидѣла его. Но ее, наконецъ, успокоили. Тогда-то, напримѣръ, выдумали и предложили „кадриль литературы“ и прочія эстетическія вещи, для замѣщенія ими наслажденій тѣлесныхъ. Тогда же и Кармазиновъ окончательно согласился прочесть „Мегсі“ (а до тѣхъ поръ только томилъ и мямлилъ) и тѣмъ истребить даже самую идею бѣды въ умахъ нашей невоздержной публики. Такимъ образомъ опять-таки балъ становился великолѣпнѣйшимъ торжествомъ, хотя и не въ томъ уже родѣ. А чтобы не уходить совсѣмъ въ облака, рѣшили, что въ началѣ бала можно будетъ подать чаю съ лимономъ и кругленькимъ печеньемъ, потомъ оршадъ и лимонадъ, а подъ конецъ даже и мороженое, но и только. Для тѣхъ же, которые непремѣнно всегда и вездѣ ощущаютъ голодъ и, главное, жажду—можно открыть въ концѣ анфилады комнатъ особый буфетъ, которымъ и займется Прохорычъ (главный клубный поваръ) и—впрочемъ, подъ строжайшимъ надзоромъ комитета—будетъ подавать, что угодно, но за особую плату, а для того нарочно объявить въ дверяхъ залы надписью, что буфетъ—вне программы. Но утромъ положили совсѣмъ не открывать буфета, чтобы не помѣшать чтенію, несмотря на то, что буфетъ назначался за пять комнатъ до бѣлой залы, въ которой Кармазиновъ согласился прочесть „Мегсі“. Любопытно, что этому событію, то-есть чтенію „Мегсі“, кажется, придавали въ комитетѣ слишкомъ уже колоссальное значеніе, и даже самые практическіе люди. Что же до людей поэтическихъ, то предводительша, напримѣръ, объявила Кармазинову, что она послѣ чтенія велитъ, тотчасъ же, вдѣлать въ стѣну своей бѣлой залы мраморную доску съ золотою надписью, что такого-то числа и года, здѣсь, на семь мѣстѣ, великій русскій и европейскій писатель, кладя перо, прочелъ „Мегсі“ и такимъ образомъ въ первый разъ простился съ русскою публикой въ лицѣ представителей нашего

города, и что эту надпись всё уже прочтутъ на балѣ, то-есть всего только пять часовъ спустя послѣ того какъ будетъ прочитано „Merci“. Я навѣрно знаю, что Кармазиновъ-то главное и потребовалъ, чтобы буфета утромъ не было, пока онъ будетъ читать, ни подъ какимъ видомъ, несмотря на замѣчанія иныхъ комитетскихъ, что это не совсѣмъ въ нашихъ нравахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ городѣ все еще продолжали вѣрить въ Вальтасаровскій пиръ, то-есть въ буфетъ отъ комитета; вѣрили до послѣдняго часа. Даже барышни мечтали о множествѣ конфетъ и варенья и еще чего-то неслыханнаго. Всѣ знали, что сборъ осуществился богатѣйшій, что ломится весь городъ, что ѣдутъ изъ уѣздовъ и недостааетъ билетовъ. Извѣстно было тоже, что сверхъ положенной цѣны состоялись и значительныя пожертвованія: Варвара Петровна, напримѣръ, заплатила за свой билетъ триста рублей и отдала на украшеніе залы всѣ цвѣты изъ своей оранжереи. Предводительша (членъ комитета) дала домъ и освѣщеніе; клубъ—музыку и прислугу и на весь день уступилъ Прохорыча. Были и еще пожертвованія, хотя и не столь крупныя, такъ что даже приходила мысль сбавить первоначальную цѣну билета съ трехъ рублей на два. Комитетъ дѣйствительно сперва опасался, что по три рубля не поѣдутъ барышни, и предлагалъ устроить какъ-нибудь билеты посемейные, а именно, чтобы каждое семейство платило за одну лишь барышню, а всѣ остальные барышни, принадлежащія къ этой фамиліи, хотя бы въ числѣ десяти экземпляровъ, входили даромъ. Но всѣ опасенія оказались напрасными: напротивъ, барышни-то и явились. Даже самые бѣднѣйшіе чиновники привезли своихъ дѣвицъ и, слишкомъ ясно, не будь у нихъ дѣвицъ, имъ самимъ и въ мысль не пришло бы подписаться. Одинъ ничтожнѣйшій секретарь привезъ всѣхъ своихъ семерыхъ дочерей, не считая, разумѣется, супруги, и еще племянницу, и каждая изъ этихъ особъ держала въ рукѣ входной трехрублевый билетъ. Можно, однако, представить, какая была въ городѣ революція! Взять уже то, что такъ какъ праздникъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія, то и костюмовъ дамскихъ потребовалось по два на каждую: утренній для чтенія и бальный—для танцевъ. Многіе изъ средняго класса, какъ оказалось потомъ, заложили къ этому дню все, даже семейное бѣлье, даже простыни и чуть-ли не тюфяки на-

шимъ жидамъ, которыхъ, какъ нарочно, вотъ уже два года, ужасно много укрѣпилось въ нашемъ городѣ и наѣзжаетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Почти всѣ чиновники забрали впередъ жалованье, а иные помѣщики продали необходимый скоть, и все только, чтобы привезти маркизами своихъ барышень и быть никого не хуже. Великолѣпіе костюмовъ на сей разъ было по нашему мѣсту неслыханное. Городъ еще за двѣ недѣли былъ начиненъ семейными анекдотами, которые всѣ тотчасъ же переносились ко двору Юліи Михайловны нашими зубоскалами. Стали ходить семейныя карикатуры. Я самъ видѣлъ въ альбомѣ Юліи Михайловны нѣсколько въ этомъ родѣ рисунковъ. Обо всемъ этомъ стало слишкомъ хорошо извѣстно тамъ, откуда выходили анекдоты; — вотъ почему, мнѣ кажется, и выросла такая ненависть въ семействахъ къ Юліи Михайловнѣ въ самое послѣднее время. Теперь всѣ бранятся и, вспоминая, скрежещутъ зубами. Но ясно было еще заранѣе, что не угоди тогда въ чьемъ-нибудь комитетъ, оплошай въ чьемъ-нибудь балъ, и взрывъ негодованія будетъ неслыханный. Вотъ почему всякъ про себя и ожидалъ скандала; а если ужъ такъ его ожидали, то какъ могъ онъ не осуществиться?

Ровно въ полдень загремѣлъ оркестръ. Будучи въ числѣ распорядителей, то-есть въ числѣ двѣнадцати „молодыхъ людей съ бантомъ“, я самъ своими глазами видѣлъ, какъ начался этотъ позорной памяти день. Началось съ немѣрной давки у входа. Какъ это случилось, что все оплошало съ самага перваго шагу, начиная съ полиціи? Я пастоящую публику не виню: отцы семействъ не только не тѣснились и никого не тѣснили, несмотря на чины свои, но, напротивъ, говорятъ, сконфузились еще на улицѣ, видя необычайный по нашему городу напоръ толпы, которая осаждала подъѣздъ и рвалась на приступъ, а не просто входила. Между тѣмъ экипажи все подъѣзжали и, накопецъ, запрудили улицу. Теперь, когда пишу, я имѣю твердыя данныя утверждать, что нѣкоторые изъ мерзѣйшей сволочи нашего города были просто проведены Лямшинымъ и Липутинымъ безъ билетовъ, а, можетъ-быть, и еще кое-гѣмъ, состоявшими въ распорядителяхъ, какъ и я. По крайней мѣрѣ, явились даже совсѣмъ неизвѣстныя личности, съѣхавшіяся изъ уѣздовъ и еще откуда-то. Эти дикари только лишь вступали въ залу, тотчасъ же въ одно слово (точно ихъ подучили) освѣдомлялись, гдѣ

буфетъ, и узнавъ, что нѣтъ буфета, безо всякой политики и съ необычною до сего времени у насъ дерзостью начинали браниться. Правда, иные изъ нихъ пришли пьяные. Нѣкоторые были поражены, какъ дикіе, великолѣпнымъ заломъ предводительши, такъ какъ ничего подобнаго никогда не видывали, и, входя, на минуту затихали и осматривались, разиня ротъ. Эта большая Бѣлая Зала, хотя и ветхой уже постройки, была въ самомъ дѣлѣ великолѣпна: огромныхъ размѣровъ, въ два свѣта, съ расписаннымъ по-старинному и отдѣланнымъ подъ золото потолкомъ, съ хорами, съ зеркальными простѣнками, съ красною по бѣлому драпировкою, съ мраморными статуями (какими ни на есть, но все же статуями), съ старинною, тяжелою, наполеоновскаго времени мебелью, бѣлою съ золотомъ и обитою краснымъ бархатомъ. Въ описываемый моментъ въ концѣ залы возвышалась высокая эстрада для имѣющихъ читать литераторовъ, а вся зала сплошь была уставлена, какъ партеръ театра, стульями, съ широкими проходами для публики. Но послѣ первыхъ минутъ удивленія начинались самые безсмысленные вопросы и заявленія. „Мы, можетъ-быть, еще и не хотимъ чтенія... Мы деньги заплатили... Публика нагло обманута... Мы хозяйева, а не Лембки!“ Однимъ словомъ, точно ихъ для этого и впустили. Особенно вспоминаю одно столкновеніе, въ которомъ отличился вчерашній заѣзжій князекъ, бывшій вчера утромъ у Юліи Михайловны, въ стоячихъ воротничкахъ и съ видомъ деревянной куклы. Онъ тоже, по неотступной ея просьбѣ, согласился пришилить къ своему лѣвому плечу бантъ и стать нашимъ товарищемъ-распорядителемъ. Оказалось, что эта нѣмая восковая фигура на дружинахъ умѣла, если не говорить, то въ своемъ родѣ дѣйствовать. Когда къ нему присталъ одинъ рябой колоссальный отставной капитанъ, опираясь на цѣлую кучку всякой толпившейся за нимъ сволочи: куда пройти въ буфетъ?— онъ мигнулъ квартальному. Указаніе было немедленно выполнено: несмотря на брань пьянаго капитана, его вытащили изъ залы. Межъ тѣмъ начала, наконецъ, появляться и „настоящая“ публика и тремя длинными нитями потянулась по тремъ проходамъ между стульями. Безпорядочный элементъ сталъ утихать, но у публики, даже у самой „чистой“, былъ недовольный и изумленный видъ; инья же изъ дамъ просто были испуганы.

Наконецъ, размѣстились; утихла и музыка. Стали смор-

каться, осматриваться. Ожидали съ слишкомъ уже торжественнымъ видомъ—что уже само по себѣ всегда дурной признакъ. Но „Лембовъ“ еще не было. Шелки, бархаты, брильянты сіяли и горѣли со всѣхъ сторонъ; по воздуху разнеслось благовоніе. Мужчины были при всѣхъ орденахъ, а старички такъ даже въ мундирахъ. Явилась, наконецъ, и предводительша, вмѣстѣ съ Лизой. Никогда еще Лиза не была такъ ослѣпительно прелестна, какъ въ это утро, и въ такомъ пышномъ туалетѣ. Волосы ея были убраны въ локонахъ, глаза сверкали, на лицѣ сіяла улыбка. Она видимо произвела эффектъ; ее осматривали, про нее шептались. Говорили, что она ищетъ глазами Ставрогина, но ни Ставрогина, ни Варвары Петровны не было. Я не понималъ тогда выраженія ея лица: почему столько счастья, радости, энергіи, силы было въ этомъ лицѣ? Я припоминалъ вчерашній случай и становился втупикъ. Но „Лембовъ“, однако, все еще не было. Эта была уже ошибка. Я послѣ узналъ, что Юлія Михайловна до послѣдней минуты ожидала Петра Степановича, безъ котораго въ послѣднее время и ступить не могла, несмотря на то, что никогда себѣ въ этомъ не признавалась. Замѣчу въ скобкахъ, что Петръ Степановичъ наканунѣ, въ послѣднемъ комитетскомъ засѣданіи, отказался отъ распорядительскаго банта, чѣмъ очень ее огорчилъ, даже до слезъ. Къ удивленію, а потомъ и къ чрезвычайному ея смущенію (о чемъ объявляю впередъ), онъ исчезъ на все утро и на литературное чтеніе совсѣмъ не явился, такъ что до самаго вечера его никто не встрѣчалъ. Наконецъ, публика начала обнаруживать явное нетерпѣніе. На эстрадѣ тоже никто не показывался. Въ заднихъ рядахъ начали аплодировать, какъ въ театрѣ. Старики и барыни хмурились: „Лембки, очевидно, уже слишкомъ важничали“. Даже въ лучшей части публики начался нелѣпый шопотъ о томъ, что праздника, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не будетъ, что самъ Лембке, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ такъ нездоровъ, и пр., и пр. Но, слава Богу, Лембке, наконецъ, явились: онъ вѣлъ ее подъ руку; я, признаюсь, и самъ ужасно опасался за ихъ появленіе. Но басни, стало-быть, падали и правда брала свое. Публика какъ-будто отдохнула. Самъ Лембке, казалось, былъ въ полномъ здоровьи, какъ, помню, заключили и всѣ, потому что можно представить, сколько на него обратилось взглядовъ. Замѣчу для характеристики, что и вообще очень мало было такихъ изъ нашего высшаго

общества, которые предполагали, что Лембке чѣмъ-нибудь такимъ нездоровъ: дѣянiя же его находили совершенно нормальными и даже такъ, что вчерашнюю утреннюю исторiю на площади приняла съ одобренiемъ. „Такъ-то бы и сначала, говорили сановники.—А то прiѣдутъ филантропами, а кончатъ все тѣмъ же, не замѣчая, что оно для самой филантропiи необходимо“,—такъ, по крайней мѣрѣ, разсудили въ клубѣ. Осуждали только, что онъ при этомъ погорячился: „Это надо бы хладнокровнѣе, ну да человекъ вновѣ“, говорили знатоки. Съ такою же жадностью всѣ взоры обратились и къ Юлии Михайловнѣ. Конечно, никто не въ правѣ требовать отъ меня, какъ отъ рассказчика, слишкомъ точныхъ подробностей касательно одного пункта: тутъ тайна, тутъ женщина; но я знаю только одно: ввечеру вчерашняго дня она вошла въ кабинетъ Андрея Антоновича и пробыла съ нимъ гораздо позже полуночи. Андрей Антоновичъ былъ прощенъ и утѣшенъ. Супруги согласились во всемъ, все было забыто, и когда, въ концѣ объясненiя, фонъ-Лембке все-таки сталъ на колѣни, съ ужасомъ вспоминая о главномъ заключительномъ эпизодѣ запрошлой ночи, то прелестная ручка, а за нею и уста супруги заградили пламенные излиянiя покаянныхъ рѣчей рыцарски деликатнаго, но ослабленнаго умилениемъ человека. Всѣ видѣли на лицѣ ея счастье. Она шла съ открытымъ видомъ и въ великолѣпномъ костюмѣ. Казалось, она была на верху желанiй, праздникъ — цѣль и вѣнецъ ея политики — былъ осуществленъ. Проходя до своихъ мѣстъ, передъ самую эстраду, оба Лембке раскланивались и отвѣчали на поклоны. Они тотчасъ же были окружены. Предводительша встала имъ навстрѣчу... Но тутъ случилось одно скверное недоразумѣнiе: оркестръ ни съ того, ни съ сего грянулъ тушь,—не какой-нибудь маршь, а просто столовый тушь, какъ у насъ въ клубѣ за столомъ, когда на официальномъ обѣдѣ пьютъ чье-нибудь здоровье. Я теперь знаю, что объ этомъ постарался Лямшинъ въ своемъ качествѣ распорядителя, будто бы въ честь входящихъ „Лембокъ“. Конечно, онъ могъ всегда отговориться тѣмъ, что сдѣлалъ по глупости или по чрезмѣрной ревности... Увы, я еще не зналъ тогда, что они объ отговоркахъ уже не заботились и съ сегодняшнимъ днемъ все заканчивали. Но тушемъ не кончилось: вмѣстѣ съ досаднымъ недоумѣнiемъ и улыбками публики вдругъ въ концѣ залы и на хорахъ раздалось ура,

тоже какъ бы въ честь Лембке. Голосовъ было немного, но, признаюсь, они продолжались нѣкоторое время. Юлія Михайловна вспыхнула, глаза ея засверкали. Лембке остановился у своего мѣста и, обернувшись въ сторону кричавшихъ, величественно и строго оглядывалъ залу... Его поскорѣе посадили. Я опять со страхомъ примѣтилъ на его лицѣ ту опасную улыбку, съ которою онъ стоялъ вчера поутру въ гостиной своей супруги и смотрѣлъ на Степана Трофимовича, прежде чѣмъ къ нему подошелъ. Мнѣ показалось, что и теперь въ его лицѣ какое-то зловѣщее выраженіе и, что хуже всего, нѣсколько комическое, — выраженіе существа, приносящаго, такъ и быть, себя въ жертву, чтобы только угодить высшимъ цѣлямъ своей супруги... Юлія Михайловна наскоро поманила меня къ себѣ и пошептала, чтобы я бѣжалъ къ Кармазинову и умолялъ его начинать. И вотъ только что я успѣлъ повернуться, произошла другая мерзость, но только гораздо сквернѣе первой. На эстрадѣ, на пустой эстрадѣ, куда до сей минуты обращались всѣ взоры и всѣ ожиданія и гдѣ только и видѣли небольшой столъ, передъ нимъ стулъ, а на столѣ стаканъ воды на серебряномъ подносикѣ, — на пустой эстрадѣ вдругъ мелькнула колоссальная фигура капитана Лебядкина во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Я такъ былъ пораженъ, что не повѣрилъ глазамъ своимъ. Капитанъ, казалось, сконфузился и приостановился въ углубленіи эстрады. Вдругъ въ публикѣ послышался крикъ: „Лебядкинъ! ты?“ Глупая красная рожа капитана (онъ былъ совершенно пьянъ) при этомъ окликѣ раздвинулась широко тупою улыбкой. Онъ поднялъ руку, потеръ ею лобъ, тряхнулъ своею мохнатою головою и, какъ будто рѣшившись на все, шагнулъ два шага впередъ и — вдругъ фыркнулъ смѣхомъ, не громкимъ, но залихватымъ, длиннымъ, счастливымъ, отъ котораго заколыхалась вся его дебелая масса и съежились глазки. При этомъ видѣ чуть не половина публики засмѣялась, двадцать человекъ зааплодировали. Публика серьезная мрачно переглядывалась; все, однако, продолжалось не болѣе полуминуты. На эстраду вдругъ взбѣжали Липутинъ со своимъ распорядительскимъ бантомъ и двое слугъ; они осторожно подхватили капитана подъ руки, а Липутинъ что-то пошепталь ему. Капитанъ нахмурился, пробормоталъ: „А ну, коли такъ“, махнулъ рукой, повернулъ къ публикѣ свою огромную спину и

скрылся съ провожатыми. Но, мгновение спустя, Липутинъ опять вскочилъ на эстраду. На губахъ его была самая сладчайшая изъ всегдашнихъ его улыбокъ, обыкновенно напоминающихъ укусъ съ сахаромъ, а въ рукахъ листокъ почтовой бумаги. Мелкими, но частыми шагами подошелъ онъ къ переднему краю эстрады.

— Господа, обратился онъ къ публикѣ, — по недосмотру произошло комическое недоразумѣніе, которое и устранено; но я съ надеждою взялъ на себя порученіе и глубокую, самую почтительную просьбу одного изъ мѣстныхъ здѣшнихъ нашихъ стихотворцевъ... Проникнутый гуманною и высокою цѣлью... несмотря на свой видъ... тою самою цѣлью, которая соединила насъ всѣхъ... отереть слезы бѣдныхъ образованныхъ дѣвушекъ нашей губерніи... этотъ господинъ, то-есть я хочу сказать, этотъ здѣшній поэтъ... при желаніи сохранить инкогнито... очень желалъ бы видѣть свое стихотвореніе прочитаннымъ предъ началомъ бала... то-есть, я хотѣлъ сказать — чтенія. Хотя это стихотвореніе не въ программѣ и не входитъ... потому что полчаса, какъ доставлено... но намъ (кому намъ? Я слово въ слово привожу эту отрывистую и сбивчивую рѣчь) показалось, что по замѣчательной наивности чувства, соединеннаго съ замѣчательною тоже веселостію, стихотвореніе могло бы быть прочитано, то-есть не какъ нѣчто серьезное, а какъ нѣчто подходящее къ торжеству... Однимъ словомъ, къ идеѣ... Тѣмъ болѣе, что нѣсколько строкъ... и хотѣлъ просить разрѣшенія благосклоннѣйшей публики.

— Читайте! рявкнулъ голосъ въ концѣ залы.

— Такъ читать-съ?

-- Читайте, читайте! раздалось много голосовъ.

— Я прочту-съ, съ позволенія публики, покривился опять Липутинъ все съ тою же сахарной улыбкой.

Онъ все-таки какъ бы не рѣшался, и мнѣ даже показалось, что онъ въ волненіи. При всей дерзости этихъ людей, все-таки иногда они спотыкаются. Впрочемъ, семинаристъ не споткнулся бы, а Липутинъ все же принадлежалъ къ обществу прежнему.

— Я предупреждаю, то-есть имѣю честь предупредить, что это все-таки не то чтобъ ода, какъ прежде писались на праздники, а это почти, такъ сказать, шутка, но при несомнѣнномъ чувствѣ, соединенномъ съ игривою веселостію и, такъ сказать, при самореальнѣйшей правдѣ.

— Читай, читай!

Онъ развернулъ бумажку. Разумѣется, его никто не успѣлъ остановить. Къ тому же, онъ явился со своимъ распорядительскимъ бантомъ. Звонкимъ голосомъ онъ продекламировалъ:

— Отечественной губернаткѣ здѣшнихъ мѣстъ отъ поэта съ праздника.

Здравствуй, здравствуй, губернатка!

Веселись и торжествуй.

Ретроградка или Жоржъ-Зандка,

Все равно теперь ликуй!

— Да это Лебидкинъ! Лебидкинъ и есть! отозвался нѣсколько голосовъ.

Раздался смѣхъ и даже аплодисментъ, хотя и немногочисленный.

Учишь ты дѣтей сопливыхъ

По-французски букварю,

И подмигивать готова,

Чтобы взялъ, хоть повмарю,—

— Ура! ура!

Но въ нашъ вѣкъ реформъ великихъ

Не возьметъ и понамарь,

Надо, барышня, „толикихъ“,

Или снова за букварь.

— Именно, именно, вотъ это реализмъ, безъ „толикихъ“ ни шагу!

Но теперь, когда, пируя,

Мы собрали капиталъ

И приданое, танцуя,

Шлемъ тебѣ изъ этихъ валь,—

Ретроградка или Жоржъ-Зандка,

Все равно теперь ликуй!

Ты съ приданнымъ губернатка,

Плюй на все и торжествуй!

Признаюсь, я не вѣрилъ ушамъ своимъ. Тутъ была такая явная наглость, что возможности не было извинить Липутина даже глупостью. А Липутинъ ужъ какъ былъ не глупъ. Намѣреніе было ясно, для меня, по крайней мѣрѣ: какъ будто торопились безпорядкомъ. Нѣкоторые стихи этого идиотскаго стихотворенія, напимѣръ, самый послѣдній, были такого рода, что никакая глупость не могла бы его допустить. Липутинъ, кажется, и самъ чувствовалъ, что слишкомъ много взялъ на себя, совершивъ свой подвигъ; онъ такъ опѣшилъ отъ собственной дерзости, что даже не уходилъ съ эстрады, и стоялъ, какъ будто желая что-то еще прибавить. Онъ

вѣрно предполагалъ, что выйдетъ какъ-нибудь въ другомъ родѣ; но даже кучка безобразниковъ, аплодировавшая во время выходки, вдругъ замолкла, тоже какъ бы опѣшившая. Глупѣе всего, что многіе изъ нихъ приняли всю выходку патетически, то-есть вовсе не за пасквиль, а дѣйствительно за реальную правду пасчетъ гувернантки, за стишки съ направлениемъ. Но излишняя развязность стиховъ поразила, наконецъ, и ихъ. Что же до всей публики, то вся зала не только была скандализована, но видимо обидѣлась. Я не ошибаюсь, передавая впечатлѣніе. Юлія Михайловна говорила потомъ, что еще мгновеніе, и она бы упала въ обморокъ. Одинъ изъ самыхъ наипочтеннѣйшихъ старичковъ поднялъ свою старушку и оба вышли изъ залы подъ провожавшими ихъ тревожными взглядами публики. Кто знаетъ, можетъ-быть, примѣръ увлекъ бы и еще нѣкоторыхъ, если бы въ ту минуту не явился на эстраду самъ Кармазиновъ, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, и съ тетрадю въ рукѣ. Юлія Михайловна обратила на него восторженный взглядъ, какъ на избавителя... Но я уже былъ за кулисами; мнѣ надо было Липутина.

— Это вы нарочно! проговорилъ я, хватая его въ пегодованіи за руку.

— Ей-Богу никакъ не думалъ, скорчился онъ тотчасъ же, начиналъ лгать и прикидываться несчастнымъ. — Стишки только что сейчасъ принесли, я и думалъ, что какъ веселая шутка...

— Вотсе вы этого не подумали. Неужто вы находите эту бездарную дрянъ веселою шуткой?

— Да-съ, нахожу-съ.

— Вы просто лжете, и вотсе вамъ не сейчасъ принесли. Вы сами это сочинили съ Лебядкинымъ вмѣстѣ, можетъ-быть, еще вчера, для скандала. Послѣдній стихъ непременно вашъ, про понамаря тоже. Почему онъ вышелъ во фракѣ? Значить, вы его и читать готовили, если-бъ онъ не напился пьянъ?

Липутиновъ холодно и язвительно посмотрѣлъ на меня.

— Вамъ-то что за дѣло? спросилъ онъ вдругъ съ страннымъ спокойствіемъ.

— Какъ что? Вы тоже носите этотъ бантъ... Гдѣ Петръ Степановичъ?

— Не знаю; здѣсь гдѣ-нибудь; а что?

— А то, что я теперь вижу насквозь. Это просто

заговоръ противъ Юліи Михайловны, чтобы оскандальить день...

Липутинь опять искоса посмотрѣлъ на меня.

— Да вамъ-то что? ухмыльнулся онъ, пожалъ плечами и отошелъ въ сторону.

Меня какъ бы обдало. Всѣ мои подозрѣнія оправдывались. А я-то еще надѣялся, что ошибаюсь! Что мнѣ было дѣлать? Я было думалъ посовѣтоваться со Степаномъ Трофимовичемъ, но тотъ стоялъ передъ заркаломъ, примѣривалъ разныя улыбки и непрерывно справлялся съ бумажкой, на которой у него были сдѣланы отмѣтки. Ему сейчасъ послѣ Кармазинова слѣдовало выходить, и разговаривать со мною онъ уже былъ не въ состояніи. Бѣжать къ Юліи Михайловнѣ? Но къ той было рано: той надо было гораздо покрѣпче урокъ, чтобы исцѣлить ее отъ убѣжденія въ „окруженности“ и во всеобщей къ ней „фанатической преданности“. Она бы мнѣ не повѣрила и сочла духовидцемъ. Да и чѣмъ она могла помочь? „Э, подумалъ я,—да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ мнѣ-то что за дѣло, сниму бантъ и уйду домой, *когда начнется*“. Я такъ и произнесъ „когда начнется“, я это помню.

Но надо было идти слушать Кармазинова. Оглянувшись въ послѣдній разъ за кулисами, я замѣтилъ, что тутъ шныряетъ таки довольно посторонняго народа и даже женщинъ, выходятъ и уходятъ. Эти „за кулисы“ было довольно узкое пространство, отгороженное отъ публики наглухо занавѣсью и сообщавшееся сзади черезъ коридоръ съ другими комнатами. Тутъ наши читавшіе ожидали своей очереди. Но меня особенно поразилъ въ это мгновеніе слѣдующій послѣ Степана Трофимовича лекторъ. Это былъ тоже какой-то въ родѣ профессора (я и теперь не знаю въ точности, кто онъ такой), удалившійся добровольно изъ какого-то заведенія послѣ какой-то студенческой исторіи и захватившій зачѣмъ-то въ нашъ городъ всего только нѣсколько дней назадъ. Его тоже рекомендовали Юліи Михайловнѣ, и она приняла его съ благоговѣніемъ. Я знаю теперь, что онъ былъ у ней всего только на одномъ вечерѣ до чтенія, весь тотъ вечеръ промолчалъ, двусмысленно улыбался шуткамъ и тону компаніи, окружавшей Юлію Михайловну, и на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе неприятное надменнымъ и въ то же время до пугливости обидчивымъ своимъ видомъ. Это сама Юлія Михайловна его завербовала читать.

Теперь онъ ходилъ изъ угла въ уголъ и тоже, какъ и Степанъ Трофимовичъ, шепталъ про себя, но смотрѣлъ въ землю, а не въ зеркало. Улыбокъ не примѣрялъ, хотя часто и плотоядно улыбался. Ясно, что и съ нимъ тоже нельзя было говорить. Ростомъ онъ былъ малъ, лѣтъ сорока на видъ, лысый и плѣшивый, съ сѣдоватою бородкой, одѣтъ прилично. Но всего интереснѣе было, что онъ съ каждымъ поворотомъ подымалъ вверхъ свой правый кулакъ, моталъ имъ въ воздухѣ надъ головою и вдругъ опускалъ его внизъ, какъ будто разбивая въ прахъ какого-то сопротивника. Этотъ фокусъ продѣлывалъ онъ по минутно. Миѣ стало жутко. Поскорѣе побѣжалъ я слушать Кармазинова.

III.

Въ залѣ опять носилось что-то неладное. Объявляю заранее: я преклоняюсь предъ величiемъ гениа; но къ чему же эти господа, наши гении, въ концѣ своихъ славныхъ лѣтъ поступаютъ иногда совершенно какъ маленькiе мальчишки? Ну что же въ томъ, что онъ Кармазиновъ и вышелъ съ осанкою пятерыхъ камергеровъ? Развѣ можно продержатъ на одной статьѣ такую публику, какъ наша, дѣлный часъ? Вообще я сдѣлалъ замѣчанiе, что будь разгений, но въ публичномъ легкомъ литературномъ чтенiи нельзя занимать собою публику болѣе двадцати минутъ безнаказанно. Правда, выходъ великаго гениа встрѣченъ былъ до крайности почтительно: даже самыя строгiе старички изъявили одобренiе и любопытство, а дамы такъ даже и нѣкоторый восторгъ. Аплодисментъ, однако, былъ коротенькiй, и какъ-то недружный, сбившiйся. Зато въ заднихъ рядахъ ни единой выходки, до самаго того мгновенiя, когда господинъ Кармазиновъ заговорилъ, да и тутъ почти ничего не вышло особенно дурного, а такъ, какъ будто недоразумѣнiе. Я уже прежде упоминалъ, что у него былъ слишкомъ крикливый голосъ, нѣсколько даже женственный, и притомъ съ настоящимъ благороднымъ дворянскимъ присюсюкиванiемъ. Только лишь произнесъ онъ нѣсколько словъ, вдругъ кто-то громко позволилъ себѣ засмѣяться, — вѣроятно, какой-нибудь неопытный дурачокъ, не выдавшiй еще ничего свѣтскаго и притомъ при врожденной смѣшливости. Но демонстрацiи не было ни малѣйшей; напротивъ, дураку же и зашикали, и онъ уничтожился. Но вотъ господинъ Кармазиновъ, жеманясь

и тонируя, объявляетъ, что онъ „сначала ни за что не соглашался читать“ (очень надо было объявлять!). „Есть, дескать, такія строки, которыя до того выпѣваются изъ сердца, что и сказать нельзя, такъ что этакую святыню никакъ нельзя нести въ публику“ (ну, такъ зачѣмъ же понесъ?); „но такъ какъ его упросили, то онъ и понесъ, и такъ какъ, сверхъ того, онъ кладетъ перо навѣки и поклялся болѣе ни за что не писать, то ужъ, такъ и быть, написалъ эту послѣднюю вещь; и такъ какъ онъ поклялся ни за что и ничего никогда не читать въ публикѣ, то ужъ, такъ и быть, прочтетъ эту послѣднюю статью публикѣ“ и т. д., и т. д. все въ этомъ родѣ.

Но все бы это ничего, и кто не знаетъ авторскихъ предисловій? Хотя замѣчу, при малой образованности нашей публики и при раздражительности заднихъ рядовъ, это все могло повліять. Ну, не лучше-ли было бы прочитать маленькую повѣсть, крошечный разсказикъ въ томъ родѣ, какъ онъ прежде писывалъ,—то-есть хоть обточено и жеманно, но иногда съ остроуміемъ? Этимъ было бы все спасено. Нѣтъ-съ, не тутъ-то было! Началась раcea! Боже, чего тутъ не было! Положительно скажу, что даже столничная публика доведена была бы до столбняка, не только наша. Представьте себѣ почти два печатныхъ листа самой жеманной и бесполезной болтовни; этотъ господинъ вдобавокъ читалъ еще какъ-то свысока пригорюнясь, точно изъ милости, такъ что выходило даже съ обидой для нашей публики. Тема... Но кто ее могъ разобрать, эту тему? Это былъ какой-то отчетъ о какихъ-то впечатлѣніяхъ, о какихъ-то воспоминаніяхъ. Но чего? Но о чемъ?—Какъ ни хмурились наши губернскіе лбы цѣлую половину чтенія,—ничего не могли одолѣть, такъ что вторую половину прослушали изъ учтивости. Правда, много говорилось о любви, о любви генія къ какой-то особѣ, но, признаюсь, это вышло нѣсколько неловко. Къ небольшой толстенькой фигуркѣ геніальнаго писателя какъ-то не шло бы разсказывать, на мой взглядъ, о своемъ первомъ поцѣлуѣ... И, что опять-таки обидно, эти поцѣлуи происходили какъ-то не такъ, какъ у всего человѣчества. Тутъ непременно кругомъ растетъ дрокъ (непременно дрокъ или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться въ ботаникѣ). При этомъ на небѣ непременно какой-то фіолетовый оттѣнокъ, котораго, конечно, никто никогда не примѣчалъ изъ смертныхъ, то-есть и всѣ видѣли, но не

умѣли примѣтить, а „вотъ, дескать, я подглядѣлъ и опи-
сываю вамъ, дуракамъ, какъ самую обыкновенную вещь“. Дерево, подъ которымъ усѣлась интересная пара, непре-
мѣнно какого-нибудь оранжеваго цвѣта. Сидятъ они гдѣ-
то въ Германіи. Вдругъ они видятъ Помпея или Кассія
наканунѣ сраженія, и обоихъ пронизываетъ холодъ вос-
торга. Какая-то русалка запищала въ кустахъ. Глюкъ
заигралъ въ тростникѣ на скрипкѣ. Пьеса, которую онъ
игралъ, названа en toutes lettres, но никому неизвѣстна,
такъ что объ ней надо справляться въ музыкальномъ сло-
варѣ. Межъ тѣмъ за клубился туманъ, такъ за клубился,
такъ за клубился, что болѣе похожъ былъ на миллионъ
подушекъ, чѣмъ на туманъ. И вдругъ все исчезаетъ, и
великій геній переправляется зимой, въ оттепель, черезъ
Волгу. Двѣ съ половиною страницы переправы, но все-
таки попадетъ въ прорубь. Геній тонетъ, — вы думаете,
утонулъ? И не думалъ: это все для того, что когда онъ
уже совсѣмъ утопалъ и захлебывался, то передъ нимъ
мелькнула льдинка, крошечная льдинка съ горошинку,
но чистая и прозрачная, „какъ замороженная слеза“, и
въ этой льдинкѣ отразилась Германія или, лучше сказать,
небо Германіи, и радужною игрой своею отраженіе на-
помнило ему ту самую слезу, которая „помнишь, скати-
лась изъ глазъ твоихъ, когда мы сидѣли подъ изумруд-
нымъ деревомъ, и ты воскликнула радостно: „Нѣтъ пре-
ступленія!“ „Да, сказалъ я сквозь слезы, но коли такъ,
то вѣдь нѣтъ и праведниковъ“. Мы зарыдали и разста-
лись навѣки“. — Она куда-то па берегъ моря, онъ въ ка-
кія-то пещеры; и вотъ онъ спускается, спускается, три
года спускается въ Москвѣ подъ Сухаревою башней, и
вдругъ, въ самыхъ нѣдрахъ земли, въ пещерѣ находитъ
лампадку, а передъ лампадкой схимника. Схимникъ мо-
лится. Геній приникаетъ къ крошечному рѣшетчатому
оконцу, и вдругъ слышитъ вздохъ. Вы думаете, это схим-
никъ вздохнулъ? Очень ему надо вашего схимника! Нѣтъ-
съ, просто-запросто этотъ вздохъ напомнилъ ему ея пер-
вый вздохъ, тридцать семь лѣтъ назадъ, когда, помнишь,
въ Германіи, мы сидѣли подъ агатовымъ деревомъ, и ты
сказала мнѣ: „Къ чему любить? Смотри, кругомъ растутъ
вохра, и я люблю, но перестанетъ расти вохра, и я раз-
люблю“. Тутъ опять за клубился туманъ, явился Гофманъ,
просвистала изъ Шопена русалка, и вдругъ изъ тумана,
въ лавровомъ вѣнкѣ, надъ кровлями Рима появился Анкъ-

Марцій. Ознобъ восторга охватилъ наши спины, и мы разстались навѣки“ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, я, можетъ, и не такъ передаю и передать не умѣю, но смыслъ болтовни былъ именно въ этомъ родѣ. И, наконецъ, что за позорная страсть у нашихъ великихъ умовъ къ каламбурамъ въ высшемъ смыслѣ! Великій европейскій философъ, великій ученый, изобрѣтатель, труженикъ, мученикъ,—всѣ эти труждающіеся и обремененные, для нашего русскаго великаго генія рѣшительно въ родѣ поваровъ у него на кухнѣ. Онъ баринъ, а они являются къ нему съ колпаками въ рукахъ и ждутъ приказаній. Правда, онъ надменно усмѣхается и надъ Россіей, и ничего нѣтъ пріятнѣе ему, какъ объявить банкротство Россіи во всѣхъ отношеніяхъ предъ великими умами Европы, но что касается его самого,—нѣтъ-съ, онъ уже надъ этими великими умами Европы возвысился: всѣ они лишь матеріаль для его каламбуровъ. Онъ беретъ чужую идею, прилетаетъ къ ней ея антитезъ, и каламбуръ готовъ. Есть преступленіе, нѣтъ преступленія; правды нѣтъ, праведниковъ нѣтъ; атеизмъ, дарвинизмъ, московскіе колокола... Но, увы, онъ уже не вѣритъ въ московскіе колокола; Римъ, лавры... Но онъ даже не вѣритъ въ лавры... Тутъ казенный припадокъ Байроновской тоски, гримаса изъ Гейне, что-нибудь изъ Печорина,—и пошла, и пошла, засвистала машина... „А, впрочемъ, похвалите, похвалите, я вѣдь это ужасно люблю; я вѣдь это только такъ говорю, что кладу перо; подождите, и еще вамъ триста разъ надоѣмъ, читать устанете“...

Разумѣется, кончилось не такъ ладно; но то худо, что съ него-то и началось. Давно уже началось шарканье, сморканье, кашель и все то, что бываетъ, когда на литературномъ чтеніи литераторъ, кто бы онъ ни былъ, держитъ публику болѣе двадцати минутъ. Но геніальный писатель ничего этого не замѣчалъ. Онъ продолжалъ сюсюкать и мямлить, зная не зная публики, такъ что всѣ стали приходиться въ недоумѣніе. Какъ вдругъ въ заднихъ рядахъ послышался одинокій, но громкій голосъ:

— Господи, какой вздоръ!

Это выскочило невольно и, я увѣренъ, безо всякой демонстраціи. Просто усталъ человекъ. Но господинъ Кармазиновъ приостановился, насмѣшливо поглядѣлъ на публику, и вдругъ просюсюкалъ съ осанкою уязвленнаго камергера:

— Я, кажется, вамъ, господа, надоѣлъ порядочно?

Вотъ въ томъ-то и вина его, что онъ первый заговорилъ; ибо, вызывая такимъ образомъ на отвѣтъ, тѣмъ самымъ далъ возможность всякой сволочи тоже заговорить и, такъ сказать, даже законно, тогда какъ если бы удержался, то посморкались-посморкались бы, и сошло бы какъ-нибудь... Можетъ-быть, онъ ждалъ аплодисмента въ отвѣтъ на свой вопросъ; но аплодисмента не раздалось; напротивъ, всѣ какъ будто испугались, съежились и притихли.

— Вы вовсе никогда не видали Анкъ-Марціа, это все слогъ, раздался вдругъ одинъ раздраженный, даже какъ бы наболѣвшій голосъ.

— Именно, подхватилъ сейчасъ же другой голосъ. — Нынче нѣтъ привидѣній, а естественныя науки. Справьтесь съ естественными науками.

— Господа, я менѣ всего ожидалъ такихъ возраженій, ужасно удивился Кармазиновъ.

Великій геній совсѣмъ отвыкъ въ Карлсруэ отъ отечества.

— Въ нашъ вѣкъ стыдно читать, что міръ стоитъ на трехъ рыбахъ, протрещала вдругъ одна дѣвица. — Вы, Кармазиновъ, не могли спускаться въ пещеры къ пустыннику. Да и кто говоритъ теперь про пустынниковъ?

— Господа, всего болѣе удивляетъ меня, что это такъ серьезно. Впрочемъ... впрочемъ... вы совершенно правы. Никто болѣе меня не уважаетъ реальную правду...

Онъ хотъ и улыбался иронически, но сильно былъ пораженъ. Лицо его такъ и выражало: „Я вѣдь не такой, какъ вы думаете, я вѣдь за вастъ, только хвалите меня, хвалите больше, какъ можно больше, я это ужасно люблю“...

— Господа, прокричалъ онъ, наконецъ, уже совсѣмъ уязвленный, — я вижу, что мол бѣдная поэмка не туда попала. Да и самъ я, кажется, не туда попалъ.

— Мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову, крикнулъ во все горло какой-то дуракъ, должно-быть, пьяный, и на него ужъ, конечно, не надо бы обращать вниманія.

Правда, раздался непочтительный смѣхъ.

— Въ корову, говорите вы? тотчасъ же подхватилъ Кармазиновъ. Голосъ его становился все крикливѣе. — Насчетъ воронъ и коровъ я позволю себѣ, господа, удержаться. Я слишкомъ уважаю даже всякую публику, чтобы позволить себѣ сравненія, хотя бы и невинныя; но я думалъ...

— Однако, вы, милостивый государь, не очень бы... прокричалъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.

— Но я полагаю, что, кладя перо и прощаясь съ читателемъ, буду выслушанъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, мы желаемъ слушать, желаемъ, разда-лось нѣсколько осмѣлившихся, наконецъ, голосовъ изъ перваго ряда.

— Читайте, читайте! подхватило нѣсколько восторжен-ныхъ дамскихъ голосовъ, и, наконецъ-то, прорвался апло-дисментъ, правда, мелкій, жиденъкій.

Кармазиновъ криво улыбнулся и привсталъ съ мѣста.

— Повѣрьте, Кармазиновъ, что всѣ считаютъ даже за честь... не удержалась даже сама предводительша.

— Господинъ Кармазиновъ, раздался вдругъ одинъ свѣ-жій юный голосъ изъ глубины залы. Это былъ голосъ очень молоденькаго учителя уѣзднаго училища, прекрас-наго молодого человѣка, тихаго и благороднаго, у насъ недавняго еще гостя. Онъ даже привсталъ съ мѣста. — Господинъ Кармазиновъ, если бъ я имѣлъ счастье такъ полюбить, какъ вы намъ описали, то, право, я не помѣ-стилъ бы про мою любовь въ статью, назначенную для публичнаго чтенія...

Онъ даже весь покраснѣлъ.

— Господа, прокричалъ Кармазиновъ, — я кончилъ. Я опускаю конецъ и удаляюсь. Но позвольте мнѣ прочесть только шесть заключительныхъ строкъ.

„Да, другъ-читатель, прощай!“ началъ онъ тотчасъ же по рукописи и уже не садясь въ кресла. — „Прощай, чи-татель; даже не очень настаиваю на томъ, чтобы мы раз-стались друзьями: къ чему въ самомъ дѣлѣ тебя безпо-коить? Даже брани, о, брани меня, сколько хочешь, если тебѣ это доставитъ какое-нибудь удовольствіе. Но лучше всего, если бы мы забыли другъ друга навѣки. И если бы всѣ вы, читатели, стали вдругъ настолько добры, что, стоя на колѣняхъ, начали упрашивать со слезами: „Пиши, о, пиши для насъ, Кармазиновъ,—для отечества, для по-томства, для лавровыхъ вѣнковъ“, то и тогда бы я вамъ отвѣтилъ, разумѣется, поблагодаривъ со всею учтивостью: „Нѣтъ ужъ, довольно мы повозились другъ съ другомъ, милые соотечественники, merci! Пора намъ въ разныя стороны! Merci, merci, merci!“

Кармазиновъ церемонно поклонился и, весь красный, какъ будто его сварили, отправился за кулисы.

— И вовсе никто не будетъ стоять на колѣняхъ; дикая фантазія.

— Экое вѣдь самолюбіе!

— Это только юморъ, поправиль было кто-то потолоковѣе.

— Нѣтъ, ужъ избавьте отъ вашего юмора.

— Однако, вѣдь это дерзость, господа.

— По крайней мѣрѣ, теперь-то хоть кончилъ.

— Экъ скуки натащили!

Но всѣ эти невѣжественные возгласы заднихъ рядовъ (не однихъ, впрочемъ, заднихъ) были заглушены аплодисментомъ другой части публики. Вызывали Кармазинова. Нѣсколько дамъ, имѣя во главѣ Юлію Михайловну и предводительшу, столпились у эстрады. Въ рукахъ Юліи Михайловны явился роскошный лавровый вѣнокъ, на бѣлой бархатной подушкѣ, въ другомъ вѣнкѣ изъ живыхъ розъ.

— Лавры! произнесъ Кармазиновъ съ тонкою и нѣсколько язвительною усмѣшкой. — Я, конечно, тронуть и принимаю этотъ заготовленный заранѣе, но еще не успѣвшій увянуть вѣнокъ съ живымъ чувствомъ; но увѣряю васъ, mesdames, я настолько вдругъ сдѣлался реалистомъ, что считаю въ нашъ вѣкъ лавры гораздо умѣстнѣе въ рукахъ искуснаго повара, чѣмъ въ моихъ...

— Да поваръ-то полезнѣе, прокричалъ тотъ самый семинаристъ, который былъ въ „засѣданіи“ у Виргинскаго.

Порядокъ нѣсколько нарушился. Изъ многихъ рядовъ повскачили, чтобы видѣть церемонію съ лавровымъ вѣнкомъ.

— Я за повара теперь еще три цѣлковыхъ придамъ, громко подхватилъ другой голосъ, слишкомъ даже громко, громко съ настойчивостью.

— И я.

— И я.

— Да неужели здѣсь нѣтъ буфета?

— Господа, это просто обманъ...

Впрочемъ, надо признаться, что всѣ эти разнузданные господа еще сильно боялись нашихъ сановниковъ, да и пристава, бывшаго въ залѣ. Кое-какъ, минутъ въ десять, всѣ опять размѣстились, но прежняго порядка уже не возстановлялось. И вотъ въ этотъ-то начинающійся хаосъ и попалъ бѣдный Степанъ Трофимовичъ...

IV.

Я, однако, сбѣгалъ къ нему еще разъ за кулисы и усилья предупредить, внявъ себя, что, по моему мнѣнію, все лопнуло и что лучше ему вовсе не выходить, а сейчасъ же уѣхать домой, отговорившись хоть холериной, а я бы тоже скинулъ бантъ и съ нимъ отправился. Онъ въ это мгновеніе проходилъ уже на эстраду, вдругъ остановился, оглядѣлъ меня высококомѣрно съ головы до ногъ и торжественно произнесъ:

— Почему же вы считаете меня, милостивый государь, способнымъ на подобную низость?

Я отступилъ. Я убѣжденъ былъ какъ дважды два, что безъ катастрофы онъ оттуда не выйдетъ. Между тѣмъ какъ я стоялъ въ полномъ уныніи, предо мною мелькнула опять фигура пріѣзжаго профессора, которому очередь была выходить послѣ Степана Трофимовича и который давеча все поднималъ вверхъ и опускалъ со всего размаху кулакъ. Онъ все еще такъ же расхаживалъ взадъ и впередъ, углубившись въ себя и бормоча что-то себѣ подъ носъ съ ехидною, но торжествующею улыбкою. Я какъ-то почти безъ намѣренія (дернуло же меня и тутъ) подошелъ и къ нему.

— Знаете, сказалъ я, — по многимъ примѣрамъ, если читающій держитъ публику болѣе двадцати минутъ, то она уже не слушаетъ. Полчаса никакая даже знаменитость не продержится...

Онъ вдругъ остановился и даже какъ бы весь затрясся отъ обиды. Необытное высококомѣріе выразилось въ его лицѣ.

— Не безпокойтесь, пробормоталъ онъ презрительно и прошелъ мимо.

Въ эту минуту раздался въ залѣ голосъ Степана Трофимовича.

„Э, чтобы васъ всѣхъ!“ подумалъ я и побѣжалъ въ залу.

Степанъ Трофимовичъ усѣлся въ кресла, еще среди оставшагося безпорядка. Въ переднихъ рядахъ его видимо встрѣтили нерасположенные взгляды. (Въ клубѣ его въ послѣднее время какъ-то перестали любить и гораздо меньше прежняго уважали). Впрочемъ, и то ужъ было хорошо, что не шикали. Странная была у меня идея еще со вчерашняго дня: мнѣ все казалось, что его тотчасъ же освищутъ, лишь только онъ покажется. А между тѣмъ

его не сейчас даже и примѣтили за нѣкоторымъ оставшимся безпорядкомъ. И на что могъ надѣяться этотъ человѣкъ, если ужъ съ Кармазиновымъ такъ поступили? Онъ былъ блѣденъ; десять лѣтъ не являлся онъ предъ публикой. По волнепію и по всему слишкомъ мнѣ въ немъ знакомому, для меня ясно было, что и самъ онъ смотритъ на теперешнее появленіе свое на эстрадѣ, какъ на рѣшеніе судьбы своей или въ родѣ того. Вотъ этого-то я и боялся. Дорогъ мнѣ былъ этотъ человѣкъ. И что же случилось со мной, когда онъ отверзъ уста, и я услышалъ его первую фразу!

— Господа! произнесъ онъ вдругъ, какъ бы рѣшившись на все, и въ то же время почти срывавшимся голосомъ.— Господа! Еще сегодня утромъ лежала предо мною одна изъ недавно разбросанныхъ здѣсь незаконныхъ бумажекъ, и я въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ: „въ чемъ ея тайна?“

Вся зала разомъ притихла, всѣ взгляды обратились къ нему, иные съ испугомъ. Нечего сказать, умѣлъ заинтересовать съ перваго слова. Даже изъ-за кулисъ выставились головы; Липутинъ и Лимшинъ съ жадностію прислушивались. Юлія Михайловна опять замахала мнѣ рукой:

— Остановите, во что бы то ни стало остановите! прошептала она въ тревогѣ.

И только пожалъ плечами; развѣ можно было остановить человѣка *въ шившагося*? Увы, я понялъ Степана Трофимовича.

— Эге, о прокламаціяхъ! зашептали въ публикѣ; вся зала шевельнулась.

— Господа, я разрѣшилъ всю тайну. Вся тайна ихъ эффекта—въ ихъ глупости! (Глаза его засверкали).—Да, господа, будь это глупость умысленная, поддѣльная изъ расчета, — о, это было бы даже гениально! Но надо отдать имъ полную справедливость: они ничего не поддѣляли. Это самая обнаженная, самая простодушная, самая коротенькая глупость,—*c'est la bêtise dans son essence la plus pure, quelque chose comme un simple chimique*. Будь это хоть каплю умнѣе высказано, и всякъ увидаль бы тотчасъ всю нищету этой коротенькой глупости. Но теперь всѣ останавливаются въ недоумѣніи: никто не вѣритъ, чтобъ это было такъ первоначально глупо. „Не можетъ быть, чтобъ тутъ ничего больше не было“, говорятъ себѣ

всякій и ищетъ секрета, видитъ тайну, хочетъ прочесть между строчками,—эффектъ достигнуть! О, никогда еще глупость не получала такой торжественной награды, несмотря на то, что такъ часто ея заслуживала... Ибо, en parenthèse, глупость, какъ и высочайшій геній, одинаково полезны въ судьбахъ человѣчества.

— Каламбуры сороковыхъ годовъ! слышался чей-то, весьма, впрочемъ, скромный голосъ.

Но вслѣдъ за нимъ все точно сорвалось; зашумѣли и загалдѣли.

— Господа, ура! Я предлагаю тостъ за глупость! прокричалъ Степанъ Трофимовичъ, уже въ совершенномъ изступленіи бравирова залу.

Я подбѣжалъ къ нему какъ бы подъ предлогомъ налить ему воды.

— Степанъ Трофимовичъ, бросьте, Юлія Михайловна умоляетъ...

— Нѣтъ, бросьте вы меня, праздный молодой человѣкъ! накинулся онъ на меня во весь голосъ.

Я убѣжалъ.

— Messieurs! продолжалъ онъ,—къ чему волненіе, къ чему кричи негодованія, которые слышу? Я пришелъ съ оливковою вѣтвію. Я принесъ послѣднее слово, ибо въ этомъ дѣлѣ обладаю послѣднимъ словомъ — и мы помиримся.

— Долой! кричали одни.

— Тише, дайте сказать, дайте высказаться, вошла другая часть.

Особенно волновался юный учитель, который, разъ осмѣлившись заговорить, какъ будто уже не могъ остановиться.

— Messieurs, послѣднее слово этого дѣла—есть всепрощеніе. Я, отжившій старикъ, я объявляю торжественно, что духъ жизни вѣдетъ попрежнему, и живая сила не изсякла въ молодомъ поколѣніи. Энтузіазмъ современной юности такъ же чистъ и свѣтелъ, какъ и нашихъ временъ. Произошло лишь одно: перемѣщеніе цѣлей, замѣщеніе одной красоты другою! Все недоумѣніе лишь въ томъ, что прекраснѣе: Шекспиръ или сапоги, Рафаэлъ или петролей?

— Это доносъ! ворчали одни.

— Компрометирующие вопросы!

— Agent-provocateur!

— А я объявляю, въ послѣдней степени азарта про-
визжалъ Степанъ Трофимовичъ, — а я объявляю, что
Шекспиръ и Рафаэль — выше освобожденія крестьянъ,
выше народности, выше социализма, выше юнаго поколѣ-
нiя, выше химiи, выше почти всего человѣчества, ибо
они уже плодъ, настоящій плодъ всего человѣчества и,
можетъ-быть, высшій плодъ, какой только можетъ быть!
Форма красоты уже достигнутая, безъ достиженiя кото-
рой, я, можетъ, и жить-то не соглашусь... О, Боже!
всплеснулъ онъ руками, — десять лѣтъ назадъ я точно
такъ же кричалъ въ Петербургѣ, съ эстрады, точно то
же и тѣми словами, и точно такъ же они не понимали
ничего, смѣялись и шикали, какъ теперь; коротенькіе
люди, чего вамъ недостаетъ, чтобы понять? Да знаете-ли,
знаете-ли вы, что безъ англичанина еще можно прожить
человѣчеству, безъ Германiи можно, безъ русскаго чело-
вѣка слишкомъ возможно, безъ науки можно, безъ хлѣба
можно, безъ одной только красоты невозможно, ибо со-
всѣмъ нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ! Вся тайна тутъ,
вся исторiя тутъ! Сама наука не простоятъ минуты безъ
красоты, — знаете-ли вы про это, смѣющіеся, — обратитесь
въ хамство, гвоздя не выдумаете!.. Не уступлю! нелѣпо
прокричалъ онъ въ заключеніе и стукнулъ изо всей силы
по столу кулакомъ.

Но покамѣстъ онъ визжалъ безъ толку и безъ порядку,
нарушался порядокъ и въ залѣ. Многіе повскачили съ
мѣстъ, иные хлынули впередъ, ближе къ эстрадѣ. Вообще
все это произошло гораздо быстрѣе, чѣмъ я описываю, и
мѣръ не успѣли принять. Можетъ, тоже и не хотѣли.

— Хорошо вамъ на всемъ на готовомъ, баловники! про-
ревѣлъ у самой эстрады тотъ же семинаристъ, съ удо-
вольствіемъ скаля зубы на Степана Трофимовича.

Тотъ замѣтилъ и подскочилъ къ самому краю.

— Не я-ли, не я-ли сейчасъ объявилъ, что энтузіазмъ
въ молодомъ поколѣнiи такъ же чистъ и свѣтелъ, какъ
былъ, и что оно погибаетъ, ошибаясь лишь въ формахъ
прекраснаго! Мало вамъ? И если взять, что провозгла-
силъ это убитый, оскорбленный отецъ, то неужели, — о,
коротенькіе! — неужели можно стать выше въ безпристра-
стiи и спокойствiи взгляда?.. Неблагодарные... несправед-
ливые... для чего, для чего вы не хотите мириться...

И онъ вдругъ зарыдалъ истерически. Онъ утиралъ

пальцами текуція слезы. Плечи и грудь его сотрясались отъ рыданій... Онъ забылъ все на свѣтѣ.

Рѣшительный испугъ охватилъ публику, почти всѣ встали съ мѣстъ. Быстро вскочила и Юлія Михайловна, схвативъ подъ руку супруга и подымая его съ кресель... Скандалъ выходилъ непомѣрный.

— Степанъ Трофимовичъ! радостно проревѣлъ семинаристъ.—Здѣсь въ городѣ и въ окрестностяхъ бродить теперь Оедька-каторжный, бѣглый съ каторги. Онъ грабить и недавно еще совершилъ новое убійство. Позвольте спросить: если-бъ вы его пятнадцать лѣтъ назадъ не отдали въ рекруты въ уплату за карточный долгъ, то-есть попросту не проиграли въ картишки, скажите, попалъ бы онъ въ каторгу? Рѣзалъ бы людей, какъ теперь, въ борьбѣ за существованіе? Чтѣ скажете, господинъ эстетикъ?

Я отказываюсь описывать послѣдовавшую сцену. Во-первыхъ, раздался неистовый аплодисментъ. Аплодировали не всѣ, какая-нибудь пятая доля залы, но аплодировали неистово. Вся остальная публика хлынула къ выходу, но такъ какъ аплодировавшая часть публики все тѣснилась впередъ къ эстрадѣ, то и произошло всеобщее замѣшательство. Дамы вскрикивали, нѣкоторыя дѣвицы заплакали и просились домой. Лембке, стоя у своего мѣста, дико и часто озирался кругомъ. Юлія Михайловна совсѣмъ потерялась—въ первый разъ во время своего у насъ поприща. Чтѣ же до Степана Трофимовича, то въ первое мгновеніе онъ, казалось, буквально былъ раздавленъ словами семинариста; но вдругъ поднялъ обѣ руки, какъ бы распростирая ихъ надъ публикой, и завопилъ:

— Отрясаю прахъ ногъ моихъ и проклиная... Конечъ... конечъ...

И, повернувшись, онъ побѣжалъ за кулисы, махая и грозя руками.

— Онъ оскорбилъ общество!.. Верховенскаго! заревѣли неистовые.

Хотѣли даже броситься за нимъ въ погоню. Унять было невозможно, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, и—вдругъ окончательная катастрофа какъ бомба разразилась надъ собраніемъ и треснула среди его: третій чтецъ, тотъ маньякъ, который все махалъ кулакомъ за кулисами, вдругъ выбѣжалъ на сцену.

Видь его былъ совсѣмъ сумасшедшій. Съ широкою, торжествующею улыбкой, полной безмѣрной самоувѣренности, осматривалъ онъ взволнованную залу и, казалось, самъ былъ радъ безпорядку. Его нимало не смущало, что ему придется читать въ такой суматохѣ, напротивъ, видимо радовало. Это было такъ очевидно, что сразу обратило на себя вниманіе.

— Это еще что? раздались вопросы.—Это еще кто? Тсъ! Что онъ хочетъ сказать?

— Господа! закричалъ изо всей силы маньякъ, стоя у самага края эстрады и почти такимъ же визгливо-женственнымъ голосомъ, какъ и Кармазиновъ, но только безъ дворянскаго присюсюкиванія.—Господа! Двадцать лѣтъ назадъ, наканунѣ войны съ полъ-Европой, Россія стояла идеаломъ въ глазахъ всѣхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ! Литература служила въ цензурѣ; въ университетахъ преподавалась шагистика; войско обратилось въ балетъ, а народъ платилъ подати и молчалъ подъ кнутомъ крѣпостного права. Патріотизмъ обратился въ дранье взятокъ съ живого и съ мертваго. Не бравшіе взятокъ считались бунтовщиками, ибо нарушали гармонію. Березовыя рощи истреблялись на помощь порядку. Европа трепетала. Но никогда Россія, во всю безтолковую тысячу лѣтъ своей жизни, не доходила до такого позора...

Онъ поднималъ кулакъ, восторженно и грозно махая имъ надъ головой, и вдругъ яростно опустилъ его внизъ, какъ бы разбивая въ прахъ противника. Неистовый вопль раздался со всѣхъ сторонъ, грянулъ оглушительный аплодисментъ. Аплодировала уже чуть не половина залы; увлекались невиннѣйше: безчестилась Россія всенародно, публично, и развѣ можно было не ревѣть отъ восторга?

— Вотъ это дѣло! Вотъ такъ дѣло! Ура! Нѣтъ, это ужъ не эстетика!

Маньякъ продолжалъ въ восторгѣ:

— Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Университеты открыты и приумножены. Шагистика обратилась въ легенду; офицеровъ недостаетъ до комплекта тысячами. Жѣлѣзныя дороги поѣли всѣ капиталы и облегли Россію, какъ паутиной, такъ что лѣтъ черезъ пятнадцать, пожалуй, можно будетъ куда-нибудь и съѣздить. Мосты горятъ только изрѣдка, а города сгораютъ правильно, въ установленномъ порядкѣ, по очереди, въ пожарный сезонъ. На судахъ Соломоновскіе приговоры, а присяжные берутъ

взятки единственно лишь въ борьбѣ за существованіе, когда приходится умирать имъ съ голоду. Крѣпостные на волѣ и лупятъ другъ друга розгачами вмѣсто прежнихъ помѣщиковъ. Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету, а въ Новгородѣ, напротивъ древней и безполезной Софіи, торжественно воздвигнуть бронзовый колоссальный шаръ на память тысячелѣтїю уже минувшаго безпорядка и безтолковщины. Европа хмурится и вновь начинаетъ беспокоиться... Пятнадцать лѣтъ реформъ! А между тѣмъ никогда Россія, даже въ самыя карикатурныя эпохи своей безтолковщины, не доходила...

Послѣднихъ словъ даже нельзя было и услышать за ревомъ толпы. Видно было, какъ онъ опять поднялъ руку и побѣдоносно еще разъ опустилъ ее. Восторгъ перешелъ всѣ предѣлы: вопили, хлопали въ ладоши, инья даже изъ дамъ кричали: „Довольно! Лучше ничего не скажете!“ Были какъ пьяные. Ораторъ обводилъ всѣхъ глазами, и какъ бы таялъ въ собственномъ торжествѣ. Я видѣлъ мелькомъ, что Лембке въ невыразимомъ волненіи кому-то что-то указывалъ. Юлія Михайловна, вся блѣдная, торпливо говорила о чемъ-то подбѣжавшему къ ней князю... Но въ эту минуту цѣлая толпа, человекъ въ шесть, лицъ болѣе или менѣе официальныхъ, ринулась изъ-за кулисы на „эстраду“, подхватила оратора и повлекла за кулисы. Не понимаю, какъ могъ онъ отъ нихъ вырваться, но онъ вырвался, вновь подскочилъ къ самому краю, и успѣлъ еще прокричать, что было мочи, махая своимъ кулакомъ:

— Но никогда Россія еще не доходила...

Но уже его тащили вновь. Я видѣлъ какъ человекъ пятнадцать, можетъ-быть, ринулись его освобождать за кулисы, но не черезъ эстраду, а сбоку, разбивая легкую загородку, такъ что та, наконецъ, и упала... Я видѣлъ потомъ, не вѣря глазамъ своимъ, что на эстраду вдругъ откуда-то вскочила студентка (родственница Виргинскаго), съ тѣмъ же своимъ сверткомъ подъ мышкой, такъ же одѣтая, такая же красная, такая же сытенъкая, окруженная двумя-тремя женщинами, двумя-тремя мужчинами, въ сопровожденіи смертельнаго врага своего, гимназиста. Я успѣлъ даже услышать фразу:

„Господа, я пріѣхала, чтобъ заявить о страданіяхъ несчастныхъ студентовъ, и возбудить ихъ повсемѣстно къ протесту“.

Но я бѣжалъ. Свой бантъ я сиряталъ въ карманъ и

задними ходами, мнѣ извѣстными, выбрался изъ дому на улицу. Прежде всего, конечно, къ Степану Трофимовичу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Окончаніе праздника.

I.

Онъ меня не принялъ. Онъ заперся и писалъ. На мой повторительный стукъ и зовъ отвѣчалъ сквозь дверь:

— Другъ мой, я все покончилъ, кто можетъ требовать отъ меня болѣе?

— Вы ничего не кончили, а только способствовали, что все провалилось. Ради Бога безъ каламбуровъ, Степанъ Трофимовичъ; отворяйте. Надо принять мѣры; къ вамъ еще могутъ придти и васъ оскорбить...

Я считалъ себя въ правѣ быть особенно строгимъ и даже взыскательнымъ. Я боялся, чтобъ онъ не предпринялъ чего-нибудь еще безумнѣе. Но, къ удивленію моему, встрѣтилъ необыкновенную твердость.

— Не оскорбляйте же меня первый. Благодарю васъ за все прежнее, но, повторяю, что я все покончилъ съ людьми, съ добрыми и злыми. Я пишу письмо къ Дарьѣ Павловнѣ, которую такъ непростительно забывалъ до сихъ поръ. Завтра снесите его, если хотите, а теперь „шегсі“.

— Степанъ Трофимовичъ, увѣряю васъ, что дѣло серьезнѣе, чѣмъ вы думаете. Вы думаете, что вы тамъ кого-нибудь раздробили? Никого вы не раздробили, а сами разбились, какъ пустая склянка (о, я былъ грубъ и невѣжливъ; вспоминаю съ огорченіемъ!). Къ Дарьѣ Павловнѣ вамъ рѣшительно писать не зачѣмъ... и куда вы теперь безъ меня дѣнетесь? Что смыслите вы на практикѣ? Вы вѣрно еще что-нибудь замышляете? Вы только еще разъ пропадете, если опять что-нибудь замышляете...

Онъ всталъ и подошелъ къ самымъ дверямъ.

— Вы пробыли съ ними недолго, а заразились ихъ языкомъ и тономъ, *Dieu vous pardonne, mon ami, et Dieu vous garde*. Но я всегда замѣчалъ въ васъ зачатки порядочности, и вы, можетъ-быть, еще одумаетесь, — *après le temps*, разумѣется, какъ и всѣ мы, русскіе люди. Насчетъ замѣчанія вашего о моей непрактичности, напомню вамъ одну мою давнишнюю мысль: что у насъ въ Россіи дѣлая бездна людей тѣмъ и занимаются, что всего яростнѣе и съ особеннымъ надожданіемъ, какъ мухи лѣтомъ, нападаютъ на чужую непрактичность, обвиняя въ ней всѣхъ

и каждаго, кромѣ только себя. Cher, вспомните, что я въ волненіи, и не мучьте меня. Еще разъ вамъ merci за все и разстанемся другъ съ другомъ, какъ Кармазиновъ съ публикой, то-есть забудемъ другъ друга какъ можно великодушнѣе. Это онъ схитрилъ, что такъ слишкомъ ужъ упрашивалъ о забвеніи своихъ бывшихъ читателей; quant à moi я не такъ самолюбивъ и болѣе всего надѣюсь на молодость вашего неискушеннаго сердца: гдѣ вамъ долго помнить бесполезнаго старика? „Живите больше“, мой другъ, какъ пожелала мнѣ въ прошлыя именины Настасья (ces pauvres gens ont quelque-fois des mots charmants et pleins de philosophie). Не желаю вамъ много счастья—наскучить; не желаю и бѣды; а вслѣдъ за народною философіей повторю просто: „живите больше“ и постарайтесь какъ-нибудь не очень скучать; это тщетное пожеланіе прибавлю уже отъ себя. Ну, прощайте и прощайте серьезно. Да не стойте у моихъ дверей, я не отопру.

Онъ отошелъ, и я болѣе ничего не добился. Несмотря на „волненіе“, онъ говорилъ плавно, неспѣшно, съ вѣсомъ и видимо стараясь внушить. Конечно, онъ на меня нѣсколько досадовалъ и косвенно мстилъ мнѣ, ну, можетъ, еще за вчерашнія „кибитки“ и „раздвигающіяся половицы“. Публичныя же слезы сего утра, несмотря на нѣкотораго рода побѣду, ставили его, онъ зналъ это, въ нѣсколько комическое положеніе, а не было человѣка, столь заботящагося о красотѣ и о строгости формъ въ сношеніяхъ съ друзьями, какъ Степанъ Трофимовичъ. О, я не виню его! Но эта-то щепетильность и саркастичность, удержавшіяся въ немъ, несмотря на всѣ потрясенія, меня тогда и успокоили: человѣкъ такъ мало, повидимому, измѣнившійся противъ всегдашняго, ужъ, конечно, не расположенъ въ ту минуту къ чему-нибудь трагическому или необычайному. Такъ я тогда разсудилъ и, Боже мой, какъ ошибся! Слишкомъ многое я упустилъ изъ виду...

Предупреждая событія, приведу нѣсколько первыхъ строкъ этого письма къ Дарьѣ Павловнѣ, которое та дѣйствительно на завтра же получила.

„Mon enfant, рука моя дрожить, но я все закончилъ. Васъ не было въ послѣдней схваткѣ моей съ людьми; вы не пріѣхали на это „чтеніе“, и хорошо сдѣлали. Но вамъ расскажутъ, что въ нашей обнищавшей характерами Россіи

всталъ одинъ бодрый человѣкъ, и, несмотря на смертныя угрозы, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ, сказалъ этимъ дурачкамъ ихъ правду, то-есть, что они дурачки. O, se sont—des pauvres petits vauriens et rien de plus, des petits дурачки — voilà le mot! Жребій брошенъ; я уйду изъ этого города навѣки и не знаю куда. Всѣ, кого любилъ, отъ меня отвернулись. Но вы, вы созданіе чистое и наивное, вы, кроткая, которой судьба едва не соединилась съ моею, по волѣ одного капризнаго и самовластнаго сердца, вы, можетъ-быть, съ презрѣніемъ смотрѣвшая, когда я проливалъ мои малодушныя слезы наканунѣ несостоявшаго нашего брака; вы, которая не можете, кто бы вы ни были, смотрѣть на меня иначе, какъ на лицо комическое, о, вамъ, вамъ послѣдній крикъ моего сердца, вамъ послѣдній мой долгъ, вамъ одной! Не могу же оставить васъ навѣки съ мыслью обо мнѣ, какъ о неблагодарномъ глупцѣ, невѣжѣ и эгоистѣ, какъ, вѣроятно, и утверждаетъ вамъ обо мнѣ ежедневно одно неблагодарное и жестокое сердце, которое, увы, не могу забыть...”

И такъ далѣе, и такъ далѣе, всего четыре страницы большого формата.

Стукнувъ въ отвѣтъ на его „не отопру“ три раза въ дверь кулакомъ, и прокричавъ ему вслѣдъ, что онъ сегодня же три раза пришлетъ за мной Настасью, но я уже самъ не пойду, я бросилъ его и побѣжалъ къ Юліи Михайловнѣ.

II.

Здѣсь я очутился свидѣтелемъ сцены возмутительной: бѣдную женщину обманывали въ глаза, а я ничего не могъ сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ я сказать ей? Я уже успѣлъ нѣсколько опомниться и разсудить, что у меня всего лишь какія-то ощущенія, подозрительныя предчувствія, а болѣе вѣдъ ничего. Я засталъ ее въ слезахъ, почти въ истерикѣ, за одеколонными примочками, за стаканомъ воды. Передъ нею стоялъ Петръ Степановичъ, говорившій безъ умолку, и князь, молчавшій, какъ будто его заперли на замокъ. Она со слезами и вскрикиваніями укоряла Петра Степановича за „отступничество“. Меня сразу поразило, что всю неудачу, весь позоръ этого утра, однимъ словомъ, все, она приписывала одному лишь отсутствію Петра Степановича.

Въ немъ же я замѣтилъ одну важную перемену: онъ

былъ какъ-будто чѣмъ-то слишкомъ ужъ озабоченъ, почти серьезень. Обыкновенно онъ никогда не казался серьезнымъ, всегда смѣялся, даже когда злился, а злился онъ часто. О, онъ и теперь былъ золъ, говорилъ грубо, небрежно, съ досадою и нетерпѣніемъ. Онъ увѣрялъ, что заболѣлъ головою болью и рвотой въ квартирѣ у Гаганова, къ которому забѣжалъ случайно раннимъ утромъ. Увы, бѣдной женщинѣ такъ хотѣлось быть еще обманутою! Главный вопросъ, который я засталъ на столѣ, состоялъ въ томъ: быть или не быть балу, то-есть всей второй половинѣ праздника? Юлія Михайловна ни за что не соглашалась явиться на балъ послѣ „давешнихъ оскорбленій“, другими словами, всѣми силами желала быть къ тому принужденною и непремѣнно имъ, Петромъ Степановичемъ. Она глядѣла на него какъ на оракула и, кажется, если-бъ онъ сейчасъ ушелъ, то слегла бы въ постель. Но онъ и не хотѣлъ уходить: ему самому надо было изо всѣхъ силъ, чтобы балъ состоялся сегодня и чтобы Юлія Михайловна непремѣнно была на немъ.

— Ну, чего плакать! Вамъ непремѣнно надо сцену? На комъ-нибудь злобу сорвать? Ну, и рвите на мнѣ, только скорѣе, потому что время идетъ, а надо рѣшиться. Напортили чтеніемъ—скрасимъ баломъ. Вотъ и князь того же мнѣнія. Да-съ, не будь князя, чѣмъ бы у васъ тамъ кончилось?

Князь былъ вначалѣ противъ бала (то-есть противъ появленія Юліи Михайловны на балѣ, балъ же во всякомъ случаѣ долженъ былъ состояться), но послѣ двухъ-трехъ такихъ ссылокъ на его мнѣніе, онъ сталъ мало-помалу мычать въ знакъ согласія.

Удивила меня тоже ужъ слишкомъ необыкновенная невѣжливость тона Петра Степановича. О, я съ негодованіемъ отвергаю низкую сплетню, распространившуюся уже потомъ, о какихъ-то будто бы связяхъ Юліи Михайловны съ Петромъ Степановичемъ. Ничего подобнаго не было и быть не могло. Взятъ онъ надъ нею лишь тѣмъ, что подкидывалъ ей изо всѣхъ силъ, съ самаго начала, въ ея мечтахъ вліять на общество и на министерство, вошелъ въ ея планы, самъ сочинялъ ихъ ей, дѣйствовалъ грубѣйшею лестью, опуталъ ее съ головы до ногъ и сталъ ей необходимъ какъ воздухъ. Увидѣвъ меня, она вскричала, сверкая глазами.

— Вотъ спросите его, онъ тоже все время не отходилъ

отъ меня, какъ и князь. Скажите, не явно-ли, что все это заговоръ, низкій, хитрый заговоръ, чтобы сдѣлать все, что только можно злого, мнѣ и Андрею Антоновичу? О, они уговорились! У нихъ былъ планъ. Это партія, цѣлая партія!

— Далеко махнули, какъ и всегда. Вѣчно въ головѣ поэма. Я, впрочемъ, радъ господину... (онъ сдѣлалъ видъ, что забылъ мое имя), онъ намъ скажетъ свое мнѣніе.

— Мое мнѣніе, поторопился я,—во всемъ согласно съ мнѣніемъ Юліи Михайловны. Заговоръ слишкомъ явный. Я принесъ вамъ эти ленты, Юлія Михайловна. Состоится или не состоится балъ,—это, конечно, не мое дѣло, потому что не моя власть, но роль моя, какъ распорядителя, кончена. Простите мою горячность, но я не могу дѣйствовать въ ущербъ здравому смыслу и убѣжденію.

— Слышите, слышите! всплеснула она руками.

— Слышу-съ и вотъ что скажу вамъ, обратился онъ ко мнѣ,—я полагаю, что всѣ вы чего-то такого съѣли, отъ чего всѣ въ бреду. По-моему, ничего не произошло, ровно ничего такого, чего не было прежде и чего не могло быть всегда въ здѣшнемъ городѣ. Какой заговоръ? Вышло некрасиво, глупо до позора, но гдѣ же заговоръ? Это противъ Юліи-то Михайловны, противъ ихней-то баловницы, покровительницы, прощавшей имъ безъ пути всѣ ихъ школьничества? Юлія Михайловна! О чемъ я вамъ долбилъ весь мѣсяцъ безъ умолку? О чемъ предупреждалъ? Ну, на что, на что вамъ былъ весь этотъ народъ? Надо было связаться съ людишками? Зачѣмъ, для чего? Соединять общество? Да развѣ они соединятся, помилосердуйте!

— Когда же вы предупреждали меня? Напротивъ, вы одобряли, вы даже требовали... Я, признаюсь, до того удивлена... Вы сами ко мнѣ приводили многихъ странныхъ людей.

— Напротивъ, я спорилъ съ вами, а не одобрялъ, а водить—это точно водилъ, но когда уже они сами нагѣзли дюжинами, и то только въ послѣднее время, чтобы составить „кадриль литературы“, а безъ этихъ хамовъ не обойдешься. Но только, бьюсь объ закладъ, сегодня десятокъ—другой такихъ же другихъ хамовъ безъ билетовъ провели!

— Непремѣнно! подтвердилъ я.

— Вотъ видите, вы уже соглашаетесь. Вспомните, ка-

кой былъ въ послѣднее время здѣсь тонъ, то-есть во всемъ городишкѣ? Вѣдь это обратилось въ одно только нахальство, безстыдство; вѣдь это былъ скандалъ съ трезвономъ безъ перерыву? А кто поощрялъ? Кто авторитетомъ своимъ прикрывалъ? Кто всѣхъ съ толку сбиль? Кто всю мелюзгу разозлилъ? Вѣдь у васъ въ альбомѣ всѣ здѣшнія семейныя тайны воспроизведены. Не вы-ли гладили по головкѣ вашихъ поэтовъ и рисовальщиковъ? Не вы-ли давали цѣловать ручку Лямшину? Не въ вашемъ-ли присутствіи семинаристъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника обругалъ, а его дочери дегтярными сапожищами платье испортилъ? Чего жъ вы удивляетесь, что публика противъ васъ настроена?

— Но вѣдь это все вы же сами! О, Боже мой!

— Нѣтъ-съ, я васъ предостерегалъ, мы ссорились, слышите-ли, мы ссорились!

— Да вы въ глаза лжете!

— Ну, да ужъ, конечно, вамъ это ничего не стоитъ сказать. Вамъ теперь надо жертву, на комъ-нибудь злобу сорвать; ну и рвите на мнѣ, я сказалъ. Я лучше къ вамъ обращаюсь, господинъ... (Онъ все не могъ вспомнить моего имени). Сочтемъ по пальцамъ: я утверждаю, что кромѣ Липутина никакого заговора не было, ни-ка-кого! Я докажу, но анализируюемъ сначала Липутина. Онъ вышелъ со стихами дурака Лебядкина — что-жъ это, по-вашему, заговоръ? Да, знаете-ли, что Липутину это просто остроумнымъ могло показаться. Серьезно, серьезно остроумнымъ. Онъ просто вышелъ съ цѣлью всѣхъ насмѣшить и развеселить, а покровительницу Юлію Михайловну первую, вотъ и все. Не вѣрите? Ну, не въ топѣ-ли это всего того, что было здѣсь цѣлый мѣсяць? И, хотите все скажу: ей Богу, при другихъ обстоятельствахъ пожалуй бы и прошло! Шутка грубая, ну, тамъ, сильная, что-ли, а вѣдь смѣшная.

— Какъ! Вы считаете поступокъ Липутина остроумнымъ? въ страшномъ негодованіи вскричала Юлія Михайловна, — такую глупость, такую безтактность, эту низость, подлость, этотъ умыселъ, о, вы это нарочно! Вы сами съ ними послѣ этого въ заговорѣ!

— Непремѣнно, сзади сидѣлъ, спрятался, всю машинку двигалъ. Да вѣдь если-бъ я участвовалъ въ заговорѣ, — вы хоть это поймите, — такъ не кончилось бы однимъ Липутинымъ! Стало-быть, я, по-вашему, сговорился съ паненькой, чтобъ онъ нарочно такой скандалъ произвелъ?

Ну-съ, кто виноватъ, что папашу допустили читать? Кто васъ вчера останавливалъ, еще вчера, вчера!

— Oh, hier il avait tant d'esprit, я такъ рассчитывала, и притомъ у него манеры: я думала, онъ и Кармазиновъ... и вотъ!

— Да-съ, и вотъ. Но, несмотря на весь tant d'esprit, папенька подгадилъ, а если-бъ я самъ зналъ впередъ, что онъ такъ подгадитъ, то, принадлежа къ несомнѣнному заговору противъ вашего праздника, я бы ужъ, безъ сомнѣнiя, васъ не сталъ вчера уговаривать не пускать козла въ огородъ, такъ-ли-съ? А между тѣмъ я васъ вчера отговаривалъ — отговаривалъ потому, что предчувствовалъ. Все предусмотрѣть, разумѣется, возможности не было: онъ навѣрно и самъ не зналъ, еще за минуту, чѣмъ выпалитъ. Эти нервныя старички развѣ похожи на людей! Но еще можно спасти: пошлите къ нему завтра же, для удовольстворенiя публики, административнымъ порядкомъ и со всѣми онерами, двухъ докторовъ узнать о здоровьи, даже сегодня бы можно, и прямо въ больницу на холодныя примочки. По крайней мѣрѣ, всѣ размѣются и увидятъ, что обижаться нечѣмъ. Я объ этомъ еще сегодня же на балѣ возвѣщу, такъ какъ я сынъ. Другое дѣло—Кармазиновъ, тотъ вышелъ зеленымъ осломъ и протащилъ свою статью цѣлый часъ,—вотъ ужъ этотъ, безъ сомнѣнiя, со мной въ разговорѣ! Дай, дескать, ужъ и я нагажу, чтобы повредить Юлии Михайловнѣ!

— О, Кармазиновъ, quelle honte! Я сгорѣла, сгорѣла со стыда за нашу публику!

— Ну-съ, я бы не сгорѣлъ, а его самого изжарилъ. Публика-то вѣдь права. А кто опять виноватъ въ Кармазиновѣ? Навязывалъ я вамъ его или нѣтъ? Участвовалъ въ его обожанiи или нѣтъ? Ну, да чортъ съ нимъ, а вотъ третiй маньякъ, политическiй-то, ну, это другая статья. Тутъ ужъ всѣ дали маху, а не мой одинъ разговоръ!

— Ахъ, не говорите, это ужасно, ужасно! Въ этомъ я, я одна виновата!

— Конечно-съ, но ужъ тутъ я васъ оправдываю. Э, кто за ними усмотритъ, за откровенными! Отъ нихъ и въ Петербургѣ не уберегутся. Вѣдь онъ вамъ былъ рекомендованъ; да еще какъ! Такъ согласитесь, что вы теперь даже обязаны появиться на балѣ. Вѣдь это штука важная, вѣдь вы его сами на кафедре взвели. Вы именно должны теперь публично заявить, что вы съ этимъ не

солидарны, что молодець уже въ рукахъ полиціи, а что вы были необьяснимымъ образомъ обмануты. Вы должны объявить съ негодованіемъ, что вы были жертвою сумасшедшаго человѣка. Потому что вѣдь это сумасшедшій и больше ничего. О немъ такъ и доложить надо. Я этихъ кусающихся терпѣть не могу. Я, пожалуй, самъ еще пуще говорю, но вѣдь не съ каѳедры же. А они теперь какъ разъ кричатъ про сенатора.

— Про какого сенатора? Кто кричить?

— Видите-ли, я самъ ничего не понимаю. Вамъ, Юлія Михайловна, ничего неизвѣстно про какого-нибудь сенатора?

— Сенатора?

— Видите-ли, они убѣждены, что сюда назначенъ сенаторъ, а что васъ смѣняютъ изъ Петербурга. Я отъ многихъ слышала.

— И я слышала, подтвердилъ я.

— Кто это говорилъ? вся вспыхнула Юлія Михайловна.

— То-есть кто заговорилъ первый?.. Почему я знаю. А такъ, говорятъ. Масса говоритъ. Вчера особенно говорили. Всѣ какъ-то ужъ очень серьезны, хоть ничего не разберешь. Конечно, кто поумнѣе и покомпетентнѣе—не говорить, но и изъ тѣхъ иные прислушиваются.

— Какая низость! И... какая глупость!

— Ну, такъ вотъ именно вамъ теперь и явиться, чтобы показать этимъ дуракамъ.

— Признаюсь, я сама чувствую, что я даже обязана, но... что если ждетъ другой позоръ? Что если не соберутся? Вѣдь никто не пріѣдетъ, никто, никто!

— Экой пламень! Это они-то не пріѣдутъ? А платья нашитыя, а костюмы дѣвицы? Да я отъ васъ, послѣ этого, какъ отъ женщины, отрекаюсь. Вотъ человѣкознаніе!

— Предводительша не будетъ, не будетъ!

— Да что тутъ, наконецъ, случилось! Почему не пріѣдутъ? вскричалъ онъ, наконецъ, въ злобномъ нетерпѣніи.

— Безславіе, позоръ,—вотъ что случилось. Было я не знаю что, но такое, послѣ чего мнѣ войти невозможно.

— Почему? Да вы-то, наконецъ, чѣмъ виноваты? Съ чего вы берете вину на себя? Не виновата-ли скорѣе публика, ваши старцы, ваши отцы семействъ? Они должны были негодяевъ и шалопаевъ сдержатъ, потому что тутъ вѣдь одни шалопаи да негодяи, и ничего серьезнаго. Ни въ какомъ обществѣ и нигдѣ одною полицією не упра-

вишься. У насъ каждый требуетъ, входя, чтобъ за нимъ особаго кварташку отрядили его оберегать. Не понимаютъ, что общество оберегаетъ само себя. А что у насъ дѣлаютъ отцы семействъ, сановники, жены, дѣвы въ подобныхъ обстоятельствахъ? Молчатъ и дуются. Даже настолько, чтобы шалуновъ сдержатъ, общественной инициативы недостаетъ.

— Ахъ, это золотая правда! Молчатъ, дуются и... озираются.

— А коли правда, вамъ тутъ ее и высказать, вслухъ, гордо, строго. Именно показать, что вы не разбиты. Именно этимъ старичкамъ и матерямъ. О, вы сумѣете, у васъ есть даръ, когда голова ясна. Вы ихъ сгруппируете, и вслухъ, и вслухъ. А потомъ корреспонденцію въ *Голосъ* и въ *Биржевыя*. Пойдите, я самъ за дѣло возьмусь, я вамъ все устрою. Разумѣется, побольше вниманія, наблюдать буфетъ; просить князя, просить господина... Не можете же вы насъ оставить, ш-г, когда именно надо все вновь начинать. Ну, и, наконецъ, вы подъ-руку съ Андреемъ Антоновичемъ. Какъ здоровье Андрея Антоновича?

— О, какъ несправедливо, какъ невѣрно, какъ обидно судили вы всегда объ этомъ ангельскомъ человѣкѣ! вдругъ, съ неожиданнымъ порывомъ и чуть не со слезами вскричала Юлія Михайловна, поднося платокъ къ глазамъ.

Петръ Степановичъ въ первое мгновеніе даже осѣкся:

— Помилуйте, я... да что же!.. я всегда...

— Вы никогда, никогда! Никогда вы не отдавали ему справедливости!

— Никогда не поймешь женщину! проворчалъ Петръ Степановичъ съ кривой усмѣшкой.

— Это самый правдивый, самый деликатный, самый ангельскій человѣкъ! Самый добрый человѣкъ!

— Помилуйте, да я что-жъ насчетъ доброты... я всегда отдавалъ насчетъ доброты...

— Никогда! Но, оставимъ. Я слишкомъ неловко вступилась. Давеча этотъ іезуитъ, предводительша, закинула тоже нѣсколько саркастическихъ намековъ о вчерашнемъ.

— О, ей теперь не до намековъ о вчерашнемъ, у ней нынѣшнее. И чего вы такъ беспокоитесь, что она на балъ не пріѣдетъ? Конечно, не пріѣдетъ, коли вѣхала въ такой скандалъ. Можетъ, она и не виновата, а все-таки репутація; ручки грязны.

— Что такое, я не пойму; почему руки грязны? съ недоумѣніемъ посмотрѣла Юлія Михайловна.

— То-есть я вѣдь не утверждаю, но въ городѣ уже звонятъ, что она-то и сводила.

— Что такое? Кого сводила?

— Э, да вы развѣ еще не знаете? вскричалъ онъ съ удивленіемъ, отлично поддѣланнымъ.—Да Ставрогина и Лизавету Николаевну!

— Какъ? Что? вскричали мы всѣ.

— Да неужто же не знаете? Фью! Да вѣдь тутъ трагироманы произошли: Лизавета Николаевна прямо изъ кареты предводительши изволила пересѣсть въ карету Ставрогина и улизнула съ „симъ послѣднимъ“ въ Скворешники, среди бѣла дня. Всего часъ назадъ, часу нѣтъ.

Мы остолбенѣли. Разумѣется, кинулись разспрашивать далѣе, но, къ удивленію, онъ хоть и былъ самъ, „нечаянно“, свидѣтелемъ, ничего, однакоже, не могъ рассказать обстоятельно. Дѣло происходило будто бы такъ: когда предводительша подъезла Лизу и Маврикія Николаевича, съ „чтенія“, къ дому Лизиной матери (все большой ногами), то недалеко отъ подъѣзда, шагахъ въ двадцати пяти, въ сторонкѣ, ожидала чья-то карета. Когда Лиза выпрыгнула на подъѣздъ, то прямо побѣжала къ этой каретѣ; дверца отворилась, захлопнулась; Лиза крикнула Маврикію Николаевичу: „Пощадите меня!“—и карета во всю прыть понеслась въ Скворешники. На торопливые вопросы наши: было-ли тутъ условіе? Кто сидѣлъ въ каретѣ?—Петръ Степановичъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ; что, ужъ конечно, было условіе, но что самого Ставрогина въ каретѣ не разглядѣлъ; могло быть, что сидѣлъ камердинеръ, старичокъ Алексѣй Егорычъ. На вопросъ: „Какъ же вы тутъ очутились? И почему навѣрно знаете, что поѣхала въ Скворешники?“—онъ отвѣтилъ, что случился тутъ потому, что проходилъ мимо, а увидавъ Лизу, даже подбѣжалъ къ каретѣ (и все-таки не разглядѣлъ, кто въ каретѣ, при его-то любопытствѣ!), а Маврикій Николаевичъ не только не пустился въ погоню, но даже не попробовалъ остановить Лизу, даже своею рукой придерживалъ кричавшую во весь голосъ предводительшу: „Она къ Ставрогину, она къ Ставрогину!“ Тутъ я вдругъ вышелъ изъ терпѣнія и въ бѣшенствѣ закричалъ Петру Степановичу:

— Это ты, негодяй, все устроилъ! Ты на это и утро

убиль. Ты Ставрогину помогаль, ты приѣхаль въ каретѣ, ты посадиль... ты, ты, ты! Юліи Михайловна, это врагъ вашъ, онъ погубить и васъ! Берегитесь!

И я опрометью выбѣжалъ изъ дому.

Я до сихъ поръ не понимаю, и самъ дивлюсь, какъ это я тогда ему крикнулъ. Но я совершенно угадалъ: все почти такъ и произошло, какъ я ему высказаль, что и оказалось впоследствии. Главное, слишкомъ замѣтенъ былъ тотъ очевидно фальшивый приемъ, съ которымъ онъ сообщилъ извѣстіе. Онъ не сейчасъ разсказаль, придя въ домъ, какъ первую и чрезвычайную новость, а сдѣлаль видъ, что мы будто ужъ знаемъ и безъ него,—что невозможно было въ такой короткій срокъ. А если бы и знали, все равно не могли бы молчать о томъ, пока онъ заговорить. Не могъ онъ тоже слышать, что въ городѣ уже „звонять“ про предводительшу, опять-таки по краткости срока. Кромѣ того, разсказывая, онъ разъ два какъ-то подло и вѣтрено улыбнулся, вѣроятно, считая насъ уже за вполне обманутыхъ дураковъ. Но мнѣ было уже не до него; главному факту я вѣрилъ и выбѣжалъ отъ Юліи Михайловны внѣ себя. Катастрофа поразила меня въ самое сердце. Мнѣ было больно почти до слезъ; да, можетъ-быть, я и плакалъ. Я совсѣмъ не зналъ, что предпринять. Бросился къ Степану Трофимовичу, но досадный человекъ опять не отперъ. Настасья увѣряла меня съ благоговѣйнымъ шопотомъ, что легъ почитать, но я не повѣрилъ. Въ домѣ Лизы мнѣ удалось распросить слугъ; они подтвердили о бѣгствѣ, но ничего не знали сами. Въ домѣ происходила тревога; съ больною барыней начались обмороки, а при ней находился Маврикій Николаевичъ. Мнѣ показалось невозможнымъ вызвать Маврикія Николаевича. О Петрѣ Степановичѣ, на вопросы мои, подтвердили, что онъ шнырялъ въ домѣ всѣ послѣдніе дни, иногда по два раза въ день. Слуги были грустны и говорили о Лизѣ съ какою-то особенною почтительностью; ее любили. Что она погибла, погибла совсѣмъ,—въ этомъ я не сомнѣвался, но психологической стороны дѣла я рѣшительно не понималь, особенно послѣ вчерашней сцены ея съ Ставрогинимъ. Бѣгать по городу и справляться въ знакомыхъ, злорадныхъ домахъ, гдѣ уже вѣсть, конечно, теперь разнеслась, казалось мнѣ противнымъ, да и для Лизы унижительнымъ. Но странно, что я забѣжалъ къ Дарѣ Павловнѣ,

гдѣ, впрочемъ, меня не приняли (въ Ставрогинскомъ домѣ никого не принимали со вчерашняго дня); не знаю, что бы могъ я сказать ей и для чего забѣгалъ. Отъ нея направился къ ея брату. Шатовъ выслушалъ угрюмо и молча. Замѣчу, что я засталъ его еще въ небываломъ мрачномъ настроеніи; онъ былъ ужасно задумчивъ и выслушалъ меня какъ бы черезъ силу. Онъ почти ничего не сказалъ и сталъ ходить взадъ и впередъ, изъ угла въ уголъ, по своей каморкѣ, больше обыкновеннаго топая сапогами. Когда же я сходилъ уже съ лѣстницы, крикнулъ мнѣ вслѣдъ, чтобъ я зашелъ къ Липутину: „Тамъ все узнаете“. Но къ Липутину я не зашелъ, а воротился уже далеко съ дороги опять къ Шатову и, полурастворивъ дверь, не входя, предложилъ ему лаконически и безо всякихъ объясненій: „Не сходить-ли онъ сегодня къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ?“ На это Шатовъ выбранился, и я ушелъ. Записываю, чтобы не забыть, что въ тотъ же вечеръ онъ нарочно ходилъ на край города къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ, которую давненько не видалъ. Онъ нашелъ ее въ возможно добромъ здоровьи и расположеніи, а Лебядкина мертвецки пьянымъ, спавшимъ на диванѣ въ первой комнатѣ. Было ровно девять часовъ. Такъ самъ онъ мнѣ передавалъ уже на завтра, встрѣтясь со мной впопыхахъ на улицѣ. Я уже въ десятомъ часу вечера рѣшился сходить на балъ, но уже не въ качествѣ „молодого человѣка распорядителя“ (да и бантъ мой остался у Юліи Михайловны), а изъ непреодолимаго любопытства прислушаться (не спрашивая): какъ говорятъ у насъ въ городѣ обо всѣхъ этихъ событіяхъ вообще? Да и на Юлію Михайловну хотѣлось мнѣ поглядѣть, хотя бы издали. Я очень упрекалъ себя, что такъ выбѣжалъ отъ нея давеча.

III.

Вся эта ночь со своими почти нелѣпыми событіями и со страшною „развязкой“ на утро мерещится мнѣ до сихъ поръ какъ безобразный кошмарный сонъ и составляетъ, — для меня, по крайней мѣрѣ, — самую тяжелую часть моей хроники. Я хотя и опоздалъ на балъ, но все-таки пріѣхалъ къ его концу, — такъ быстро суждено было ему окончиться. Былъ уже одиннадцатый часъ, когда я достигъ подъѣзда дома предводительши, гдѣ та же давешняя Бѣлая зала, въ которой происходило чтеніе, уже была, несмотря на малый срокъ, прибрана и приготовлена

служить главною танцевальною залой, какъ предполагалось, для всего города. Но какъ ни былъ я худо настроенъ въ пользу бала еще давеча утромъ, — все же я не предчувствовалъ полной истины: ни единого семейства изъ высшаго круга не явилось; даже чиновники чуть-чуть позначительнѣе манкировали, — а ужъ это была чрезвычайно сильная черта. Что до дамъ и дѣвицъ, то давешніе расчеты Петра Степановича (теперь уже, очевидно, коварные) оказались въ высшей степени неправильными: съѣхалось чрезвычайно мало; на четырехъ мужчинъ врядъли приходилась одна дама, да и какія дамы! „Какія-то“ жены полковыхъ оберъ-офицеровъ, разная почтамтская и чиновничья мелюзга, три лѣкарши съ дочерьми, двѣ-три помѣщицы изъ бѣдненькихъ, семь дочерей и одна племянница того секретаря, о которомъ я какъ-то упоминалъ выше, купчихи, — того-ли ожидала Юлія Михайловна? Даже купцы на половину не съѣхались. Что до мужчинъ, то, несмотря на компактное отсутствіе всей нашей знати, масса ихъ все-таки была густа, но производила двусмысленное и подозрительное впечатлѣніе. Конечно, тутъ было нѣсколько весьма тихихъ и почтительныхъ офицеровъ со своими женами, нѣсколько самыхъ послушныхъ отцовъ семействъ, какъ все тотъ же, напримѣръ, секретарь, отецъ своихъ семи дочерей. Весь этотъ смиренный мелкотравчатый людъ явился, такъ сказать, „по неизбѣжности“, какъ выразился одинъ изъ этихъ господъ. Но, съ другой стороны, масса бойкихъ особъ и, кромѣ того, масса такихъ лицъ, которыхъ я и Петръ Степановичъ заподозрили давеча какъ впущенныхъ безъ билетовъ, казалось, еще увеличилась противъ давешняго. Всѣ они пока сидѣли въ буфетѣ и, являясь, такъ и проходили прямо въ буфетъ, какъ въ заранѣе условленное мѣсто. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось. Буфетъ помѣщался въ концѣ анфилады комнатъ, въ просторной залѣ, гдѣ водворился Прохорычъ со всѣми обольщеніями клубной кухни и съ заманчивою выставкой закусокъ и выпивокъ. Я замѣтилъ тутъ нѣсколько личностей чуть не въ прорванныхъ сюртукахъ, въ самыхъ сомнительныхъ, слишкомъ не балныхъ костюмахъ, очевидно, вытрезвленныхъ съ непомѣрнымъ трудомъ и на малое время, и Богъ знаетъ откуда взятыхъ, какихъ-то иногородныхъ. Мнѣ, конечно, было извѣстно, что, по идеѣ Юліи Михайловны, предположено было устроить балъ самый демократическій, „не отказывая даже и мѣщанамъ,

если бы случилось, что кто-нибудь изъ таковыхъ внесеть за билетъ“. Эти слова она смѣло могла выговорить въ своемъ комитетѣ, въ полной увѣренности, что никому изъ мѣщанъ нашего города, сплошь нищихъ, не придетъ въ голову взять билетъ. Но все-таки я усомнился, чтобъ этихъ мрачныхъ и почти оборванныхъ сюртучниковъ можно было впустить, несмотря на весь демократизмъ комитета. Но кто же ихъ впустилъ и съ какою цѣлью? Липутинъ и Лямшинъ были уже лишены своихъ распорядительскихъ бантовъ (хотя и присутствовали на балѣ, участвуя въ „кадрили литературы“); но мѣсто Липутина занялъ, къ удивленію моему, тотъ давешній семинаристъ, который всего болѣе оскандалилъ „Утро“ схваткой со Степаномъ Трофимовичемъ, а мѣсто Лямшина—самъ Петръ Степановичъ; чего же можно было ожидать въ такомъ случаѣ? Я старался прислушаться къ разговорамъ. Иныя мнѣнія поражали своею дикостью. Утверждали, напри- мѣръ, въ одной кучкѣ, что всю исторію Ставрогина съ Лизой обдѣлала Юлія Михайловна и за это взяла со Ставрогина деньги. Называли даже сумму. Утверждали, что даже и праздникъ устроила она съ этою цѣлью; потому-то де половина города и не явилась, узнавъ въ чемъ дѣло, а самъ Чембке былъ такъ фрапированъ, что „разстроился въ разсудкѣ“, и она теперь его „водитъ“ помѣшаннаго.— Тутъ много было и хохоту, силлага, дикаго и себѣ на умѣ. Всѣ страшно тоже критиковали балъ, а Юлію Михайловну ругали безо всякой церемоніи. Вообще болтовня была безпорядочная, отрывистая, хмельная и безпокойная, такъ что трудно было сообразиться и что-нибудь вывести. Тутъ же въ буфетѣ пріютился и просто веселый людъ, даже было нѣсколько дамъ изъ такихъ, которыхъ уже ничѣмъ не удивишь и не испугаешь, прелюбезныхъ и развеселыхъ, большею частію все офицерскихъ женъ, со своими мужьями. Они устроились на отдѣльныхъ столикахъ компаніями и чрезвычайно весело пили чай. Буфетъ обратился въ теплое пристанище чуть не для половины съѣхавшейся публики. И, однако, черезъ нѣсколько времени вся эта масса должна была нахлынуть въ залу; страшно было и подумать.

А пока въ Вѣлой Залѣ, съ участіемъ князя образова- лись три жиденскія кадрили. Барышни танцовали, а родители на нихъ радовались. Но и тутъ многія изъ этихъ почтенныхъ особъ уже начинали обдумывать какъ бы

имъ, повеселивъ своихъ дѣвицъ, убраться посвоевременнѣе, а не тогда, „когда начнется“. Рѣшительно всѣ увѣрены были, что непременно начнется. Трудно было бы мнѣ изобразить душевное состояніе самой Юліи Михайловны. Я съ нею не заговаривалъ, хотя и подходилъ довольно близко. На мой поклонъ при входѣ она не отвѣтила, не замѣтивъ меня (дѣйствительно не замѣтивъ). Лицо ея было болѣзненное, взглядъ презрительный и высокомерный, но блуждающій и тревожный. Она съ видимымъ мученіемъ преодолевала себя,—для чего и для кого? Ей слѣдовало непременно уѣхать и, главное, увести супруга, а она оставалась! Уже по лицу ея можно было замѣтить, что глаза ея „совершенно открылись“ и что ей нечего больше ждать. Она даже не подзывала къ себѣ и Петра Степановича (тотъ, кажется, и самъ ее избѣгалъ; я видѣлъ его въ буфетѣ, онъ былъ чрезмѣрно веселъ). Но она все-таки оставалась на балѣ и ни на мигъ не отпускала отъ себя Андрея Антоновича. О, она до самаго послѣдняго мгновенія съ самымъ искреннимъ негодованіемъ отвергла бы всякій намекъ на его нездоровье, даже давеча утромъ. Но теперь глаза ея и на этотъ счетъ должны были открыться. Что до меня, то мнѣ съ перваго взгляда показалось, что Андрей Антоновичъ смотритъ хуже, чѣмъ давеча утромъ. Казалось, онъ былъ въ какомъ-то забвеніи и не совсѣмъ сознавалъ гдѣ находится. Иногда вдругъ оглядывался съ неожиданною строгостью, напримѣръ, раза два на меня. Одинъ разъ попробовалъ о чемъ-то заговорить, началъ вслухъ и громко, и не докончилъ, произведя почти испугъ въ одномъ смиренномъ старичкѣ-чиновникѣ, случившемся подлѣ него. Но даже и эта смиренная половина публики, присутствовавшая въ Бѣлой Залѣ, мрачно и боязливо сторонилась отъ Юліи Михайловны, бросая въ то же время чрезвычайно странные взгляды на ея супруга, взгляды слишкомъ не гармонировавшіе, по своей пристальности и откровенности, съ напуганностью этихъ людей.

— Вотъ эта-то черта меня и пронзила, и я вдругъ начала догадываться объ Андреѣ Антоновичѣ, признавалась потомъ мнѣ самому Юліи Михайловна.

Да, она опять была виновата. Вѣроятно, давеча, когда послѣ моего бѣгства порѣшено было съ Петромъ Степановичемъ быть балу и быть на балѣ, — вѣроятно, она опять ходила въ кабинетъ уже окончательно „потрясен-

наго" на „чтеніи“ Андрея Антоновича, опять употребила всѣ свои обольщенія и привлекла его съ собой. Но какъ мучилась, должно-быть, теперь! И все-таки не уѣзжала! Гордость-ли ее мучила или просто она потерялась — не знаю. Она съ униженіемъ и съ улыбками, при всемъ своемъ высокомѣріи, пробовала заговорить съ иными дамами, но тѣ тотчасъ терялись, отдѣлывались односложными недоувѣрчивыми „да-съ“ и „нѣтъ-съ“ и видимо ее избѣгали.

Изъ безспорныхъ сановниковъ нашего города очутился тутъ на балѣ лишь одинъ—тотъ самый важный отставной генераль, котораго я уже разъ описывалъ и который у предводительши, послѣ дуэли Ставрогина съ Гагановымъ, „отворилъ дверь общественному нетерпѣнію“. Онъ важно расхаживалъ по заламъ, присматривался и прислушивался и старался показать видъ, что пріѣхалъ болѣе для наблюденія нравовъ, чѣмъ для несомнѣннаго удовольствія. Онъ кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ пристроился къ Юліи Михайловнѣ и не отходилъ отъ нея ни шагу, видимо стараясь ее ободрить и успокоить. Безъ сомнѣнія, это былъ человѣкъ добрѣйшій, очень сановитый и до того уже старый, что отъ него можно было вынести даже и сожалѣніе. Но сознаться себѣ самой, что этотъ старый болтунъ осмѣливается ее сожалѣть и почти протезировать, понимая, что дѣлаетъ ей честь своимъ присутствіемъ, было очень досадно. А генераль не отставалъ и все болталъ безъ умолку.

— Городъ, говорятъ, не стоитъ безъ семи праведниковъ... семи, кажется, не помню по-ло-жен-наго числа. Не знаю, сколько изъ этихъ семи... несомнѣнныхъ праведниковъ нашего города... имѣли честь посѣтить вашъ балъ, но, несмотря на ихъ присутствіе, я начинаю чувствовать себя небезопаснымъ. *Vous me pardonnerez, charmante dame, n'est-ce pas?* Говорю ал-ле-го-ри-чески, но сходилъ въ буфетъ и радъ, что цѣль вернулся... Нашъ бездѣнный Прохорычъ тамъ не на мѣстѣ и, кажется, къ утру его палатку снесутъ. Впрочемъ, смѣюсь. Я только жду, какая это будетъ „кадриль ли-те-ратуры“, а тамъ въ постель. Простите стараго подагрика, я ложусь рано, да и вамъ бы совѣтовалъ ѣхать „спатиньки“, какъ говорятъ аих *enfants*. А я вѣдь пріѣхалъ для юныхъ красавицъ... которыхъ, конечно, нигдѣ не могу встрѣтить въ такомъ богатомъ комплектѣ кромѣ здѣшняго мѣста... Всѣ изъ-за рѣки, а я туда не ѣзжу. Жена одного офицера...

кажется, егерскаго... очень даже недурна, очень и... и сама это знаетъ. Я съ плутовочкой разговаривалъ; бойка и... ну, и дѣвочки тоже свѣжи; но и только; кромѣ свѣжести ничего. Впрочемъ, я съ удовольствіемъ. Есть бутончики; только губы толсты. Вообще въ русской красотѣ женскихъ лицъ мало той правильности и... и нѣсколько на блинъ сводится... Vous me pardonnerez, n'est-ce pas... при хорошихъ, впрочемъ, глазкахъ... смѣющихся глазкахъ. Эти бутончики года по два своей юности о-ча-ро-вательны, даже по три... ну, а тамъ расплываются навѣки... производя въ своихъ мужьяхъ тотъ печальный ин-диф-фе-рен-тизмъ, который столь способствуетъ развитію женскаго вопроса... если только я правильно понимаю этотъ вопросъ... Гм! Зала хороша; комнаты убраны недурно. Могло быть хуже. Музыка могла быть гораздо хуже... не говорю—должна быть. Дурной эффектъ, что мало дамъ вообще. О нарядахъ не упоминаю. Дурно, что этотъ въ сѣрыхъ брюкахъ такъ откровенно позволяетъ себѣ кан-кани-ровать. Я прощу, если онъ съ радости, и такъ какъ онъ здѣшній аптекаръ... но въ одиннадцатомъ часу все-таки рано и для аптекаря... Тамъ въ буфетѣ двое подрались, и не были выведены. Въ одиннадцатомъ часу еще должно выводить драчуновъ, каковы бы ни были нравы публики... не говорю въ третьемъ часу, тутъ уже необходима уступка общественному мнѣнію, — и если только этотъ балъ доживетъ до третьяго часу. Варвара Петровна слова, однако, не сдержала и не дала цвѣтовъ. Гм! Ей не до цвѣтовъ, раuvez mère! А бѣдная Лиза, вы слышали? Говорятъ, таинственная исторія и... и опять на аренѣ Ставрогинъ... Гм! Я бы спать поѣхалъ... совсѣмъ клюю носомъ. А когда же эта „кадриль ли-те-ра-туры?“

Наконецъ, началась и „кадриль литературы“. Въ городѣ, въ послѣднее время, чуть начинался гдѣ-нибудь разговоръ о предстоящемъ балѣ, непременно сейчасъ же сводили на эту „кадриль литературы“, и такъ какъ никто не могъ представить, что это такое, то и возбуждала она непомерное любопытство. Опаснѣе ничего не могло быть для успѣха, и — каково же было разочарованіе!

Отворились боковыя двери Бѣлой залы, до тѣхъ поръ запертыя, и вдругъ появилось нѣсколько масокъ. Публика съ жадностью ихъ обступила. Весь буфетъ до послѣдняго человѣка разомъ ввалился въ залу. Маски рас-

положились танцовать. Мнѣ удалось протѣсниться на первый планъ, и я пристроился какъ разъ сзади Юліи Михайловны, фонъ-Лембке и генерала. Тутъ подскочилъ къ Юліи Михайловнѣ пропадавшій до сихъ поръ Петръ Степановичъ.

— Я все въ буфетѣ и наблюдаю, прошепталъ онъ съ видомъ виноватаго школьника, впрочемъ, нарочно поддѣланнымъ, чтобы еще болѣе ее раздражить.

Та вспыхнула отъ гнѣва.

— Хотя бы теперь-то вы меня не обманывали, наглый человѣкъ! вырвалось у ней почти громко, такъ что въ публикѣ услышали.

Петръ Степановичъ отскочилъ чрезвычайно довольный собой.

Трудно было бы представить болѣе жалкую, болѣе пошлую, болѣе бездарную и прѣсную аллегорію, какъ эта „кадриль литературы“. Ничего нельзя было придумать менѣе подходящаго къ нашей публикѣ; а между тѣмъ придумывалъ ее, говорятъ, Кармазиновъ. Правда, устраивалъ Липутинъ, совѣтуясь съ тѣмъ самымъ хромымъ учителемъ, который былъ на вечерѣ у Виргинскаго. Но Кармазиновъ все-таки давалъ идею и даже самъ, говорятъ, хотѣлъ нарядиться и взять какую-то особую и самостоятельную роль. Кадриль состояла изъ шести паръ жалкихъ масокъ,—даже почти и не масокъ, потому что они были въ такихъ же платьяхъ, какъ и всѣ. Такъ, напри- мѣръ, одинъ пожилой господинъ, невысокаго роста, во фракѣ,—однимъ словомъ, такъ, какъ всѣ одѣваются,—съ почтенною сѣдою бородой (подвязанною, и въ этомъ состоялъ весь костюмъ), танцуетъ, толочся на одномъ мѣстѣ съ солиднымъ выраженіемъ въ лицѣ, часто и мелко сѣменя ногами и почти не сдвигаясь съ мѣста. Онъ издавалъ какіе-то звуки умѣреннымъ, но охрипшимъ баскомъ, и вотъ эта-то охриплость голоса и должна была означать одну изъ извѣстныхъ газетъ. Напротивъ этой маски танцовали два какіе-то гиганта X и Z, и эти буквы были у нихъ пришпилены на фракахъ, но что означали эти X и Z, такъ и осталось неразъясненнымъ. „Честная русская мысль“ изображалась въ видѣ господина среднихъ лѣтъ, въ очкахъ, во фракѣ, въ перчаткахъ и—въ кандалахъ (въ настоящихъ кандалахъ). Подъ мышкой этой мысли былъ портфель съ какимъ-то „дѣломъ“. Изъ кармана выглядывало распечатанное письмо изъ-за границы,

заклучавшее въ себѣ удостовѣреніе, для всѣхъ сомнѣвающихся, въ честности „честной русской мысли“. Все это досказывалось распорядителями уже изустно, потому что торчавшее изъ кармана письмо нельзя же было прочесть. Въ приподнятой правой рукѣ „честная русская мысль“ держала бокаль, какъ будто желая провозгласить тостъ. По обѣ стороны ея и съ нею рядомъ сѣменили двѣ стриженныя нигилистки, а vis-à-vis танцовалъ какой-то тоже пожилой господинъ, во фракѣ, но съ тяжелою дубиною въ рукѣ и будто бы изображалъ собою не петербургское, но грозное изданіе: „Прихлопну—мокренько будетъ“. Но, несмотря на свою дубину, онъ никакъ не могъ снести пристально устремленныхъ на него очковъ „честной русской мысли“ и старался глядѣть по сторонамъ, а когда дѣлалъ pas de deux, то изгибался, вертѣлся и не зналъ куда дѣваться—до того, вѣроятно, мучила его совѣсть... Впрочемъ, не упомяну всѣхъ этихъ тупенькихъ выдумокъ; все было въ такомъ же родѣ, такъ что, наконецъ, мнѣ стало мучительно стыдно. И вотъ именно то же самое впечатлѣніе какъ бы стыда отразилось и на всей публикѣ, даже на самыхъ угрюмыхъ фізіономіяхъ, явившихся изъ буфета. Нѣкоторое время всѣ молчали и смотрѣли въ сѣдитомъ недоумѣніи. Человѣкъ въ стыдѣ обыкновенно начинаетъ сердиться и наклоненъ къ цинизму. Мало-по-малу загудѣла наша публика:

— Это что-жъ такое? пробормоталъ въ одной кучкѣ одинъ буфетникъ.

— Глупость какая-то.

— Какая-то литература. Голосъ критикуютъ.

— Да мнѣ-то что?

Изъ другой кучки:

— Ослы!

— Нѣтъ, они не ослы, а ослы-то мы.

— Почему ты осель?

— Да я не осель.

— А коль ужъ ты не осель, такъ я и подавно.

Изъ третьей кучки:

— Надавать бы всѣмъ киселей, да и къ чорту!

— Растрясги весь залъ!

Изъ четвертой:

— Какъ не совѣстно Лембкамъ смотрѣть?

— Почему имъ совѣстно? Вѣдь тебѣ не совѣстно?

— Да и мнѣ совѣстно, а онъ губернаторъ.

— А ты свинья.

— Въ жизнь мою не видывала такого самаго обыкновеннаго бала, ядовито проговорила подлѣ самой Юліи Михайловны одна дама, очевидно, съ желаніемъ быть услышанною.

Эта дама была лѣтъ сорока, плотная и парумяненная, въ яркомъ шелковомъ платьѣ; въ городѣ ее почти все знали, но никто не принималъ. Была она вдова статскаго совѣтника, оставившаго ей деревянный домъ и скудный пенсіонъ, но жила хорошо и держала лошадей. Юліи Михайловнѣ, мѣсяца два назадъ, сдѣлала визитъ первая, но та не приняла ея.

— Такъ точно и предвидѣть было возможно-съ, прибавила она, нагло заглядывая въ глаза Юліи Михайловнѣ.

— А если могли предвидѣть, то зачѣмъ же пожаловали? не стерпѣла Юлія Михайловна.

— Да по наивности-съ, мигомъ отрѣзала бойкая дама и вся такъ и всполохнулась (ужасно желая сдѣлаться); но генераль сталъ между ними:

— *Chère dame*, склонился онъ къ Юліи Михайловнѣ, — право бы уѣхать. Мы ихъ только стѣсняемъ, а безъ насъ они отлично повеселятся. Вы все исполнили, открыли имъ балъ, ну и оставьте ихъ въ покоѣ... Да и Андрей Антоновичъ не совсѣмъ, кажется, чувствуетъ себя у-до-вле-тво-рительно... Чтобы не случилось бѣды?

Но уже было поздно.

Андрей Антоновичъ все время кадрили смогрѣлъ на танцующихъ съ какимъ-то гнѣвливымъ недоумѣніемъ, а когда начались отзывы въ публикѣ, началъ безпокойно озираться кругомъ. Тутъ въ первый разъ бросились ему въ глаза нѣкоторыя буфетныя личности; взглядъ его выразилъ чрезвычайное удивленіе. Вдругъ раздался громкій смѣхъ надъ одною продѣлкой въ кадрили; издатель „грознаго не петербургскаго изданія“, танцовавшій съ дубиной въ рукахъ, почувствовавъ окончательно, что не можетъ вынести на себѣ очковъ „честной русской мысли“ и не зная куда отъ нея дѣваться, вдругъ, въ послѣдней фигурѣ, пошелъ навстрѣчу очкамъ вверхъ ногами, что, кстати, и должно было обозначать постоянное извращеніе вверхъ ногами здраваго смысла въ „грозномъ не петербургскомъ изданіи“. Такъ какъ одинъ Лямшинъ умѣлъ ходить вверхъ ногами, то онъ и взялся предста-

влять издателя съ дубиной. Юлія Михайловна рѣшительно не знала, что будутъ ходить вверхъ ногами. „Отъ меня это утаили, утаили“, повторяла она мнѣ потомъ въ отчаяніи и негодованіи. Хохоть толпы привѣтствовалъ, конечно, не аллегорію, до которой никому не было дѣла, а просто хожденіе вверхъ ногами во фракѣ съ фалдочками. Лембке вскипѣлъ и затрясся.

— Негодяй! крикнулъ онъ, указывая на Лямшина. — Схватить мерзавца, обернуть... обернуть его ногами... головой... чтобъ голову вверху... вверху!

Лямшинъ вскочилъ на ноги. Хохоть усиливался.

— Выгнать всѣхъ мерзавцевъ, которые смѣются! предписалъ вдругъ Лембке.

Толпа загудѣла и загрохотала.

— Этакъ нельзя, ваше превосходительство.

— Публику нельзя ругать-сь.

— Самъ дуракъ! раздался голосъ откуда-то изъ угла.

— Флибустьеры! крикнулъ кто-то изъ другого конца.

Лембке быстро обернулся на крикъ и весь поблѣднѣлъ. Тупая улыбка показалась на его губахъ, — какъ будто онъ что-то вдругъ понялъ и вспомнилъ.

— Господа, обратилась Юлія Михайловна къ надвигавшейся толпѣ, въ то же время увлекая за собою мужа, — господа, извините Андрея Антоновича, Андрей Антоновичъ нездоровъ... извините... простите его, господа!

Я именно слышалъ, какъ она сказала: „простите“. Сцена была очень быстра. Но я рѣшительно помню, что часть публики уже въ это самое время устремила въ изъ залы, какъ бы въ испугѣ, именно послѣ этихъ словъ Юліи Михайловны. Я даже запоминаю одинъ истерическій женскій крикъ сквозь слезы:

— Ахъ, опять какъ давеча!

И вдругъ въ эту уже начавшуюся почти давку опять ударила бомба, именно „опять какъ давеча“:

— Пожаръ! Все Зарѣчье горить!

Не помню только, гдѣ впервые раздался этотъ ужасный крикъ: въ залахъ-ли, или, кажется, кто-то вбѣжалъ съ лѣстницы изъ передней, но вслѣдъ за тѣмъ наступила такая тревога, что и рассказать не возьмусь. Больше половины собравшейся на балъ публики были изъ Зарѣчья — владѣтели тамошнихъ деревянныхъ домовъ или ихъ обитатели. Бросились къ окнамъ, мигомъ раздвинули гардины, сорвали шторы. Зарѣчье пылало. Правда, пожаръ

только еще начался, но пылало въ трехъ совершенно разныхъ мѣстахъ, — это-то и испугало.

— Поджогъ! Шпигулинскіе! вопили въ толпѣ.

Я упомянулъ нѣсколько весьма характерныхъ восклицаній.

— Такъ и предчувствовало мое сердце, что подожгутъ, всѣ эти дни оно чувствовало!

— Шпигулинскіе, Шпигулинскіе, некому больше!

— Насъ и собрали тутъ нарочно, чтобы тамъ поджечь!

Этотъ послѣдній, самый удивительный крикъ былъ женскій, неумышленный, невольный крикъ погорѣвшей Коробочки. Все хлынуло къ выходу. Не стану описывать давки въ передней при разборѣ шубъ, платковъ и салоповъ, визга испуганныхъ женщинъ, плача барышень. Врядъ-ли было какое воровство, но не удивительно, что при такомъ беспорядкѣ нѣкоторые такъ и уѣхали безъ теплой одежды, не отыскавъ своего, о чемъ долго потомъ рассказывалось въ городѣ съ легендами и прикрасами. Лембке и Юлія Михайловна были почти сдавлены толпою въ дверяхъ.

— Всѣхъ остановить! Не выпускать ни одного! вопилъ Лембке, грозно простирая руку навстрѣчу тѣспившимся. — Всѣхъ поголовно строжайшій обыскъ, немедленно!

Изъ залы посыпались крѣпкія ругательства.

— Андрей Антоновичъ! Андрей Антоновичъ! восклицала Юлія Михайловна въ совершенномъ отчаяніи.

— Арестовать первую! крикнулъ тотъ, грозно наводя на нее свой перстъ. — Обыскать первую! Балъ устроенъ съ цѣлью поджога...

Она вскрикнула и упала въ обморокъ (о, уже конечно, въ настоящій обморокъ). Я, князь и генералъ бросились на помощь; были и другіе, которые намъ помогли въ эту трудную минуту, даже изъ дамъ. Мы вынесли несчастную изъ этого ада въ карету; но она очнулась лишь подъѣзжая къ дому, и первый крикъ ея былъ опять объ Андреѣ Антоновичѣ. Съ разрушеніемъ всѣхъ ея фантазій передъ нею остался одинъ только Андрей Антоновичъ. Послали за докторомъ. Я прождалъ у нея цѣлый часъ, князь тоже; генералъ, въ припадкѣ великодушія (хотя и очень перепугался самъ), хотѣлъ не отходить всю ночь отъ „постели несчастной“, но черезъ десять минутъ заснулъ въ залѣ, еще въ ожиданіи доктора, въ креслахъ, гдѣ мы его такъ и оставили.

Полицеймейстеръ, поспѣшившій съ бала на пожаръ, успѣлъ вывести вслѣдъ за нами Андрея Антоновича и хотѣлъ было усадить его въ карету къ Юліи Михайловнѣ, убѣждая изъ всѣхъ силъ его превосходительство „взять покой“. Но не понимаю, почему не настоялъ. Конечно, Андрей Антоновичъ не хотѣлъ и слышать о покоѣ и рвался на пожаръ; но это былъ не резонъ. Кончилось тѣмъ, что онъ же и повезъ его на пожаръ въ своихъ дрожкахъ. Потомъ рассказывалъ, что Лембке всю дорогу жестикулировалъ и „такія идеи выкрикивали, что по необычайности невозможно было исполнить-съ“. Впослѣдствіи такъ и доложено было, что его превосходительство въ тѣ минуты уже состояли отъ „внезапности испуга“ въ бѣлой горячкѣ.

Нечего рассказывать, какъ кончился балъ. Нѣсколько десятковъ гулякъ, а съ ними даже нѣсколько дамъ осталось въ залахъ. Полиціи никакой. Музыку не отпустили и уходившихъ музыкантовъ избили. Къ утру всю „палатку Прохорыча“ снесли, пили безъ памяти, плясали камаринскаго безъ цензуры, комнаты изгадили, и только на разсвѣтѣ, часть этой ватаги, совсѣмъ пьяная, подошла на догоравшее пожарище, на новые беспорядки... Другая же половина такъ и заночевала въ залахъ, въ мертво-пьяномъ состояніи, со всѣми послѣдствіями, на бархатныхъ диванахъ и на полу. Поутру, при первой возможности, ихъ вытащили за ноги на улицу. Тѣмъ и кончилось празднество въ пользу гувернантокъ нашей губерніи.

IV.

Пожаръ испугалъ нашу зарѣчную публику именно тѣмъ, что поджогъ былъ очевидный. Замѣчательно, что при первомъ крикѣ „горимъ“, сейчасъ же раздался и крикъ, что „поджигаютъ Шпигулинскіе“. Теперь уже слишкомъ хорошо извѣстно, что и въ самомъ дѣлѣ трое Шпигулинскихъ участвовали въ поджогѣ, по—и только; всѣ остальные съ фабрики совершенно оправданы и общимъ мнѣніемъ, и официально. Кромѣ тѣхъ трехъ негодаевъ (изъ коихъ одинъ пойманъ и сознался, а двое по сию пору въ бѣгахъ)—несомнѣнно участвовалъ въ поджогѣ и Федька-каторжный. Вотъ и все, что покамѣстъ извѣстно въ точности о происхожденіи пожара; совсѣмъ другое дѣло догадки. Чѣмъ руководствовались эти три негодая, были

или нѣтъ къмъ направленіи? На все это очень трудно отвѣтить, даже теперь.

Огонь, благодаря сильному вѣтру, почти силою деревяннымъ постройкамъ Зарѣчья и, наконецъ, поджогу съ трехъ концовъ, распространился быстро и охватилъ цѣлый участокъ съ неимовѣрною силой (впрочемъ, поджогъ надо считать скорѣе съ двухъ концовъ: третій былъ захваченъ и потушенъ почти въ ту же минуту какъ вспыхнуло, о чемъ ниже). Но въ столичныхъ корреспонденціяхъ все-таки преувеличили нашу бѣду: сгорѣло не болѣе (а, можетъ, и менѣе) одной четвертой доли всего Зарѣчья, говоря примѣрно. Наша пожарная команда, хотя и слабая сравнительно съ пространствомъ и населеніемъ города, дѣйствовала, однако, весьма аккуратно и самоотверженно. Но не много бы она сдѣлала, даже и при дружномъ содѣйствіи обывателей, если бы не перемѣнившійся къ утру вѣтеръ, вдругъ упавшій передъ самымъ разсвѣтомъ. Когда я, всего часъ спустя послѣ бѣгства съ бала, пробрался въ Зарѣчье, огонь былъ уже въ полной силѣ. Цѣлая улица, параллельная рѣкѣ, пылала. Было свѣтло какъ днемъ. Не стану описывать въ подробности картину пожара: кто ея на Руси не знаетъ? Въ ближайшихъ проулкахъ отъ пылавшей улицы суета и тѣснота стояли непомѣрные. Тутъ огня ждали навѣрно и жители вытаскивали имущество, но все еще не отходили отъ своихъ жилищъ, а въ ожиданіи сидѣли на вытасканныхъ сундукахъ и перинахъ, каждый подъ своими окнами. Часть мужского населенія была въ тяжелой работѣ: безжалостно рубила заборы и даже сносила цѣлыя лачуги, стоявшія ближе къ огню и подъ вѣтромъ. Плакали лишь проснушіеся ребяташки, да выли, причитывая, женщины, уже успѣвшія вытащить свою рухлядь. Не успѣвшія пока молча и энергичски вытаскивались. Искры и гальки разлетались далеко; ихъ тушили по возможности. На самомъ пожарѣ тѣснились зрители, сбѣжавшіеся со всѣхъ концовъ города. Иные помогали тушить, другіе глазѣли какъ любители. Большой огонь оп ночамъ всегда производитъ впечатлѣніе раздражающее и веселящее; на этомъ основаны фейерверки; но тамъ огни располагаются по изящнымъ, правильнымъ очертаніямъ и, при полной своей безопасности, производятъ впечатлѣніе игривое и легкое, какъ послѣ бокала шампанскаго. Другое дѣло настоящій пожаръ: тутъ ужасъ и все же какъ бы нѣкоторое чувство личной опасности, при

извѣстномъ веселящемъ впечатлѣніи ночного огня, производятъ въ зрителѣ (разумѣется, не въ самомъ погорѣвшемъ обывателѣ) нѣкоторое сотрясеніе мозга и какъ бы вызовъ къ его собственнымъ разрушительнымъ инстинктамъ, которые, увы, таятся во всякой душѣ, даже въ душѣ самаго смиреннаго и семейнаго титулярнаго совѣтника... Это мрачное ощущеніе почти всегда упоительно. „Я, право, не знаю, можно-ли смотрѣть на пожаръ безъ нѣкотораго удовольствія?“ Это, слово въ слово, сказалъ мнѣ Степанъ Трофимовичъ, возвратясь однажды съ одного ночного пожара, на который попалъ случайно и подъ первымъ впечатлѣніемъ зрѣлища. Разумѣется, тотъ же любитель ночного огня бросится и самъ въ огонь спасать погорѣвшаго ребенка или старуху; но вѣдь это уже совсѣмъ другая статья.

Тѣснясь вслѣдъ за любопытною толпою, я безъ разсрашиваній добрелъ до главнѣйшаго и опаснѣйшаго пункта, гдѣ и увидѣлъ, наконецъ, Лембке, котораго отыскивалъ по порученію самой Юліи Михайловны. Положеніе его было удивительное и чрезвычайное. Онъ стоялъ на обломкахъ забора; налѣво отъ него, шагахъ въ тридцати, высился черный скелетъ уже совсѣмъ почти догорѣвшаго двухъ-этажнаго деревяннаго дома, съ дырками вмѣсто оконъ въ обоихъ этажахъ, съ провалившеюся крышей и съ пламенемъ все еще змѣвившимся кое-гдѣ по обугленнымъ бревнамъ. Въ глубинѣ двора, шагахъ въ двадцати отъ погорѣвшаго дома, начиналъ пылать флигель, тоже двухъ-этажный, и надъ нимъ изо всѣхъ силъ старались пожарные. Направо пожарные и народъ отстаивали довольно большое деревянное строеніе, еще не загорѣвшееся, но уже нѣсколько разъ загоравшееся, и которому неминуемо суждено было сгорѣть. Лембке кричалъ и жестикулировалъ лицомъ къ флигелю и отдавалъ приказанія, которыхъ никто не исполнялъ. Я было подумалъ, что его такъ тутъ и бросили и совсѣмъ отъ него отступились. По крайней мѣрѣ, густая и чрезвычайно разнородная толпа, его окружавшая, въ которой вмѣстѣ со всякимъ людомъ были и господа, и даже соборный протопопъ, хотя и слушали его съ любопытствомъ и удивленіемъ, но никто изъ нихъ съ нимъ не заговаривалъ и не пробовалъ его отвести. Лембке, блѣдный, съ сверкающими глазами, произносилъ самыя удивительныя вещи; къ довершенію, былъ безъ шляпы и уже давно потерялъ ее.

— Все поджогъ! Это нигилизмъ! Если что пылаеть, то это нигилизмъ! услышалъ я чуть не съ ужасомъ, и хотя удивляться было уже нечему, но наглядная дѣйствительность всегда имѣеть въ себѣ нѣчто потрясающее.

— Ваше превосходительство, очутился подлѣ него квартальный, — если бы вы соизволили испробовать домашній покой-съ... А то здѣсь даже и стоять опасно для вашего превосходительства.

Этотъ квартальный, какъ я узналъ потомъ, парочно былъ оставленъ при Андреѣ Антоновичѣ полицеймейстеромъ, съ тѣмъ, чтобы за нимъ наблюдать и изо всѣхъ силъ стараться увезти его домой, а въ случаѣ опасности такъ даже подѣйствовать силой, — порученіе, очевидно, выше силъ исполнителя.

— Слезы погорѣвшихъ утрутъ, но городъ сожгутъ. Это все четыре мерзавца, четыре съ половиной. Арестовать мерзавца! Онъ втирается въ честь семействъ. Для зажиганія домовъ употребили гувернантокъ. Это подло, подло! Ай, что онъ дѣлаеть! крикнулъ онъ, замѣтивъ вдругъ на кровлѣ пылавшаго флигеля пожарнаго, подъ которымъ уже прогорѣла крыша и кругомъ вспыхивалъ огонь. — Стащить его, стащить, онъ провалится, онъ загорится, тушите его... Что онъ тамъ дѣлаеть?

— Тушить, ваше превосходительство.

— Невѣроятно. Пожаръ въ умахъ, а не на крышахъ домовъ. Стащить его и бросить все! Лучше бросить, лучше бросить! Пусть само какъ-нибудь! Ай, кто еще плачетъ? Старуха! Кричитъ старуха, зачѣмъ забыли старуху?

Дѣйствительно, въ нижнемъ этажѣ пылающаго флигеля кричала забытая старуха, восьмидесятилѣтняя родственница купца, хозяйка горѣвшаго дома. Но ее не забыли, а она сама воротилась въ горѣвшій домъ, пока было можно, съ безумною цѣлью вытащить изъ угловой каморки, еще удѣлѣвшей, свою перину. Задыхаясь въ дыму и крича отъ жару, потому что загорѣлась и каморка, она, все-таки, изо всѣхъ силъ старалась просунуть сквозь выбитое въ рамѣ стекло дряхлыми руками свою перину. Лембке бросился къ ней на помощь. Всѣ видѣли, какъ онъ подбѣжалъ къ окну, ухватился за уголь перины и изо всѣхъ силъ сталъ дергать ее изъ окна. Какъ на грѣхъ, съ крыши слетѣла въ этотъ самый моментъ выломанная доска и ударила въ несчастнаго; она не убила его, задѣвъ лишь на лету концомъ по шеѣ, но поприще Андрея Антоно-

вича кончилось, по крайней мѣрѣ, у насъ; ударъ сбиль его съ ногъ, и онъ упалъ безъ памяти.

Наступилъ, наконецъ, угрюмый, мрачный разсвѣтъ. Пожаръ уменьшился; послѣ вѣтра настала вдругъ тишина, а потомъ пошелъ мелкій медленный дождь, какъ сквозь сито. Я уже былъ въ другой части Зарѣчья, далеко отъ того мѣста, гдѣ упалъ Лембке, и тутъ въ толпѣ услышалъ очень странные разговоры. Обнаружился одинъ странный фактъ: совсѣмъ на краю квартала, на пустырьѣ, за огородами, не менѣе какъ въ пятидесяти шагахъ отъ другихъ строеній, стоялъ одинъ только что отстроенный небольшой деревянный домъ, и этотъ-то уединенный домъ загорѣлся чуть не прежде всѣхъ, при самомъ началѣ пожара. Если-бъ и сгорѣлъ, то, за разстоянiемъ, не могъ бы передать огня ни одному изъ городскихъ строеній, и обратно, — если бы сгорѣло все Зарѣчье, то одинъ этотъ домъ могъ бы уцѣлѣть, даже при какомъ бы то ни было вѣтрѣ. Выходило, что онъ запылалъ отдѣльно и самостоятельно и, стало-быть, не проста. Но главное состояло въ томъ, что сгорѣть онъ не успѣлъ, и внутри его, къ разсвѣту, обнаружены были удивительныя дѣла. Хозяинъ этого новаго дома, мѣщанинъ, жившій въ ближайшей слободкѣ, только что увидѣлъ пожаръ въ своемъ новомъ домѣ, бросился къ нему и успѣлъ его отстоять, раскидавъ съ помощью сосѣдей зажженные дрова, сложенные у боковой стѣны. Но въ домѣ жили жильцы — извѣстный въ городѣ капитанъ съ сестрицей и при нихъ пожилая работница, и вотъ эти-то жильцы, капитанъ, сестра его и работница, всѣ трое были въ эту ночь зарѣзаны и, очевидно, ограблены. (Вотъ сюда-то и отлучался полицеймейстеръ съ пожара, когда Лембке спасалъ перину). Къ утру извѣстiе распространилось, и огромная масса всякаго люда и даже погорѣвшiе изъ Зарѣчья хлынули на пустырь къ новому дому. Трудно было и пройти, до того столпились. Мнѣ тотчасъ рассказали, что капитана нашли съ перерѣзаннымъ горломъ, на лавкѣ, одѣтаго, и что зарѣзали его, вѣроятно, мертвецки-пьянаго, такъ что онъ и не услышалъ, а крови изъ него вышло „какъ изъ быка“; что сестра его Марья Тимоѣевна вся „истыкана“ ножомъ, а лежала на полу въ дверяхъ, такъ что вѣрно билась и боролась съ убійцей уже наяву. У служанки, тоже вѣрно проснувшейся, пробита была совсѣмъ голова. По рассказамъ хозяина, капитанъ еще наканунѣ утромъ заходилъ

къ нему нетрезвый, похвалялся и показывалъ много денегъ, рублей до двухсотъ. Старый, истрепанный зеленый капитанскій бумажникъ найденъ на полу пустой; но сундукъ Марьи Тимофеевны не тронуть, и риза серебряная на образъ тоже не тронута; изъ капитанскаго платья тоже все оказалось цѣло. Видно было, что воръ торопился и человекъ былъ, капитанскіи дѣла знавшій, приходилъ за однѣми деньгами и зналъ, гдѣ онѣ лежатъ. Если бы не прибѣжалъ въ ту же минуту хозяинъ, то дрова, разгорѣвшись, навѣрно бы сожгли домъ, „а по обгорѣвшимъ трупамъ трудно было бы правду узнать“.

Такъ передавалось дѣло. Прибавлялось и еще свѣдѣніе: что квартиру эту снялъ для капитана и сестры его самъ господинъ Ставрогинъ, Николай Всеволодовичъ, сыночекъ генеральши Ставрогиной, самъ и напимать приходилъ, очень уговаривалъ, потому что хозяинъ отдавать не хотѣлъ и домъ назначалъ для кабака, но Николай Всеволодовичъ за цѣной не постояли и за полгода впередъ выдали.

— Горѣли не спроста, слышалось въ толпѣ.

Но большинство молчало. Лица были мрачны, но раздраженія большого, видимаго, я не замѣтилъ. Кругомъ, однакоже, продолжались исторіи о Николаѣ Всеволодовичѣ и о томъ, что убитая—его жена, что вчера онъ изъ перваго здѣшняго дома, у генеральши Дроздовой, сманилъ къ себѣ дѣвицу, дочь, „не честнымъ порядкомъ“ и что жаловаться на него будутъ въ Петербургъ; а что жена зарѣзана, то это, видно, для того, чтобъ на Дроздовой ему жениться. Скворешники были не болѣе какъ въ двухъ съ половиною верстахъ и, помню, мнѣ подумалось: не дать-ли туда знать? Впрочемъ, я не замѣтилъ, чтобъ особенно кто-нибудь поджигалъ толпу, не хочу грѣшнить, хотя и мелькнули предо мной двѣ-три рожи изъ „буфетныхъ“, очутившіяся къ утру на пожарѣ и которыхъ я тотчасъ узналъ. Но особенно припоминаю одного худощаваго, высокаго парня изъ мѣщанъ, испитого, курчаваго, точно сажей вымазаннаго, слесаря, какъ узналъ я послѣ. Онъ былъ не пьянъ, но, въ противоположность мрачно стоявшей толпѣ, былъ какъ бы внѣ себя. Онъ все обращался къ народу, хотя и не помню словъ его. Все, что онъ говорилъ связнаго, было не длиннѣе какъ: „Братцы, что-жь это? Да неужто такъ и будетъ?“ и при этомъ размахивалъ руками.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Законченный романъ.

I.

Изъ большой залы въ Скворешникахъ (той самой, въ которой состоялось послѣднее свиданіе Варвары Петровны и Степана Трофимовича) пожаръ былъ какъ на ладони. На разсвѣтѣ, часу въ шестомъ утра, у крайняго окна справа, стояла Лиза и пристально глядѣла на потухшее зарево. Она была одна въ комнатѣ. Платье было на ней вчерашнее, праздничное, въ которомъ она явилась на чтеніи,—свѣтло-зеленое, пышное, все въ кружевахъ, но уже измятое, надѣто наскоро и небрежно. Замѣтивъ вдругъ неплотно застегнутую грудь, она покраснѣла, торопливо оправила платье, схватила съ кресель еще вчера брошенный ею при входѣ красный платокъ и накинула на шею. Пышные волосы въ разбившихся локонахъ выбились изъ-подъ платка на правое плечо. Лицо ея было усталое, озабоченное, но глаза горѣли изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Она вновь подошла къ окну и прислонилась горячимъ лбомъ къ холодному стеклу. Отворилась дверь и вошелъ Николай Всеволодовичъ.

— Я отправилъ нарочнаго верхомъ, сказалъ онъ,—черезъ десять минутъ все узнаемъ, а пока люди говорятъ, что сгорѣла часть Зарѣчья, ближе къ набережной, по правую сторону моста. Загорѣлось еще въ двѣнадцатомъ часу; теперь утихаетъ.

Онъ не подошелъ къ окну, а остановился сзади нея въ трехъ шагахъ; она къ нему не повернулась.

— По календарю еще часъ тому должно свѣтать, а почти какъ ночь, проговорила она съ досадой.

— Всѣ врутъ календари, замѣтилъ было онъ съ любезною усмѣшкой, но, устыдившись, поспѣшилъ прибавить:—По календарю жить скучно, Лиза.

И замолчалъ окончательно, досадуя на новую сказанную пошлость; Лиза криво улыбнулась.

— Вы въ такомъ грустномъ настроеніи, что даже словъ со мной не находите. Но успокойтесь, вы сказали кстати: я всегда живу по календарю. Каждый мой шагъ рассчитанъ по календарю. Вы удивляетесь?

Она быстро повернулась отъ окна и сѣла въ кресла.

— Садитесь и вы пожалуйста. Намъ не долго быть вмѣ-

стѣ, и я хочу говорить все, что мнѣ угодно... Почему бы и вамъ не говорить все, что вамъ угодно?

Николай Всеволодовичъ сѣлъ рядомъ съ нею и тихо, почти боязливо взялъ ее за руку.

— Что значитъ этотъ языкъ, Лиза? Откуда онъ вдругъ? Что значитъ „намъ немного быть вмѣстѣ“? Вотъ уже вторая фраза загадочная въ полчаса, какъ ты проснулась.

— Вы принимаетесь считать мои загадочныя фразы? засмѣялась она.—А помните, я вчера, входя, мертвецомъ отрекомендовалась? Вотъ это вы нашли нужнымъ забыть. Забыть или не примѣтить.

— Не помню, Лиза. Зачѣмъ мертвецомъ? Надо жить...

— И замолчали? У васъ совсѣмъ пропало краснорѣчіе. Я прожила мой часъ на свѣтѣ и довольно. Помните вы Христофора Ивановича?

— Нѣтъ, не помню, нахмурился онъ.

— Христофора Ивановича, въ Лозаниѣ? Онъ вамъ ужасно надоѣлъ. Онъ отворялъ дверь и всегда говорилъ: „Я на минутку“, а просидитъ весь день. Я не хочу походить на Христофора Ивановича и сидѣть весь день.

Болѣзненное впечатлѣніе отразилось въ лицѣ его.

— Лиза, мнѣ больно за этотъ надломанный языкъ. Эта гримаса вамъ дорого стоитъ самой. Къ чему она? Для чего?

Глаза его загорѣлись:

— Лиза, воскликнулъ онъ,—клянусь, я теперь больше люблю тебя, чѣмъ вчера, когда ты вошла ко мнѣ!

— Какое странное признаніе! Зачѣмъ тутъ вчера и сегодня и обѣ мѣрки?

— Ты не оставишь меня, продолжалъ онъ почти съ отчаяніемъ,—мы уѣдемъ вмѣстѣ, сегодня же, такъ-ли? Такъ-ли?

— Ай, не жмите руку такъ больно! Куда намъ ѣхать вмѣстѣ сегодня же? Куда-нибудь опять „воскресать“? Нѣтъ, ужъ довольно пробь... да и медленно для меня; да и неспособна я; слишкомъ для меня высоко. Если ѣхать, то въ Москву, и тамъ дѣлать визиты и самимъ принимать—вотъ мой идеаль, вы знаете; я отъ васъ не скрыла, еще въ Швейцаріи, какова я собою. Такъ какъ намъ невозможно ѣхать въ Москву и дѣлать визиты, потому что вы женаты, такъ и нечего о томъ говорить.

— Лиза! Что же такое было вчера?

— Было то что было.

— Это невозможно! Это жестоко!

— Такъ что-жь, что жестоко! И снесите, коли жестоко.

— Вы мстите мнѣ за вчерашнюю фантазію... пробормоталъ онъ, злобно усмѣхнувшись.

Лиза вспыхнула.

— Какая низкая мысль!

— Такъ зачѣмъ же вы дарили мнѣ... „столько счастья“? Имѣю я право узнать?

— Нѣтъ, ужъ обойдитесь какъ-нибудь безъ правъ; не завершайте низость вашего предположенія глупостью. Вамъ сегодня не удастся. Кстати, ужъ не боитесь-ли вы и свѣтскаго мнѣнія, и что васъ за это „столько счастья“ осудятъ? О, коли такъ, ради Бога не тревожьте себя. Вы ни въ чемъ тутъ не причина и никому не въ отвѣтъ. Когда я отворила вчера вашу дверь, вы даже не знали, кто это входитъ. Тутъ именно одна моя фантазія, какъ вы сейчасъ выразились, и болѣе ничего. Вы можете всемъ смѣло и побѣдоносно смотрѣть въ глаза!

— Твои слова, этотъ смѣхъ, вотъ уже часъ, насылаютъ на меня холодъ ужаса. Это „счастье“, о которомъ ты такъ неистово говоришь, стоитъ мнѣ... всего. Развѣ я могу теперь потерять тебя? Клянусь, я любилъ тебя вчера меньше. Зачѣмъ же ты у меня все отнимаешь сегодня? Знаешь-ли ты, чего она стоила мнѣ, эта новая надежда? Я жизнью за нее заплатилъ.

— Своею или чужой?

Онъ быстро приподнялся.

— Что это значить? проговорилъ онъ, неподвижно смотря на нее.

— Своею или моею жизнью заплатили, вотъ что я хотѣла спросить. Или вы всемъ теперь понимать перестали? вспыхнула Лиза.—Чего вы такъ вдругъ вскочили? Зачѣмъ на меня смотрите съ такимъ видомъ? Вы меня пугаете. Чего вы все боитесь? Я ужъ давно замѣтила, что вы боитесь, именно теперь, именно сейчасъ... Господи, какъ вы блѣднѣете!

— Если ты что-нибудь знаешь, Лиза, то клянусь, я не знаю... и вовсе не о томъ сейчасъ говорилъ, говоря, что жизнью заплатилъ...

— Я васъ всемъ не понимаю, проговорила она, боязливо запинаясь.

Наконецъ, медленная, задумчивая усмѣшка показалась

на его губахъ. Онъ тихо сѣлъ, положилъ локти на колѣни и закрылъ руками лицо.

— Дурной сонъ и бредъ... Мы говорили о двухъ разныхъ вещахъ.

— Я совсѣмъ не знаю, о чемъ вы говорили... Неужели вчера вы не знали, что я сегодня отъ васъ уйду, знали или нѣтъ? Не лгите, знали или нѣтъ?

— Зналъ... тихо вымолвилъ онъ.

— Ну, такъ чего же вамъ: знали и оставили „мгновеніе“ за собой. Какіе же тутъ счеты?

— Скажи мнѣ всю правду, вскричалъ онъ съ глубокимъ страданіемъ: — когда вчера ты отворила мою дверь, знала ты сама, что отворяешь ее на одинъ только часъ?

Она ненавистно на него поглядѣла:

— Правда, что самый серьезный человѣкъ можетъ задавать самые удивительные вопросы. И чего вы такъ беспокоитесь? Неужто изъ самолюбія, что васъ женщина первая бросила, а не вы ее? Знаете, Николай Всеволодовичъ, я, пока у васъ, убѣдилась, между прочимъ, что вы ужасно ко мнѣ великодушны, а я вотъ этого-то и не могу у васъ выносить.

Онъ всталъ съ мѣста и прошелъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Хорошо, пусть такъ должно кончиться... Но какъ могло это все случиться?

— Вотъ забота! И главное, что вы это сами знаете, какъ по пальцамъ, и понимаете лучше всѣхъ на свѣтѣ и сами рассчитывали. Я—барышня, мое сердце въ оперѣ воспитывалось, вотъ съ чего и началось, вся разгадка.

— Нѣтъ.

— Тутъ нѣтъ ничего, что можетъ растерзать ваше самолюбіе, и все совершенная правда. Началось съ красиваго мгновенія, котораго я не вынесла. Третьяго дня, когда я васъ всенародно „обидѣла“, а вы мнѣ отвѣтили такимъ рыцаремъ, я пріѣхала домой и тотчасъ догадалась, что вы потому отъ меня бѣгали, что вы женаты, а вовсе не изъ презрѣнія ко мнѣ, чего я, въ качествѣ свѣтской барышни, всего болѣе опасалась. Я поняла, что меня же вы, безразсудную, берегли, убѣгая. Видите, какъ я цѣню ваше великодушіе. Тутъ подскочилъ Петръ Степановичъ и тотчасъ же мнѣ все объяснилъ. Онъ мнѣ открылъ, что васъ колеблетъ великая мысль, передъ кото-

рою мы оба съ нимъ совершенно ничто, но что я все-таки у васъ поперекъ дороги. Онъ и себя тутъ причель; онъ непремѣнно хотѣлъ втроемъ и говорилъ префантастическія вещи, про ладью и про кленовыя весла изъ какой-то русской пѣсни. Я его похвалила, сказала ему, что онъ поэтъ, и онъ принялъ за самую неразмѣнную монету. А такъ какъ я и безъ того давно знала, что меня всего на одинъ мигъ только хватить, то взяла и рѣшилась. Ну, вотъ и все, и довольно, и пожалуйста больше безъ объясненій. Пожалуй, еще поссоримся. Никого не бойтесь, я все на себя беру. И дурная, капризная, я оперной ладьей соблазнилась, я барышня... А, знаете, я все-таки думала, что вы ужасно какъ меня любите. Не презирайте дуру и не смѣйтесь за эту слезинку, что сейчасъ упала. Я ужасно люблю плакать „себя жалѣючи“. Ну, довольно, довольно. Я ни на что неспособна и вы ни на что неспособны; два щелчка съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ и утѣшимся. По крайней мѣрѣ, самолюбіе не страдаетъ.

— Сонъ и бредъ! вскричалъ Николай Всеволодовичъ, ломая руки и шагая по комнатѣ.— Лиза, бѣдная, что ты сдѣлала надъ собою?

— Обожглась на свѣчкѣ и больше ничего. Ужъ не плачете-ли и вы? Будьте приличнѣе, будьте безчувственнѣе...

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты пришла ко мнѣ?

— Но вы не понимаете, наконецъ, въ какое комическое положеніе ставите сами себя предъ свѣтскимъ мнѣніемъ такими вопросами?

— Зачѣмъ ты себя погубила, такъ уродливо и такъ глупо, и что теперь дѣлать?

— И это Ставрогинъ, „кровопійца Ставрогинъ“, какъ называетъ васъ здѣсь одна дама, которая въ васъ влюблена! Слушайте, я вѣдь вамъ уже сказала: я разочла мою жизнь на одинъ только часъ и спокойна. Разочтите и вы такъ свою... впрочемъ, вамъ не для чего; у васъ такъ еще много будетъ разныхъ „часовъ“ и „мгновеній“.

— Столько же, сколько у тебя; даю тебѣ великое слово мое, ни часу болѣе какъ у тебя!

Онъ все ходилъ и не видалъ ея быстрою, пронзительнаго взгляда, вдругъ какъ бы озарившагося надеждой. Но лучъ свѣта погасъ въ ту же минуту.

— Если бы ты знала цѣну моей теперешней невозможной искренности, Лиза, если бъ я только могъ открыть тебѣ...

— Открыть? Вы хотите мнѣ что-то открыть? Сохрани меня Боже отъ вашихъ открытій! прервала она почти съ испугомъ.

Онъ остановился и ждалъ съ безпокойствомъ.

— Я вамъ должна признаться, у меня тогда, еще съ самой Швейцаріи, укрѣпилась мысль, что у васъ что-то есть на душѣ ужасное, грязное и кровавое, и... въ то же время такое, что ставитъ васъ въ ужасно смѣшномъ видѣ... Берегитесь мнѣ открывать, если правда: я васъ засмѣю. Я буду хохотать надъ вами всю вашу жизнь... Ай, вы опять блѣднѣете? Не буду, не буду, я сейчасъ уйду, вскочила она со стула съ брезгливымъ и презрительнымъ движеніемъ.

— Мучь меня, казни меня, срывай на мнѣ злобу, вскричалъ онъ въ отчаяніи. — Ты имѣешь полное право! Я зналъ, что я не люблю тебя, и погубилъ тебя. Да, „я оставилъ мгновеніе за собой“; я имѣлъ надежду... давно уже... послѣднюю... Я не могъ устоять противъ свѣта, озарившаго мое сердце, когда ты вчера вошла ко мнѣ, сама, одна, первая. Я вдругъ повѣрилъ... Я, можетъ-быть, вѣрую еще и теперь.

— За такую благородную откровенность отплатчу вамъ тѣмъ же: не хочу я быть вашею сердобольною сестрой. Пусть я, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ въ сидѣлки пойду, если не сумѣю умереть кстати сегодня же; но хоть пойду, да не къ вамъ, хотя и вы, конечно, всякаго безногаго и безрукаго стоите. Мнѣ всегда казалось, что вы заведете меня въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ живетъ огромный злой паукъ въ человѣческій ростъ, и мы тамъ всю жизнь будемъ на него глядѣть и его бояться. Въ томъ и пройдетъ наша взаимная любовь. Обратитесь къ Дашенькѣ; та съ вами поѣдетъ куда хотите.

— А вы ее и тутъ це могли не вспомнить?

— Бѣдная собачка! Кланяйтесь ей. Знаетъ она, что вы еще въ Швейцаріи ее себѣ подъ старость опредѣлили? Какая заботливость! Какая предусмотрительность! Ай, кто это?

Въ глубинѣ залы чуть-чуть отворилась дверь; чья-то голова просунулась и торопливо спряталась.

— Это ты, Алексѣй Егорычъ? спросилъ Ставрогинъ.

— Нѣтъ, это всего только я, высунулся опять до половины Петръ Степановичъ. — Здравствуйте, Лизавета Николаевна; во всякомъ случаѣ, съ добрымъ утромъ. Такъ

и зная, что найду васъ обоихъ въ этой залѣ. И совершенно на одно мгновение, Николай Всеволодовичъ, — во что бы то ни стало спѣшилъ на пару словъ... необходимѣйшихъ... всего только парочку!

Ставрогинъ пошелъ, но съ трехъ шаговъ воротился къ Лизѣ.

— Если сейчасъ что-нибудь услышишь, Лиза, то знай: я виновень!

Она вздрогнула и пугливо посмотрѣла на него; но онъ поспѣшно вышелъ.

II.

Комната, изъ которой выплянулъ Петръ Степановичъ, была большая овальная прихожая. Тутъ до него сидѣлъ Алексѣй Егорычъ, но онъ его выслалъ. Николай Всеволодовичъ притворилъ за собою дверь въ залу и остановился въ ожиданіи. Петръ Степановичъ быстро и пытливо оглядѣлъ его.

— Ну?

— То-есть если вы уже знаете, заторопился Петръ Степановичъ, казалось, желая вскочить глазами въ душу, — то, разумѣется, никто изъ насъ ни въ чемъ не виновать, и прежде всѣхъ вы, потому что это такое стеченіе... совпаденіе случаевъ... однимъ словомъ, юридически до васъ не можетъ коснуться, и я метѣлъ предупредить.

— Сгорѣли? Зарѣзаны?

— Зарѣзаны, но не сгорѣли, это-то и скверно, но я вамъ даю честное слово, что я и тутъ невиновень, какъ бы вы ни подозрѣвали меня, — потому что, можетъ-быть, подозрѣваете, а? Хотите всю правду: видите, у меня дѣйствительно мелькала мысль, — сами же вы ее мнѣ подсказали, не серьезно, а дразня меня (потому что не стали же бы вы серьезно подсказывать), — но я не рѣшался, и не рѣшился бы ни за что, ни за сто рублей, — да тутъ и выгодъ-то никакихъ, то-есть для меня, для меня... (Онъ ужасно спѣшилъ и говорилъ какъ трещотка). Но вотъ какое совпаденіе обстоятельствъ: я изъ своихъ (слышите, изъ своихъ, вашихъ не было ни рубля, и, главное, вы это сами знаете) далъ этому пьяному дурачинѣ Лебядкину двѣсти тридцать рублей, третьяго дня, еще съ вечера, — слышите, третьяго дня, а не вчера послѣ чтенія, замѣтьте это: это весьма важное совпаденіе, потому что я вѣдь ничего не зная тогда навѣрно, поѣдетъ или нѣтъ къ вамъ

Лизавета Николаевна; даль же собственныя деньги единственно потому, что вы третьяго дня отличились, вздумали всёмъ объявить вашу тайну. Ну, тамъ я не вхожу... ваше дѣло... рыцарь... но, признаюсь, удивился, какъ дубиной по лбу. Но такъ какъ мнѣ эти трагедіи наскучили вельми,—и, замѣтите, я говорю серьезно, хоть и употребляю славянскія выраженія,—такъ какъ все это вредить, наконецъ, моимъ планамъ, то я и даль себѣ слово спровадить Лебядкиныхъ во что бы ни стало и безъ вашего вѣдома въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ туда порывался. Одна ошибка: даль деньги отъ вашего имени; ошибка или нѣтъ? Можетъ, и не ошибка, а? Слушайте же теперь, слушайте, какъ это все обернулось...

Въ горячкѣ рѣчи онъ приблизился къ Ставрогину вплоть и сталъ было хватать его за лацканъ сюртука (ей-Богу, можетъ-быть, нарочно). Ставрогинъ сильнымъ движеніемъ ударилъ его по рукѣ.

— Ну, чего же вы... полноге... такъ руку сломаете... Тутъ главное въ томъ, какъ это обернулось, затрещалъ онъ вновь, нимаго даже не удивившись удару. — Я съ вечера выдаю деньги, съ тѣмъ, чтобы онъ и сестрица завтра чѣмъ свѣтъ отправлялись; поручаю это дѣльце подлецу Липутину, чтобы самъ посадилъ и отправилъ. Но мерзавцу Липутину понадобилось сошкольничать съ публикой—можетъ-быть, слышали? На чтеніи? Слушайте же, слушайте: оба пьютъ, сочиняютъ стихи, изъ которыхъ половина Липутинскихъ; тотъ его одѣваетъ во фракъ, меня между тѣмъ увѣряетъ, что уже отправилъ съ утра, а его бережетъ гдѣ-то въ задней каморкѣ, чтобы выпихнуть на эстраду. Но тотъ быстро и неожиданно напивается. Затѣмъ извѣстный скандалъ, затѣмъ его доставляютъ домой полумертваго, а Липутинъ у него вынимаетъ тихонько двѣсти рублей, оставляя мелочь. Но, къ несчастію, оказывается, что тотъ уже утромъ эти двѣсти рублей тоже изъ кармана вынималъ, хвастался и показывалъ гдѣ не слѣдуетъ. А такъ какъ Оедька того и ждалъ, а у Кириллова кое-что слышалъ (помните, вашъ намекъ), то и рѣшился воспользоваться. Вотъ и вся правда. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что Оедька денегъ не нашель, а вѣдь на тысячу подлець расчитывалъ! Торошилъ и пожара, кажется, самъ испугался... Вѣрите, мнѣ этотъ пожаръ какъ полѣномъ по головѣ. Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое! Это такое самовластіе... Вотъ видите, я предъ вами, столького

отъ васъ ожидая, ничего не потею: ну, да, у меня уже давно эта идея объ огнѣ созрѣвала, такъ какъ она столь народна и популярна; но вѣдь я берегъ ее на критическій часъ, на то драгоцѣнное мгновеніе, когда мы всѣ встанемъ и... А они вдругъ вздумали своевластно и безъ приказа теперь, въ такое мгновеніе, когда именно надо бы притаиться, да въ кулакъ дышать! Нѣтъ, это такое самовластіе!.. Однимъ словомъ, я еще ничего не знаю, тутъ говорятъ про двухъ Шпигулинскихъ... но если тутъ есть и *наши*, если хоть одинъ изъ нихъ тутъ погрѣлъ свои руки — горе тому! Вотъ видите, что значить хоть капельку распустить! Нѣтъ, эта демократическая сволочь со своими пятерками — плохая опора; тутъ нужна одна великолѣпная, кумирная, деспотическая воля, опирающаяся на нѣчто не случайное и вѣкъ стоящее... Тогда и пятерки подожмутъ хвосты повиновенія и съ подобострастіемъ пригодятся при случаѣ. Но во всякомъ случаѣ хоть тамъ теперь и кричатъ во всѣ трубы, что Ставровину надо было жену сжечь, для того и городъ сгорѣлъ, но...

— А ужъ кричатъ во всѣ трубы?

— То-есть еще вовсе нѣтъ и, признаюсь, я ровно ничего не слыхалъ, но вѣдь съ народомъ что подѣлаешь, особенно съ погорѣлыми: *Vox populi, vox Dei*. Долго-ли глупѣйшій слухъ по вѣтру пустить?.. Но вѣдь, въ сущности, вамъ ровно нечего опасаться. Юридически вы совершенно правы, по совѣсти — тоже, вѣдь вы не хотѣли же? Не хотѣли? Уликъ никакихъ, одно совпаденіе... Развѣ вотъ Федька припомнить ваши тогдашнія неосторожныя слова у Кириллова (и зачѣмъ вы ихъ тогда сказали?), но вѣдь это вовсе ничего не доказываетъ, а Федьку мы сократимъ. Я сегодня же его сокращаю...

— А труны совсѣмъ не сгорѣли?

— Нимало; эта каналья ничего не сумѣла устроить какъ слѣдуетъ. Но я радъ, по крайней мѣрѣ, что вы такъ спокойны... потому что хоть вы и ничѣмъ тутъ не виноваты, ни даже мыслью, но вѣдь все-таки. И притомъ, согласитесь, что все это отлично обертываетъ ваши дѣла: вы вдругъ свободный вдовецъ и можете сію минуту жениться на прекрасной дѣвицѣ съ огромными деньгами, которая вдобавокъ уже въ вашихъ рукахъ. Вотъ что можетъ сдѣлать простое, грубое совпаденіе обстоятельствъ, а?

— Вы угрожаете мнѣ, глупая голова?

— Ну, полноте, полноте, ужъ сейчасъ и глупая голова,

и что за тонь? Чѣмъ бы радоваться, а вы... Я нарочно летѣль, чтобы скорѣй предупредить... Да и чѣмъ мнѣ вамъ угрожать? Очень мнѣ васъ надо изъ-за угрозы-то! Мнѣ надо вашу добрую волю, а не изъ страху. Вы свѣтъ и солнце... Это я васъ изо всей силы боюсь, а не вы меня! Я вѣдь не Маврикій Николаевичъ... И представьте, я лечу сюда на бѣговыхъ дрожкахъ, а Маврикій Николаевичъ здѣсь у садовой вѣшей рѣшетки, на заднемъ углу сада... въ шинели, весь промокъ, должно-быть, всю ночь сидѣль! Чудеса! До чего могутъ люди съ ума сходить!

— Маврикій Николаевичъ! Правда?

— Правда, правда. Сидитъ у садовой рѣшетки. Отсюда, — отсюда въ шагахъ трехстахъ, я думаю. Я поскорѣе мимо него, но онъ меня видѣль. Вы не знали? Въ такомъ случаѣ очень радъ, что не забыль передать. Вотъ этакой-то всего опаснѣе на случай, если съ нимъ револьверъ, и, наконецъ, ночь, слякоть, естественная раздражительность, потому что вѣдь каковы же его обстоятельства-то, ха-ха! Какъ вы думаете, зачѣмъ онъ сидитъ?

— Лизавету Николаевну, разумѣется, ждетъ.

— Во-отъ! Да съ чего она къ нему выйдетъ? И... въ такой дождь... вотъ дуракъ-то!..

— Она сейчасъ къ нему выйдетъ.

— Эге! Вотъ извѣстіе! Стало-быть... Но послушайте, вѣдь теперь совершенно измѣнились ея дѣла: къ чему теперь ей Маврикій? Вѣдь вы свободный вдовецъ и можете завтра же на ней жениться? Она еще не знаетъ, — предоставьте мнѣ, и я вамъ тотчасъ же все обдѣлаю. Гдѣ она, надо и ее обрадовать.

— Обрадовать?

— Еще-бы, идемъ.

— А вы думаете, она про эти трупы не догадается? какъ-то особенно прищурился Ставрогинъ.

— Конечно, не догадается, рѣшительнымъ дурачкомъ подхватилъ Петръ Степановичъ, — потому что вѣдь юридически... Эхъ, вы! Да хоть бы и догадалась! У женщинъ все это такъ отлично ступшевывается, вы еще не знаете женщинъ! Кромѣ того, что ей теперь вся выгода за васъ выйти, потому что вѣдь все-таки она себя оскандалила, кромѣ того, я ей про „ладью“ наговорилъ: и именно увидѣль, что „ладьей“—то на нее и подѣйствуешь, стало-быть, вотъ какого она калибра дѣвица. Не безпокойтесь, она такъ черезъ эти трупики перешагнетъ, что лю-ли, — тѣмъ

болѣе, что вы совершенно, совершенно невинны, не правды ли? Она только прибережетъ эти трупики, чтобы васъ потомъ уколоть такъ на второй годикъ супружества. Всякая женщина, идя къ вѣнцу, въ этомъ родѣ чѣмъ-нибудь запасается изъ мужа стараго, но вѣдь тогда... что черезъ годъ-то будетъ? Ха-ха-ха!

— Если вы на бѣговыхъ дрожкахъ, то доведите ее сейчасъ до Маврикія Николаевича. Она сейчасъ сказала, что терпѣть меня не можетъ и отъ меня уйдетъ, и, конечно, не возьметъ отъ меня экипажа.

— Во-отъ! Да неужто вправду уѣзжаетъ? Отчего бы это могло произойти? глуповато посмотрѣлъ Петръ Степановичъ.

— Догадалась какъ-нибудь, въ эту ночь, что я вовсе ее не люблю... о чемъ, конечно, всегда знала.

— Да развѣ вы ее не любите? подхватилъ Петръ Степановичъ съ видомъ безпредѣльнаго удивленія.—А коли такъ, зачѣмъ же вы ее вчера, какъ вошла, у себя оставили и какъ благородный человѣкъ не увѣдомили прямо, что не любите? Это ужасно подло съ вашей стороны; да и въ какомъ же подломъ видѣ вы меня предъ нею поставили?

Ставрогинъ вдругъ разсмѣялся.

— Я на обезьяну мою смѣюсь, пояснилъ онъ тотчасъ же.

— А! догадались, что я распаясничался, ужасно весело разсмѣялся и Петръ Степановичъ;—я чтобы васъ разсмѣшить! Представьте, я вѣдь тотчасъ же, какъ вы вышли ко мнѣ, по лицу догадался, что у васъ „несчастье“. Даже, можетъ-быть, полная неудача, а? Ну, бьюсь же объ закладъ, вскричалъ онъ, почти захлебываясь отъ восторга,—что вы всю ночь просидѣли въ залѣ рядышкомъ на стульяхъ и о какомъ-нибудь высочайшемъ благородствѣ спорили все драгоценное время... Ну, простите, простите; мнѣ что: я вѣдь еще вчера зналъ навѣрно, что у васъ глупостью кончится. Я вамъ привезъ ее единственно, чтобы васъ позабавить, и чтобы доказать, что со мною вамъ скучно не будетъ; триста разъ пригожусь въ этомъ родѣ; я вообще люблю быть пріятелью людямъ. Если же теперь она вамъ не нужна, на что я и рассчитывалъ, съ тѣмъ и ѣхалъ, то...

— Такъ это вы для одной моей забавы ее привезли?

— А то зачѣмъ же?

— А не за тѣмъ, чтобы заставить меня жену убить?

— Во-отъ, да развѣ вы убили? Чтò за трагическiй чело-
вѣкъ!

— Все равно, вы убили.

— Да развѣ я убилъ? Говорю же вамъ, я тутъ ни при
каплѣ. Однако, вы начинаете меня беспокоить...

— Продолжайте, вы сказали: „Если теперь она вамъ
не нужна, то...“

— То предоставьте мнѣ, разумѣется! Я отлично ее вы-
дамъ за Маврикія Николаевича, котораго, между прочимъ,
вовсе не я у сада посадилъ, не возьмите еще этого въ
голову. Я вѣдь его боюсь теперь. Вотъ вы говорите: на
бѣговыхъ дрожкахъ, а я такъ-таки мимо пролепетнулъ...
право, если съ нимъ револьверъ?.. Хорошо, что я свой
захватилъ. Вотъ онъ (онъ вынулъ изъ кармана револь-
веръ, показалъ и тотчасъ же опять спряталъ)—захватилъ
за дальностью пути... Впрочемъ, я вамъ это мигомъ слажу:
у ней именно теперь сердчишко по Маврикію ноетъ...
должно, по крайней мѣрѣ, ныть... и знаете—ей Богу мнѣ
ее даже нѣсколько жалко! Сведу съ Маврикіемъ, и она
тотчасъ про васъ начнетъ вспоминать,—ему васъ хвалить,
а его въ глаза бранить,—сердце женщины! Ну, вотъ вы
опять смѣетесь? Я ужасно радъ, что вы такъ развесели-
лись. Ну, чтò-жъ, идемъ. Я прямо съ Маврикія и начну,
а про тѣхъ... про убитыхъ... знаете, не промолчать-ли
теперь? Все равно потомъ узнаетъ.

— Объ чемъ узнаетъ? Кто убить? Чтò вы сказали про
Маврикія Николаевича? отворила вдругъ дверь Лиза.

— А! Вы подслушивали?

— Чтò вы сейчасъ сказали про Маврикія Николаевича?
Онъ убить?

— А! стало-быть, вы не разслышали! Успокойтесь, Мав-
рикій Николаевичъ живъ и здоровъ, въ чемъ можете
мигомъ удостовѣриться, потому что онъ здѣсь у дороги, у
садовой рѣшетки... и, кажется, всю ночь просидѣлъ; про-
мокъ, въ шинели... Я ѣхалъ, онъ меня видѣлъ.

— Это неправда. Вы сказали „убить“... Кто убить?
настаивала она съ мучительною недовѣрчивостью.

— Убита только моя жена, ея братъ Лебядкинъ и ихъ
служанка, твердо заявилъ Ставрогинъ.

Лиза вздрогнула и ужасно поблѣднѣла.

— Звѣрскiй, странный случай, Лизавета Николаевна,
глупѣйшій случай грабежа, тотчасъ затрещалъ Петръ Сте-
пановичъ, — одного грабежа, пользуясь пожаромъ; дѣло

разбойника Оедьки-каторжнаго и дурака Лебядина, который всѣмъ показываль свои деньги... Я съ тѣмъ и лѣтѣлъ... какъ камнемъ по лбу. Ставрогинъ едва устоялъ, когда я сообщилъ. Мы здѣсь совѣтовались: сообщить вамъ сейчасъ или нѣтъ?

— Николай Всеволодовичъ, правду онъ говорить? едва вымолвила Лиза.

— Нѣтъ, неправду.

— Какъ неправду? вздрогнулъ Петръ Степановичъ, — это еще что?

— Господи, я съ ума сойду! вскричала Лиза.

— Да поймите же, по крайней мѣрѣ, что онъ сумасшедшій теперь человекъ! кричалъ изо всей силы Петръ Степановичъ, — вѣдь все-таки жена его убита! Видите, какъ онъ блѣденъ... Вѣдь онъ съ вами же всю ночь пробылъ, ни на минуту не отходилъ, какъ же его подозрѣвать?

— Николай Всеволодовичъ, скажите какъ предъ Богомъ, виноваты вы или нѣтъ, а я, клянусь, вашему слову повѣрю, какъ Божьему, и на край свѣта за вами пойду, о, пойду! Пойду, какъ собачка...

— Изъ-за чего же вы терзаете ее, фантастическая вы голова! остервенился Петръ Степановичъ. — Лизавета Николаевна, ей-ей, истолките меня въ ступѣ, онъ невиненъ, напротивъ, самъ убить и бредить, вы видите. Ни въ чемъ, ни въ чемъ, даже мыслью не повиненъ!.. Все только дѣло разбойниковъ, которыхъ навѣрно черезъ недѣлю разыщутъ и накажутъ плетью... Тутъ Оедька-каторжный и Шпигулинскіе, объ этомъ весь городъ трещить, потому и я.

— Такъ-ли? Такъ-ли? вся трепеща, ждала послѣдняго себѣ приговора Лиза.

— Я не убиваль и былъ противъ, но я зналъ, что они будутъ убиты, и не остановилъ убійцъ. Ступайте отъ меня, Лиза, вымолвилъ Ставрогинъ, и пошелъ въ залу.

Лиза закрыла лицо руками и пошла изъ дому. Петръ Степановичъ бросился было за нею, но тотчасъ воротился въ залу.

— Такъ вы такъ-то? Такъ вы такъ-то? Такъ вы ничего не боитесь? накинулся онъ на Ставрогина въ совершенномъ бѣшенствѣ, бормоча несвязно, почти словъ не находя, съ пѣной у рта.

Ставрогинъ стоялъ среди залы и не отвѣчалъ ни слова.

Онъ захватилъ лѣвою рукой слегка клокъ своихъ волосъ и потерянно улыбался. Петръ Степановичъ сильно дернулъ его за рукавъ.

— Пропали вы, что-ли? Такъ вы вотъ за что принялись? На всѣхъ донесете, а сами въ монастырь уйдете или къ чорту... Но вѣдь я васъ все равно укукошу, хоть бы вы и не боялись меня!

— А, это вы трещите? разглядѣлъ его, наконецъ, Ставрогинъ. — Бѣгите, очнулся онъ вдругъ,—бѣгите за нею, велите карету, не покидайте ее... Бѣгите, бѣгите же! Проводите до дому, чтобы никто не зналъ, и чтобы она туда не ходила... на тѣла... на тѣла... Въ карету силой посадите... Алексѣй Егорычъ! Алексѣй Егорычъ!

— Стойте, не кричите! Она ужъ теперь въ объятіяхъ у Маврикія... Не сядетъ Маврикій въ вашу карету... Стойте же! Тутъ дороже кареты!

Онъ выхватилъ опять револьверъ; Ставрогинъ серьезно посмотрѣлъ на него.

— А что-жь, убейте, проговорилъ онъ тихо, почти примирительно.

— Фу, чортъ, какую ложь натащить на себя чело-вѣкъ! такъ и затрясся Петръ Степановичъ.—Ей-Богу бы убить! Подлинно она плюнуть на васъ должна была!.. Какая вы „ладья“, старая вы, дырявая дровяная барка на сломъ!.. Ну, хоть изъ злобы, хоть изъ злобы теперь вамъ очнуться! Э-эхъ! Вѣдь ужъ все бы вамъ равно, коли сами себѣ пулю въ лобъ просите?

Ставрогинъ странно усмѣхнулся.

— Если бы вы не такой шутъ, я бы, можетъ, и сказа-лъ теперь: да... Если бы только хоть каплю умиѣе...

— Я-то шутъ, но не хочу, чтобы вы, главная поло-вина мол, были шутомъ! Понимаете вы меня?

Ставрогинъ понималъ, одинъ только онъ, можетъ-быть. Былъ же изумленъ Шатовъ, когда Ставрогинъ сказалъ ему, что въ Петрѣ Степановичѣ есть энтузіазмъ.

— Ступайте отъ меня теперь къ чорту, а къ завтраму я что-нибудь выдавлю изъ себя. Приходите завтра.

— Да? Да?

— Почему я знаю!.. Къ чорту, къ чорту!

И ушелъ вонъ изъ залы.

— А, пожалуй, еще къ лучшему, пробормоталъ про себя Петръ Степановичъ, пряча револьверъ.

III.

Онъ бросился догонять Лизавету Николаевну. Та еще недалекло отошла, всего нѣсколько шаговъ отъ дома. Ее задержалъ было Алексѣй Егоровичъ, слѣдовавшій за нею и теперь, на шагъ позади, во фракѣ, почтительно преклонившись и безъ шляпы. Онъ неотступно умолялъ ее дожидаться экипажа; старикъ былъ испуганъ и почти плакалъ.

— Ступай, баринъ чаю просить, некому подать, оттолкнись ты Петръ Степановичъ, и прямо вьзялъ подъ-руку Лизавету Николаевну.

Та не вырвала руки, но, кажется, была не при всемъ разсудкѣ, еще не опомнилась.

— Во-первыхъ, вы не туда, залепеталъ Петръ Степановичъ,—намъ надо сюда, а не мимо сада; а во-вторыхъ, во всякомъ случаѣ пѣшкомъ невозможно, до васъ три версты, а у васъ и одежды нѣтъ. Если бы вы капельку подождали. Я вѣдь на бѣговыхъ, лошадь тутъ на дворѣ, мигомъ подамъ, посажу и доставлю, такъ что никто не увидить.

— Какой вы добрый... ласково проговорила Лиза.

— Помилуйте, въ подобномъ случаѣ всякій гуманнѣйшій человѣкъ на моемъ мѣстѣ также...

Лиза поглядѣла на него и удивилась.

— Ахъ, Боже мой, а я думала, что тутъ все еще тотъ старикъ.

— Послушайте, я ужасно радъ, что вы это такъ принимаете, потому что все это предразсудокъ ужаснѣйшій, и если ужъ на то пошло, то не лучше-ли я этому старику сейчасъ велю обработать карету, всего десять минутъ, а мы воротимся и подъ крыльцомъ подождемъ, а?

— Я прежде хочу... гдѣ эти убитые?

— А, ну вотъ еще фантазія! Я такъ и боялся... Нѣтъ, мы ужъ эту дрянъ лучше оставимъ въ сторонѣ; да и нечего вамъ смотрѣть.

— Я знаю гдѣ они, я этотъ домъ знаю.

— Ну, что-жъ, что знаете! Помилуйте, дождь, туманъ (вотъ, однакожъ, обязанность священную натащить!..) Слушайте, Лизавета Николаевна, одно изъ двухъ: или вы со мной на дрожкахъ, тогда подождите и ни шагу впередъ, потому что если еще шаговъ двадцать, то насъ непременно замѣтитъ Маврикій Николаевичъ.

— Маврикій Николаевичъ! Гдѣ? Гдѣ?

— Ну, а если вы съ нимъ хотите, то я, пожалуй, васъ еще немного проведу и укажу его, гдѣ сидитъ, а самъ ужъ слуга по-урный; я къ нему не хочу теперь подходить.

— Онъ ждетъ меня, Боже! вдругъ остановилась она, и краска разлилась по ея лицу.

— Но, помилуйте, если онъ человѣкъ безъ предразсудковъ! Знаете, Лизавета Николаевна, это все не мое дѣло; я совершенно тутъ въ сторонѣ, и вы это сами знаете; но я вѣдь вамъ все-таки желаю добра... Если не удалась наша „ладья“, если оказалось, что это всего только старый, гнилой баркасъ, годный на сломъ...

— Ахъ, чудесно! вскричала Лиза.

— Чудесно, а у самой слезы текутъ. Тутъ нужно мужество. Надо ни въ чемъ не уступать мужчинамъ. Въ нашъ вѣкъ, когда женщина... фу, чортъ! (едва не отплевался Петръ Степановичъ). А главное, и жалѣть не о чемъ: можетъ, оно и отлично обернется. Маврикій Николаевичъ человѣкъ... однимъ словомъ, человѣкъ чувствительный, хотя и не разговорчивый, что, впрочемъ, тоже хорошо, конечно, при условіи, если онъ безъ предразсудковъ...

— Чудесно, чудесно, истерически размѣялась Лиза.

— А, ну, чортъ... Лизавета Николаевна, опикировался вдругъ Петръ Степановичъ,—я вѣдь собственно тутъ для васъ же... мнѣ вѣдь что... Я вамъ услужилъ вчера, когда вы сами того захотѣли, а сегодня... Ну, вотъ отсюда видно Маврикія Николаевича, вонъ онъ сидитъ, насъ не видитъ. Знаете, Лизавета Николаевна, читали вы *Полиньку Саксъ*?

— Что такое?

— Есть такая повѣсть, *Полинька Саксъ*. Я еще студентомъ читалъ... Такъ какой-то чиновникъ, Саксъ, съ большимъ состояніемъ, арестовалъ на дачѣ жену за невѣрность... А, ну, чортъ, наплевать! Вотъ увидите, что Маврикій Николаевичъ еще до дому сдѣлаетъ вамъ предложеніе. Онъ насъ еще не видитъ.

— Ахъ, пусть не видитъ! вскричала вдругъ Лиза какъ безумная.—Уйдемте, уйдемте! Въ лѣсъ, въ поле!

И она побѣжала назадъ.

— Лизавета Николаевна, это ужъ такое малодушіе! бѣжалъ за нею Петръ Степановичъ.—И къ чему вы не

хотите, чтобъ онъ васъ видѣлъ? Напротивъ, посмотрите ему прямо и гордо въ глаза... Если вы что-нибудь насчетъ *того*... дѣвичьяго... то вѣдь это такой предразсудокъ, такая отсталость... Да куда же вы, куда же вы? Эхъ, бѣжить! Воротимтесь ужъ лучше къ Ставрогину, возьмемъ мои дрожки... Да куда же вы? Тамъ поле, ну, упала!..

Онъ остановился. Лиза летѣла какъ птица, не зная куда, и Петръ Степановичъ уже шаговъ на пятьдесятъ отсталъ отъ нея. Она упала, споткнувшись о кочку. Въ ту же минуту сзади, въ сторонѣ, раздался ужасный крикъ, крикъ Маврикія Николаевича, который видѣлъ ея бѣгство и паденіе, и бѣжалъ къ ней чрезъ поле. Петръ Степановичъ въ одинъ мигъ отретировался въ ворота Ставрогинскаго дома, чтобы поскорѣе сѣсть на свои дрожки.

А Маврикій Николаевичъ, въ страшномъ испугѣ, уже стоялъ подлѣ поднявшейся Лизы, склоняся надъ нею и держа ея руку въ своихъ рукахъ. Вся невѣроятная обстановка этой встрѣчи потрясла его разумъ, и слезы текли по его лицу. Онъ видѣлъ ту, предъ которою столь благоговѣлъ, безумно бѣгущею чрезъ поле, въ такой часъ, въ такую погоду, въ одномъ платьѣ, въ этомъ пышномъ вчерашнемъ платьѣ, теперь измятомъ, загрязненномъ отъ паденія... Онъ не могъ сказать слова, снялъ свою шинель и дрожащими руками сталъ укрывать ея плечи. Вдругъ онъ вскрикнулъ, почувствовавъ, что она прикоснулась губами къ его рукѣ.

— Лиза, вскричалъ онъ, — я ничего не умѣю, но не отгоняйте меня отъ себя!

— О, да, пойдѣте скорѣй отсюда, не оставляйте меня! И, сама схвативъ его за руку, она повлекла его за собой. — Маврикій Николаевичъ, испуганно понизила она вдругъ голосъ, — я тамъ все храбрилась, а здѣсь смерти боюсь. Я умру, очень скоро умру, но я боюсь, боюсь умирать... шептала она, крѣпко сжимая его руку.

— О, хоть бы кто-нибудь! въ отчаяніи оглядывался онъ кругомъ. — Хоть бы какой проѣзжій! Вы промочите ноги, вы... потеряете рассудокъ!

— Ничего, ничего, ободряла она его, — вотъ такъ, при васъ я меньше боюсь, держите меня за руку, ведите меня... Куда мы теперь, домой? Нѣтъ, я хочу сначала видѣть убитыхъ. Они, говорятъ, зарѣзали его жену, а онъ говорить, что онъ самъ зарѣзалъ; вѣдь это не правда, не

правда? Я хочу видѣть сама зарѣзанныхъ... за меня... изъ-за нихъ онъ въ эту ночь разлюбилъ меня... Я увижу и все узнаю. Скорѣй, скорѣй, я знаю этотъ домъ... тамъ пожаръ... Маврикій Николаевичъ, другъ мой, не прощайте меня, безчестную! Зачѣмъ меня прощать? Чего вы плачете? Дайте мнѣ понечкину и убейте здѣсь въ полѣ, какъ собаку!

— Никто вамъ теперь не судья, твердо произнесъ Маврикій Николаевичъ, — прости вамъ Богъ, а я вашъ судья меньше всѣхъ!

Но странно было бы описывать ихъ разговоръ. А между тѣмъ оба шли рука въ руку, скоро, спѣша, словно полоумные. Они направлялись прямо на пожаръ. Маврикій Николаевичъ все еще не терялъ надежды встрѣтить хоть какую-нибудь телѣгу, но никто не попадался. Мелкій, тонкій дождь проникалъ всю окрестность, поглощая всякій отблескъ и всякій отѣнокъ и обращая все въ одну дымную, свинцовую, безразличную массу. Давно уже былъ день, а казалось все еще не разсвѣло. И вдругъ изъ этой дымной, холодной мглы вырѣзалась фигура, странная и вѣдѣлая, шедшая имъ навстрѣчу. Воображая теперь, думаю, что я бы не повѣрилъ глазамъ, если-бъ даже былъ на мѣстѣ Лизаветы Николаевны; а между тѣмъ она радостно вскрикнула и тотчасъ узнала подходившаго человека. Это былъ Степанъ Трофимовичъ. Какъ онъ ушелъ, какимъ образомъ могла осуществиться безумная, головная идея его бѣгства — о томъ впереди. Упомяну лишь, что въ это утро онъ былъ уже въ лихорадкѣ, но и болѣзнь не остановила его: онъ твердо шагаль по мокрой землѣ; видно было, что онъ обдумаль предпріятіе какъ только могъ это сдѣлать лучше одинъ, при всей своей кабинетной неопытности. Одѣтъ былъ „по-дорожному“, то-есть шинель въ рукава, а подпоясая широкимъ божанымъ лакированнымъ поясомъ съ пряжкой, при этомъ высокіе, новые сапоги и панталоны въ голенищахъ. Вѣроятно, онъ такъ давно уже воображалъ себѣ дорожнаго человека, а поясъ и высокіе сапоги съ блестящими гусарскими голенищами, въ которыхъ онъ не умѣлъ ходить, припасъ еще нѣсколько дней назадъ. Шляпа съ широкими полями, гарусный шарфъ, плотно обматывавшій шею, палка въ правой рукѣ, а въ лѣвой чрезвычайно маленькій, но чрезмѣрно туго набитый саквояжъ довершали костюмъ. Вдобавокъ, въ той же правой рукѣ распущенный зонтикъ. Эти три пред-

мета — зонтикъ, палку и саквояжъ — было очень неловко нести всю первую версту, а со второй и тяжело.

— Неужто это въ самомъ дѣлѣ вы? вскричала Лиза, оглядывая его въ скорбномъ удивленіи, смѣявшимся первымъ порывъ ея безсознательной радости.

— Lise! вскричалъ и Степанъ Трофимовичъ, бросаясь къ ней тоже почти въ бреду. — Chère, chère, неужто и вы... въ такомъ туманѣ? Видите, зарево! Vous êtes malheureuse, n'est-ce pas? Вижу, вижу, не рассказывайте, но не спрашивайте и меня. Nous sommes tous malheureux, mais il faut les pardonner tous. Pardonnons, Lise, и будемъ свободны навѣки. Чтобы раздѣлаться съ міромъ и стать свободнымъ вполне — il faut pardonner, pardonner et pardonner!

— Но зачѣмъ вы становитесь на колѣни?

— Затѣмъ, что, прощаясь съ міромъ, хочу, въ вашемъ образѣ, проститься и со всѣмъ моимъ прошлымъ! — Онъ заплакалъ и поднесъ обѣ ея руки къ своимъ заплаканнымъ глазамъ. — Становлюсь на колѣни предъ всѣмъ, что было прекрасно въ моей жизни, лобызаю и благодарю! Теперь я разбилъ себя пополамъ: тамъ — безумецъ, мечтавшій взлетѣть на небо, vingt deux ans! Здѣсь — убитый и озябшій старикъ-гувернеръ... chez ce marchand, s'il existe pourtant ce marchand... Но какъ вы измокли, Lise! вскричалъ онъ, вскакивая на ноги, почувствовавъ, что промокли и его колѣни на мокрой землѣ. — И какъ это можно, вы въ такомъ платьѣ?.. и пѣшкомъ, и въ такомъ полѣ... Вы плачете? Vous êtes malheureuse? Ба, я что-то слышалъ... Но откуда же вы теперь, съ боязливымъ видомъ, ускорилъ онъ вопросы, въ глубокомъ недоумѣніи поглядывая на Маврикія Николаевича, — mais savez-vous l'heure qu'il est?

— Степанъ Трофимовичъ, слышали вы что-нибудь тамъ про убитыхъ людей... Это правда? Правда?

— Эти люди! Я видѣлъ зарево ихъ дѣяній всю ночь. Они не могли кончить иначе... (глаза его снова засверкали). Бѣгу изъ бреду горячечнаго сна, бѣгу искать Россію, existe-t-elle la Russie? Bah, c'est vous, cher capitaine! Никогда не сомнѣвался, что встрѣчу васъ гдѣ-нибудь при высокомъ подвигѣ... Но возьмите мой зонтикъ и — почему же непременно пѣшкомъ? Ради Бога, возьмите хоть зонтикъ, а я все равно гдѣ-нибудь найму экипажъ. Вѣдь я потому пѣшкомъ, что Stasie (то-есть Настасья) раскричалась бы на всю улицу, если-бъ узнала, что я

убѣжаю; я и ускользнулъ сколь возможно incognito. Я не знаю, тамъ въ *Голосъ* пишутъ про повсемѣстные разбои, но вѣдь не можетъ же, я думаю, быть, что сейчасъ, какъ вышелъ на дорогу, тутъ и разбойникъ? Chère Lise, вы, кажется, сказали, что кто-то кого-то убилъ? О, mon Dieu, съ вами дурно!

— Идемъ, идемъ! вскричала какъ въ истерикѣ Лиза, опять увлекая за собою Маврикія Николаевича. — Пойдите, Степанъ Трофимовичъ, воротилась она вдругъ къ нему, — пойдите, бѣдняжка, дайте я васъ перекрещу. Можетъ быть, васъ бы лучше связать, но я ужъ лучше васъ перекрещу. Помолитесь и вы за „бѣдную“ Лизу — такъ, немножко, не утруждайте себя очень. Маврикій Николаевичъ, отдайте этому ребенку его зонтикъ, отдайте непременно. Вотъ такъ... Пойдемте же! Пойдемте же!

Прибытіе ихъ къ роковому дому произошло именно въ то самое мгновеніе, когда сбившаяся предъ домомъ густая толпа уже довольно наслушалась о Ставрогинѣ и о томъ, какъ выгодно было ему зарѣзать жену. Но, все-таки, повторяю, огромное большинство продолжало слушать молча и неподвижно. Выходили изъ себя лишь пьяные горланы, да люди „срывающіеся“, въ родѣ какъ тотъ махавшій руками мѣщанинъ. Его всѣ знали какъ человѣка даже тихаго, но онъ вдругъ какъ бы срывался и куда-то летѣлъ, если что-нибудь извѣстнымъ образомъ поражало его. Я не видѣлъ, какъ прибыли Лиза и Маврикій Николаевичъ. Впервой я замѣтилъ Лизу, остолбенѣвъ отъ изумленія, уже далеко отъ меня въ толпѣ, а Маврикія Николаевича даже сначала и не разглядѣлъ. Кажется, былъ такой мигъ, что онъ отъ нея отсталъ шага на два за тѣсотой, или его оттерли. Лиза, прорывавшаяся сквозь толпу, не видя и не замѣчая ничего кругомъ себя, словно горячая, словно убѣжавшая изъ больницы, разумѣется, слишкомъ скоро обратила на себя вниманіе: громко заговорили и вдругъ завопили. Тутъ кто-то крикнулъ: „Это Ставрогинская!“ И съ другой стороны: „Мало, что убьютъ, глядѣть придутъ!“ Вдругъ я увидѣлъ, что надъ ея головой, сзади, поднялась и опустилась чья-то рука; Лиза упала. Раздался ужасный крикъ Маврикія Николаевича, рванувшагося на помощь и ударившаго изо всѣхъ силъ заслонявшаго отъ него Лизу человѣка. Но въ тотъ же самый мигъ обхватилъ его сзади обѣими руками тотъ мѣщанинъ. Нѣсколько времени нельзя было ничего разгля-

дѣтъ въ начавшейся свалкѣ. Кажется, Лиза поднялась, но опять упала отъ другого удара. Вдругъ толпа разступилась и образовался небольшой пустой кругъ около лежавшей Лизы, а окровавленный, обезумѣвшій Маврикій Николаевичъ стоялъ надъ нею крича, плача и ломая руки. Не помню въ точной полности, какъ происходило дальше; помню только, что Лизу вдругъ понесли. Я бѣжалъ за нею; она была еще жива и, можетъ-быть, еще въ памяти. Изъ толпы схватили мѣщанина и еще трехъ человѣкъ. Эти трое до сихъ поръ отрицаютъ всякое свое участіе въ злодѣяніи, упорно увѣряя, что ихъ захватили ошибкой; можетъ, они и правы. Мѣщанинъ, хотя и явно уличенный, но какъ человѣкъ безъ толку, до сихъ поръ еще не можетъ разъяснить обстоятельно происшедшаго. Я тоже, какъ очевидецъ, хотя отдаленный, долженъ былъ дать на слѣдствіи мое показаніе: я заявилъ, что все произошло въ высшей степени случайно, черезъ людей, хотя, можетъ-быть, и настроенныхъ, но мало сознававшихъ, пьяныхъ и уже потерявшихъ нитку. Такого мнѣнія держусь и теперь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣднее рѣшеніе.

I.

Въ это утро Петра Степановича многіе видѣли; видѣвшіе упомянули, что онъ былъ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Въ два часа пополудни онъ забѣгалъ къ Гаганову, всего за день прибывшему изъ деревни и у котораго собрался полонъ домъ посѣтителей, много и горячо говорившихъ о только что происшедшихъ событіяхъ. Петръ Степановичъ говорилъ больше всѣхъ и заставилъ себя слушать. Его всегда считали у насъ за „болтливаго студента съ дырой на головѣ“, но теперь онъ говорилъ объ Юліи Михайловнѣ, а при всеобщей суматохѣ тема была захватывающая. Онъ сообщил о ней, въ качествѣ ея недавняго и интимнѣйшаго конфидента, много весьма новыхъ и неожиданныхъ подробностей; нечаянно (и, конечно, неосторожно) сообщил нѣсколько ея личныхъ отзывовъ о всѣмъ извѣстныхъ въ городѣ лицахъ, чѣмъ тутъ же кольнулъ самолюбія. Выходило у него неясно и сбивчиво, какъ у человѣка не хитраго, но который поставленъ, какъ честный человѣкъ, въ мучительную необ-

ходимость разъяснить разомъ цѣлую гору недоумѣній и который, въ простодушной своей неловкости, самъ не знаетъ съ чего начать и чѣмъ кончить. Довольно тоже неосторожно проскользнуло у него, что Юліи Михайловнѣ была извѣстна вся тайна Ставругина и что она-то и вела всю интригу. Она-де и его, Петра Степановича, подвела, потому что онъ самъ былъ влюбленъ въ эту несчастную Лизу, а между тѣмъ его такъ „подвернули“, что онъ же почти проводилъ ее въ каретѣ къ Ставругину. „Да, да, хорошо вамъ, господа, смѣяться, а если-бъ я только зналъ, если-бъ зналъ, чѣмъ это кончится!“ заключилъ онъ. На разные тревожные вопросы о Ставругинѣ, онъ прямо заявилъ, что катастрофа съ Лебидкинымъ, по его мнѣнію, чистый случай и виновенъ во всемъ самъ Лебядкинъ, показывавшій деньги. Онъ это особенно хорошо разъяснилъ. Одинъ изъ слушателей какъ-то замѣтилъ ему, что онъ напрасно „представляется“; что онъ ѣлъ, пилъ, чуть не спалъ въ домѣ Юліи Михайловны, а теперь первый же ее и чернить, и что это вовсе не такъ красиво, какъ онъ полагаетъ. Но Петръ Степановичъ тотчасъ же защитилъ себя:

— Я ѣлъ и пилъ не потому, что у меня не было денегъ, и не виноватъ, что меня туда приглашали. Позвольте мнѣ самому судить, насколько мнѣ быть за то благодарнымъ.

Вообще, впечатлѣніе осталось въ его пользу: „Пусть онъ малый нелѣпый и, конечно, пустой, но вѣдь чѣмъ же онъ виноватъ въ глупостяхъ Юліи Михайловны? Напротивъ, выходитъ, что онъ же ее останавливалъ“...

Около двухъ часовъ разнеслось вдругъ извѣстіе, что Ставругинъ, о которомъ было столько рѣчей, уѣхалъ внезапно съ полуденнымъ поѣздомъ въ Петербургъ. Это очень заинтересовало; многіе нахмурились. Петръ Степановичъ былъ до того пораженъ, что, рассказываютъ, даже перемѣнился въ лицѣ и странно вскричалъ: „Да кто же могъ его выпустить?“ Онъ тотчасъ убѣжалъ отъ Гаганова. Однакоже, его видѣли еще въ двухъ или трехъ домахъ.

Около сумерекъ онъ нашелъ возможность проникнуть и къ Юліи Михайловнѣ, хотя и съ величайшимъ трудомъ, потому что та рѣшительно не хотѣла принять его. Только три недѣли спустя узналъ я объ этомъ обстоятельствѣ отъ нея же самой, предъ выѣздомъ ея въ Петербургъ. Она не сообщила подробностей, но замѣтила съ содрoga-

ніемъ, что онъ „изумилъ ее тогда внѣ всякой мѣры“. Полагаю, что онъ просто напугалъ ее угрозой сообщничества, въ случаѣ если-бъ ей вздумалось „говорить“. Необходимость же поугаты тѣсно связывалась съ его тогдашними замыслами, ей, разумѣется, неизвѣстными, и только потомъ, дней пять спустя, догадалась она, почему онъ такъ сомнѣвался въ ея молчаніи и такъ опасался новыхъ взрывовъ ея негодованія.

Въ восьмомъ часу вечера, когда уже совсѣмъ стемнѣло, на краю города, въ Оминомъ переулкѣ, въ маленькомъ покривившемся домикѣ, въ квартирѣ прапорщика Эркеля, собрались *наши* въ полномъ комплектѣ, въпятеромъ. Общее собраніе назначено было тутъ самимъ Петромъ Степановичемъ, но онъ непростительно опоздалъ, и члены ждали его уже часъ. Этотъ прапорщикъ Эркель былъ тотъ самый заѣзжій офицерикъ, который на вечерѣ у Виргинскаго просидѣлъ все время съ карандашомъ въ рукахъ и съ записною книжкою предъ собою. Въ городъ онъ прибылъ недавно, нанималъ уединенно въ глухомъ переулкѣ у двухъ сестеръ, старухъ мѣщанокъ, и скоро долженъ былъ уѣхать; собраться у него было всего непримѣтнѣе. Этотъ странный мальчикъ отличался необыкновенною молчаливостью: онъ могъ просидѣть десять вечеровъ сряду въ шумной компаніи и при самыхъ необыкновенныхъ разговорахъ, самъ не говоря ни слова, а, напротивъ, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдя своими дѣтскими глазами за говорившими и слушая. Лицо у него было прехорошенькое и даже какъ бы умное. Къ пятеркѣ онъ не принадлежалъ; наши предполагали, что онъ имѣлъ какія-то особыя порученія, чисто по исполнительной части. Теперь извѣстно, что у него не было никакихъ порученій, да врядъ-ли самъ онъ понималъ свое положеніе. Онъ только преклонился предъ Петромъ Степановичемъ, встрѣтивъ его незадолго. Если-бъ онъ встрѣтился съ какимъ-нибудь преждевременно развращеннымъ монстромъ, и тотъ подъ какимъ-нибудь соціально-романическимъ предлогомъ подбилъ его основать разбойничью шайку и для пробы велѣлъ убить и ограбить перваго встрѣчнаго мужика, то онъ непременно бы пошелъ и послушался. У него была гдѣ-то больная мать, которой онъ отсылалъ половину своего скуднаго жалованья, — и какъ, должно-быть, она цѣловала эту бѣдную бѣлокурую головку, какъ дрожала за нее, какъ молилась о ней! Я

потому такъ много о немъ распространяюсь, что мнѣ его очень жаль.

Наши были возбуждены. Происшествія прошлой ночи ихъ поразили и, кажется, они перетрусили. Простой, хотя и систематическій скандалъ, въ которомъ они такъ усердно до сихъ поръ принимали участіе, развязался для нихъ пеожиданно. Ночной пожаръ, убійство Лебядкиныхъ, буйство толпы надъ Лизой — все это были такіе сюрпризы, которыхъ они не предполагали въ своей программѣ. Они съ жаромъ обвиняли двигавшую ихъ руку въ деспотизмъ и неоткровенности. Однимъ словомъ, пока ждали Петра Степановича, они такъ настроили себя взаимно, что опять рѣшились окончательно спросить у него категорическаго объясненія, а если онъ еще разъ, какъ это уже и было, уклонится, то разорвать даже и пятерку, но съ тѣмъ, чтобы вмѣсто нея основать новое тайное общество „пропаганды идей“, и уже отъ себя, на началахъ равноправныхъ и демократическихъ. Липутинъ, Шигалевъ и знатокъ народа особенно поддерживали эту мысль; Лямпинъ помалчивалъ, хотя и съ согласнымъ видомъ. Виргинскій колебался и желалъ выслушать сначала Петра Степановича. Положили выслушать Петра Степановича; но тотъ все еще не приходилъ; такая небрежность еще больше подлила яду. Эркель совершенно молчалъ и распорядился лишь подать чаю, который принесъ отъ хозяекъ собственноручно въ стаканахъ на подносѣ, не внося самовара и не впуская служанки.

Петръ Степановичъ явился только въ половинѣ девятого. Быстрыми шагами подошелъ онъ къ круглому столу предъ диваномъ, за которымъ размѣстилась компанія, шапку оставилъ въ рукахъ и отъ чаю отказался. Видъ имѣлъ злой, строгій и высокомерный. Должно-быть, тотчасъ же замѣтилъ по лицамъ, что „бунтуютъ“.

— Прежде чѣмъ раскрою ротъ, выкладывайте свое, въ что-то подобрались, замѣтилъ онъ съ злобною усмѣшкой, обводя глазами физиономіи.

Липутинъ началъ „отъ лица всѣхъ“ и вздрагивавшимъ отъ обиды голосомъ заявилъ, „что если такъ продолжать, то можно самому разбить лобъ-съ“. О, они вовсе не боятся разбивать свои лбы и даже готовы, но единственно лишь для общаго дѣла (общее шевеленіе и одобреніе). А потому пусть будутъ и съ ними откровенны, чтобъ имъ всегда знать заранѣе, „а то что-жъ будетъ?“ (опять шеве-

леніе, нѣсколько гортанныхъ звуковъ). Такъ дѣйствовать унизительно и опасно... Мы вовсе не потому что боимся, а если дѣйствуетъ одинъ, а остальные только пѣшки, то одинъ навретъ, и всѣ попадутся. (Восклицанія: да, да! Общая поддержка).

— Чортъ возьми, чего же вамъ надо?

— А какое отношеніе съ общимъ дѣломъ, закипѣлъ Липутинъ, — имѣютъ интрижки господина Ставрогина? Пусть онъ тамъ принадлежитъ какимъ-то таинственнымъ образомъ къ центру, если только въ самомъ дѣлѣ существуетъ этотъ фантастическій центръ, да мы-то этого знать не хотимъ-съ. А между тѣмъ совершилось убійство, возбуждена полиція; по ниткѣ и до клубка дойдутъ.

— Попадетесь вы со Ставрогинымъ, и мы попадемся, прибавилъ знатокъ народа.

— И совсѣмъ бесполезно для общаго дѣла, уныло закончилъ Виргинскій.

— Чтò за вздоръ! Убійство — дѣло случая, сдѣлано Ѳедькой для грабежа.

— Гм! Странное однакоже совпаденіе-съ, скорчился Липутинъ.

— А если хотите, произошло чрезъ васъ же.

— Это какъ черезъ насъ?

— Во-первыхъ, вы, Липутинъ, сами въ этой интригѣ участвовали, а, во-вторыхъ, и главное, вамъ приказано было отправить Лебядкина и выданы деньги, а вы чтò сдѣлали? Если-бъ отправили, такъ ничего бы и не было.

— Да не вы-ли сами дали идею, что хорошо бы было выпустить его читать стихи?

— Идея—не приказаніе. Приказаніе было отправить.

— Приказаніе. Довольно странное слово... Напротивъ, вы именно приказали остановить отправку.

— Вы ошиблись и выказали глупость и своеволие. А убійство — дѣло Ѳедьки, и дѣйствовалъ онъ одинъ, изъ грабежа. Вы слышали, что звонять, и повѣрили. Вы струсили. Ставрогинъ не такъ глупъ, а доказательство — онъ уѣхалъ въ двѣнадцать часовъ дня, послѣ свиданія съ вице-губернаторомъ; если бы что-нибудь было, его бы не выпустили въ Петербургъ среди бѣла дня.

— Да вѣдь мы вовсе не утверждаемъ, что господинъ Ставрогинъ самъ убивалъ, ядовито и не стѣсняясь подхватилъ Липутинъ, — онъ могъ даже и не знать-съ, равно какъ и я; а вамъ самимъ слишкомъ хорошо извѣстно, что

я ничего не зналъ-съ, хотя тутъ же влѣзъ какъ баранъ въ котель.

— Кого же вы обвиняете? мрачно посмотрѣлъ Петръ Степановичъ.

— А тѣхъ самыхъ, кому надобно города сжигать-съ.

— Хуже всего то, что вы вывертываетесь. Впрочемъ, не угодно-ли прочесть и показать другимъ; это только для свѣдѣнія.

Онъ вынулъ изъ кармана анонимное письмо Лебядкина къ Лембе и передалъ Липутину. Тотъ прочелъ, видимо удивился и задумчиво передалъ сосѣду; письмо быстро обошло кругъ.

— Дѣйствительно-ли это рука Лебядкина? замѣтилъ Шигалевъ.

— Его рука, заявили Липутинъ и Толкаченко (то-есть знатокъ народа).

— Я только для свѣдѣнія и зная, что вы такъ расчувствовались о Лебядкинѣ, повторилъ Петръ Степановичъ, принимая назадъ письмо; — такимъ образомъ, господа, какой-нибудь Оедька совершенно случайно избавляетъ насъ отъ опаснаго человѣка. Вотъ что иногда значить случай! Не правда-ли, поучительно!

Члены быстро переглянулись.

— А теперь, господа, пришелъ и мой чередъ спрашивать, пріосанился Петръ Степановичъ. — Позвольте узнать, съ какой стати вы изволили зажечь городъ безъ позволенія?

— Это что! Мы, мы городъ зажгли? Вотъ ужъ съ больной-то головы! раздались восклицанія.

— Я понимаю, что вы ужъ слишкомъ заигрались, упорно продолжалъ Петръ Степановичъ, — но вѣдь это не скандальчики съ Юліей Михайловной. Я собралъ васъ сюда, господа, чтобы разъяснить вамъ ту степень опасности, которую вы такъ глупо на себя натащили и которая слишкомъ многому и кромѣ васъ угрожаетъ.

— Позвольте, мы, напротивъ, вамъ же намѣрены были сейчасъ заявить о той степени деспотизма и неравенства, съ которыми принята была, помимо членовъ, такая серьезная и вмѣстѣ съ тѣмъ странная мѣра, почти съ негодованіемъ заявилъ молчавшій до сихъ поръ Виргинскій.

— И такъ, вы отрицаетесь? А я утверждаю, что зажгли вы, вы одни и никто другой. Господа, не лгите, у меня точныя свѣдѣнія. Своеволіемъ вашимъ вы подвергли

опасности даже общее дѣло. Вы всего лишь одинъ узелъ безконечной сѣти узловъ и обязаны слѣпымъ послушаніемъ центру. Между тѣмъ трое изъ васъ подговаривали къ пожару Шпигулинскихъ, не имѣя на то ни малѣйшихъ инструкцій, и пожаръ состоялся.

— Кто трое? Кто трое изъ насъ?

— Третьяго дня въ четвертомъ часу ночи вы, Толкаченко, подговорили Томку Завьялова въ „Незабудкѣ“.

— Помилуйте, привскочилъ тотъ, — я едва одно слово сказалъ, да и то безъ намѣренія, а такъ, потому что его утромъ съкли, и тотчасъ бросилъ, вижу слишкомъ пьянъ. Если бы вы не напомнили, я бы совсѣмъ и не вспомнилъ. Отъ слова не могло загорѣться.

— Вы похожи на того, который бы удивился, что отъ крошечной искры взлетѣлъ на воздухъ весь пороховой заводъ.

— Я говорилъ шопотомъ и въ углу, ему на ухо, какъ могли вы узнать? сообразилъ вдругъ Толкаченко.

— Я тамъ сидѣлъ подъ столомъ. Не безпокойтесь, господа, я всѣ ваши шаги знаю. Вы ехидно улыбаетесь, господинъ Липутинъ? А я знаю, напримѣръ, что вы четвертаго дня исщипали вашу супругу, въ полночь, въ вашей спальнѣ, ложась спать.

Липутинъ разинулъ ротъ и поблѣднѣлъ.

(Потомъ стало извѣстно, что онъ о подвигѣ Липутина узналъ отъ Агаѣи, Липутинской служанки, которой съ самаго начала платилъ деньги за шпионство, о чемъ только послѣ разъяснилось).

— Могутъ ли и я констатировать фактъ? поднялся вдругъ Шигалевъ.

— Констатируйте.

Шигалевъ сѣлъ и подобрался:

— Сколько я понималъ, да и нельзя и не понять, вы сами, вначалѣ и потомъ еще разъ, весьма краснорѣчиво, — хотя и слишкомъ теоретически, — развивали картину Россіи, покрытой безконечною сѣтью узловъ. Съ своей стороны, каждая изъ дѣйствующихъ кучекъ, дѣлая прозелитовъ и распространяясь боковыми отдѣленіями въ безконечность, имѣетъ въ задачѣ систематическою обличительную пропагандой непрерывно ронять значеніе мѣстной власти, произвести въ селеніяхъ недоумѣніе, зародить цинизмъ и скандалы, полное безвѣріе во чтò бы то ни было, жажду лучшаго и, наконецъ, дѣйствія пожарами, какъ

средствомъ народнымъ по преимуществу, свергнуть страну, въ предписанный моментъ, если надо, даже въ отчаяніе. Ваши-ли это слова, которыя я старался припомнить буквально? Ваша-ли это программа дѣйствій, сообщенная вами въ качествѣ уполномоченнаго изъ центрального, но совершенно неизвѣстнаго намъ до сихъ поръ и почти фантастическаго для насъ комитета?

— Вѣрно, только вы очень тянете.

— Всякій имѣетъ право своего слова. Давая намъ угадывать, что отдѣльныхъ узловъ всеобщей сѣти, уже покрывшей Россію, состоитъ теперь нѣсколько сотенъ, и развивая предположеніе, что если каждый сдѣлаетъ свое дѣло успѣшно, то вся Россія, къ данному сроку, по сигналу...

— Ахъ, чортъ возьми, и безъ васъ много дѣла! повернулся въ креслахъ Петръ Степановичъ.

— Извольте, я сокращу и кончу лишь вопросомъ: мы уже видѣли скандалы, видѣли недовольство населеній, присутствовали и участвовали въ паденіи здѣшной администраціи и, наконецъ, своими глазами увидѣли пожаръ. Чѣмъ же вы недовольны? Не ваша-ли это программа? Въ чемъ можете вы насъ обвинять?

— Въ своеволіи! яростно крикнулъ Петръ Степановичъ.—Пока я здѣсь, вы не смѣли дѣйствовать безъ моего позволенія. Довольно. Готовъ доносъ, и, можетъ быть, завтра же или сегодня въ ночь васъ перехватываютъ. Вотъ вамъ. Извѣстіе вѣрное.

Тутъ уже всѣ разинули рты.

— Перехватываютъ не только какъ подстрекателей въ поджогѣ, но и какъ пятерку. Доносчику извѣстна вся тайна сѣти. Вотъ что вы напрокудили!

— Навѣрно Ставрогинъ! крикнулъ Липутинъ.

— Какъ... почему Ставрогинъ? какъ бы осѣкся вдругъ Петръ Степановичъ.—Э, чортъ, спохватился онъ тотчасъ же,—это Шатовъ! Вамъ, кажется, всѣмъ уже теперь извѣстно, что Шатовъ въ свое время принадлежалъ дѣлу. Я долженъ открыть, что, слѣдя за нимъ черезъ лицъ, которыхъ онъ не подозрѣваетъ, я, къ удивленію, узналъ, что для него не тайна и устройство сѣти, и... однимъ словомъ, все. Чтобы спасти себя отъ обвиненія въ прежнемъ участіи, онъ донесъ на всѣхъ. До сихъ поръ онъ все еще колебался, и я щадилъ его. Теперь вы этимъ пожаромъ его развязали: онъ потрясенъ и уже не коле-

блется. Завтра же мы будем арестованы, какъ поджигатели и политическіе преступники.

— Вѣрно-ли? Почему Шатовъ знаетъ?

Волненіе было неописанное.

— Все совершенно вѣрно. Я не въ правѣ вамъ объявить пути мои и какъ открывалъ; но вотъ что покажѣсть я могу для васъ сдѣлать: чрезъ одно лицо я могу подѣйствовать на Шатова, такъ что онъ, совершенно не подозрѣвая, задержитъ доносъ, но не болѣе какъ на сутки. Дальше сутокъ не могу. Итакъ вы можете считать себя обезпеченными до послѣзавтрашняго утра.

Всѣ молчали.

— Да отправить же его, наконецъ, къ чорту! первый крикнулъ Толкаченко.

— И давно бы надо сдѣлать! злобно ввернулъ Лямшинъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Но какъ сдѣлать? пробормоталъ Липутинъ.

Петръ Степановичъ тотчасъ же подхватилъ вопросъ и изложилъ свой планъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы завлечь Шатова, для сдачи находившейся у него тайной типографіи, въ то уединенное мѣсто, гдѣ она закопана, завтра въ началѣ ночи и—„ужь тамъ и распорядиться“. Онъ вошелъ во многія нужныя подробности, которыя мы теперь упускаемъ, и разъяснилъ обстоятельно тѣ настоящія двусмысленныя отношенія Шатова къ центральному обществу, о которыхъ уже извѣстно читателю.

— Все такъ, нетвердо замѣтилъ Липутинъ, — но такъ какъ опять... новое приключеніе въ томъ же родѣ... то слишкомъ ужь поразить умы.

— Безъ сомнѣнія, подтвердилъ Петръ Степановичъ, — но и это предусмотрено. Есть средство вполне отклонить подозрѣніе.

И онъ съ прежнею точностью разсказалъ о Кирилловѣ, о его намѣреніи застрѣлиться и о томъ, какъ онъ общалъ ждать сигнала, а, умирая, оставить записку и принять на себя все, что ему продиктуютъ. (Однимъ словомъ, все что уже извѣстно читателю).

— Твердое его намѣреніе лишить себя жизни,—философское, а, по-моему, сумасшедшее,—стало извѣстно тамъ (продолжалъ разъяснять Петръ Степановичъ). Тамъ не теряютъ ни волоска, ни пылинки, все идетъ въ пользу общаго дѣла. Предвидя пользу и убѣдившись, что намѣреніе его совершенно серьезное, ему предложили средства

доѣхать до Россіи (онъ для чего-то непремѣнно хотѣлъ умереть въ Россіи), дали порученіе, которое онъ обязался исполнить (и исполнилъ), и сверхъ того обязали его уже извѣстнымъ вамъ обѣщаніемъ кончить съ собою лишь тогда, когда ему скажутъ. Онъ все обѣщаль. Замѣьте, что онъ принадлежитъ дѣлу на особыхъ основаніяхъ и желаетъ быть полезнымъ; больше я вамъ открыть не могу. Завтра, *послѣ Шатова*, я продиктую ему записку, что причина смерти Шатова онъ. Это будетъ очень вѣроятно: они были друзьями и вмѣстѣ ѣздили въ Америку, тамъ поссорились, и все это будетъ въ запискѣ объяснено... и... и даже, судя по обстоятельствамъ, можно будетъ и еще кое-что продиктовать Кириллову, на примѣръ, о прокламаціяхъ, и, пожалуй, отчасти пожаръ. Объ этомъ, впрочемъ, я подумаю. Не безпокойтесь, онъ безъ предразсудковъ; все подпишетъ.

Раздались сомнѣнія. Повѣсть показалась фантастическою. О Кирилловѣ, впрочемъ, всѣ болѣе или менѣе нѣсколько слышали; Липутинъ же болѣе всѣхъ.

— Вдругъ онъ раздумаетъ и не захочетъ, сказалъ Шигалевъ, — такъ или такъ, а все-таки онъ сумасшедшій, стало-быть, надежда неточная.

— Не безпокойтесь, господа, онъ захочетъ, отрѣзалъ Петръ Степановичъ. — По уговору, я обязанъ предупредить его наканунѣ, значить, сегодня же. Я приглашаю Липутина идти сейчасъ со мною къ нему и удостовѣриться, а онъ вамъ, господа, возвратясь, сообщить, если надо, сегодня же, правду-ли я вамъ говорилъ или нѣтъ. Впрочемъ, оборвалъ онъ вдругъ съ непомѣрнымъ раздраженіемъ, какъ будто вдругъ почувствовалъ, что слишкомъ много чести такъ убѣждать и такъ возиться съ такими людишками, — впрочемъ, дѣйствуйте, какъ вамъ угодно. Если вы не рѣшитесь, то союзъ расторгнуть, — но единственно по факту вашего непослушанія и измѣны. Такимъ образомъ мы съ этой минуты всѣ врозь. Но знайте, что въ такомъ случаѣ вы, кромѣ непріятности Шатовскаго доноса и послѣдствій его, навлекаете на себя и еще одну маленькую непріятность, о которой было твердо заявлено при образованіи союза. Что до меня касается, то я, господа, не очень-то васъ боюсь... Не подумайте, что я ужъ такъ съ вами связанъ... Впрочемъ, это все равно.

— Нѣтъ, мы рѣшаемся, заявилъ Лямшинъ.

— Другого выхода нѣтъ, пробормоталъ Толкаченко, —

и если только Липутинъ подтвердитъ про Кириллова, то...

— Я противъ; всѣми силами души моей протестую противъ такого кроваваго рѣшенія! всталъ съ мѣста Виргинскій.

— Но? спросилъ Петръ Степановичъ.

— Чтò *но?*

— Вы сказали *но...* и я жду.

— Я, кажется, не сказалъ *но...* Я только хотѣлъ сказать, что если рѣшаются, то...

— То?

Виргинскій замолчалъ.

— Я думаю, можно пренебрегать собственною безопасностью жизни, отворилъ вдругъ ротъ Эркель, — но если можетъ пострадать общее дѣло, то, я думаю, нельзя смѣть пренебрегать собственною безопасностью жизни...

Онъ сбился и покраснѣлъ. Какъ ни были всѣ заняты своимъ, но всѣ посматривали на него съ удивленіемъ, до такой степени было неожиданно, что онъ тоже могъ заговорить.

— Я за общее дѣло произнесъ вдругъ Виргинскій.

Всѣ поднялись съ мѣсть. Порѣшено было завтра въ полдень еще разъ сообщиться вѣстями, хотя и не сходясь всѣмъ вмѣстѣ, и уже окончательно условиться. Объявлено было мѣсто, гдѣ зарыта типографія, розданы роли и обязанности. Липутинъ и Петръ Степановичъ немедленно отправились вмѣстѣ къ Кириллову.

II.

Въ то, что Шатовъ донесетъ, наши всѣ повѣрили; но въ то, что Петръ Степановичъ играетъ ими какъ пѣшками — тоже вѣрили. А затѣмъ всѣ знали, что завтра все-таки лягутся въ комплектъ на мѣсто, и судьба Шатова рѣшена. Чувствовали, что вдругъ какъ мухи попали въ паутину къ огромному пауку; злились, но тряслись отъ страху.

Петръ Степановичъ несомнѣнно былъ виноватъ предъ ними; все могло бы обойтись гораздо согласнѣе и *легче*, если-бъ онъ позаботился хоть на капельку скрасить дѣйствительность. Вмѣсто того, чтобы представить фактъ въ приличномъ свѣтѣ, чѣмъ-нибудь римско-гражданскимъ, или въ родѣ того, онъ только выставилъ грубый страхъ и угрозу собственной шкурѣ, чтò было уже просто невѣжливо. Конечно, во всемъ борьба за существованіе, и другого принципа нѣтъ, это всѣмъ извѣстно, но вѣдь все-таки...

Но Петру Степановичу некогда было шевелить римлянъ; онъ самъ былъ выбитъ изъ рельсовъ. Бѣгство Ставрогина ошеломило и придавило его. Онъ солгалъ, что Ставрогинъ видѣлся съ вице-губернаторомъ; то-то и есть, что тотъ уѣхалъ, не выдавшись ни съ кѣмъ, даже съ матерью, — и ужъ дѣйствительно было странно, что его даже не безпокоили. (Впослѣдствіи начальство принуждено было дать на это особый отвѣтъ). Петръ Степановичъ разузнавалъ цѣлый день, но покамѣстъ ничего не узналъ, и никогда онъ такъ не тревожился. Да и могъ-ли, могъ-ли онъ такъ, разомъ, отказаться отъ Ставрогина! Вотъ почему онъ и не могъ быть слишкомъ нѣжнымъ съ нашими. Къ тому же они ему руки связывали: у него уже рѣшено было немедленно скакать за Ставрогинымъ; а между тѣмъ задерживалъ Шатовъ, надо было окончательно скрѣпить пятерку, на всякій случай. „Не бросать же ее даромъ, пожалуй, и пригодится“. Такъ, я полагаю, онъ разсуждалъ.

А что до Шатова, то онъ совершенно былъ увѣренъ, что тотъ донесетъ. Онъ все нагаль, что говорилъ нашимъ о доносѣ; никогда онъ не видалъ этого доноса и не слыхалъ о немъ, но былъ увѣренъ въ немъ какъ дважды два. Ему именно казалось, что Шатовъ ни за что не перенесетъ настоящей минуты, — смерти Лизы, смерти Марьи Тимоѣевны, — и именно теперь, наконецъ, рѣшится. Кто знаетъ, можетъ, онъ и имѣлъ какія-нибудь данныя такъ полагать. Извѣстно тоже, что онъ ненавидѣлъ Шатова лично; между ними была когда-то ссора, а Петръ Степановичъ никогда не прощаль обиды. Я даже убѣжденъ, что это-то и было главнѣйшею причиною.

Тротуары у насъ узенькіе, кирпичные, а то такъ и мостки. Петръ Степановичъ шагаль по серединѣ тротуара, занимая его весь и не обращая ни малѣйшаго вниманія на Липутина, которому не оставалось рядомъ мѣста, такъ что тотъ долженъ былъ поспѣвать или на шагъ позади, или, чтобъ идти разговаривая рядомъ, сбѣжать на улицу въ грязь. Петръ Степановичъ вдругъ вспомнилъ, какъ онъ еще недавно сѣменилъ точно такъ же по грязи, чтобы поспѣть за Ставрогинымъ, который, какъ и онъ теперь, шагаль по серединѣ, занимая весь тротуаръ. Онъ припомнилъ всю эту сцену, и бѣшенство захватило ему духъ.

Но и Липутину захватило духъ отъ обиды. Пусть Петръ Степановичъ обращается съ нашими какъ угодно, но съ

нимъ? Вѣдь онъ болѣе всѣхъ нашихъ *знаеть*, ближе всѣхъ стоитъ къ дѣлу, интимнѣе всѣхъ приобщенъ къ нему, и до сихъ поръ, хотъ косвенно, но непрерывно участвовалъ въ немъ. О, онъ зналъ, что Петръ Степановичъ даже и теперь могъ его погубить въ *крайнемъ случаѣ*. Но Петръ Степановича онъ уже возненавидѣлъ давно, и не за опасность, а за высокомеріе его обращенія. Теперь, когда приходилось рѣшаться на такое дѣло, онъ злился болѣе всѣхъ нашихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Увы, онъ зналъ, что непременно „какъ рабъ“ будетъ завтра же первымъ на мѣстѣ, да еще всѣхъ остальныхъ приведетъ, и если бы могъ теперь до завтра какъ-нибудь убить Петра Степановича, не погубивъ себя, разумѣется, то непременно бы убилъ.

Погруженный въ свои ощущенія, онъ молчалъ и трусилъ за своимъ учителемъ. Тотъ, казалось, забылъ о немъ; изрѣдка только неосторожно и невѣжливо толкалъ его локтемъ. Вдругъ Петръ Степановичъ на самой видной изъ нашихъ улицъ остановился и вошелъ въ трактиръ.

— Это куда же? вскипѣлъ Липутинъ; — да вѣдь это трактиръ.

— Я хочу съѣсть бифштексъ.

— Помилуйте, это всегда полно народу.

— Ну и пусть.

— Но... мы опоздаемъ. Ужъ десять часовъ.

— Туда нельзя опоздать.

— Да вѣдь я опоздаю! Они меня ждутъ обратно.

— Ну, и пусть; только глупо вамъ къ нимъ являться. Я съ вашею возней сегодня не обѣдалъ. А къ Кириллову чѣмъ позднѣе, тѣмъ вѣрнѣе.

Петръ Степановичъ взялъ особую комнату. Липутинъ гнѣвливо и обидчиво усѣлся въ кресла въ сторонкѣ и смотрѣлъ, какъ онъ ѣсть. Прошло полчаса и болѣе. Петръ Степановичъ не торопился, ѣлъ со вкусомъ, звонилъ, требовалъ другой горчицы, потомъ пива, и все не говорилъ ни слова. Онъ былъ въ глубокой задумчивости. Онъ могъ дѣлать два дѣла — ѣсть со вкусомъ и быть въ глубокой задумчивости. Липутинъ до того, наконецъ, возненавидѣлъ его, что не въ силахъ былъ отъ него оторваться. Это было нѣчто въ родѣ нервнаго припадка. Онъ считалъ каждый кусокъ бифштекса, который тотъ отправлялъ въ свой ротъ, ненавидѣлъ его за то, какъ онъ разбѣваетъ его, какъ онъ жуеть, какъ онъ смакуя обсасываетъ кусокъ пожирнѣе, ненавидѣлъ самый бифштексъ. Наконецъ,

стало какъ бы мѣшаться въ его глазахъ; голова слегка начала кружиться; жаръ поочередно съ морозомъ пробѣгалъ по спинѣ.

— Вы ничего не дѣлаете, прочтите, перебросилъ ему вдругъ бумажку Петръ Степановичъ.

Липутинъ приблизился къ свѣчкѣ. Бумажка была мелко исписана, сквернымъ почеркомъ и съ помарками на каждой строкѣ. Когда онъ осилилъ ее, Петръ Степановичъ уже расплатился и уходилъ. На тротуарѣ Липутинъ протянулъ ему бумажку обратно.

— Оставьте у себя; послѣ скажу. А, впрочемъ, что вы скажете?

Липутинъ весь вздрогнулъ.

— По моему мнѣнію... подобная прокламація... одна лишь смѣшная нелѣпость.

Злоба прорвалась; онъ почувствовалъ, что какъ будто его подхватили и понесли.

— Если мы рѣшимся, дрожалъ онъ весь мелкою дрожью, — распространять подобныя прокламаціи, то нашею глупостью и непониманіемъ дѣла заставимъ себя презирать-сь.

— Гм! Я думаю иначе, твердо шагаль Петръ Степановичъ.

— А я иначе; неужели вы это сами сочинили?

— Это не ваше дѣло.

— Я думаю тоже, что и стишонки: „Свѣтлая личность“ самые дряннѣйшіе стишонки, какіе только могутъ быть, и никогда не могли быть сочинены Герценомъ.

— Вы врете, стихи хороши.

— Я удивляюсь, напримѣръ, и тому, все неси скача и играя духомъ Липутинъ, — что намъ предлагаютъ дѣйствовать такъ, чтобы все провалилось. Это въ Европѣ натурально желать, чтобы все провалилось, потому что тамъ пролетаріатъ, а мы здѣсь всего только любители и по моему, только пылимъ-сь.

— Я думалъ, вы фурьеристъ.

— У Фурье не то, совсѣмъ не то-сь.

— Знаю, что вздоръ.

— Нѣтъ, у Фурье не вздоръ... Извините меня, никакъ не могу повѣрить, чтобы въ маѣ мѣсяцѣ было возстаніе.

Липутинъ даже растегнулся, до того ему было жарко.

— Ну, довольно, а теперь, чтобы не забыть, ужасно хладнокровно перескочилъ Петръ Степановичъ, — этотъ листокъ вы должны будете собственноручно набрать и

напечатать. Шатова типографію мы выроемъ, и ее завтра же примете вы. Въ возможно скоромъ времени вы наберите и оттисните сколько можно болѣе экземпляровъ, и затѣмъ всю зиму разбрасывать. Средства будутъ указаны. Надо какъ можно болѣе экземпляровъ, потому что у васъ потребуютъ изъ другихъ мѣстъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ извините; я не могу взять на себя такую... Отказываюсь.

— И, однакоже, возьмете. Я дѣйствую по инструкціи центрального комитета, а вы должны повиноваться.

— А я считаю, что заграничные наши центры забыли русскую дѣйствительность и нарушили всякую связь, а потому только бредятъ... Я даже думаю, что вмѣсто многихъ сотенъ пятерокъ въ Россіи мы только одна и есть, а съйти никакой совсѣмъ нѣтъ, задохнулся, наконецъ, Липутинъ.

— Тѣмъ презрѣннѣе для васъ, что вы, не вѣря дѣлу, побѣжали за нимъ... и бѣжите теперь за мной, какъ подлая собачонка.

— Нѣтъ-съ, не бѣгу. Мы имѣемъ полное право отстать и образовать новое общество.

— Дур-ракъ! грозно прогремѣлъ вдругъ Петръ Степановичъ, засверкавъ глазами.

Оба стояли нѣкоторое время другъ противъ друга. Петръ Степановичъ повернулся и самоувѣренно направился прежнею дорогой.

Въ умѣ Липутина пронеслось какъ молнія:

„Повернусь и пойду назадъ: если теперь не повернусь, никогда не пойду назадъ“.

Такъ думалъ онъ ровно десять шаговъ, но на одиннадцатомъ одна новая и отчаянная мысль загорѣлась въ его умѣ: онъ не повернулся и не пошелъ назадъ.

Пришли къ дому Филиппова, но еще не доходя взяли проулкомъ, или, лучше сказать, непримѣтною тропинкой вдоль забора, такъ что нѣкоторое время пришлось пробираться по крутому откосу канавки, на которомъ нельзя было ноги сдержать и надо было хвататься за заборъ. Въ самомъ темномъ углу покривившагося забора, Петръ Степановичъ вынулъ доску; образовалось отверстіе, въ которое онъ тотчасъ же и пролѣзъ. Липутинъ удивился, но пролѣзъ въ свою очередь; затѣмъ доску вставили попрежнему. Это былъ тотъ самый тайный ходъ, которымъ лезли къ Кириллову Оедька.

— Шатовъ не долженъ знать, что мы здѣсь, строго прошепталъ Петръ Степановичъ Липутину.

III.

Кирилловъ, какъ всегда въ этотъ часъ, сидѣлъ на своемъ кожаномъ диванѣ за чаемъ. Онъ не привсталъ навстрѣчу, но какъ-то весь вскинулся и тревожно поглядѣлъ на входившихъ.

— Вы не ошиблись, сказалъ Петръ Степановичъ,—я за тѣмъ самымъ.

— Сегодня?

— Нѣтъ, нѣтъ, завтра... около этого времени.

И онъ поспѣшно подсѣлъ къ столу, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ приглядываясь ко встревожившемуся Кириллову. Тотъ, впрочемъ, уже успокоился и смотрѣлъ по-всегдашнему.

— Вотъ эти все не вѣрятъ. Вы не сердитесь, что я привелъ Липутину?

— Сегодня не сержусь, а завтра хочу одинъ.

— Но не раньше какъ я приду, а потому при мнѣ.

— Я бы хотѣлъ не при васъ.

— Вы помните, что обѣщали написать и подписать все, что я продиктую.

— Мнѣ все равно. А теперь долго будете?

— Мнѣ надо видѣться съ однимъ человѣкомъ и остаться съ полчаса, такъ ужъ какъ хотите, а эти полчаса посижу.

Кирилловъ промолчалъ. Липутинъ помѣстился между тѣмъ въ сторонкѣ, подъ портретомъ архіерея. Давешняя отчаянная мысль все болѣе и болѣе овладѣвала его умомъ. Кирилловъ почти не замѣчалъ его. Липутинъ зналъ теорію Кириллова еще прежде и смѣялся надъ нимъ всегда; но теперь молчалъ и мрачно глядѣлъ вокругъ себя.

— А я бы не прочь и чаю, подвинулся Петръ Степановичъ,—сейчасъ ѣлъ бифштексъ и такъ и рассчитывалъ у васъ чай застать.

— Пейте, пожалуй.

— Прежде вы сами потчивали, кисло вато замѣтилъ Петръ Степановичъ.

— Это все равно. Пусть и Липутинъ пьетъ.

— Нѣтъ-съ, я... не могу.

— Не хочю или не могу? быстро обернулся Петръ Степановичъ.

— Я у нихъ не стану-сь, съ выраженіемъ отказался Липутинъ.

Петръ Степановичъ нахмурилъ брови.

— Пахнетъ мистицизмомъ; чортъ васъ знаетъ, что вы всё за люди!

Никто ему не отвѣтилъ; молчали цѣлую минуту.

— Но я знаю одно, рѣзко прибавилъ онъ вдругъ,—что никакіе предразсудки не остановятъ каждаго изъ насъ исполнить свою обязанность.

— Ставрогинъ уѣхалъ? спросилъ Кирилловъ.

— Уѣхалъ.

— Это онъ хорошо сдѣлалъ.

Петръ Степановичъ сверкнулъ было глазами, но придержался.

— Мнѣ все равно какъ вы думаете, лишь бы каждый сдержалъ свое слово.

— Я сдержу свое слово.

— Впрочемъ, я и всегда былъ увѣренъ, что вы исполните вашъ долгъ, какъ независимый и прогрессивный человекъ.

— А вы смѣшны.

— Это пусть, я очень радъ разсмѣшить. Я всегда радъ, если могу угодить.

— Вамъ очень хочется, чтобъ я застрѣлилъ себя, и боитесь, если вдругъ нѣтъ?

— То-есть, видите-ли, вы сами соединили вашъ планъ съ нашими дѣйствіями. Разсчитывая на вашъ планъ, мы уже кое-что предприняли, такъ что вы ужъ никакъ не могли бы отказаться, потому что насъ подвели.

— Права никакого.

— Понимаю, понимаю, ваша полная воля, а мы ничто, но только чтобъ эта полная ваша воля совершилась.

— И я долженъ буду взять на себя всё ваши мерзости?

— Послушайте, Кирилловъ, вы не трусите-ли? Если хотите отказаться, объявите сейчасъ же.

— Я не трушу.

— Я потому, что вы очень ужъ много спрашиваете.

— Скоро вы уйдете?

— Опять спрашиваете?

Кирилловъ презрительно оглядѣлъ его.

— Вотъ видите-ли, продолжалъ Петръ Степановичъ, все болѣе и болѣе сердясь и беспокоясь и не находя надлежащаго тона,—вы хотите, чтобъ я ушелъ для уединенія,

чтобы сосредоточиться, но все это опасные признаки для васъ же, для васъ же перваго. Вы хотите много думать. По-моему, лучше бы не думать, а такъ. И вы, право, меня беспокоите.

— Мнѣ только одно очень скверно, что въ ту минуту будетъ подлѣ меня гадина, какъ вы.

— Ну, это-то все равно. Я, пожалуй, въ то время выйду и постою на крыльцѣ. Если вы умираете и такъ неравнодушны, то... все это очень опасно. Я выйду на крыльцо, и предположите, что я ничего не понимаю и что я безмѣрно ниже васъ человѣкъ.

— Нѣтъ, вы не безмѣрно; вы со способностями, но очень много не понимаете, потому что вы низкій человѣкъ.

— Очень радъ, очень радъ. Я уже сказалъ, что очень радъ доставить развлеченіе... въ такую минуту.

— Вы ничего не понимаете.

— То-есть я... во всякомъ случаѣ я слушаю съ уваженіемъ.

— Вы ничего не можете; вы даже теперь мелкой злобы спрятать не можете, хоть вамъ и невыгодно показывать. Вы меня разозлите, и я вдругъ захочу еще полгода.

Петръ Степановичъ посмотрѣлъ на часы.

— Я ничего никогда не понималъ въ вашей теоріи, но знаю, что вы не для насъ ее выдумали, стало-быть, и безъ насъ исполните. Знаю тоже, что не вы съѣли идею, а васъ съѣла идея, стало-быть, и не отложите.

— Какъ? Меня съѣла идея?

— Да.

— А не я съѣлъ идею? Это хорошо. У васъ есть маленькій умъ. Только вы дразните, а я горжусь.

— И прекрасно, и прекрасно. Это именно такъ и надо, чтобы вы гордились.

— Довольно; вы допили, уходите.

— Чортъ возьми, придется, привсталъ Петръ Степановичъ.—Однако, все-таки рано. Послушайте, Кирилловъ, у Мясничихи застану я того человѣка, понимаете? Или и она наврала?

— Не застанете, потому что онъ здѣсь, а не тамъ.

— Какъ здѣсь, чортъ возьми, гдѣ?

— Сидитъ въ кухнѣ, ѣсть и пьетъ.

— Да какъ онъ смѣлъ! гнѣвно покраснѣлъ Петръ Сте-

пановичъ.—Онъ обязанъ былъ ждать... вздоръ! У него ни паспорта, ни денегъ!

— Не знаю. Онъ пришелъ проститься; одѣтъ и готовъ. Уходитъ и не воротится. Онъ говорилъ, что вы подлець, и не хочетъ ждать вашихъ денегъ.

— А-а! Онъ боится, что я... ну, да я и теперь могу его, если... Гдѣ онъ, въ кухнѣ?

Кирилловъ отворилъ боковую дверь въ крошечную темную комнату; изъ этой комнаты тремя ступенями внизъ сходили въ кухню, прямо въ ту отгороженную каморку, въ которой обыкновенно помѣщалась кухаркина кровать. Здѣсь-то въ углу, подъ образами, и сидѣлъ теперь Федька за тесовымъ, непокрытымъ столомъ. На столѣ предъ нимъ помѣщался полуштофъ, на тарелкѣ хлѣбъ, и на глиняной посудинѣ холодный кусокъ говядины съ картофелемъ. Онъ закусывалъ съ прохладой и былъ уже вполъяна, но сидѣлъ въ тулупѣ и, очевидно, совсѣмъ готовый въ походъ. За перегородкой закипалъ самоваръ, но не для Федьки, а самъ Федька обязательно раздувалъ и настаивалъ его, вотъ уже съ недѣлю или болѣе, каждую ночь для „Алексѣя Нилыча-съ, ибо очень привыкли, чтобы чай по почамъ-съ“. Я сильно думаю, что говядину съ картофелемъ, за неимѣніемъ кухарки, зажарилъ для Федьки, еще съ утра, самъ Кирилловъ.

— Это что ты вздумалъ? вкатился внизъ Петръ Степановичъ.—Почему не ждалъ гдѣ приказано?

И онъ съ размаху стукнулъ по столу кулакомъ.

Федька присаннлся.

— Ты постой, Петръ Степановичъ, постой, щеголевато отчеканивая каждое слово, заговорилъ онъ,—ты первымъ долгомъ здѣсь долженъ понимать, что ты на благородномъ визитѣ у господина Кириллова, Алексѣя Нилыча, у котораго всегда сапоги чистить можешь, потому онъ предъ тобой образованный умъ, а ты всего только—тъфу.

И онъ щеголевато отплевался въ сторону сухимъ плевкомъ. Видна была надменность, рѣшимость и нѣкоторое, весьма опасное, напускное, спокойное резонерство до перваго взрыва. Но Петру Степановичу уже некогда было замѣчать опасности, да и не сходялось съ его взглядомъ на вещи. Приспешствія и неудачи дня совсѣмъ его закружили... Липутинъ съ любопытствомъ выглядывалъ внизъ, съ трехъ ступеней, изъ темной каморки.

— Хочешь или не хочешь имѣть вѣрный паспортъ и

хорошия деньги на проѣздъ куда сказано? Да или нѣтъ?

— Видишь, Петръ Степановичъ, ты меня съ самаго первоначалу зачалъ обманывать, потому какъ ты выходишь передо мною настоящей подлецъ. Все равно, какъ поганая человѣчья вошь,—вотъ я тебя за кого почитаю. Ты мнѣ за неповинную кровь большія деньги сулилъ и за господина Ставрогина клятву давалъ, несмотря на то, что выходитъ одно лишь твое неучтивство. Я какъ есть ни одной каплей не участвовалъ, не то что полторы тысячи, а господинъ Ставрогинъ тебя давеча по щекамъ отхлестали, что уже и намъ извѣстно. Теперь ты мнѣ сызнава угрожаешь и деньги сулишь, на какое дѣло—молчишь. А я сумлѣваюсь въ умѣ, что въ Петербургъ меня шлешь, чтобъ господину Ставрогину, Николаю Всеволодовичу, чѣмъ ни на есть по злобѣ своей отомстить, надѣясь на мое легковѣріе. И изъ этого ты выходишь первый убивецъ. И знаешь-ли ты, чего сталъ достоинъ уже тѣмъ однимъ пунктомъ, что въ самого Бога, Творца истиннаго, пересталъ по разврату своему вѣровать? Все одно, что идолопоклонникъ и на одной линіи съ татаринномъ или мордвой состоишь. Алексѣй Нилычъ, будучи философомъ, тебѣ истиннаго Бога, Творца Создателя, многократно объяснялъ, и о сотвореніи міра, равно и будущихъ судьбъ и преображенія всякой твари и всякаго звѣря изъ книги Апокалипсиса. Но ты, какъ безтолковый идолъ, въ глухотѣ и нѣмотѣ упорствуешь и прапорщика Эртелева къ тому же самому привелъ, какъ тотъ самый злодѣй-соблазнитель, называемый атеистъ...

— Ахъ ты, пьяная харя! Самъ образа обдираетъ, да еще Бога проповѣдуетъ!

— Я, видишь, Петръ Степановичъ, говорю тебѣ это вѣрно, что обдиралъ; но я только зеньчугъ снималъ, и почему ты знаешь, можетъ, и моя слеза предъ горниломъ Всевышняго въ ту самую минуту преобразилась, за нѣкую обиду мою, такъ какъ есть точь-въ-точь самый сей сирота, не имѣя насущнаго даже пристанища. Ты знаешь-ли по книгамъ, что нѣкогда въ древнія времена нѣкоторый купецъ, точь-въ-точь съ такимъ же слезнымъ воздыханіемъ и молитвой, у Пресвятой Богородицы съ сіянія перлъ похитилъ, и потомъ всенародно съ колѣнопреклоненіемъ всю сумму къ самому подножію возвратилъ, и Матерь Заступница предъ всѣми людьми его неленой осѣнила, такъ что по этому предмету даже и

въ ту пору чудо вышло, и въ государственныя книги все точь-въ-точь черезъ начальство велѣно записать. А ты пустилъ мышь, значить, надругался надъ самымъ Божиимъ перстомъ. И не будь ты природный мой господинъ, котораго я, еще отрокомъ бывши, на рукахъ нашихъ нашивалъ, то какъ есть тебя теперича порѣшилъ бы, даже съ мѣста сего не сходя!

Петръ Степановичъ вошелъ въ презрѣнный гнѣвъ:

— Говори, видѣлся ты сегодня со Ставрогинымъ?

— Это ты никогда не смѣешь меня чтобы допрашивать. Господинъ Ставрогинъ какъ есть въ удивленіи предъ тобою стоитъ и ниже пожеланіемъ своимъ участвовалъ, не только распоряженіемъ какимъ, али деньгами. Ты меня дерзнулъ.

— Деньги ты получишь, и двѣ тысячи тоже получишь, въ Петербургѣ, на мѣстѣ, всѣ цѣликомъ, и еще получишь.

— Ты, любезнѣйшій, врешь, и смѣшно мнѣ тебя даже видѣть, какой ты есть легковѣрный умъ. Господинъ Ставрогинъ передъ тобою какъ на лѣстницѣ состоитъ, а ты на нихъ снизу какъ глухая собачонка твякаешь, тогда какъ они на тебя сверху и плюнуть-то за большую честь почитаютъ.

— А знаешь-ли ты, остервенился Петръ Степановичъ, — что я тебя, мерзавца, ни шагу отсюда не выпущу и прямо въ полицію передамъ.

Федька вскочилъ на ноги и яростно сверкнулъ глазами. Петръ Степановичъ выхватилъ револьверъ. Тутъ произошла быстрая и отвратительная сцена: прежде чѣмъ Петръ Степановичъ могъ направить револьверъ, Федька мгновенно извернулся и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Въ тотъ же мигъ послышался другой ужасный ударъ, затѣмъ третій, четвертый, все по щекѣ. Петръ Степановичъ ошалѣлъ, выпучилъ глаза, что-то пробормоталъ и вдругъ грохнулся со всего росту на полъ.

— Вотъ вамъ, берите его! съ побѣдоноснымъ вывертомъ крикнулъ Федька, мигомъ схватилъ картузь, изъ-подъ лавки узелокъ, и былъ таковъ.

Петръ Степановичъ храпѣлъ въ безпамятствѣ. Липутинъ даже подумалъ, что совершилось убійство. Кирилловъ опрометью сбѣжалъ въ кухню.

— Водой его! вскрикнулъ онъ.

И, зачерпнувъ желѣзнымъ ковшомъ въ ведрѣ, вылилъ ему на голову. Петръ Степановичъ пошевелился, припод-

нять голову, сълъ и безсмысленно смотрѣлъ предъ собою.

— Ну, каково? спросилъ Кирилловъ.

Тотъ пристально, и все еще не узнавая, глядѣлъ на него; но увидѣвъ выставившагося изъ кухни Липутина, улыбнулся своею гадкою улыбкой и вдругъ вскочилъ, захвативъ съ полу револьверъ.

— Если вы вздумаете завтра убѣжать, какъ подлець Ставрогинъ, изступленно накинулся онъ на Кириллова, весь блѣдный, заикаясь и не точно выговаривая слова, — то я васъ на другомъ концѣ шара... повѣшу какъ муху... раздавлю... понимаете!

И онъ наставилъ Кириллову револьверъ прямо въ лобъ; но почти въ ту же минуту, опомнившись, наконецъ, совершенно, отдернулъ руку, сунулъ револьверъ въ карманъ и, не сказавъ болѣе ни слова, побѣжалъ изъ дому. Липутинъ за нимъ. Вылѣзли въ прежнюю лазейку и опять прошли откосомъ, придерживаясь за заборъ. Петръ Степановичъ быстро зашагалъ по переулку, такъ что Липутинъ едва поспѣвалъ. У перваго перекрестка вдругъ остановился.

— Ну? съ вызовомъ повернулся онъ къ Липутину.

Липутинъ помнилъ револьверъ и еще весь трепеталъ отъ бывшей сцены; но отвѣтъ какъ-то самъ вдругъ и неудержимо соскочилъ съ его языка:

— Я думаю... я думаю, что „отъ Смоленска до Ташкента вовсе ужъ не съ такимъ нетерпѣниемъ ждуть студента“.

— А видѣли что пилъ Оедька на кухнѣ?

— Что пилъ? Водку пилъ.

— Ну, такъ знайте, что онъ въ послѣдній разъ въ жизни пилъ водку. Рекомендую запомнить для дальнѣйшихъ соображеній. А теперь убирайтесь къ чорту, вы до завтра не нужны... Но, смотрите у меня: не глупить!

Липутинъ бросился сломя голову домой.

IV.

У него давно уже былъ припасенъ паспортъ на чужое имя. Дико даже подумать, что этотъ аккуратный человекъ, мелкій тиранъ семьи, во всякомъ случаѣ чиновникъ (хотя и фурьеристъ) и, наконецъ, прежде всего капиталистъ и процентщикъ, — давнымъ-давно уже возымѣлъ про себя фантастическую мысль припасти на всякій случай этотъ паспортъ, чтобы съ помощью его улизнуть за границу, *если...* допускалъ же онъ возможность этого *если!*

хотя, конечно, онъ и самъ никогда не могъ формулировать, что именно могло бы обозначать это *есм...*

Но теперь оно вдругъ само формулировалось и въ самомъ неожиданномъ родѣ. Та отчаянная идея, съ которою онъ вошелъ къ Кириллову, послѣ „дурака“, выслушаннаго отъ Петра Степановича на тротуарѣ, состояла въ томъ, чтобы завтра же, чѣмъ свѣтъ, бросить все и экспатрироваться за границу! Кто не повѣритъ, что такія фантастическія вещи случаются въ нашей обыденной дѣйствительности и теперь, тотъ пусть справится съ біографіей всѣхъ русскихъ настоящихъ эмигрантовъ за границей. Ни одинъ не убѣжалъ умнѣе и реальнѣе. Все то же необузданное царство призраковъ, и болѣе ничего.

Прибѣжавъ домой, онъ началъ съ того, что заперся, досталъ сакъ и судорожно началъ укладываться. Главная забота его состояла о деньгахъ и о томъ, сколько и какъ онъ ихъ успѣетъ спасти. Именно, спасти, ибо, по понятіямъ его, медлить нельзя было уже ни часу и, чѣмъ свѣтъ, надо было находиться на большой дорогѣ. Не зналъ онъ тоже, какъ онъ сядетъ въ вагонъ; онъ смутно рѣшился сѣсть гдѣ-нибудь на второй или на третъей большой станціи отъ города, до нея же добраться хоть и пѣшкомъ. Такимъ образомъ инстинктивно и машинально, съ цѣлымъ вихремъ мыслей въ головѣ, возилъ онъ надъ сакомъ, и—вдругъ остановился, бросилъ все и съ глубокимъ стономъ протянулся на диванѣ.

Онъ ясно почувствовалъ и вдругъ созналъ, что бѣжить-то онъ, пожалуй, бѣжить, но что разрѣшить вопросъ, *до* или *послѣ* Шатова ему придется бѣжать? — онъ уже совершенно теперь не въ силахъ; что теперь онъ только грубое, безчувственное тѣло, инерціонная масса, но что имъ движетъ посторонняя ужасная сила, и что хоть у него и есть паспортъ за границу, хотя бы и могъ онъ убѣжать отъ Шатова (а иначе для чего бы было такъ торошиться?), но что бѣжить онъ не до Шатова, не отъ Шатова, а именно *послѣ* Шатова, и что уже такъ это рѣшено, подписано и запечатано. Въ нестерпимой тоскѣ, ежеминутно треща и удивляясь на самого себя, стая и замирая попеременно, дожилъ онъ кое-какъ, запершись и лежа на диванѣ, до одиннадцати часовъ утра слѣдующаго дня, и вотъ тутъ-то вдругъ и послѣдовалъ ожидаемый толчокъ, вдругъ направившій его рѣшимость. Въ одиннадцать часовъ, только что онъ отперся и вышелъ къ до-

машинѣ, онъ вдругъ отъ нихъ же узналъ, что разбойникъ, бѣглый каторжный Ѳедька, наводившій на всѣхъ ужасъ, грабитель церквей, недавній убійца и поджигатель, за которымъ слѣдила и котораго все не могла схватить наша полиція, найденъ чѣмъ свѣтъ утромъ убитымъ, въ семи верстахъ отъ города, на поворотѣ съ большой дороги на проселокъ, къ Захарьину, и что о томъ говорить уже весь городъ. Тотчасъ же сломя голову бросился онъ изъ дому узнавать подробности и узналъ, во-первыхъ: что Ѳедька, найденный съ проломленною головою, былъ по всѣмъ признакамъ ограбленъ и, во-вторыхъ, что полиція уже имѣла сильныя подозрѣнія и даже нѣкоторыя твердыя данныя заключить, что убійцей его былъ Шпигулинскій Ѳомка, тотъ самый, съ которымъ онъ несомнѣнно рѣзалъ и зажегъ у Лебядкиныхъ, и что ссора между ними произошла уже дорогой изъ-за утаенныхъ будто бы Ѳедькой большихъ денегъ, похищенныхъ у Лебядкина... Липутинъ пробѣжалъ и въ квартиру Петра Степановича и успѣлъ узнать съ задняго крыльца, потаенно, что Петръ Степановичъ хоть и воротился домой вчера, этакъ уже около часу пополудни, но всю ночь преспокойно изволилъ почивать у себя дома вплоть до восьми часовъ утра. Разумѣется, не могло быть сомнѣнія, что въ смерти разбойника Ѳедьки ровно ничего не было необыкновеннаго, и что таковыя развязки именно всего чаще случаются въ подобныхъ карьерахъ, но совпаденіе роковыхъ словъ, „что Ѳедька въ послѣдній разъ въ этотъ вечеръ пилъ водку“, съ немедленнымъ оправданіемъ пророчества, было до того знаменательно, что Липутинъ вдругъ пересталъ колебаться. Толчокъ былъ данъ; точно камень упалъ на него и придавилъ навсегда. Воротясь домой, онъ молча ткнулъ свой сабъ ногой подъ кровать, а вечеромъ, въ назначенный часъ, первымъ изъ всѣхъ явился на условленное мѣсто для встрѣчи Шатова, правда, все еще со своимъ паспортомъ въ карманѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Путешественница.

I.

Катастрофа съ Лизой и смерть Марьи Тимоѣевны произвели подавляющее впечатлѣніе на Шатова. Я уже упоминалъ, что въ то утро я его мелькомъ встрѣтилъ, онъ

показался мнѣ какъ бы не въ своемъ умѣ. Между прочимъ, сообщилъ, что наканунѣ вечеромъ, часовъ въ девять (значить, часа за три до пожара), былъ у Марьи Тимоѣевны. Онъ ходилъ поутру взглянуть на трупы, но, сколько знаю, въ то утро показаній не давалъ нигдѣ никакихъ. Между тѣмъ къ концу дня въ душѣ его поднялась цѣлая буря и... и, кажется, могу сказать утвердительно, былъ такой моментъ въ сумерки, что онъ хотѣлъ встать, пойти и — объявить все. Чтò такое было это *все* — про то онъ самъ зналъ. Разумѣется, ничего бы не достигъ, а предаль бы просто себя. У него не было никакихъ доказательствъ, чтобъ изобличить только что совершившееся злодѣяніе, да и самъ онъ имѣлъ объ немъ однѣ лишь смутныя догадки, только для него одного равнявшіяся полному убѣжденію. Но онъ готовъ былъ погубить себя, лишь бы только „раздавить мерзавцевъ“, собственныя его слова. Петръ Степановичъ отчасти вѣрно предугадалъ въ немъ этотъ порывъ и самъ зналъ, что сильно рискуеть, откладывая исполненіе своего новаго ужаснаго замысла до завтра. Съ его стороны тутъ было, по обыкновенію, много самонадѣянности и презрѣнія ко всѣмъ этимъ „людишкамъ“, а къ Шатову въ особенности. Онъ презиралъ Шатова уже давно за его „плаксивое идіотство“, какъ выражался онъ о немъ еще за границей, и твердо надѣялся справиться съ такимъ нехитрымъ человѣкомъ, то есть не выпускать его изъ виду во весь этотъ день и пресѣчь ему путь при первой опасности. И, однако, спасло „мерзавцевъ“ еще на малое время лишь одно совершенно неожиданное, а ими совсѣмъ не предвидѣнное обстоятельство...

Часу въ восьмомъ вечера (это именно въ то самое время, когда *наши* собрались у Эркеля, ждали Петра Степановича, негодовали и волновались), Шатовъ съ головою болью и въ легкомъ ознобѣ, лежалъ протянувшись на своей кровати, въ темнотѣ, безъ свѣчи; мучился недоумѣніемъ, злился, рѣшался, никакъ не могъ рѣшиться окончательно и съ проклятіемъ предчувствовалъ, что все это, однако, ни къ чему не поведетъ. Мало-по-малу онъ забылся на мигъ легкимъ сномъ и видѣлъ во снѣ что-то похожее на кошмаръ; ему приснилось, что онъ опутанъ на своей кровати веревками, весь связанъ и не можетъ шевельнуться, а между тѣмъ раздаются по всему дому страшные удары въ заборъ, въ ворота, въ его дверь, во

флигелѣ у Кириллова, такъ что весь домъ дрожить и какой-то отдаленный, знакомый, но мучительный для него голосъ жалобно призываетъ его. Онъ вдругъ очнулся и приподнялся на постели. Къ удивленію, удары въ ворота продолжались и хотъ далеко не такъ сильные, какъ представлялось во снѣ, но частые и упорные, а странный и „мучительный“ голосъ, хотя вовсе не жалобно, а, напротивъ, нетерпѣливо и раздражительно, все слышался внизу у воротъ вперемежку съ чьимъ-то другимъ, болѣе воздержнымъ и обыкновеннымъ голосомъ. Онъ вскочилъ, отворилъ форточку и высунулъ голову.

— Кто тамъ? окликнулъ онъ, буквально коченѣя отъ испуга.

— Если вы Шатовъ, рѣзко и твердо отвѣтили ему снизу,—то пожалуйста благоволите объявить, прямо и честно, согласны-ли вы впустить меня или нѣтъ?

Такъ и есть; онъ узналъ этотъ голосъ!

— Marie!. Это ты?

— Я, я, Марья Шатова, и увѣряю васъ, что ни одной минуты болѣе не могу задерживать извозчика.

— Сейчасъ... я только свѣчу... слабо прокричалъ Шатовъ. Затѣмъ бросился искать спичекъ. Спички, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, не отыскивались. Уронилъ подсвѣчникъ со свѣчей на полъ, и только что снизу опять послышался нетерпѣливый голосъ, бросилъ все и сломя голову полетѣлъ внизъ по своей крутой лѣстницѣ отворять калитку.

— Сдѣлайте одолженіе, подержите сакъ, пока я раздѣляюсь съ этимъ болваномъ, встрѣтила его внизу госпожа Марья Шатова и сунула ему въ руки довольно легонькій, дешевый ручной сакъ, изъ парусины съ бронзовыми гвоздиками, дрезденской работы. Сама-же раздражительно накинулась на извозчика.

— Смѣю васъ увѣрить, что вы берете лишнее. Если вы протаскали меня дѣлый лишній часъ по здѣшнимъ грязнымъ улицамъ, то виноваты вы-же, потому что сами, стало быть, не знали, гдѣ эта глупая улица и этотъ дурацкій домъ. Извольте принять ваши тридцать копеекъ и убѣдиться, что ничего больше не получите.

— Эхъ, барынька, сама-жъ тыкала на Вознесенску улицу, а эта Богоявленска. Вознесенскій-то проулокъ звона гдѣ отселева. Только мерина запарили.

— Вознесенская, Богоявленская—всѣ эти глупыя на-

званія вамъ больше моего должны быть извѣстны, такъ какъ вы здѣшній обыватель; и къ тому же вы несправедливы; я вамъ прежде всего заявила про домъ Филиппова, а вы именно подтвердили, что его знаете. Во всякомъ случаѣ можете искать на мнѣ завтра въ мировомъ судѣ, а теперь прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— Вотъ, вотъ еще пять копеекъ, стремительно выхватилъ Шатовъ изъ кармана свой пятакъ и подалъ извозчику.

— Сдѣлайте одолженіе, прошу васъ, не смѣйте этого дѣлать! вскипѣла было m-me Шатова, но извозчикъ тронулъ „мерина“, а Шатовъ, схвативъ ее за руку, повлекъ въ ворота.

— Скорѣй, Marie, скорѣй... это все пустяки и — какъ ты измокла. Тише, тутъ подыматься, — какъ жаль, что нѣтъ огня, — лѣстница крутая, держись крѣпче, крѣпче, ну, вотъ и моя каморка. Извини, я безъ огня... Сейчасъ!

Онъ поднялъ подсвѣчникъ, но спички еще долго не отыскивались. Госпожа Шатова стояла въ ожиданіи посреди комнаты, молча и не шевелясь.

— Слава Богу, наконецъ-то! радостно вскричалъ онъ, освѣтивъ каморку.

Марья Шатова бѣгло обозрѣла помѣщеніе.

— Мнѣ говорили, что вы скверно живете, но все-таки я думала не такъ, брезгливо произнесла она и направилась къ кровати. — Охъ, устала! присѣла она съ безсильнымъ видомъ на жесткую постель. — Пожалуйста поставьте сакъ и сядьте сами на стулъ. Впрочемъ, какъ хотите, вы торчите на глазахъ. Я у васъ на время, пока принцу работу, потому что ничего здѣсь не знаю и денегъ не имѣю. Но если васъ стѣсняю, сдѣлайте одолженіе, опять прошу, заявите сейчасъ же, какъ и обязаны сдѣлать, если вы честный человекъ. Я все-таки могу что-нибудь завтра продать и заплатить въ гостиницѣ, а ужъ въ гостиницу извольте меня проводить сами... Охъ, только я устала!

Шатовъ весь такъ и затрясся.

— Не нужно, Marie, не нужно гостиницу! Какая гостиница? Зачѣмъ, зачѣмъ?

Онъ, умоляя, сложилъ руки.

— Ну, если можно обойтись безъ гостиницы, то все-таки необходимо разъяснить дѣло. Вспомните, Шатовъ, что мы прожили съ вами брачно въ Женевѣ двѣ недѣли и нѣсколько дней, вотъ уже три года, какъ разошлись,

безъ особенной, впрочемъ, ссоры. Но не подумайте, чтобъ я воротилась что-нибудь возобновлять изъ прежнихъ глупостей. Я воротилась искать работы, и если прямо въ этотъ городъ, то потому, что мнѣ все равно. Я не прѣхала въ чемъ-нибудь раскаиваться; сдѣлайте одолженіе, не подумайте еще этой глупости.

— О, Marie! Это напрасно, совсѣмъ напрасно! неясно бормоталъ Шатовъ.

— А коли такъ, коли вы настолько развиты, что можете и это понять, то позволю себѣ прибавить, что если теперь обратилась прямо къ вамъ и пришла въ вашу квартиру, то отчасти и потому, что всегда считала васъ далеко не подлецомъ, а, можетъ быть, гораздо лучше другихъ... мерзавцевъ!

Глаза ея засверкали. Должно быть, она много перенесла кое-чего отъ какихъ-нибудь „мерзавцевъ“.

— И пожалуйста будьте увѣрены, я надъ вами вовсе не смѣялась сейчасъ, заявляя вамъ, что вы добры. Я говорила прямо, безъ краснорѣчія, да и терпѣть не могу. Однако, все это вздоръ. Я всегда надѣялась, что у васъ хватить ума не надоѣдать... Охъ, довольно, устала!

И она поглядѣла на него длиннымъ, измученнымъ, усталымъ взглядомъ. Шатовъ стоялъ передъ ней, черезъ комнату, въ пяти шагахъ, и робко, но какъ-то обновленно, съ какимъ-то небывалымъ сіяніемъ въ лицѣ ее слушалъ. Этотъ сильный и шершавый человѣкъ, постоянно шерстью вверхъ, вдругъ весь смягчился и просвѣтлѣлъ. Въ душѣ его задрожало что-то необычайное, совсѣмъ неожиданное. Три года разлуки, три года расторгнутаго брака не вытѣснили изъ сердца его ничего. И, можетъ быть, каждый день въ эти три года онъ мечталъ о ней, о дорогомъ существѣ, когда-то ему сказавшемъ: „люблю“. Зная Шатова, навѣрно скажу, что никогда бы онъ не могъ допустить въ себѣ даже мечты, чтобы какая-нибудь женщина могла сказать ему „люблю“. Онъ былъ цѣломудренъ и стыдливъ до дикости, считалъ себя страшнымъ уродомъ, ненавидѣлъ свое лицо и свой характеръ, приравнивалъ себя къ какому-то монстру, котораго можно возить и показывать лишь на ярмаркахъ. Вслѣдствіе всего этого выше всего считалъ честность, а убѣжденіямъ своимъ предавался до фанатизма, былъ мраченъ, гордъ, гнѣвливъ и не словоохотливъ. Но вотъ это единственное существо, двѣ недѣли его любившее (онъ всегда, всегда тому вѣрилъ!),—

существо, которое онъ всегда считалъ неизмѣримо выше себя, несмотря на совершенно трезвое пониманіе ея заблужденій: существо, которому онъ совершенно все, *все* могъ простить (о томъ и вопроса быть не могло, а было даже нѣчто обратное, такъ что выходило по его, что онъ самъ предъ нею во всемъ виноватъ), эта женщина, эта Марья Шатова вдругъ опять въ его домѣ, опять передъ нимъ... этого почти невозможно было понять! Онъ такъ былъ пораженъ, въ этомъ событіи заключалось для него столько чего-то страшнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ столько счастья, что, конечно, онъ не могъ, а, можетъ быть, не желалъ, боялся опомниться. Это былъ сонъ. Но когда она поглядѣла на него этимъ измученнымъ взглядомъ, вдругъ онъ понялъ, что это столь любимое существо страдает, можетъ быть, обижено. Сердце его замерло. Онъ съ болью вглядѣлся въ ея черты: давно уже исчезъ съ этого усталаго лица блескъ первой молодости. Правда, она все еще была хороша собой,—въ его глазахъ, какъ и прежде, красавица. (На самомъ дѣлѣ это была женщина лѣтъ двадцати пяти, довольно сильнаго сложенія, росту выше средняго (выше Шатова), съ темнорусыми, пышными волосами, съ блѣднымъ овальнымъ лицомъ, большими темными глазами, теперь свержавшими лихорадочнымъ блескомъ). Но легкомысленная, наивная и простодушная прежняя энергія, столь ему знакомая, смѣнилась въ ней угрюмою раздражительностью, разочарованіемъ, какъ бы цинизмомъ, къ которому она еще не привыкла и которымъ сама тяготилась. Но, главное, она была больна, это разглядѣлъ онъ ясно. Несмотря на весь свой страхъ передъ нею, онъ вдругъ подошелъ и схватилъ ее за обѣ руки:

— Marie... знаешь... ты, можетъ быть, очень устала, ради Бога не сердись... Если бы ты согласилась, напьемь, хоть чаю, а? Чай очень подкрѣпляетъ, а? Если бы ты согласилась!..

— Чего тутъ согласилась, разумѣется, соглашусь, какой вы попрежнему ребенокъ. Если можете, дайте. Какъ у васъ тѣсно! Какъ у васъ холодно!

— О, я сейчасъ, дровъ, дровъ... дрова у меня есть! весь заходилъ Шатовъ,—дрова... то-есть, но... впрочемъ, и чаю сейчасъ, махнулъ онъ рукой, какъ бы съ отчаянною рѣшимостью, и схватилъ фуражку.

— Куда-жъ вы? Стало быть, нѣтъ дома чаю?

— Будетъ, будетъ, будетъ, сейчасъ будетъ все... я...

Онъ схватилъ съ полки револьверъ.

— Я продамъ сейчасъ этотъ револьверъ... или заложу...

— Что за глупости, и какъ это долго будетъ! Возьмите вотъ мои деньги, коли у васъ нѣтъ ничего, тутъ восемь гривенъ, кажется; всѣ. У васъ точно въ помѣшанномъ домѣ.

— Не надо, не надо твоихъ денегъ, я сейчасъ, въ одинъ мигъ, я и безъ револьвера...

И онъ бросился прямо къ Кириллову. Это было, вѣроятно, еще часа за два до посѣщенія Кириллова Петромъ Степановичемъ и Липутинымъ. Шатовъ и Кирилловъ, жившіе на одномъ дворѣ, почти не видались другъ съ другомъ, а встрѣчаясь, не кланялись и не говорили: слишкомъ долго ужъ они „пролежали“ вмѣстѣ въ Америкѣ.

— Кирилловъ, у васъ всегда чай; есть у васъ чай и самоваръ?

Кирилловъ, ходившій по комнатѣ (по обыкновенію своему всю ночь изъ угла въ уголъ), вдругъ остановился и пристально посмотрѣлъ на вбѣжавшаго, впрочемъ, безъ особаго удивленія.

— Чай есть, сахаръ есть и самоваръ есть. Но самовара не надо, чай горячій. Садитесь и пейте просто.

— Кирилловъ, мы вмѣстѣ лежали въ Америкѣ... Ко мнѣ пришла жена... М... Давайте чаю... Надо самоваръ.

— Если жена, то надо самоваръ. Но самоваръ послѣ. У меня два. А теперь берите со стола чайникъ. Горячій, самый горячій. Берите все; берите сахаръ; весь. Хлѣбъ... Хлѣба много; весь. Есть телятина. Денегъ рубль.

— Давай, другъ, отдамъ завтра! Ахъ, Кирилловъ!

— Это та жена, которая въ Швейцаріи? Это хорошо. И то, что вы такъ вбѣжали, тоже хорошо.

— Кирилловъ! вскричалъ Шатовъ, захватывая подъ локоть чайникъ, а въ обѣ руки сахаръ и хлѣбъ. — Кирилловъ! Если-бъ... если-бъ вы могли отказаться отъ вашихъ ужасныхъ фантазій и бросить вашъ атеистическій бредъ... о, какой бы вы были человекъ, Кирилловъ!

— Видно, что вы любите жену послѣ Швейцаріи. Это хорошо, если послѣ Швейцаріи. Когда надо чаю, приходите опять. Приходите всю ночь, я не сплю совсѣмъ. Самоваръ будетъ. Берите рубль, вотъ. Ступайте къ женѣ, я останусь и буду думать о васъ и вашей женѣ.

Марья Шатова была, видимо, довольна поспѣшностью,

и почти съ жадностью принялась за чай, но за самаваромъ бѣжать не понадобилось; она выпила всего полчашки и проглотила лишь крошечный кусочекъ хлѣбца. Отъ телятины брезгливо и раздражительно отказалась.

— Ты больна, Marie, все это такъ въ тебѣ болѣзненно... робко замѣтилъ Шатовъ, робко около нея ухаживал.

— Конечно, больна, пожалуйста сядьте. Гдѣ вы взяли чай, если не было?

Шатовъ рассказалъ про Кириллова, слегка, вкратцѣ. Она кое-что про него слышала.

— Знаю, что сумасшедшій; пожалуйста, довольно; мало, что-ли, дураковъ? Такъ вы были въ Америкѣ? Слышала, вы писали.

— Да, я... въ Парижъ писалъ.

— Довольно и пожалуйста о чемъ-нибудь другомъ. Вы по убѣжденію славянофилъ?

— Я... я не то что... За невозможностію быть русскимъ, сталъ славянофиломъ, криво усмѣхнулся онъ, съ натугой человѣка, сострившаго нектати и черезъ силу.

— А вы не русскій?

— Нѣтъ, не русскій.

— Ну, все это глупости. Сядьте, прошу васъ, наконецъ. Что вы все туда-сюда? Вы думаете, я въ бреду? Можетъ, и буду въ бреду. Вы говорите, васъ только двое въ домѣ?

— Двое... внизу...

— И все такихъ умныхъ. Чтѣ внизу? Вы сказали внизу?

— Нѣтъ, ничего.

— Чтѣ ничего? Я хочу знать.

— Я только хотѣлъ сказать, что мы тутъ теперь двое во дворѣ, а внизу прежде жили Лебядкины...

— Это та, которую сегодня ночью зарѣзали? вскинулась она вдругъ.—Слышала. Только что пріѣхала, слышала. У васъ былъ пожаръ?

— Да, Marie, да, и, можетъ-быть, я дѣлаю страшную подлость въ сію минуту, что прощаю подлецовъ... всталъ онъ вдругъ и зашагалъ по комнатѣ, поднявъ вверхъ руки какъ бы въ изступленіи.

Но Marie не совсѣмъ поняла его. Она слухала отвѣты разсѣянно; она спрашивала, а не слушала.

— Славныя дѣла у васъ дѣлаются. Охъ, какъ все подло! Какіе всѣ подлецы! Да сядьте же, прошу васъ, наконецъ, о, какъ вы меня раздражаете!

И въ изнеможеніи она опустила голову на подушку.
— Marie, я не буду... ты, можетъ-быть, прилегла бы, Marie?

Она не отвѣтила и въ безсиліи закрыла глаза. Блѣдное ея лицо стало точно у мертвой. Она заснула почти мгновенно. Шатовъ посмотрѣлъ кругомъ, поправилъ свѣчу, посмотрѣлъ еще разъ въ безпокойствѣ на ея лицо, крѣпко сжалъ предъ собой руки и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты въ сѣни. Наверху лѣстницы онъ уперся лицомъ въ уголъ и простоялъ такъ минутъ десять, безмолвно и недвижимо. Простоялъ бы и дольше, но вдругъ внизу послышались тихіе, осторожные шаги. Кто-то подымался вверхъ. Шатовъ вспомнилъ, что забылъ запереть калитку.

— Кто тутъ? спросилъ онъ шопотомъ.

Незнакомый посѣтитель подымался не слѣша и не отвѣчая. Взойдя наверхъ, остановился; разсмотрѣть его было въ темнотѣ невозможно; вдругъ послышался его осторожный вопросъ:

— Иванъ Шатовъ?

Шатовъ назвалъ себя, но немедленно протянулъ руку, чтобъ остановить его; но тотъ схватилъ самъ его за руки и—Шатовъ вздрогнулъ, какъ бы прикоснувшись къ какому-то страшному гаду.

— Стойте здѣсь, быстро прошепталъ онъ,—не входите, я не могу васъ теперь принять. Ко мнѣ воротилась жена. Я вынесу свѣчу.

Когда онъ воротился со свѣчкой, стоялъ какой-то молоденькій офицерикъ; имени его онъ не зналъ, но гдѣ-то видѣлъ.

— Эркель, отрекомендовался тотъ.—Видѣли меня у Виргинскаго.

— Помню; вы сидѣли и писали. Слушайте, вскипѣлъ вдругъ Шатовъ, изступленно подступая къ нему, но говоря попрежнему шопотомъ,—вы сейчасъ мнѣ сдѣлали знакъ рукой, когда схватили мою руку. Но знайте, я могу наплевать на всѣ эти знаки! Я не признаю... не хочу... Я могу васъ спустить сейчасъ съ лѣстницы, знаете-ли вы это?..

— Нѣтъ, я этого ничего не знаю и совсѣмъ не знаю, за чтò вы такъ разсердились, незлобиво и почти просто-душно отвѣтилъ гость.— Я имѣю только передать вамъ нѣчто и за тѣмъ пришелъ, главное, не желая терять времени. У васъ станокъ вамъ не принадлежащій и въ ко-

торомъ вы обязаны отчетомъ, какъ знаете сами. Мнѣ велено потребовать отъ васъ передать его завтра же, ровно въ семь часовъ пополудни, Липутину. Кромѣ того, велѣно сообщить, что болѣе отъ васъ ничего никогда не требуется.

— Ничего?

— Совершенно ничего. Ваша просьба исполняется и вы навсегда устранены. Это положительно мнѣ велѣно вамъ сообщить.

— Кто велѣлъ сообщить?

— Тѣ, которые передали мнѣ знакъ.

— Вы изъ-за границы?

— Это... это, я думаю, для васъ безразлично.

— Э, чортъ! А почему вы раньше не приходили, если вамъ велѣно?

— Я слѣдовалъ нѣкоторымъ инструкціямъ и былъ не одинъ.

— Понимаю, понимаю, что были не одинъ. Э... чортъ! А зачѣмъ Липутинъ самъ не пришелъ?

— Итакъ, я явлюсь за вами завтра ровно въ шесть часовъ вечера и пойдѣмъ туда пѣшкомъ. Кромѣ насъ троихъ никого не будетъ.

— Верховенскій будетъ?

— Нѣтъ, его не будетъ. Верховенскій уѣзжаетъ завтра поутру изъ города въ одиннадцать часовъ.

— Такъ я и думалъ, бѣшено прошепталъ Шатовъ и стукнулъ себя кулакомъ по бедру.— Бѣжалъ, каналья!

Онъ взволнованно задумался. Эркель пристально смотрѣлъ на него, молчалъ и ждалъ.

— Какъ же вы возьмете? Вѣдь это нельзя за разъ взять въ руки и унести.

— Да и не нужно будетъ. Вы только укажете мѣсто, а мы только удостоверимся, что дѣйствительно тутъ зарыто. Мы вѣдь знаемъ только, гдѣ это мѣсто, самаго мѣста не знаемъ. А вы развѣ указывали еще кому-нибудь мѣсто?

Шатовъ посмотрѣлъ на него.

— Вы-то, вы-то, такой мальчишка,—такой глупенькій мальчишка,—вы тоже туда влѣзли съ головой, какъ баранъ? Э, да имъ и надо этакого соку! Ну, ступайте! Э-эхъ! Тотъ подлецъ всѣхъ васъ надулъ и бѣжалъ.

Эркель смотрѣлъ ясно и спокойно, но какъ будто не понималъ.

— Верховенскій бѣжалъ, Верховенскій! яростно проскрежеталъ Шатовъ.

— Да вѣдь онъ еще здѣсь, не уѣхалъ. Онъ только завтра уѣдетъ, мягко и убѣдительно замѣтилъ Эркель. — Я его особенно приглашалъ присутствовать въ качествѣ свидѣтеля; къ нему моя вся инструкція была (съоткровенничалъ онъ какъ молодой, неопытный мальчикъ). Но онъ, къ сожалѣнію, не согласился подъ предлогомъ отъѣзда; да и въ самомъ дѣлѣ, что-то спѣшить.

Шатовъ еще разъ сожалительно вскинулъ глазами на простачка, но вдругъ махнулъ рукой, какъ бы подумавъ: „стоитъ жалѣть-то“.

— Хорошо, приду, оборвалъ онъ вдругъ, — а теперь убирайтесь, маршъ!

— Итакъ, я ровно въ шесть часовъ, вѣжливо поклонился Эркель и не спѣша пошелъ съ лѣстницы.

— Дурачокъ! не утерпѣлъ крикнуть ему вслѣдъ сверху лѣстницы Шатовъ.

— Что-съ? отозвался тотъ уже снизу.

— Ничего, ступайте.

— Я думалъ, вы что-то сказали.

II.

Эркель былъ такой „дурачокъ“, у котораго только главного толку не было въ головѣ, царя въ головѣ; но маленькаго подчиненнаго толку у него было довольно, даже до хитрости. Фанатически, младенчески преданный „общему дѣлу“, а въ сущности Петру Верховенскому, онъ дѣйствовалъ по его инструкціи, данной ему въ то время, когда въ засѣданіи у *нашихъ* условились и распредѣлили роли на завтра. Петръ Степановичъ, назначая ему роль посланника, успѣлъ поговорить съ нимъ минутъ десять въ сторонкѣ. Исполнительная часть была потребностью этой мелкой, малоразсудочной, вѣчно жаждущей подчиненія чужой волѣ натуры, — о, конечно, не иначе какъ ради „общаго“ или „великаго“ дѣла. Но и это было все равно, ибо маленькіе фанатики, подобные Эркелю, никакъ не могутъ понять служенія идеѣ, иначе какъ сливъ ее съ самимъ лицомъ, по ихъ понятію, выражающимъ эту идею. Чувствительный, ласковый и добрый Эркель, быть можетъ, былъ самымъ безчувственнымъ изъ убійць, собравшихся на Шатова, и безо всякой личной ненависти, не смигнувъ глазомъ, присутствовалъ-бы при его убіеніи.

Ему велѣно было, на примѣръ, хорошенько, между прочимъ, высмотрѣть обстановку Шатова, во время исполненія своего порученія, и когда Шатовъ, принявъ его на лѣстницѣ, сболтнулъ въ жару, всего вѣроятнѣе, не замѣтивъ того, что къ нему воротилась жена, — у Эркеля тотчасъ же достало инстинктивной хитрости не выказать ни малѣйшаго дальнѣйшаго любопытства, несмотря на блеснувшую въ умѣ догадку, что фактъ воротившейся жены имѣеть большое значеніе въ успѣхѣ ихъ предпріятія...

Такъ въ сущности и было: одинъ только этотъ фактъ и спасъ „мерзавцевъ“ отъ намѣренія Шатова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помогъ имъ отъ него „избавиться“... Во-первыхъ, онъ взволновалъ Шатова, выбилъ его изъ колеи, отнялъ отъ него обычную прозорливость и осторожность. Какая-нибудь идея о своей собственной безопасности мѣнѣе всего могла придти теперь въ его голову, занятую совсѣмъ другимъ. Напротивъ, онъ съ увлеченіемъ повѣрилъ, что Петръ Верховенскій завтра бѣжитъ: это такъ совпадало съ его подозрѣніями! Возвратясь въ комнату, онъ опять усѣлся въ уголь, уперся локтями на колѣни и закрылъ руками лицо. Горькія мысли его мучили...

И вотъ онъ снова подымалъ голову, вставалъ на цыпочки и шель на нее поглядѣть.

„Господи! Да у нея завтра же разовьется горячка, къ утру, пожалуй, уже теперь началась! Конечно, простудилась. Она не привыкла къ этому ужасному климату, а тутъ вагонъ, третій классъ, кругомъ вихрь, дождь, а у нея такой холодный бурнусикъ, совсѣмъ никакой одеженки... И тутъ-то ее оставить, бросить безъ помощи! Сакъ-то, сакъ-то какой крошечный, легкій, сморщенный, десять фунтовъ! Бѣдная, какъ она изнурена, сколько вынесла! Она горда, оттого и не жалуется. Но раздражена, раздражена! Эта болѣзнь: и ангель въ болѣзни станетъ раздражителенъ. Какой сухой, горячій, должно быть, лобъ, какъ темно подъ глазами и... и какъ, однако, прекрасенъ этотъ овалъ лица, и эти пышные волосы, какъ“...

И онъ поскорѣе отводилъ глаза, поскорѣй отходилъ, какъ бы пугаясь одной идеи видѣть въ ней что-нибудь другое, чѣмъ несчастное, измученное существо, которому надо помочь.

„Какія ужъ тутъ надежды! О, какъ низокъ, какъ подль чловѣкъ!“

И онъ шель опять въ свой уголь, садился, закрывалъ

лицо руками и опять мечталъ, опять припоминалъ... и опять мерещились ему надежды.

„Охъ, устала, охъ, устала!“ припоминалъ онъ ея восклицанія, ея слабый, надорванный голосъ. — „Господи! Бросить ее теперь, а у ней восемь гривенъ; протянула свой портмонэ, старенькій, крошечный! Приѣхала мѣста искать, — ну, что она понимаетъ въ мѣстахъ, что они понимаютъ въ Россіи? Вѣдь это какъ блажныя дѣти, все у нихъ собственныя фантазіи, ими же созданныя; и сердится, бѣдная, зачѣмъ не похожа Россія на ихъ иностранныя мечтанья! О, несчастные, о невинные!.. И, однако, въ самомъ дѣлѣ здѣсь холодно“...

Онъ вспомнилъ, что она жаловалась, что онъ обѣщался затопить печь.

„Дрова тутъ, можно принести, не разбудить бы только. Впрочемъ, можно. А какъ рѣшить насчетъ телятины? Встанетъ, можетъ-быть, захочетъ кушать... Ну, это послѣ; Кирилловъ всю ночь не спитъ. Чѣмъ бы ее накрыть, она такъ крѣпко спитъ, но ей вѣрно холодно, ахъ, холодно!“

И онъ еще разъ подошелъ на нее посмотреть; платье немного завернулось, и половина правой ноги открылась до колѣна. Онъ вдругъ отвернулся, почти въ испугѣ, снялъ съ себя теплое пальто, и, оставшись въ старенькомъ скюртучишкѣ, накрылъ, стараясь не смотреть, обнаженное мѣсто.

Зажиганіе дровъ, хожденіе на цыпочкахъ, осматриваніе спящей, мечты въ углу, потомъ опять осматриваніе спящей взяли много времени. Прошло два-три часа. И вотъ въ это-то время у Кириллова успѣли побывать Верховенскій и Липутинъ. Наконецъ, и онъ задремалъ въ углу. Раздался ея стонъ; она пробудилась, она звала его; онъ вскочилъ какъ преступникъ.

— Marie! Я было заснулъ... Ахъ, какой я подлець, Marie!

Она привсталала, озираясь съ удивленіемъ, какъ бы не узнавая, гдѣ находится, и вдругъ всполошилась въ негодованіи, въ гнѣвѣ.

— Я заняла вашу постель, я заснула внѣ себя отъ усталости; какъ смѣли вы не разбудить меня? Какъ осмѣлились подумать, что я намѣрена быть вамъ въ тягость?

— Какъ могъ я разбудить тебя, Marie?

— Могли; должны были! Для васъ тутъ нѣтъ другой постели, а я заняла вашу. Вы не должны были ставить

меня въ фальшивое положеніе. Или вы думаете, я прїѣхала пользоваться вашими благодѣяніями? Сейчасъ извольте занять вашу постель, а я лягу въ углу на стульяхъ...

— Marie, столько нѣтъ стульевъ, да и нечего постлать.

— Ну, такъ просто на полу. Вѣдь вамъ же самому придется спать на полу. Я хочу на полу, сейчасъ, сейчасъ!

Она встала, хотѣла шагнуть, но вдругъ какъ бы сильнѣйшая судорожная боль разомъ отняла у ней всѣ силы и всю рѣшимость, и она съ громкимъ стономъ опять упала на постель. Шатовъ подбѣжалъ, но Marie, спрятавъ лицо въ подушки, захватила его руку и изо всей силы стала сжимать и ломать ее въ своей рукѣ. Такъ продолжалось съ минуту.

— Marie, голубчикъ, если надо, тутъ есть докторъ Френцель, мнѣ знакомый, очень... Я бы сбѣгалъ къ нему.

— Вздоръ!

— Какъ вздоръ? Скажи, Marie, что у тебя болитъ? А то бы можно припарки... на животъ, на примѣръ... Это я и безъ доктора могу... А то горчичники...

— Чтѣ-жь это? странно спросила она, подымая голову и испуганно смотря на него.

— То-есть чтѣ именно, Marie? не понималъ Шатовъ.— Про чтѣ ты спрашиваешь? О, Боже, я совсѣмъ теряюсь, Marie, извини, что ничего не понимаю.

— Эхъ, отстаньте, не ваше дѣло понимать. Да и было бы очень смѣшно... горько усмѣхнулась она.— Говорите мнѣ про что-нибудь. Ходите по комнатѣ и говорите. Не стойте подлѣ меня и не глядите на меня, объ этомъ особенно прошу васъ въ пятисотый разъ!

Шатовъ сталъ ходить по комнатѣ, смотря въ полъ и изо всѣхъ силъ стараясь не взглянуть на нее.

— Тутъ — не разсердись, Marie, умоляю тебя — тутъ есть телятина, недалеко и чай... Ты такъ мало давеча скушала...

Она брезгливо и злобно замахала рукой. Шатовъ въ отчаяніи прикусилъ языкъ.

— Слушайте, я намѣрена здѣсь открыть переплетную, на разумныхъ началахъ ассоціаціи. Такъ какъ вы здѣсь живете, то какъ вы думаете: удастся или нѣтъ?

— Эхъ, Marie, у насъ и книгъ-то не читаютъ, да и пѣтъ ихъ совсѣмъ. Да и станетъ онъ книгу переплетать?

— Кто онъ?

— Здѣшній читатель и здѣшній житель вообще, Marie.

— Ну, такъ и говорите яснѣе, а то: *онъ*, а кто онъ — неизвѣстно. Грамматики не знаетъ.

— Это въ духѣ языка, Marie, пробормоталъ Шатовъ.

— Ахъ, подите вы съ вашимъ духомъ, надоѣли. Почему здѣшній житель или читатель не станетъ переплетать?

— Потому что читать книгу и ее переплетать это дѣлхъ два періода развитія, и огромныхъ. Сначала онъ помаленьку читать пріучается, вѣками, разумѣется, но треплетъ книгу и валетъ ее, считая за несерьезную вещь. Переплетъ же означаетъ уже и уваженіе къ книгѣ, означаетъ, что онъ не только читать полюбилъ, но и за дѣло призналъ. До этого періода еще вся Россія не дождала. Европа давно переплетается.

— Это хоть и по-педаггически, но, по крайней мѣрѣ, не глупо сказано и напоминаетъ мнѣ три года назадъ; вы иногда были довольно остроумны три года назадъ.

Она это высказала такъ же брезгливо, какъ и всѣ прежнія капризные свои фразы.

— Marie, Marie, въ умиленіи обратился къ ней Шатовъ, — о, Marie! Если бѣ ты знала, сколько въ эти три года прошло и проѣхало! Я слышалъ потомъ, что ты будто бы презирала меня за переѣзду убѣжденій. Кого-жъ я бросилъ? Враговъ живой жизни, устарѣлыхъ либералишекъ, боящихся собственной независимости; лакеевъ мысли, враговъ личности и свободы, дряхлыхъ проповѣдниковъ мертвечины и тухлятины! Что у нихъ: старчество, золотая середина, самая мѣщанская, подлая бездарность, завистливое равенство, равенство безъ собственнаго достоинства, равенство, какъ сознаетъ его лакей или какъ сознавалъ французъ 93 года... А главное, вездѣ мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!

— Да, мерзавцевъ много, отрывисто и болѣзненно проговорила она.

Она лежала протянувшись, недвижимо и какъ бы боясь пошевелиться, откинувшись головой на подушку, нѣсколько въ бокъ, смотря въ потолокъ утомленнымъ, но горячимъ взглядомъ. Лицо ея было блѣдно, губы высохли и запеклись.

— Ты, сознаешь, Marie, сознаешь! воскликнулъ Шатовъ.

Она хотѣла было сдѣлать отрицательный знакъ головой, и вдругъ съ нею сдѣлалась прежняя судорога. Опять она

спрятала лицо въ подушку и опять изо всей силы цѣлую минуту сжимала до боли руку подбѣжавшаго и обезумѣвшаго отъ ужаса Шатова.

— Marie, Marie! Но вѣдь это, можетъ-быть, очень серьезно, Marie!

— Молчите... Я не хочу, не хочу, не хочу, восклицала она почти въ ярости, повертываясь опять вверхъ лицомъ.— Не смѣйте глядѣть на меня съ вашимъ состраданіемъ! Ходите по комнатѣ, говорите что-нибудь, говорите...

Шатовъ, какъ потерянный, началъ было снова что-то бормотать.

— Вы чѣмъ здѣсь занимаетесь? спросила она, съ презрительнымъ нетерпѣніемъ перебывая его.

— На контору къ купцу одному хожу. Я, Marie, если бы особенно захотѣлъ, могъ бы и здѣсь хорошія деньги доставать.

— Тѣмъ для васъ лучше...

— Ахъ, не подумай чего, Marie, я такъ сказалъ...

— А еще что дѣлаете? Что проповѣдуете? Вѣдь вы не можете не проповѣдывать; таковъ характеръ!

— Бога проповѣдую, Marie.

— Въ котораго сами не вѣрите. Этой идеи я никогда не могла понять.

— Оставимъ, Marie, это потомъ.

— Что такое была здѣсь эта Марья Тимоѣевна?

— Это тоже мы потомъ, Marie.

— Не смѣйте мнѣ дѣлать такіа замѣчанія! Правда-ли, что смерть эту можно отнести къ злодѣйству... этихъ людей?

— Непремѣнно такъ, проскрежеталъ Шатовъ.

Marie вдругъ подняла голову и болѣзненно прокричала:

— Не смѣйте мнѣ больше говорить объ этомъ, никогда не смѣйте, никогда не смѣйте!

И она опять упала на постель въ припадкѣ той же судорожной боли; это уже въ третій разъ, но на этотъ разъ стоны стали громче, обратились въ крики.

— О, несносный человѣкъ! О, нестерпимый человѣкъ! металась она уже не жалѣя себя, отталкивая стоявшаго надъ нею Шатова.

— Marie, я буду что хочешь... я буду ходить... говорить...

— Да неужто вы не видите что началось.

— Что началось, Marie?

— А почему я знаю! Я развѣ тутъ знаю что-нибудь... О, проклятая! О, будь проклято все заранѣ!

— Marie, если-бъ ты сказала что начинается... а то я... что я пойму, если такъ?

— Вы отвлеченный, бесполезный болтунъ. О, будь проклято все на свѣтѣ!

— Marie! Marie!

Онъ серьезно подумалъ, что съ ней начинается помѣшательство.

— Да неужели вы, наконецъ, не видите, что я мучаюсь родами? приподнялась она, смотря на него со страшною, болѣзненною, искажившею лицо ея злобой.—Будь онъ заранѣ проклять, этотъ ребенокъ!

— Marie, воскликнулъ Шатовъ, догадавшись, наконецъ, въ чемъ дѣло.—Marie... Но что же ты не сказала заранѣ? спохватился онъ вдругъ и съ энергическою рѣшимостью схватилъ свою фуражку.

— А я почему знала, входя сюда? Неужто пришла бы къ вамъ? Мнѣ сказали, еще черезъ десять дней! Куда же вы, куда же вы, не смѣйте!

— За повивальную бабкой! Я продамъ револьверъ: прежде всего теперь деньги!

— Не смѣйте ничего, не смѣйте повивальную бабку, просто бабу, старуху, у меня въ портмонѣ восемь гривенъ... Родятъ же деревенскія бабы безъ бабокъ... А околю, такъ тѣмъ лучше...

— И баба будетъ, и старуха будетъ. Только какъ я, какъ я оставлю тебя одну, Marie!

Но, сообразивъ, что лучше теперь оставить ее одну, несмотря на все ея изступленіе, чѣмъ потомъ оставить безъ помощи, онъ, не слушая ея стоновъ, ни гнѣвливыхъ восклицаній, и надѣясь на свои ноги, пустился сломя голову съ лѣстницы.

III.

Прежде всего къ Кириллову. Было уже около часу полуночи. Кирилловъ стоялъ посреди комнаты.

— Кирилловъ, жена родить!

— То-есть, какъ?

— Родить, ребенка родить!

— Вы... не ошибаетесь?

— О, нѣтъ, нѣтъ, у ней судороги!.. Надо бабу, старуху

какую-нибудь, непременно сейчас... Можно теперь достать? У васъ было много старухъ...

— Очень жаль, что я родить не умѣю, задумчиво отъѣчалъ Кирилловъ, — то-есть, не я родить не умѣю, а сдѣлать такъ, чтобы родить не умѣю... или... Нѣтъ, это я не умѣю сказать.

— То-есть, вы не можете сами помочь въ родахъ; но я не про то; старуху, старуху, я прошу бабу, сидѣлку, служанку!

— Старуха будетъ, только, можетъ-быть, не сейчасъ. Если хотите, я вмѣсто...

— О, невозможно; я теперь къ Виргинской, къ бабкѣ.

— Мерзавка!

— О, да, Кирилловъ, да, но она лучше всѣхъ! О, да, все это будетъ безъ благоговѣнія, безъ радости, брезгливо, съ бранью, съ богохульствомъ—при такой великой тайнѣ, появленіи новаго существа!.. О, она ужъ теперь проклинаетъ его!..

— Если хотите, я...

— Нѣтъ, нѣтъ, а пока я буду бѣгать (о, я притащу Виргинскую!), вы иногда подходите къ моей лѣстницѣ и тихонько прислушивайтесь, но не смѣйте входить, вы ее испугаете, ни за что не входите, вы только слушайте... на всякій ужасный случай. Ну, если что крайнее случится, тогда войдите.

— Понимаю. Денегъ еще рубль. Вотъ. Я хотѣлъ завтра курицу, теперь не хочу. Бѣгите скорѣй, бѣгите изо всей силы. Самоваръ всю ночь.

Кирилловъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ насчетъ Шатова, да и прежде никогда не зналъ о степени опасности, ему угрожающей. Зналъ только, что у него какіе-то старые счеты съ „тѣми людьми“, и хотя самъ былъ въ это дѣло отчасти замѣшанъ, сообщенными ему изъ-за границы инструкціями (впрочемъ, весьма поверхностными, ибо близко онъ ни въ чемъ не участвовалъ), но въ послѣднее время онъ все бросилъ, всѣ порученія, совершенно устранилъ себя отъ всякихъ дѣлъ, прежде же всего отъ „общаго дѣла“, и передался жизни созерцательной. Петръ Верховенскій, въ засѣданіи, хотя и позвалъ Липутина къ Кириллову, чтобы удостовѣриться, что тотъ приметъ, въ данный моментъ, „дѣло Шатова“ на себя, но, однако, въ объясненіяхъ съ Кирилловымъ ни слова не сказалъ про Шатова, даже не намекнулъ,—вѣроятно, счи-

тая не политичнымъ, а Кириллова—даже и неблагонадежнымъ, и оставивъ до завтра, когда уже все будетъ сдѣлано, а Кириллову, стало-быть, будетъ уже „все равно“: по крайней мѣрѣ, такъ разсуждалъ о Кирилловѣ Петръ Степановичъ. Липутинъ тоже очень замѣтилъ, что о Шатовѣ, несмотря на обѣщаніе, ни слова не было упомянуто, но Липутинъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы протестовать.

Какъ вихрь бѣжалъ Шатовъ въ Муравьиную улицу, проклиная разстояніе и не видя ему конца.

Надо было долго стучать у Виргинскаго: всѣ давно уже спали. Но Шатовъ изо всей силы и безъ всякой церемоніи заколотилъ въ ставню. Цѣпная собака на дворѣ рвалась и заливалась злобнымъ лаемъ. Собаки всей улицы подхватили; поднялся собачій гамъ.

— Что вы стучите и чего вамъ угодно? раздался, наконецъ, у окна мягкій и не соотвѣтственный „оскорбленію“ голосъ самого Виргинскаго.

Ставня пріотворилась, открылась и форточка.

— Кто тамъ, какой подлецъ? злобно провизжалъ уже совершенно соотвѣтственный оскорбленію женскій голосъ старой дѣвы, родственницы Виргинскаго.

— Я Шатовъ, ко мнѣ воротилась жена и теперь сейчасъ родить...

— Ну, пусть и родить, убирайтесь!

— Я за Ариной Прохоровной, я не уйду безъ Арины Прохоровны!

— Не можетъ она ко всякому ходить. Но ночамъ особая практика... Убирайтесь къ Макшеевой и не смѣйте шумѣть! трещалъ обозленный женскій голосъ.

Слышно было, какъ Виргинскій останавливалъ; но старая дѣва его отталкивала и не уступала.

— Я не уйду! прокричалъ опять Шатовъ.

— Подождите, подождите же! прикрикнулъ, наконецъ, Виргинскій, осливъ дѣву.—Прошу васъ, Шатовъ, подождать пять минутъ, я разбужу Арину Прохоровну, пожалуйста, не стучите и не кричите... О, какъ все это ужасно!

Черезъ пять безконечныхъ минутъ явилась Арина Прохоровна.

— Къ вамъ жена пріѣхала? слышался изъ форточки ея голосъ, и, къ удивленію Шатова, вовсе не злой, а такъ

только по обыкновенному повелительный; но Арина Прохорова иначе и не могла говорить.

— Да, жена—и родить.

— Марья Игнатьевна?

— Да, Марья Игнатьевна. Разумѣется, Марья Игнатьевна!

Наступило молчаніе. Шатовъ ждалъ. Въ домѣ перешептывались.

— Она давно пріѣхала? спросила опять м-ме Виргинская.

— Сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ. Пожалуйста, поскорѣй.

Опять пошептались, опять какъ будто посовѣтовались.

— Слушайте, вы не ошибаетесь? Она сама васъ послала за мной?

— Нѣтъ, она не посылала за вами, она хочетъ бабу, простую бабу, чтобы меня не обременять расходами, но, не беспокойтесь, я заплачу.

— Хорошо, приду, заплатите или нѣтъ. Я всегда дѣлала независимыя чувства Марьи Игнатьевны, хотя она, можетъ-быть, не помнитъ меня. Есть у васъ самыя необходимыя вещи?

— Ничего нѣтъ, но все будетъ, будетъ, будетъ...

„Есть же и въ этихъ людяхъ великодушіе!“ думалъ Шатовъ, направляясь къ Лямшину. „Убѣжденія и чело-вѣкъ—это, кажется, двѣ вещи во многомъ различныя. Я, можетъ-быть, много виноватъ предъ ними!.. Всѣ виноваты, всѣ виноваты и... если бы въ этомъ всѣ убѣдились!..“

У Лямшина пришлось стучать не долго; къ удивленію, онъ мигомъ отворилъ форточку, вскочивъ съ постели босой и въ бѣльѣ, рискуя насморкомъ; а онъ очень былъ мнителенъ и постоянно заботился о своемъ здоровьѣ. Не была особая причина такой чуткости и поспѣшности: Лямшинъ трепеталъ весь вечеръ и до сихъ поръ еще не могъ заснуть отъ волненія вслѣдствіе засѣданія у нашихъ; ему все мерещилось посѣщеніе нѣкоторыхъ незваныхъ и уже совсѣмъ нежеланныхъ гостей. Извѣстіе о доносѣ Шатова больше всего его мучило.. И вотъ вдругъ, какъ нарочно, такъ ужасно громко застучали въ окошко!..

Онъ до того струсиль, увидавъ Шатова, что тотчасъ же захлопнулъ форточку и убѣжалъ на кровать. Шатовъ сталъ неистово стучать и кричать.

— Какъ вы смѣете такъ стучать среди ночи? грозно,

но замирая отъ страху, крикнулъ Лямшинъ, по крайней мѣрѣ, минуты черезъ двѣ рѣшившись отворить снова форточку и убѣдившись, наконецъ, что Шатовъ пришелъ одинъ.

— Вотъ вамъ револьверъ; берите обратно, давайте пятнадцать рублей.

— Чтò это, вы пьяны? Это разбой; я только простужусь. Пойдите, я сейчасъ пледъ накину.

— Сейчасъ давайте пятнадцать рублей. Если не дадите, буду стучать и кричать до зари; я у васъ раму выбью.

— А я закричу караулъ, и васъ въ каталашку возьмутъ.

— А я нѣмой, что-ли? Я не закричу караулъ? Кому бояться караула, вамъ или мнѣ?

— И вы можете питать такія подлыя убѣжденія... Я знаю, на чтò вы намекаете... Стойте, стойте, ради Бога не стучите! Помилуйте, у кого деньги ночью? Ну зачѣмъ вамъ деньги, если вы не пьяны?

— Ко мнѣ жена воротилась. Я вамъ десять рублей скинулъ, я ни разу не стрѣлялъ; берите револьверъ, берите сію минуту.

Лямшинъ машинально протянулъ изъ форточки руку и принялъ револьверъ; подождалъ и вдругъ, быстро выскочивъ головой изъ форточки, пролепеталъ какъ бы не помня себя и съ ознобомъ въ спинѣ:

— Вы врете, къ вамъ совсѣмъ не пришла жена... Это... это вы просто хотите куда-нибудь убѣжать.

— Дуракъ вы, куда мнѣ бѣжать? Это вашъ Петръ Верховенскій пусть бѣжитъ, а не я. Я былъ сейчасъ у бабки Виргинской, и она тотчасъ согласилась ко мнѣ притти. Справьтесь. Жена мучается; нужны деньги; давайте денегъ!

Цѣлый фейерверкъ идей блеснулъ въ изворотливомъ умѣ Лямшина. Все вдругъ приняло другой оборотъ, но все еще страхъ не давалъ расудить.

— Да какъ же... вѣдь вы не живете съ женой?

— А я вамъ голову пробью за такіе вопросы.

— Ахъ, Богъ мой, простите, понимаю, меня только ошеломило... Но я понимаю, понимаю. Но... но — неужели Арина Прохоровна придетъ? Вы сказали сейчасъ, что она пошла? Знаете, вѣдь это неправда. Видите, видите, видите, какъ вы говорите неправду на каждомъ шагу.

— Она навѣрно теперь у жены сидитъ, не задерживайте, я не виноватъ, что вы глупы.

— Неправда, я не глушь. Извините меня, никакъ не могу...

И онъ, совсѣмъ уже потерявшись, въ третій разъ сталъ опять запирать, но Шатовъ такъ завопилъ, что онъ мигомъ опять выставился.

— Но это совершенное посягнуеніе на личность? Чего вы отъ меня требуете, ну чего, чего, формулируйте. И замѣтьте, замѣтьте себѣ, среди такой ночи!

— Пятнадцать рублей требую, баранья голова!

— Но я, можетъ, вовсе не хочу брать назадъ револьверъ. Вы не имѣете права. Вы купили вещь—и все кончено, и не имѣете права. Я такую сумму ночью ни за что не могу. Гдѣ я достану такую сумму?

— У тебя всегда деньги есть; я тебѣ сбавилъ десять рублей, но ты извѣстный жидѣнокъ.

— Приходите послѣзавтра,—слышите, послѣзавтра утромъ, ровно въ двѣнадцать часовъ, и я все отдамъ, все, неправда-ли?

Шатовъ въ третій разъ неистово застучалъ въ раму.

— Давай десять рублей, а завтра чѣмъ свѣтъ утромъ пять.

— Нѣтъ, послѣзавтра утромъ пять, а завтра ей-Богу не будетъ. Лучше и не приходите, лучше не приходите.

— Давай десять; о, подлець!

— За что же вы такъ ругаетесь? Подождите, надобно засвѣтить; вы вотъ стекло выбили... Кто по ночамъ такъ ругается? Вотъ! протянулъ онъ изъ окна бумажку.

Шатовъ схватилъ,—бумажка была пятирублевая.

— Ей-Богу не могу, хоть зарѣжьте, не могу, послѣзавтра все могу, а теперь ничего не могу.

— Не уйду! заревѣлъ Шатовъ.

— Ну, вотъ берите, вонъ еще, видите еще, а больше не дамъ. Ну, хоть орите во все горло, не дамъ, ну хоть что бы тамъ ни было, не дамъ; не дамъ и не дамъ!

Онъ былъ въ изступленіи, въ отчаяніи, въ поту. Двѣ кредитки, которыя онъ еще выдалъ, были рублевья. Всего скопилось у Шатова семь рублей.

— Ну, чортъ съ тобой, завтра приду. Изобью тебя, Лямшинъ, если не приготовишь восьми рублей.

„А дома-то меня не будетъ, дуракъ!“ быстро подумалъ про себя Лямшинъ.

— Стойте, стойте! неистово закричалъ онъ вслѣдъ Шатову, который уже побѣжалъ.—Стойте, воротитесь. Ска-

жите, пожалуйста, это правду вы сказали, что къ вамъ воротилась жена?

— Дуракъ! плюнулъ Шатовъ и побѣжалъ что было ночи домой.

IV.

Вамѣчу, что Арина Прохоровна ничего не знала о вчерашнихъ намѣреніяхъ, принятыхъ въ засѣданіи. Виргинскій, возвратясь домой, пораженный и ослабѣвшій, не осмѣлился сообщить ей принятое рѣшеніе, но все-таки не утерпѣлъ и открылъ половину, — то есть все извѣстіе, сообщенное Верховенскимъ о непремѣнномъ намѣреніи Шатова донести; но тутъ же заявилъ, что не совсѣмъ довѣряетъ извѣстію. Арина Прохоровна испугалась ужасно. Вотъ почему, когда прибѣжалъ за нею Шатовъ, она, несмотря на то, что была утомлена, промаявшись съ одной родильницей всю прошлую ночь, немедленно рѣшилась пойти. Она всегда была увѣрена, что „такая дрянь, какъ Шатовъ, способенъ на гражданскую подлость“, но прибытіе Марьи Игнатьевны подводило дѣло подъ новую точку зрѣнія. Испугъ Шатова, отчаянный тонъ его просьбы, мольбы о помощи обозначали переворотъ въ чувствахъ предателя: человекъ, рѣшившійся даже предать себя, чтобы только погубить другихъ — кажется, имѣлъ бы другой видъ и тонъ, чѣмъ представлялось въ дѣйствительности. Однимъ словомъ, Арина Прохоровна рѣшилась рассмотреть все сама своими глазами. Виргинскій остался очень доволенъ ея рѣшимостью, — какъ будто пять пудовъ съ него сняли! У него даже родилась надежда: видъ Шатова показался ему въ высшей степени несоотвѣтственнымъ предположенію Верховенскаго.

Шатовъ не ошибся; возвратясь, онъ уже засталъ Арину Прохоровну у Маріе. Она только что пріѣхала, съ презрѣніемъ прогнала Кириллова, торчавшаго внизу лѣстницы; наскоро познакомилась съ Маріе, которая за прежнюю знакомую ее не признала; пошла ее въ „свернѣйшемъ положеніи“, то есть злобною, разстроенною и въ „самомъ малодушномъ отчаяніи“, и въ какихъ-нибудь пять минутъ одержала рѣшительный верхъ надъ всѣми ея возраженіями.

— Чего вы наладили, что не хотите дорогой акушерки? говорила она въ ту самую минуту, какъ входилъ Шатовъ, — совершенный вздоръ, фальшивыя мысли отъ не-

нормальности вашего положенія. Съ помощью простой какой-нибудь старухи, простонародной бабки, вамъ пятьдесятъ шансовъ кончить худо; а ужъ тутъ хлопотъ и расходовъ будетъ больше, чѣмъ съ дорогою акушеркой. Почему вы знаете, что я дорогая акушерка? Заплатите постѣ, я съ васъ лишняго не возьму, а за успѣхъ поручусь; со мной не умрете, не такихъ видывала. Да и ребенка хоть завтра же вамъ отправлю въ пріютъ, а потомъ въ деревню на воспитаніе, тѣмъ и дѣло съ концомъ. А тамъ вы выздоравливаете, принимаетесь за разумный трудъ, и въ очень короткій срокъ вознаграждаете Шатова за помѣщеніе и расходы, которые вовсе будутъ не такъ велики...

— Я не то... Я не въ правѣ обременять...

— Рациональныя и гражданскія чувства, но повѣрьте, что Шатовъ ничего почти не истратитъ, если захочетъ изъ фантастическаго господина обратиться хоть капельку въ человѣка вѣрныхъ идей. Стоитъ только не дѣлать глупостей, не бить въ барабанъ, не бѣгать высуня языкъ по городу. Не держать его за руки, такъ онъ къ утру подыметъ, пожалуй, всѣхъ здѣшнихъ докторовъ; подыметъ же всѣхъ собакъ у меня на улицѣ. Докторовъ не надо, и уже сказала, что ручаюсь за все. Старуху, пожалуй, еще можно нанять для прислуги, это ничего не стѣитъ. Впрочемъ, онъ и самъ можетъ на что-нибудь пригодиться, не на однѣ только глупости. Руки есть, ноги есть, въ аптеку сбѣгаетъ, безъ всякаго оскорбленія вашихъ чувствъ благодѣяніемъ. Какое чортъ благодѣяніе! Развѣ не онъ васъ привелъ къ этому положенію? Развѣ не онъ поссорилъ васъ съ тѣмъ семействомъ, гдѣ вы были въ гувернанткахъ, съ эгоистическою цѣлью на васъ жениться? Вѣдь мы слышали... Впрочемъ, онъ самъ сейчасъ прибѣжалъ какъ опалѣный и накричалъ на всю улицу. Я ни къ кому не навязываюсь и пришла единственно для васъ, изъ принципа, что всѣ наши обязаны солидарностью; я ему заявила это, еще не выходя изъ дому. Если я, по вашему, лишняя, то прощайте; только не вышло бы бѣды, которую такъ легко устранить.

И она даже поднялась со стула.

Маріе была такъ беспомощна, до того страдала и, надо правду сказать, до того пугалась предстоящаго, что не посмѣла ее отпустить. Но эта женщина стала ей вдругъ ненавистна: совсѣмъ не о томъ она говорила, совсѣмъ не

то было на душѣ Marie! Но пророчество о возможной смерти въ рукахъ неопытной повитухи побѣдило отвращеніе. Зато къ Шатову она стала съ этой минуты еще требовательнѣе, еще безпощаднѣе. Дошло, наконецъ, до того, что запретила ему не только смотрѣть на себя, но и стоять къ себѣ лицомъ. Мученія становились сильнѣе. Проклятія, даже брань, становились все неистовѣе.

— Э, да мы его вышлемъ, отрѣзала Арина Прохорова,—на пемъ лица нѣтъ, онъ только васъ пугаетъ; поблѣднѣлъ какъ мертвецъ! Вамъ-то чего, скажите, пожалуйста, смѣшной чудакъ? Вотъ комедія!

Шатовъ не отвѣчалъ; онъ рѣшился ничего не отвѣчать.

— Видала я глупыхъ отцовъ въ такихъ случаяхъ, тоже съ ума сходятъ. Но вѣдь тѣ, по крайней мѣрѣ...

— Перестаньте или бросьте меня, чтобъ я околѣла! Чтобы ни слова не говорили! Не хочу, не хочу! раскричалась Marie.

— Ни слова не говорить нельзя, если вы сами не лишились разсудка; такъ я понимаю объ васъ въ этомъ положеніи. По крайней мѣрѣ, надо о дѣлѣ: скажите, заготовлено у васъ что-нибудь? Отвѣчайте вы, Шатовъ, ей не до того.

— Скажите, чтò именно надобно?

— Значить, ничего не заготовлено.

Она высчитала все необходимо нужное, и надо отдать ей справедливость, ограничилась самымъ крайне необходимымъ, до нищенства. Кое-что нашлось у Шатова. Marie вынула ключъ и протянула ему, чтобъ онъ поискалъ въ ея саквояжѣ. Такъ какъ у него дрожали руки, то онъ и прокопался нѣсколько дольше, чѣмъ слѣдовало, отпирая незнакомый замокъ. Marie вышла изъ себя, но когда подскочила Арина Прохорова, чтобъ отнять у него ключъ, то ни за чтò не позволила ей заглянуть въ свой сакъ и съ блаженнымъ крикомъ и плачемъ настояла, чтобы сакъ отпиралъ одинъ Шатовъ.

За иными вещами приходилось сбѣгать къ Кириллову. Чуть только Шатовъ повернулся идти, она тотчасъ стала неистово звать его назадъ и успокоилась лишь тогда, когда опрометью воротившійся съ лѣстницы Шатовъ разъяснилъ ей, что уходитъ лишь на минуту, за самымъ необходимымъ, и тотчасъ опять воротится.

— Ну, на васъ трудно, барыня, угодить, размѣялась Арина Прохорова.—То стой лицомъ къ стѣнѣ и не

смѣй на васъ посмотрѣть, то не смѣй даже и на минутку отлучиться, заплачете. Вѣдь онъ этакъ что-нибудь, пожалуй, подумаетъ. Ну, ну, не блажите, не кукситесь, я вѣдь смѣюсь.

— Онъ не смѣетъ ничего подумать.

— Та-та-та, если бы не былъ въ васъ влюбленъ какъ баранъ, не бѣгалъ бы по улицамъ высуня языкъ и не поднялъ бы по городу всѣхъ собакъ. Онъ у меня раму выбилъ.

V.

Шатовъ засталъ Кириллова, все еще ходившаго изъ угла въ уголь по комнатѣ, до того разсѣяннымъ, что тотъ даже забылъ о пріѣздѣ жены, слушалъ и не понималъ.

— Ахъ, да, вспомнилъ онъ вдругъ, какъ бы отрываясь съ усиліемъ и только на мигъ отъ какой-то увлекавшей его идеи,—да... старуха... Жена или старуха? Пойдите: и жена, и старуха, такъ? Помню; ходилъ; старуха придетъ, только не сейчасъ. Берите подушку. Еще что? Да... Пойдите, бываютъ съ вами, Шатовъ, минуты вѣчной гармоніи?

— Знаете, Кирилловъ, вамъ нельзя больше не спать по ночамъ.

Кирилловъ очнулся и — странно — заговорилъ гораздо складнѣе, чѣмъ даже всегда говорилъ; видно было, что онъ давно уже все это формулировалъ и, можетъ-быть, записалъ:

— Есть секунды, ихъ всего за разъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда. Богъ, когда міръ создавалъ, то въ концѣ каждаго дня созданія говорилъ: „да, это правда, это хорошо“. Это... это не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о,—тутъ выше любви! Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и такая радость. Если болѣе пяти секундъ, то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь и за нихъ отдаю всю мою жизнь, потому что

стоять. Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически. Я думаю, человекъ долженъ перестать родить. Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута? Въ Евангеліи сказано, что въ воскресеніи не будутъ родить, а будутъ какъ ангелы Божіи. Намекъ. Ваша жена родить?

— Кирилловъ, это часто приходитъ?

— Въ три дня разъ, въ недѣлю разъ.

— У васъ пѣть падучей?

— Нѣтъ.

— Значить, будетъ. Берегитесь, Кирилловъ, я слышалъ, что именно такъ падучая начинается. Мнѣ одинъ эпилептикъ подробно описывалъ это предварительное ощущеніе предъ припадкомъ, точь-въ-точь какъ вы; пять секундъ и онъ назначалъ, и говорилъ, что болѣе нельзя вынести. Вспомните Магометовъ кувшинъ, не успѣвшій пролиться, пока онъ облетѣлъ на конѣ своемъ рай. Кувшинъ—это тѣ же пять секундъ; слишкомъ напоминаетъ вашу гармонию, а Магометъ былъ эпилептикъ. Берегитесь, Кирилловъ, падучая!

— Не успѣть, тихо усмѣхнулся Кирилловъ.

VI.

Ночь проходила. Шатова посылали, бранили, призывали. Маріе дошла до послѣдней степени страха за свою жизнь. Она кричала, что хочетъ жить „непремѣнно, непремѣнно!“ и боится умереть: „не надо, не надо!“ повторяла она. Если бы не Арина Прохоровна, то было бы очень плохо. Мало-по-малу она совершенно овладѣла пациенткой. Та стала слушаться каждаго слова ея, каждаго окрика, какъ ребенокъ. Арина Прохоровна брала строгостью, а не лаской, зато работала мастерски. Стало разсвѣтать. Арина Прохоровна вдругъ выдумала, что Шатовъ сейчасъ выбѣгалъ на лѣстницу и Богу молился, и стала смѣяться. Маріе тоже засмѣялась злобно, язвительно, точно ей легче было отъ этого смѣха. Наконецъ, Шатова выгнали совсѣмъ. Наступило сырое, холодное утро. Онъ приникъ лицомъ къ стѣнѣ, въ углу, точь-въ-точь какъ наканунѣ, когда входилъ Эркель. Онъ дрожалъ какъ листъ, боялся думать, но умъ его цѣплялся мыслью за все представлявшееся, какъ бываетъ во снѣ. Мечты безпрерывно увлекали его и безпрерывно обрывались, какъ гнилыя нитки. Изъ комнаты раздалось, наконецъ, уже

не стоны, а ужасные, чисто животные крики, невыносимые, невозможные. Онъ хотѣлъ было заткнуть уши, но не могъ, и упалъ на колѣна, бессознательно повторяя: „Marie, Marie!“ И вотъ, наконецъ, раздался крикъ, новый крикъ, отъ котораго Шатовъ вздрогнулъ и вскочилъ съ колѣнъ,—крикъ младенца, слабый, надтреснутый. Онъ перекрестился и бросился въ комнату. Въ рукахъ у Арины Прохоровны кричало и копошилось крошечными ручками и ножками маленькое, красное, сморщенное существо, беспомощное до ужаса и зависящее, какъ пылинка, отъ перваго дуновенія вѣтра, но кричавшее и заявлявшее о себѣ, какъ будто тоже имѣло какое-то самое полное право на жизнь.. Marie лежала какъ безъ чувствъ, но черезъ минуту открыла глаза и странно-странно поглядѣла на Шатова: совсѣмъ какой-то новый былъ этотъ взглядъ, какой именно, онъ еще понять былъ не въ силахъ, но никогда прежде онъ не зналъ и не помнилъ у ней такого взгляда.

— Мальчикъ? Мальчикъ? болѣзненнымъ голосомъ спросила она Арину Прохоровну.

— Мальчишка! крикнула та въ отвѣтъ, увертывал ребенка.

На мгновеніе, когда она уже увертѣла его и собиралась положить поперекъ кровати, между двумя подушками, она передала его подержать Шатову. Marie, какъ-то исподтишка и какъ будто боясь Арины Прохоровны, кивнула ему. Тотъ сейчасъ понялъ и поднесъ показать ей младенца.

— Какой... хорошенькій... слабо прошептала она съ улыбкой.

— Фу, какъ онъ смотритъ! весело разсмѣялась торжествующая Арина Прохоровна, заглянувъ въ лицо Шатову.—Экое вѣдь у него лицо!

— Веселитесь, Арина Прохоровна... Это великая радость... съ идиотски-блаженнымъ видомъ пролепеталъ Шатовъ, просіявшій послѣ двухъ словъ Marie о ребенкѣ.

— Какая такая у васъ тамъ великая радость? веселилась Арина Прохоровна, суетясь, прибираясь и работая какъ каторжная.

— Тайна появленія новаго существа, великая тайна и необъяснимая, Арина Прохоровна, и какъ жаль, что вы этого не понимаете!

Шатовъ бормоталъ безсвязно, чадно и восторженно. Какъ

будто что-то шаталось въ его головѣ и само собою безъ воли его выливалось изъ души.

— Было двое, и вдругъ третій человѣкъ, новый духъ, дѣльный, законченный, какъ не бываетъ отъ рукъ человѣческихъ; новая мысль и новая любовь, даже страшно.. И нѣтъ ничего выше на свѣтѣ!

— Экъ напороль! Просто дальнѣйшее развитіе организма и ничего тутъ нѣтъ, никакой тайны, искренно и весело хохотала Арина Прохоровна.—Этакъ всякая муха тайна. Но вотъ что: лишнимъ людямъ не надо бы родиться. Сначала перекуйте такъ все, чтобъ они не были лишніе, а потомъ и родите ихъ. А то вотъ его въ пріютъ послѣзавтра тащить... Впрочемъ, это такъ и надо.

— Никогда онъ не пойдетъ отъ меня въ пріютъ! уставившись въ полъ, твердо произнесъ Шатовъ.

— Усыновляете?

— Онъ и есть мой сынъ.

— Конечно, онъ Шатовъ, по закону Шатовъ, и нечего вамъ выставяться благодѣтелемъ-то рода человѣческаго. Не могутъ безъ фразъ. Ну, ну, хорошо, только вотъ что, господа, кончила она, наконецъ, прибираться,—мнѣ идти пора. Я еще поутру приду и вечеромъ приду, если надо, а теперь, такъ какъ все слишкомъ благополучно сошло, то и надо къ другимъ сбѣгать, давно ожидаютъ. Тамъ у васъ, Шатовъ, старуха гдѣ-то сидитъ; старуха-то старухой, но ее оставляйте и вы, муженекъ; посидите подлѣ, авось пригодитесь; Марья-то Игнатьевна, кажется, васъ не прогонитъ... ну, ну, вѣдь я смѣюсь...

У воротъ, куда проводилъ ее Шатовъ, она прибавила уже ему одному:

— Насмѣшили вы меня на всю жизнь; денегъ съ васъ не возьму; во снѣ разсмѣюсь. Смѣшнѣе, какъ вы въ эту ночь, ничего не видывала.

Она ушла совершенно довольная. По виду Шатова и по разговору его оказалось ясно, какъ день, что этотъ человѣкъ „въ отцы собирается и тряпка послѣдней руки“. Она нарочно забѣжала, хотя прямо и ближе было пройти къ другой пациенткѣ, чтобы сообщить объ этомъ Виргинскому.

— Marie, она велѣла тебѣ погодить спать нѣкоторое время, хоть это, я вижу, ужасно трудно... робко началъ Шатовъ.—Я тутъ у окна посижу и постерегу тебя, а?

И онъ усѣлся у окна сзади дивана, такъ что ей ни-

какъ нельзя было его видѣть. Но не прошло и минуты, она подозвала его и брезгливо попросила поправить подушку. Онъ сталъ оправлять. Она сердито смотрѣла въ стѣну.

— Не такъ, охъ, не такъ... Что за руки!

Шатовъ поправилъ еще.

— Нагнитесь ко мнѣ, вдругъ дико проговорила она, какъ можно стараясь не глядѣть на него.

Онъ вздрогнулъ, но нагнулся.

— Еще... не такъ... ближе, и вдругъ лѣвая рука ея стремительно обхватила его шею, и на лбу своемъ онъ почувствовалъ крѣпкій, влажный ея поцѣлуй.

— Marie!

Губы ея дрожали, она крѣпилась, но вдругъ приподнялась и, засверкавъ глазами, проговорила:

— Николай Ставрогинъ подлецъ!

И бессильно, какъ подрѣзанная, упала лицомъ въ подушку, истерически зарыдавъ и крѣпко сжимая въ своей рукѣ руку Шатова.

Съ этой минуты она уже не отпускала его болѣе отъ себя, она потребовала, чтобъ онъ сѣлъ у ея изголовья. Говорить она могла мало, но все смотрѣла на него и улыбалась ему какъ блаженная. Она вдругъ точно обратилась въ какую-то дурочку. Все какъ будто переродилось. Шатовъ то плакалъ, какъ маленькій мальчикъ, то говорилъ. Богъ знаетъ что, дико, чадно, вдохновенно; цѣловалъ у ней руки; она слушала съ упоеніемъ, можетъ-быть, и не понимая, но ласково перебирала ослабѣвшею рукой его волосы, приглаживала ихъ, любовалась ими. Онъ говорилъ ей о Кирилловѣ, о томъ, какъ теперь они жить начнутъ „вновь и навсегда“, о существованіи Бога, о томъ, что всё хороши... Въ восторгѣ опять вынули ребеночка по-смотреть.

— Marie, вскричалъ онъ, держа на рукахъ ребенка, конечно со старымъ бредомъ, съ позоромъ и мертвечиной! Давай трудиться и на новую дорогу втроемъ, да, да!.. Ахъ, да: какъ же мы его назовемъ, Marie?

— Его? Какъ назовемъ? переговорила она съ удивленіемъ, и вдругъ въ лицѣ ея изобразилась страшная горестъ.

Она сплеснула руками, укоризненно посмотрѣла на Шатова и бросилась лицомъ въ подушку.

— Marie, что съ тобой? вскричалъ онъ съ горестнымъ испугомъ.

— И вы могли, могли... О, неблагодарный!

— Marie, прости, Marie... Я только спросилъ, какъ назвать. Я не знаю...

— Ивановъ, Ивановъ, подняла она разгорѣвшееся и омоченное слезами лицо. — Неужели вы могли предположить, что какимъ-нибудь другимъ ужаснымъ именемъ?

— Marie, успокойся! О, какъ ты разстроена!

— Новая грубость, что вы разстройству приписываете? Бьюсь объ закладъ, что если-бъ я сказала назвать его... тѣмъ ужаснымъ именемъ, такъ вы бы тотчасъ же согласились, даже бы не замѣтили! О, неблагодарные, низкіе, всѣ, всѣ!

Черезъ минуту, разумѣется, помирились. Шатовъ угворилъ ее заснуть. Она заснула, но все еще не выпуская его руки изъ своей, просыпалась часто, взглядывала на него, точно боясь, что онъ уйдетъ, и опять засыпала.

Кирилловъ прислалъ старуху „поздравить“ и, кромѣ того, горячаго чаю, только что зажаренныхъ котлетъ и бульону съ бѣлымъ хлѣбомъ для „Марьи Игнатьевны“. Больная выпила бульонъ съ жадностью, старуха перепеленала ребенка, Marie заставила и Шатова съѣсть котлетъ.

Время проходило. Шатовъ въ безсиліи заснулъ и самъ на стулѣ, головой на подушкѣ Marie. Такъ застала ихъ сдержавшая слово Арина Прохоровна, весело ихъ разбудила, поговорила о чемъ надо съ Marie, осмотрѣла ребенка и опять не велѣла Шатову отходить. Затѣмъ состривъ надъ „супругами“ съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ презрѣнія и высокомерія, ушла такъ же довольная, какъ и давеча.

Было уже совсѣмъ темно, когда проснулся Шатовъ. Онъ поскорѣе зажегъ свѣчу и побѣжалъ за старухой; но едва ступилъ съ лѣстницы, какъ чьи-то тихіе, неспѣшные шаги поднимавшагося навстрѣчу ему человѣка поразили его. Вошелъ Эркель.

— Не входите! прошепталъ Шатовъ и, стремительно схвативъ за руку, потащилъ назадъ къ воротамъ. — Ждите здѣсь, сейчасъ выйду, я совсѣмъ, совсѣмъ позабылъ о васъ! О, какъ вы о себѣ напомнили!

Онъ такъ заспѣшилъ, что даже не забѣжалъ къ Кириллову, а вызвалъ только старуху. Marie пришла въ отчаяніе и негодованіе, что онъ „могъ только подумать оставить ее одну“.

— Но, вскричалъ онъ восторженно, — это уже самый

последній шагъ! А тамъ новый путь, и никогда, никогда не вспомняемъ о старомъ ужасѣ!

Кое-какъ онъ уговорилъ ее и обѣщалъ вернуться ровно въ девять часовъ; крѣпко поцѣловалъ ее, поцѣловалъ ребенка и быстро сбѣжалъ къ Эркелю.

Оба отправлялись въ Ставрогинскій паркъ въ Скворешникахъ, гдѣ года полтора назадъ, въ уединенномъ мѣстѣ, на самомъ краю парка, тамъ, гдѣ уже начинался сосновый лѣсъ, была зарыта имъ довѣренная ему типографія. Мѣсто было дикое и пустынное, совсѣмъ незамѣтное, отъ Скворешниковскаго дома довольно отдаленное. Отъ дома Филиппова приходилось идти версты три съ половиной, можетъ, и четыре.

— Неужели все пѣшкомъ? Я возьму извозчика.

— Очень прошу васъ не брать, возразилъ Эркель, — они именно на этомъ настаивали. Извозчикъ тоже свидѣтель.

— Ну... чортъ! Все равно, только бы кончить, кончить!

Пошли очень скоро.

— Эркель, мальчикъ вы маленькій! вскричалъ Шатовъ. — Бывали вы когда-нибудь счастливы?

— А вы, кажется, очень теперь счастливы, съ любопытствомъ замѣтилъ Эркель.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Многотрудная ночь.

I.

Виргинскій въ продолженіе дня употребилъ часа два, чтобъ обѣжать всѣхъ *нашихъ* и возвѣстить имъ, что Шатовъ навѣрно не донесетъ, потому что къ нему воротилась жена и родился ребенокъ, и, „зная сердце человеческое“, предположить пельзл, что онъ можетъ быть въ эту минуту опасенъ. Но, къ смущенію своему, почти никого не засталъ дома, кромѣ Эркеля и Лямпина. Эркель выслушалъ это молча и ясно смотря ему въ глаза; на прямой же вопросъ: „Пойдетъ-ли онъ въ шесть часовъ или нѣтъ?“ отвѣчалъ съ самою ясною улыбкой, что „разумѣется, пойдетъ“.

Лямпинъ лежалъ, повидимому, весьма серьезно больной, укутавшись головой въ одѣяло. Вошедшаго Виргинскаго испугался, и только что тотъ заговорилъ, вдругъ замалхалъ изъ-подъ одѣяла руками, умоляя оставить его въ покоѣ. Однако, о Шатовѣ все выслушалъ: а извѣстіемъ,

что никого нѣтъ дома, былъ чрезвычайно почему-то пораженъ. Оказалось тоже, что онъ уже зналъ (черезъ Липутина) о смерти Федьки и самъ рассказалъ объ этомъ поспѣшно и безсвязно Виргинскому, чѣмъ, въ свою очередь, поразилъ того. На прямой же вопросъ Виргинскаго: „надо идти или нѣтъ?“ опять вдругъ началъ умолять, махая руками, что онъ „сторона, ничего не знаетъ, и чтобъ оставили его въ покоѣ“.

Виргинскій воротился домой удрученный и сильно встревоженный; тяжело ему было и то, что онъ долженъ былъ скрывать отъ семейства; онъ все привыкъ открывать женѣ, и если-бъ не загорѣлась въ воспаленномъ мозгу его въ ту минуту одна новая мысль, нѣкоторый новый, примиряющій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, то, можетъ-быть, онъ слегъ бы въ постель, какъ и Лямшинъ. Но новая мысль его подкрѣпила и, мало того, онъ даже съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать срока, и даже ранѣе, чѣмъ надо, двинулся на сборное мѣсто.

Это было очень мрачное мѣсто, въ концѣ огромнаго Ставрогинскаго парка. Я потомъ нарочно ходилъ туда посмотрѣть; какъ, должно-быть, казалось оно угрюмымъ въ тотъ суровый осенній вечеръ. Тутъ начинался старый заказной лѣсъ; огромныя вѣковыя сосны мрачными и неясными пятнами обозначались во мракѣ. Мракъ былъ такой, что въ двухъ шагахъ почти нельзя было рассмотреть другъ друга, но Петръ Степановичъ, Липутинъ, а потомъ Эркель принесли съ собою фонари. Неизвѣстно, для чего и когда, въ незапамятное время, устроенъ былъ тутъ изъ дикихъ нетесанныхъ камней какой-то довольно смѣшной гротъ. Столъ, скамейки внутри грота давно уже сгнили и разсыпались. Шагахъ въ двухстахъ вправо оканчивался третій прудъ парка. Эти три пруда, начинаясь отъ самаго дома, шли, одинъ за другимъ, слишкомъ на версту, до самаго конца парка. Трудно было предположить, чтобы какой-нибудь шумъ, крикъ или даже выстрѣлъ могъ дойти до обитателей покинутаго Ставрогинскаго дома. Со вчерашнимъ выѣздомъ Николая Всеволодовича и съ отбытіемъ Алексѣя Егорыча, во всемъ домѣ осталось не болѣе пяти или шести человѣкъ обывателей, характера, такъ-сказать, инвалиднаго. Во всякомъ случаѣ, почти съ полною вѣроятностью можно было предположить, что если-бъ и услышаны были кѣмъ-нибудь изъ этихъ уединившихся обитателей вопли или крики о помощи, то возбудили бы

лишь страхъ, но ни одинъ изъ нихъ не пошевелился бы на помощь съ теплыхъ печей и нагрѣтыхъ лежанокъ.

Въ двадцать минутъ седьмого почти уже всѣ, кромѣ Эркеля, командированнаго за Шатовымъ, оказались въ сборѣ. Петръ Степановичъ на этотъ разъ не промедлилъ; онъ пришелъ съ Толкаченкомъ. Толкаченко былъ нахмуренъ и озабоченъ; вся напускная и нахально-хвастливая рѣшимость его исчезла. Онъ почти не отходилъ отъ Петра Степановича и, казалось, вдругъ сталъ неограниченно ему преданъ, часто и суетливо лѣзъ съ нимъ перешептываться; но тотъ почти не отвѣчалъ ему или досадливо бормоталъ что-нибудь, чтобъ отвязаться.

Шигалевъ и Виргинскій явились даже нѣсколько раньше Петра Степановича и при появленіи его тотчасъ же отошли нѣсколько въ сторону, въ глубокомъ и явно преднамѣренномъ молчаніи. Петръ Степановичъ поднялъ фонарь и осмотрѣлъ ихъ съ безцеремонною и оскорбительною внимательностью. „Хотятъ говорить“, мелькнуло въ его головѣ.

— Лямшина нѣтъ? спросилъ онъ Виргинскаго. — Кто сказалъ, что онъ боленъ?

— Я здѣсь, отълинулся Лямшинъ, вдругъ выходя изъ-за дерева.

Онъ былъ въ тепломъ пальто и плотно укутанъ въ пледъ, такъ что трудно было рассмотреть его фізіономію даже и съ фонаремъ.

— Стало-быть, только Липутина нѣтъ?

И Липутинъ молча вышелъ изъ грота. Петръ Степановичъ опять поднялъ фонарь.

— Зачѣмъ вы туда забились, почему не выходили?

— Я полагаю, что мы всѣ сохраняемъ право свободы... нашихъ движеній, забормоталъ Липутинъ, впрочемъ, вѣроятно, не совсѣмъ понимая, что хотѣлъ выразить.

— Господа, возвысилъ голосъ Петръ Степановичъ, въ первый разъ нарушая полушопотъ, что произвело эффектъ. — Вы, я думаю, хорошо понимаете, что намъ нечего теперь размазывать. Вчера все было сказано и пережевано, прямо и опредѣленно. Но, можетъ-быть, какъ я вижу по фізіономіямъ, кто-нибудь хочетъ что-нибудь заявить; въ такомъ случаѣ прошу поскорѣе. Чортъ возьми, времени мало, а Эркель можетъ сейчасъ привести его...

— Онъ непременно приведетъ его, для чего-то ввернулъ Толкаченко.

— Если не ошибаюсь, сначала произойдет передача типографіи? освѣдомился Липутинъ, опять какъ бы не понимая, для чего задаетъ вопросъ.

— Ну, разумѣется, не терять же вещи, поднялъ къ его лицу фонарь Петръ Степановичъ. — Но вѣдь вчера всѣ условились, что взаправду принимать не надо. Пусть онъ укажетъ только вамъ точку, гдѣ у него тутъ зарыто; потомъ сами выроемъ. Я знаю, что это гдѣ-то въ десяти шагахъ отъ какого-то угла этого грота... Но, чортъ возьми, какъ же вы это забыли, Липутинъ? Условлено, что вы встрѣтите его одинъ, а уже потомъ выйдемъ мы... Странно, что вы спрашиваете, или вы только такъ?

Липутинъ мрачно промолчалъ. Всѣ замолчали. Вѣтеръ колыхалъ верхушки сосенъ.

— Я надѣюсь, однако, господа, что всякій исполнитъ свой долгъ, нетерпѣливо оборвалъ Петръ Степановичъ.

— Я знаю, что къ Шатову пришла жена и родила ребенка, вдругъ заговорилъ Виргинскій, волнуясь, торопясь, едва выговаривая слова и жестикулируя. — Зная сердце человѣческое... можно быть увѣреннымъ, что теперь онъ не донесетъ... потому что онъ въ счастіи... Такъ что я давеча былъ у всѣхъ и никого не засталъ, такъ что, можетъ-быть, теперь совсѣмъ ничего и не надо...

Онъ остановился: у него пресѣклось дыханіе.

— Если бы вы, господинъ Виргинскій, стали вдругъ счастливы, шагнулъ къ нему Петръ Степановичъ,—то отложили бы вы — не донось, о томъ рѣчи пѣть, а какой-нибудь рискованный гражданскій подвигъ, который бы замыслили прежде счастья и который бы считали своимъ долгомъ и обязанностью, несмотря на рискъ и потерю счастья?

— Нѣтъ, не отложилъ бы! Ни за что бы не отложилъ! съ какимъ-то ужасно нелѣпымъ жаромъ проговорилъ, весь задвигавшись, Виргинскій.

— Вы скорѣе бы захотѣли стать опять несчастнымъ, чѣмъ подлецомъ?

— Да, да... Я даже совершенно напротивъ... захотѣлъ бы быть совершеннымъ подлецомъ... то-есть нѣтъ... хотя вовсе не подлецомъ, а, напротивъ, совершенно несчастнымъ, чѣмъ подлецомъ.

— Ну, такъ знайте, что Шатовъ считаетъ этотъ доносъ своимъ гражданскимъ подвигомъ, самымъ высшимъ своимъ убѣжденіемъ, а доказательство, что самъ же онъ отчасти

рискуеть передь правительствомъ, хотя, конечно, ему много простять за доносъ. Этакой уже ни за что не откажется. Никакое счастье не побѣдитъ; черезъ день опомнится, укоряя себя, пойдетъ и исполнитъ. Къ тому же, я не вижу никакого счастья въ томъ, что жена, послѣ трехъ лѣтъ, пришла къ нему родить Ставрогинскаго ребенка.

— Но вѣдь никто не видалъ доноса, вдругъ и настоятельно произнесъ Шигалевъ.

— Доносъ видѣлъ я, крикнулъ Петръ Степановичъ, — онъ есть, и все это ужасно глупо, господа!

— А я, вдругъ вскипѣлъ Virginскій, — я протестую... я протестую изо всѣхъ силъ... Я хочу... Я вотъ что хочу: я хочу, когда онъ придетъ, всѣ мы выйдемъ и всѣ его спросимъ: если правда, то съ него взять раскаяніе, и если честное слово, то отпустить. Во всякомъ случаѣ — судъ; по суду. А не то чтобы всѣмъ спрятаться, а потомъ кидаться.

— На честное слово рисковать общимъ дѣломъ — это верхъ глупости! Чортъ возьми, какъ это глупо, господа, теперь! И какую вы принимаете на себя роль въ минуту опасности?

— Я протестую, я протестую, заладилъ Virginскій.

— По крайней мѣрѣ, не орите, сигнала не услышимъ. Шатовъ, господа... (Чортъ возьми, какъ это глупо теперь!) Я уже вамъ говорилъ, что Шатовъ славянофилъ, то-есть одинъ изъ самыхъ глупыхъ людей... А, впрочемъ, чортъ, это все равно и наплевать! Вы меня только сбиваете съ толку!.. Шатовъ, господа, былъ озлобленный человѣкъ и такъ какъ все-таки принадлежалъ къ обществу, хотѣлъ или не хотѣлъ, то я до послѣдней минуты надѣялся, что имъ можно воспользоваться для общаго дѣла и употребить какъ озлобленнаго человѣка. Я его берегъ и щадилъ, несмотря на точнѣйшія предписанія... Я его щадилъ въ сто разъ болѣе, чѣмъ онъ стоилъ! Но онъ кончилъ тѣмъ, что донесъ; ну, да чортъ, наплевать!.. А вотъ попробуйте кто-нибудь улизнуть теперь! Ни одинъ изъ васъ не имѣетъ права оставить дѣло! Вы можете съ нимъ хоть цѣловаться, если хотите, но предать на честное слово общее дѣло не имѣете права! Такъ поступаютъ свиньи и подкупленные правительствомъ!

— Кто же здѣсь подкупленные правительствомъ? профилътровалъ Липутинъ.

— Вы, можетъ-быть. Вы бы ужъ лучше молчали, Липутинъ, вы только такъ говорите, по привычкѣ. Подкупленные, господа, всѣ тѣ, которые трусятъ въ минуту опасности. Изъ страха всегда найдется дуракъ, который въ послѣднюю минуту побѣжитъ и закричитъ: „Ай, простите меня, а я всѣхъ продамъ!“ Но знайте, господа, что васъ теперь уже ни за какой доносъ не простятъ. Если и спустятъ двѣ степени юридически, то все-таки Сибирь каждому, и, кромѣ того, не уйдете и отъ другого меча. А другой мечъ повострѣе правительственнаго.

Петръ Степановичъ былъ въ бѣшенствѣ и наговорилъ лишняго. Шигалевъ твердо шагнулъ къ нему три шага.

— Со вчерашняго вечера я обдумалъ дѣло, началъ онъ увѣренно и методически, по-всегдашнему (и мнѣ кажется, если бы подъ нимъ провалилась земля, то онъ и тутъ не усилилъ бы интонаціи и не измѣнилъ бы ни одной ноты въ методичности своего изложенія).—Обдумавъ дѣло, я рѣшилъ, что замышляемое убійство есть не только потеря драгоцѣннаго времени, которое могло бы быть употреблено болѣе существеннымъ и ближайшимъ образомъ, но сверхъ того представляетъ собою то пагубное уклоненіе отъ нормальной дороги, которое всегда наиболѣе вредило дѣлу и на десятки лѣтъ отклоняло успѣхи его, подчиняясь вліянію людей легкомысленныхъ и по преимуществу политическихъ, вмѣсто чистыхъ социалистовъ. Я явился сюда единственно, чтобы протестовать противъ замышляемаго предпріятія, для общаго назиданія, а затѣмъ—устранить себя отъ настоящей минуты, которую вы, не зная почему, называете минутой вашей опасности. Я уйду—не изъ страху этой опасности и не изъ чувствительности къ Шатову, съ которымъ вовсе не хочу цѣловаться, а единственно потому, что все это дѣло, съ начала и до конца, буквально противорѣчитъ моей программѣ. Насчетъ же доноса и подкупа отъ правительства съ моей стороны, можете быть совершенно спокойны—доноса не будетъ.

Онъ обернулся и пошелъ.

— Чортъ возьми, онъ встрѣтится съ ними и предупредитъ Шатова! вскричалъ Петръ Степановичъ и выхватилъ револьверъ.

Раздался щелчокъ взведеннаго курка.

— Можете быть увѣрены, повернулся опять Шигалевъ,—что, встрѣтивъ Шатова на дорогѣ, я еще, можетъ-

быть, съ нимъ раскланяюсь, но предупредить не стану.

— А знаете-ли, что вы можете поплатиться за это, господинъ Фурье?

— Прошу васъ замѣтить, что я не Фурье. Смѣшивая меня съ этою сладкою, отвлеченною мямлей, вы только доказываете, что рукопись моя хотя и была въ рукахъ вашихъ, но совершенно вамъ неизвѣстна. Насчетъ же вашего мщенія скажу вамъ, что вы напрасно навели курокъ; въ сію минуту это совершенно для васъ невыгодно. Если же вы грозите мнѣ на завтра или на послѣзавтра, то, кромѣ лишнихъ хлопотъ, опять-таки ничего себѣ не выиграете, застрѣливъ меня: меня убьете, а рано или поздно все-таки придете къ моей системѣ. Прощайте.

Въ это мгновеніе, шагахъ въ двухстахъ, изъ парка, со стороны пруда, раздался свистокъ. Липутинъ тотчасъ же отвѣтилъ, еще по вчерашнему уговору, тоже свисткомъ (для этого онъ, не надѣясь на свой довольно беззубый ротъ, еще утромъ купилъ на базарѣ за копейку глиняную дѣтскую свистульку). Эркель успѣлъ предупредить Шатова, что будутъ свистки, такъ что у того не зародилось никакого сомнѣнія.

— Не безпокойтесь, я пройду отъ нихъ въ сторонѣ, и они вовсе меня не замѣтятъ, внушительнымъ шопотомъ предупредилъ Шигалевъ.

И затѣмъ, не спѣша и не прибавляя шагу, окончательно направился домой черезъ темный паркъ.

Теперь совершенно извѣстно, до мельчайшихъ подробностей, какъ произошло это ужасное происшествіе. Сначала Липутинъ встрѣтилъ Эркеля и Шатова у самаго грота; Шатовъ съ нимъ не раскланялся и не подалъ руки, но тотчасъ же торопливо и громко произнесъ:

— Ну, гдѣ же у васъ тутъ заступъ, и нѣтъ-ли еще другого фонаря? Да не бойтесь, тутъ ровно нѣтъ никого, и въ Скворешникахъ теперь, хотя изъ пушекъ отсюдава пали, не слышать. Это вотъ здѣсь, вотъ тутъ, на самомъ этомъ мѣстѣ...

И онъ стукнулъ ногой дѣйствительно въ десяти шагахъ отъ задняго угла грота, въ сторонѣ лѣса. Въ эту самую минуту бросился сзади на него изъ-за дерева Толкаченко, а Эркель схватилъ его сзади же за локти. Липутинъ накинулся спереди. Всѣ трое тотчасъ же сбили его съ ногъ и придавили къ землѣ. Тутъ подскочилъ Петръ Степановичъ со своимъ револьверомъ. Разсказываютъ, что Ша-

товъ успѣлъ повернуть къ нему голову и еще могъ разглядѣть и узнать его. Три фонаря освѣщали сцену. Шатовъ вдругъ прокричалъ краткимъ и отчаяннымъ крикомъ; но ему кричать не дали: Петръ Степановичъ аккуратно и твердо наставилъ ему револьверъ прямо въ лобъ, крѣпко въ упоръ, и—спустилъ курокъ. Выстрѣлъ, кажется, былъ не очень громокъ, по крайней мѣрѣ, въ Скворешникахъ ничего не слышали. Слышалъ, разумѣется, Шигалевъ, вридь-ли успѣвшій отойти шаговъ триста,—слышалъ и крикъ, и выстрѣлъ, но, по его собственному потомъ свидѣтельству, не повернулся и даже не остановился. Смерть произошла почти мгновенно. Полную распоряжительность,—не думаю, чтобъ и хладнокровіе,—сохранилъ въ себѣ одинъ только Петръ Степановичъ. Присѣвъ на корточки, онъ поспѣшно, но твердою рукой обыскалъ въ карманахъ убитаго. Денегъ не оказалось (портионѣ остался подъ подушкой у Марьи Игнатьевны). Нашлись двѣ-три бумажки, пустыя: одна конторская записка, заглавіе какой-то книги и одинъ старый заграничный трактирный счетъ, Богъ знаетъ почему уцѣлѣвшій два года въ его карманѣ. Бумажки Петръ Степановичъ переложилъ въ свой карманъ, и, замѣтивъ вдругъ, что всѣ столпились, смотря на трупъ и ничего не дѣлаютъ, началъ злостно и невѣжливо браниться и понукать. Толкаченко и Эркель, опомнившись, побѣжали и мигомъ принесли изъ грота еще съ утр. запасенные ими тамъ два камня, каждый фунтовъ по двадцати вѣсу, уже приготовленные, то-есть крѣпко и прочно обвязанные веревками. Такъ какъ трупъ предназначено было снести въ ближайшій (третій) прудъ и въ немъ погрузить его, то и стали привязывать къ нему эти камни, къ ногамъ и къ шеѣ. Привязывалъ Петръ Степановичъ, а Толкаченко и Эркель только держали и подавали по очереди. Эркель подаль первый, и пока Петръ Степановичъ, ворча и бранясь, связывалъ веревкой ноги трупа и привязывалъ къ нимъ этотъ первый камень, Толкаченко все это довольно долгое время продержалъ свой камень въ рукахъ на отвѣсѣ, сильно и какъ бы почтительно наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, чтобы подать безъ замедленія, при первомъ спросѣ, и ни разу не подумалъ опустить свою ношу пока на землю. Когда, наконецъ, оба камня были привязаны, и Петръ Степановичъ поднялся съ земли всмотрѣться въ фізіономіи присутствующихъ, тогда вдругъ

случилась одна странность, совершенно неожиданная и почти всѣхъ удивившая.

Какъ уже сказано, почти всѣ стояли и ничего не дѣлали, кромѣ отчасти Толкаченка и Эрвеля. Виргинскій, хотя и бросился, когда всѣ бросились къ Шатову, но за Шатова не схватился и держать его не помогаль. Лямшинъ же очутился въ кучкѣ уже послѣ выстрѣла. Затѣмъ всѣ они, въ продолженіе всей этой, можетъ-быть, десятиминутной возни съ трупомъ, какъ бы потеряли часть своего сознанія. Они сгруппировались кругомъ и, прежде всякаго безпокойства и тревоги, ощущали какъ бы лишь одно удивленіе. Липутинъ стоялъ впереди, у самаго трупа. Виргинскій сзади его, выглядывая изъ-за его плеча съ какимъ-то особеннымъ и какъ бы постороннимъ любопытствомъ; даже приподымаясь на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть. Лямшинъ же спрятался за Виргинскаго, и только изрѣдка и опасно изъ-за него выглядываль и тотчасъ же опять прятался. Когда же камни были подвязаны, а Петръ Степановичъ приподнялся, Виргинскій вдругъ задрожаль весь мелкою дрожью, сплеснуль руками и горестно воскликнуль во весь голосъ:

— Это не то, не то! Нѣтъ, это совсѣмъ не то!

Онъ бы, можетъ-быть, и еще что-нибудь прибавилъ къ своему столь позднему восклицанію, но Лямшинъ ему не далъ докончить; вдругъ и изо всей силы обхватилъ онъ и сжалъ его сзади и завизжалъ какимъ-то невѣроятнымъ визгомъ. Бываютъ сильные моменты испуга, напимѣръ, когда человѣкъ вдругъ закричить не своимъ голосомъ, а какимъ-то такимъ, какого и предположить въ немъ нельзя было раньше, и это бываетъ иногда даже очень страшно. Лямшинъ закричалъ не человѣческимъ, а какимъ-то звѣриннымъ голосомъ. Все крѣпче и крѣпче, съ судорожнымъ порывомъ сжимая сзади руки Виргинскаго, онъ визжалъ безъ умолку и безъ перерыва, выпучивъ на всѣхъ глаза и чрезвычайно раскрывъ свой ротъ, а ногами мелко топталъ по землѣ, точно выбивая по ней барабанную дробь. Виргинскій до того испугался, что самъ закричалъ, какъ безумный, и въ какомъ-то остервенѣніи, до того злобною, что отъ Виргинскаго и предположить нельзя было, началъ дергаться изъ рукъ Лямшина, царапая и колотя его сколько могъ достать сзади руками. Эрвель помогъ ему, наконецъ, отдернуть Лямшина. Но когда Виргинскій отскочилъ въ испугѣ шаговъ на десять

въ сторону, то Лямшинъ вдругъ, увидѣвъ Петра Степановича, завопилъ опять и бросился уже къ нему. Запнувшись о трупъ, онъ упалъ черезъ трупъ на Петра Степановича, и уже такъ крѣпко обхватилъ его въ своихъ объятіяхъ, прижимался къ его груди своею головою, что ни Петръ Степановичъ, ни Толкаченко, ни Липутинъ въ первое мгновеніе почти ничего не могли сдѣлать. Петръ Степановичъ кричалъ, ругался, билъ его по головѣ кулаками, наконецъ, кое-какъ вырвавшись, выхватилъ револьверъ и наставилъ его прямо въ раскрытый ротъ все еще вопившаго Лямшина, котораго уже крѣпко схватили за руки Толкаченко, Эркель и Липутинъ; но Лямшинъ продолжалъ визжать, несмотря и на револьверъ. Наконецъ, Эркель, скомкавъ кое-какъ свой фуляровый платокъ, ловко вбилъ его ему въ ротъ, и крикъ такимъ образомъ прекратился. Толкаченко, между тѣмъ, связалъ ему руки оставшимся концомъ веревки.

— Это очень странно, проговорилъ Петръ Степановичъ, въ тревожномъ изумленіи разсматривая сумасшедшаго.

Онъ видимо былъ пораженъ.

— Я думалъ про него совсѣмъ другое, прибавилъ онъ въ задумчивости.

Пока оставили при немъ Эркеля. Надо было спѣшить съ мертвецомъ: было столько крику, что могли гдѣ-нибудь и услышать. Толкаченко и Петръ Степановичъ подняли фонари, подхватили трупъ подъ голову; Липутинъ и Виргинскій взялись за ноги и понесли. Съ двумя камнями ноша была тяжела, а разстояніе болѣе двухсотъ шаговъ. Сильнѣе всѣхъ былъ Толкаченко. Онъ было подалъ совѣтъ идти въ ногу, но ему никто не отвѣтилъ, и пошли какъ пришлось. Петръ Степановичъ шелъ справа и, совсѣмъ нагнувшись, несъ на своемъ плечѣ голову мертвеца, лѣвою рукой снизу поддерживая камень. Такъ какъ Толкаченко цѣлую половину пути не догадался помочь придержать камень, то Петръ Степановичъ, наконецъ, съ ругательствомъ закричалъ на него. Крикъ былъ внезапный и одинокій; всѣ продолжали нести молча, и только уже у самаго пруда Виргинскій, нагибаясь подъ ношей и какъ бы утомясь отъ ея тяжести, вдругъ воскликнулъ опять точно такимъ же громкимъ и плачущимъ голосомъ:

— Это не то, нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не то!

Мѣсто, гдѣ оканчивался этотъ третій, довольно большой Скворешниковскій прудъ и къ которому донесли уби-

таго, было однимъ изъ самыхъ пустынныхъ и не посѣщаемыхъ мѣстъ парка, особенно въ такое позднее время года. Прудъ въ этомъ концѣ, у берега, заросъ травой. Поставили фонарь, раскачали трупъ и бросили въ воду. Раздался глухой и долгій звукъ. Петръ Степановичъ поднялъ фонарь, за нимъ выставились и всѣ, съ любопытствомъ высматривая, какъ погрузился мертвецъ, но ничего уже не было видно: тѣло съ двумя камнями тотчасъ же потонуло. Крупныя струи, пошедшія по поверхности воды, быстро замирали. Дѣло было кончено.

— Господа, обратился ко всѣмъ Петръ Степановичъ, — теперь мы разойдемся. Безъ сомнѣнія, вы должны ощущать ту свободную гордость, которая сопряжена съ исполненіемъ свободного долга. Если же теперь, къ сожалѣнію, встревожены для подобныхъ чувствъ, то, безъ сомнѣнія, будете ощущать это завтра, когда уже стыдно будетъ не ощущать. На слишкомъ постыдное волненіе Лямшина я соглашаюсь смотрѣть какъ на бредъ, тѣмъ болѣе, что онъ вправду, говорятъ, еще съ утра боленъ. А вамъ, Виргинскій, одинъ мигъ свободного размышленія покажетъ, что въ виду интересовъ общаго дѣла нельзя было дѣйствовать на честное слово, а надо именно такъ, какъ мы сдѣлали. Послѣдствія вамъ укажутъ, что былъ доносъ. Я согласенъ забыть ваши восклицанія. Что до опасности, то никакой не предвидится. Никому и въ голову не придетъ подозрѣвать изъ васъ кого-нибудь, особенно если вы сами сумѣете повести себя; такъ что главное дѣло все-таки зависитъ отъ васъ же и отъ полного убѣжденія, въ которомъ, надѣюсь, вы утвердитесь завтра же. Для того, между прочимъ, вы и сплотились въ отдѣльную организацию свободного собранія единомыслящихъ, чтобы въ общемъ дѣлѣ раздѣлить другъ съ другомъ, въ данный моментъ, энергію, и, если надо, наблюдать и замѣчать другъ за другомъ. Каждый изъ васъ обязанъ высшимъ отчетомъ. Вы призваны обновить дряхлое и завонявшее отъ застоя дѣло; имѣйте всегда это предъ глазами для бодрости. Весь вашъ шагъ пока въ томъ, чтобы все рушилось: и государство, и его нравственность. Останемся только мы, заранѣе предназначившіе себя для приѣма власти: умныхъ приобщимъ къ себѣ, а на глупыхъ поѣдемъ верхомъ. Этого вы не должны конфузиться. Надо перевоспитать поколѣніе, чтобы сдѣлать достойнымъ свободы. Еще много тысячъ предстоитъ Шатовыхъ. Мы организуемся, чтобы за-

хватить направлѣніе; что праздно лежитъ и само на насъ ротъ паялить, того стыдно не взять рукой. Сейчасъ я отправлюсь къ Кириллову, и къ утру получится тотъ документъ, въ которомъ онъ, умирая, въ видѣ объясненія съ правительствомъ, приметъ все на себя. Ничего не можетъ быть вѣроятнѣе такой комбинаціи. Во-первыхъ, онъ враждовалъ съ Шатовымъ; они жили вмѣстѣ въ Америкѣ, стало быть, имѣли время посориться. Извѣстно, что Шатовъ измѣнилъ убѣжденія; значитъ, у нихъ вражда изъза убѣжденій и боязни доноса,—то-есть самая непрощающая. Все это такъ и будетъ написано. Наконецъ, упоминается, что у него, въ домѣ Филиппова, квартировалъ Ѳедька. Такимъ образомъ, все это совершенно отдалить отъ васъ всякое подозрѣніе, потому что собьетъ всѣ эти бараньи головы съ толку. Завтра, господа, мы уже не увидимся; я на самый короткій срокъ отлучусь въ уѣздъ. Но послѣзавтра вы получите мои сообщенія. Я бы совѣтовалъ вамъ собственно завтрашній день просидѣть по домамъ. Теперь мы отправимся всѣ по-двое, разными дорогами. Васъ, Толкаченко, я прошу заняться Лямшинымъ и отвести его домой. Вы можете на него подѣйствовать и, главное, растолковать, до какой степени онъ первый себѣ повредитъ своимъ малодушіемъ. Въ вашемъ родственникѣ Шигалевѣ, господинѣ Виргинскій, я, равно какъ и въ васъ, не хочу сомнѣваться: онъ не донесетъ. Остается сожалѣть о его поступкѣ; но, однако, онъ еще не заявилъ, что оставляетъ общество, а потому хоронить его еще рано. Ну, скорѣе же, господа; тамъ хоть и бараньи головы, но осторожность все-таки не мѣшаетъ...

Виргинскій отправился съ Эркелемъ. Эркель, сдавал Лямшина Толкаченку, успѣлъ подвести его къ Петру Степановичу и заявить, что тотъ опомнился, раскаивается и проситъ прощенія и даже не помнить, что съ нимъ такое было. Петръ Степановичъ отправился одинъ, взявъ обходомъ по ту сторону прудовъ мимо парка. Эта дорога была самая длинная. Къ его удивленію, чуть не на половинѣ пути нагналъ его Лишутинъ.

— Петръ Степановичъ, а вѣдь Лямшинъ донесетъ!

— Нѣтъ, онъ опомнится и догадается, что первый пойдетъ въ Сибирь, если донесетъ! Теперь никто не донесетъ. И вы не донесете.

— А вы?

— Безъ сомнѣнія, упрячу васъ всѣхъ, только что ше-

вельнетесь чтобъ измѣнить, и вы это знаете. Но вы не измѣните. Это вы за этимъ-то бѣжали за мной двѣ версты?

— Петръ Степановичъ, Петръ Степановичъ, вѣдь мы, можетъ, никогда не увидимся!

— Это съ чего вы взяли?

— Скажите мнѣ только одно.

— Ну, что? Я, впрочемъ, желаю, чтобъ вы убирались.

— Одинъ отвѣтъ, но чтобы вѣрный: одна-ли мы пятерка на свѣтѣ, или правда, что есть нѣсколько сотенъ пятерокъ? Я въ высшемъ смыслѣ спрашиваю, Петръ Степановичъ.

— Вижу по вашему изступленію. А знаете-ли, что вы опаснѣе Лямшина, Липутинъ?

— Знаю, знаю, но—отвѣтъ, вашъ отвѣтъ!

— Глупый вы человекъ! Вѣдь ужъ теперь-то, кажется, вамъ все бы равно—одна пятерка или тысяча.

— Значить, одна! Такъ я и зналъ! вскричалъ Липутинъ. — Я все время зналъ, что одна, до самыхъ этихъ поръ...

И не дождавшись другого отвѣта, онъ повернулъ и быстро исчезъ въ темнотѣ.

Петръ Степановичъ немного задумался.

— Нѣтъ, никто не донесетъ, проговорилъ онъ рѣшительно,—но кучка должна остаться кучкой и слушаться, или я ихъ... Экая дрянь народъ, однако!

II.

Онъ сначала зашелъ къ себѣ и аккуратно, не торопясь, уложилъ свой чемоданъ. Утромъ въ шесть часовъ отправлялся экстренный поѣздъ. Этотъ ранній экстренный поѣздъ приходился лишь разъ въ недѣлю и установленъ былъ очень недавно, пока лишь въ видѣ пробы. Петръ Степановичъ хотя и предупредилъ *нашихъ*, что на время удаляется будто бы въ уѣздъ, но, какъ оказалось впоследствии, намѣренія его были совсѣмъ другія. Кончивъ съ чемоданомъ, онъ разсчитался съ хозяйкой, предупредоленной ими заранѣе, и переѣхалъ на извозчикѣ къ Эркелю, жившему близко отъ вокзала. А затѣмъ уже, примѣрно, въ исходѣ перваго часа ночи, направился къ Кириллову, къ которому проникнулъ опять черезъ потаенный Ѳедькинъ ходъ.

Настроеніе духа Петра Степановича было ужасное.

Кромѣ другихъ чрезвычайно важныхъ для него неудовольствій (онъ все еще ничего не могъ узнать о Ставрогинѣ), онъ, какъ кажется,—ибо не могу утверждать навѣрно,—получилъ въ теченіе дня откуда-то (вѣроятно все изъ Петербурга) одно секретное увѣдомленіе о нѣкоторой опасности, въ скоромъ времени его ожидающей. Конечно, объ этомъ времени у насъ въ городѣ ходитъ теперь очень много легендъ; но если и извѣстно что-нибудь навѣрное, то развѣ тѣмъ, кому о томъ знать надлежитъ. Я же лишь полагаю въ собственномъ моемъ мнѣніи, что у Петра Степановича могли быть гдѣ-нибудь дѣла и кромѣ нашего города, такъ что онъ дѣйствительно могъ получать увѣдомленія. Я даже убѣжденъ, вопреки циническому и отчаянному сомнѣнію Липутина, что пятерокъ у него могло быть дѣйствительно двѣ-три и кромѣ нашихъ, напимѣръ, въ столицахъ; а если не пятерка, то связи и сношенія—и, можетъ быть, даже очень курьезныя. Не болѣе, какъ три дня спустя по его отъѣздѣ, у насъ въ городѣ получено было изъ столицы приказаніе немедленно заарестовать его—за какія собственно дѣла, наши или другія—не знаю. Этотъ приказъ подоспѣлъ тогда какъ разъ, чтобъ усилить то потрясающее впечатлѣніе страха, почти мистическаго, вдругъ овладѣвшаго нашимъ начальствомъ и упорно дотолѣ легкомысленнымъ обществомъ, по обнаруженіи таинственнаго и многозначительнаго убійства студента Шатова,—убійства совершившаго мѣру нашихъ нелѣпостей,—и чрезвычайно загадочныхъ, сопровождавшихъ этотъ случай, обстоятельствъ. Но приказъ опоздалъ: Петръ Степановичъ находился уже тогда въ Петербургѣ, подъ чужимъ именемъ, гдѣ, пронюхавъ въ чемъ дѣло, мигомъ проскользнулъ за границу... Впрочемъ, я ужасно ушелъ впередъ.

Онъ вошелъ къ Кириллову имѣя видъ злобный и задорный. Ему какъ будто хотѣлось, кромѣ главнаго дѣла, что-то еще лично сорвать съ Кириллова, что-то выместить на немъ. Кирилловъ какъ бы обрадовался его приходу; видно было, что онъ ужасно долго и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ его ожидалъ. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, взглядъ темныхъ глазъ тяжелый и неподвижный.

— Я думалъ, не придете, тяжело проговорилъ онъ изъ угла дивана, откуда, впрочемъ, не шевельнулся навстрѣчу.

Петръ Степановичъ сталъ передъ нимъ и, прежде всякаго слова, пристально взглядѣлся въ его лицо.

— Значить, все въ порядкѣ и мы отъ нашего намѣренія не отступимъ, молодецъ! улыбнулся онъ обидно покровительственною улыбкой.—Ну, такъ что-жъ, прибавилъ онъ, со скверною шутливостью,—если и опоздалъ, не вамъ жаловаться: вамъ же три часа подарилъ.

— Я не хочу отъ васъ лишнихъ часовъ въ подарокъ, и ты не можешь дарить мнѣ... дуракъ!

— Какъ? вздрогнулъ было Петръ Степановичъ, но мигомъ овладѣлъ собой.— Вотъ обидчивость! Э, да мы въ ярости? отчеканилъ онъ все съ тѣмъ же видомъ обиднаго высокомерія.— Въ такой моментъ нужно бы скорѣе спокойствіе. Лучше всего считать теперь себя за Колумба, а на меня смотрѣть какъ на мышъ и мной не обижаться. Я это вчера рекомендовалъ.

— Я не хочу смотрѣть на тебя какъ на мышъ.

— Это что же, комплиментъ? А, впрочемъ, и чай холодный,—значить, все вверхъ дномъ. Нѣтъ, тутъ происходитъ нѣчто неблагонадежное. Ба! Да я что-то примѣчаю тамъ на окнѣ, на тарелкѣ (онъ подошелъ къ окну). Ого, вареная съ рисомъ курица!.. Но почему-жъ до сихъ поръ не початая? Стало-быть, мы находились въ такомъ настроеніи духа, что даже и курицу...

— Я ѣлъ, и не ваше дѣло; молчите!

— О, конечно, и притомъ все равно. Но для меня-то оно теперь не равно: вообразите, совсѣмъ почти не обѣдалъ, и потому, если теперь эта курица, какъ полагаю, уже не нужна, а?

— Ёшьте, если можете.

— Вотъ благодарю, а потомъ и чаю.

Онъ мигомъ устроился за столомъ на другомъ концѣ дивана и съ необычайною жадностью накинудся на кушанье; но въ то же время каждый мигъ наблюдалъ свою жертву. Кирилловъ съ злобнымъ отвращеніемъ глядѣлъ на него неподвижно, словно не въ силахъ оторваться.

— Однако, вскинулся вдругъ Петръ Степановичъ, продолжая ѣсть,—однако, о дѣлѣ-то? Такъ мы не отступимъ, а? А бумажка?

— Я опредѣлилъ въ эту ночь, что мнѣ все равно. Напишу. О прокламаціяхъ?

— Да, и о прокламаціяхъ. Я, впрочемъ, продиктую. Вамъ вѣдь все равно. Неужели васъ могло бы беспокоить содержаніе въ такую минуту.

— Не твое дѣло.

— Не мое, конечно. Впрочемъ, всего только нѣсколько строкъ: что вы съ Шатовымъ разбрасывали прокламаціи, между прочимъ, съ помощью Оедьки, скрывавшагося въ вашей квартирѣ. Этогь послѣдній пунктъ о Оедькѣ и о квартирѣ весьма важный, самый даже важный. Видите, я совершенно съ вами откровененъ.

— Шатова? Зачѣмъ Шатова? Ни за что про Шатова.

— Вотъ еще, вамъ-то что? Повредить ему уже не можете.

— Къ нему жена пришла. Она проснулась и присылала спросить у меня: гдѣ онъ?

— Она къ вамъ присылала справиться, гдѣ онъ? Гм... это не ладно. Пожалуй, опять пришлетъ; никто не долженъ знать, что я тутъ...

Петръ Степановичъ забеспокоился.

— Она не узнаетъ, спитъ опять; у ней бабка, Арина Виргинская.

— То-то и... не услышитъ, я думаю? Знаете, запереть бы крыльцо.

— Ничего не услышитъ. А Шатовъ если придетъ, я васъ спрячу въ ту комнату.

— Шатовъ не придетъ; и вы напишете, что вы поссорились за предательство и доносъ... нынче вечеромъ... и причиной его смерти.

— Онъ умеръ! вскричалъ Кирилловъ, вскакивая съ дивана.

— Сегодня въ восьмомъ часу вечера, или лучше, вчера въ восьмомъ часу вечера, а теперь уже первый часъ.

— Это ты убилъ его!.. И я это вчера предвидѣлъ!

— Еще бы не предвидѣть? Вотъ изъ этого револьвера (онъ вынулъ револьверъ, повидимому, показать, но уже не спряталъ его болѣе, а продолжалъ держать въ правой рукѣ, какъ бы наготовѣ). — Странный вы, однако, человекъ, Кирилловъ, вѣдь вы сами знали, что этимъ должно было кончиться съ этимъ глухимъ человекомъ. Чего же тутъ еще предвидѣть? Я вамъ въ ротъ разжевывалъ нѣсколько разъ. Шатовъ готовилъ доносъ: я слѣдилъ; оставить никакъ нельзя было. Да и вамъ дана была инструкція слѣдить; вы же сами сообщали мнѣ недѣли три тому...

— Молчи! Это ты его за то, что онъ тебѣ въ Женеvѣ плюнулъ въ лицо!

— И за то, и еще за другое. За многое другое; впрочемъ, безъ всякой злобы. Чего же вскакивать? Чего же фигуры-то строить? Ого! Да мы вотъ какъ!..

Онъ вскочилъ и поднялъ предъ собою револьверъ. Дѣло въ томъ, что Кирилловъ вдругъ захватилъ съ окна свой револьверъ, еще съ утра заготовленный и заряженный. Петръ Степановичъ сталъ въ позицію и навелъ свое оружіе на Кириллова. Тотъ злобно разсмѣялся.

— Признайся, подлець, что ты взялъ револьверъ потому, что я застрѣлю тебя... Но я тебя не застрѣлю... хотя... хотя...

И онъ опять навелъ свой револьверъ на Петра Степановича, какъ бы примѣриваясь, какъ бы не въ силахъ отказаться отъ наслажденія представить себѣ, какъ бы онъ застрѣлилъ его. Петръ Степановичъ, все въ позиціи, выжидалъ, выжидалъ до послѣдняго мгновенія, не спускающая курка, рискуя самъ прежде получить пулю въ лобъ: отъ „маньяка“ могло статься. Но „маньякъ“, наконецъ, опустилъ руку, задыхаясь и дрожа и не въ силахъ будучи говорить.

— Поиграли, и довольно, опустили оружіе и Петръ Степановичъ.—Я такъ и зналъ, что вы играете; только, знаете, вы рисковали: я могъ спустить.

И онъ довольно спокойно усѣлся на диванъ и налилъ себѣ чаю, нѣсколько трепетавшею, впрочемъ, рукой. Кирилловъ положилъ револьверъ на столъ и сталъ ходить взадъ и впередъ.

— Я не напишу, что убилъ Шатова, и... ничего теперь не напишу. Не будетъ бумаги!

— Не будетъ?

— Не будетъ.

— Чтò за подлость и чтò за глупость! позеленѣлъ отъ злости Петръ Степановичъ. — Я, впрочемъ, это предчувствовалъ. Знайте, что вы меня не берете врасплохъ. Какъ хотите, однако. Если бъ я могъ васъ заставить силой, то я бы заставилъ. Вы, впрочемъ, подлець, все больше и больше не могъ вытерпѣть Петръ Степановичъ. — Вы тогда у насъ денегъ просили и наобѣщали три короба... Только я все-таки не выйду безъ результата, увижу, по крайней мѣрѣ, какъ вы сами-то себѣ лобъ раскроите.

— Я хочу, чтобы ты вышелъ сейчасъ, твердо остановился противъ него Кирилловъ.

— Нѣтъ, ужъ это никакъ-съ, схватился опять за револьверъ Петръ Степановичъ.—Теперь, пожалуй, вамъ со злобы и съ трусости вздумается все отложить и завтра пойти донести, чтобъ опять деньжонокъ добыть; за это

вѣдь заплатятъ. Чортъ васъ возьми, такихъ людишекъ, какъ вы, на все хватить! Только не безпокойтесь, я все предвидѣлъ: я не уйду не раскроивъ вамъ черепа изъ этого револьвера, какъ подлецу Шатову, если вы сами струсите и намѣреніе отложите, чортъ васъ дерит!

— Тебѣ хочется непремѣнно видѣть и мою кровь?

— Я не по злобѣ; поймите, мнѣ все равно. Я потому, чтобы быть спокойнымъ за наше дѣло. На человѣка положиться нельзя, сами видите. Я ничего не понимаю, въ чемъ у васъ тамъ фантазія себя умертвить. Не я это вамъ выдумалъ, а вы сами еще прежде меня, и заявили объ этомъ первоначально не мнѣ, а членамъ за границей. И замѣьте, никто изъ нихъ у васъ не выпытывалъ, никто изъ нихъ васъ и не зналъ совсѣмъ, а сами вы пришли откровенничать, изъ чувствительности. Ну, что же дѣлать, если на этомъ былъ тогда же основанъ, съ вашего же согласія и предложенія (замѣьте это себѣ: предложенія!), нѣкоторый планъ здѣшнихъ дѣйствій, котораго теперь измѣнить уже никакъ нельзя. Вы такъ себя теперь поставили, что уже слишкомъ много знаете лишняго. Если сбрендите и завтра доносить отправитесь, такъ вѣдь это, пожалуй, намъ и невыгодно будетъ, какъ вы объ этомъ думаете? Нѣтъ-съ; вы обязались, вы слово дали, деньги взяли. Этого вы никакъ не можете отрицать...

Петръ Степановичъ сильно разгорячился, но Кирилловъ давно ужъ не слушалъ. Онъ опять въ задумчивости шагаль по комнатѣ.

— Мнѣ жаль Шатова, сказалъ онъ, снова останавливаясь передъ Петромъ Степановичемъ.

— Да вѣдь и мнѣ жаль, пожалуй, и неужто...

— Молчи, подлецъ! заревѣлъ Кирилловъ, сдѣлавъ страшное и недвусмысленное движеніе. — Убью!

— Ну, ну, ну, солгалъ, согласенъ, вовсе не жаль; ну, довольно же, довольно! опасно привскочилъ, выставивъ впередъ руку, Петръ Степановичъ.

Кирилловъ вдругъ утихъ и опять зашагалъ.

— Я не отложу, я именно теперь хочу умертвить себя: всѣ подлецы!

— Ну, вотъ это идея; конечно, всѣ подлецы, и такъ какъ на свѣтѣ порядочному человѣку мерзко, то...

— Дуракъ, я тоже такой подлецъ какъ ты, какъ всѣ, я не порядочный. Порядочнаго нигдѣ не было.

— Наконецъ-то, догадался. Неужели вы до сихъ поръ

не понимали, Кирилловъ, съ вашимъ умомъ, что всё одни и тѣ же, что нѣтъ ни лучше, ни хуже, а только умнѣе и глупѣе, и что если всё подлецы (что, впрочемъ, вздоръ), то, стало быть, и не должно быть не подлеца?

— А! Да ты въ самомъ дѣлѣ не смѣешься? съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ Кирилловъ.—Ты съ жаромъ и просто... Неужто у такихъ какъ ты убѣжденія?

— Кирилловъ, я никогда не могъ понять, за что вы хотите убить себя. Я знаю только, что изъ убѣжденія... изъ твердаго. Но если вы чувствуете потребность, такъ сказать, излить себя, я къ вашимъ услугамъ... Только надо имѣть въ виду время...

— Который часъ?

— Ого, ровно два, посмотрѣлъ на часы Петръ Степановичъ и закурилъ папиросу.

„Кажется, еще можно сговориться“, подумалъ онъ про себя.

— Мнѣ нечего тебѣ говорить, пробормоталъ Кирилловъ.

— Я помню, что тутъ что-то о Богѣ... вѣдь вы разъ мнѣ объясняли, даже два раза. Если вы застрѣлитесь, то вы станете богомъ, кажется, такъ?

— Да, я стану богомъ.

Петръ Степановичъ даже не улыбнулся, онъ ждалъ; Кирилловъ тонко посмотрѣлъ на него.

— Вы политическій обманщикъ и интриганъ, вы хотите свести меня на философію и на восторгъ, и произвести примиреніе, чтобы разогнать гнѣвъ, и когда помирюсь, упробить записку, что я убилъ Шатова.

Петръ Степановичъ отвѣтилъ почти съ натуральнымъ простодушіемъ.

— Ну, пусть я такой подлець, только въ послѣднія минуты не все-ли вамъ это равно, Кирилловъ? Ну, за что мы ссоримся, скажите пожалуйста: вы такой человѣкъ, а я такой человѣкъ, что-жъ изъ этого? И оба вдобавокъ...

— Подлецы.

— Да, пожалуй, и подлецы. Вѣдь вы знаете, что это только слова.

— Я всю жизнь не хотѣлъ, чтобъ это только слова. Я потому и жилъ, что все не хотѣлъ. Я и теперь каждый день хочу, чтобы не слова.

— Что-жъ, каждый ищетъ гдѣ лучше. Рыба... то есть каждый ищетъ своего рода комфорта; вотъ и все. Чрезвычайно давно извѣстно.

- Комфорта, говоришь ты?
- Ну, стоитъ изъ-за словъ спорить.
- Нѣтъ, ты хорошо сказалъ; пусть комфорта. Богъ необходимъ, а потому долженъ быть.
- Ну, и прекрасно.
- Но я знаю, что Его нѣтъ и не можетъ быть.
- Это вѣрнѣе.
- Неужели ты не понимаешь, что человѣку съ такими двумя мыслями нельзя оставаться въ живыхъ?
- Застрѣлиться, что-ли?
- Неужели ты не понимаешь, что изъ-за этого только одного можно застрѣлить себя? Ты не понимаешь, что можетъ быть такой человѣкъ, одинъ человѣкъ изъ тысячи вашихъ милліоновъ, одинъ, который не захочетъ и не перенесетъ.
- Я понимаю только, что вы, кажется, колеблетесь... Это очень скверно.
- Ставрогина тоже съѣла идея, не замѣтилъ замѣчанія Кирилловъ, угрюмо шагая по комнатѣ.
- Какъ? наострилъ уши Петръ Степановичъ,—какая идея? Онъ вамъ самъ что-нибудь говорилъ?
- Нѣтъ, я самъ угадалъ: Ставрогинъ если вѣруеть, то не вѣруеть, что онъ вѣруеть. Если же не вѣруеть, то не вѣруеть, что онъ не вѣруеть.
- Ну, у Ставрогина есть и другое, поумнѣе этого... сварливо пробормоталъ Петръ Степановичъ, съ безпокойствомъ слѣдя за оборотомъ разговора и за блѣднымъ Кирилловымъ.
- „Чортъ возьми, не застрѣлится“, думалъ онъ, „всегда предчувствовалъ; мозговой вывертъ и больше ничего; экая шваль народъ!“
- Ты послѣдній, который со мной: я бы не хотѣлъ съ тобой разстаться дурно, подарилъ вдругъ Кирилловъ.
- Петръ Степановичъ не сейчасъ отвѣтилъ. „Чортъ возьми, это что-жъ опять?“ подумалъ онъ снова.
- Повѣрьте, Кирилловъ, что я ничего не имѣю противъ васъ, какъ человѣка лично, и всегда...
- Ты подлець и ты ложный умъ. Но я такой же какъ и ты, и застрѣлю себя, а ты останешься живъ.
- То есть вы хотите сказать, что я такъ низокъ, что захочу остаться въ живыхъ.

Онъ еще не могъ разрѣшить, выгодно или невыгодно продолжать въ такую минуту такой разговоръ, и рѣшился

„предаться обстоятельствам“. Но тонъ превосходства и нескрываемаго всегдашняго къ нему презрѣнія Кириллова всегда и прежде раздражалъ его, а теперь почему-то еще больше прежняго. Потому, можетъ быть, что Кирилловъ, которому черезъ часъ какой-нибудь предстояло умереть (все-таки Петръ Степановичъ это имѣлъ въ виду), казался ему чѣмъ-то въ родѣ уже получеловѣка, чѣмъ-то такимъ, что ему уже никакъ нельзя было позволить высокомѣрія.

— Вы, кажется, хвастаетесь предо мной, что застрѣлитесь?

— Я всегда былъ удивленъ, что всѣ остаются въ живыхъ, не слыхалъ его замѣчанія Кирилловъ.

— Гм! положимъ, это идея, но...

— Обезьяна, ты поддакиваешь, чтобы меня покорить. Молчи, ты не поймешь ничего. Если нѣтъ Бога, то я богъ.

— Вотъ я никогда не могъ понять у васъ этого пункта: почему вы-то богъ?

— Если Богъ есть, то вся воля Его, и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ заявить своеволие.

— Своеволіе? А почему обязаны?

— Потому что вся воля стала моя. Неужели никто па всей планетѣ, кончивъ Бога и увѣровавъ въ своеволие, не осмѣлится заявить своеволие, въ самомъ полномъ пунктѣ? Это такъ, какъ бѣдный получилъ наслѣдство и испугался, и не смѣетъ подойти къ мѣшку, почитая себя малосильнымъ владѣть. Я хочу заявить своеволие. Пусть одинъ, но сдѣлаю.

— И дѣлайте.

— Я обязанъ себя застрѣлить, потому что самый полный пунктъ моего своеволія—это убить себя самому.

— Да вѣдь не одинъ же вы себя убиваете; много самоубійць.

— Съ причиною. Но безо всякой причины, а только для своеволія—одинъ я.

„Не застрѣлится“, мелькнуло опять у Петра Степановича.

— Знаете что, замѣтилъ онъ раздражительно,—я бы на вашемъ мѣстѣ, чтобы показать своеволие, убилъ кого-нибудь другого, а не себя. Полезнымъ могли бы стать. Я укажу кого, если не испугаетесь. Тогда пожалуй и не стрѣляйтесь сегодня. Можно сговориться.

— Убить другого будетъ самымъ низкимъ пунктомъ

моего своеволия, и въ этомъ весь ты. Я не ты: я хочу высшій пунктъ и себя убью.

„Своимъ умомъ дошелъ“, злобно проворчалъ Петръ Степановичъ.

— Я обязанъ невѣріе заявить, шагаль по комнатѣ Кирилловъ.—Для меня нѣтъ выше идеи—что Бога нѣтъ. За меня человѣческая исторія. Человѣкъ только и дѣлалъ, что выдумывалъ Бога, чтобы жить не убивая себя; въ этомъ вся всемірная исторія до сихъ поръ. Я одинъ во всемірной исторіи не захотѣлъ первый разъ выдумывать Бога. Пусть узнаютъ разъ навсегда.

„Не застрѣлится“, тревожился Петръ Степановичъ.

— Кому узнавать-то? поджигалъ онъ.—Тутъ я да вы; Липутинъ что-ли?

— Всѣмъ узнавать; всѣ узнаютъ... Ничего нѣтъ тайнаго, что бы не сдѣлалось явнымъ. Вотъ Онъ сказалъ.

И онъ съ лихорадочнымъ восторгомъ указалъ на образъ Спасителя, предъ которымъ горѣла лампада. Петръ Степановичъ совсѣмъ озлился.

— Въ Него-то, стало быть, все еще вѣруете и лампадку зажгли; ужъ не на „всякій-ли случай“?

Тотъ промолчалъ.

— Знаете что, по-моему, вы вѣруете, пожалуй, еще больше попа.

— Въ кого? Въ *Него*? Слушай, остановился Кирилловъ, неподвижнымъ, изступленнымъ взглядомъ смотря передъ собой.—Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: Этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ что на ней, безъ этого человѣка — одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ Ему такого же, никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *Этого*, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты ложь и дьяволовъ водевилъ. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ?

— Это другой оборотъ дѣла. Мнѣ кажется, у васъ тутъ двѣ разныя причины смѣшались; а это очень неблагонадежно. Но позвольте, ну, а если вы богъ? Если кончилась ложь, и вы догадались, что вся ложь оттого, что былъ прежній Богъ.

— Наконецъ-то ты понялъ! вскричалъ Кирилловъ восторженно. Стало быть, можно же понять, если даже такой какъ ты понялъ! Понимаешь теперь, что все спасеніе для всѣхъ—всѣмъ доказать эту мысль. Кто докажетъ? Я! Я не понимаю, какъ могъ до сихъ поръ атеистъ знать, что нѣтъ Бога, и не убить себя тотчасъ же? Сознать, что нѣтъ Бога и не сознать въ тотъ же разъ, что самъ богомъ сталъ—есть нелѣпость, иначе непремѣнно убьешь себя самъ. Если сознаешь—ты царь и уже не убьешь себя самъ, а будешь жить въ самой главной славѣ. Но одинъ, тотъ, кто первый, долженъ убить себя самъ непремѣнно, иначе кто же начнетъ и докажетъ? Это я убью себя самъ непремѣнно, чтобы пачать и доказать. Я еще только богъ поневолѣ и я несчастенъ, ибо *обязанъ* заявить своеволіе. Всѣ несчастны, потому что всѣ боятся заявлять своеволіе. Человѣкъ потому и былъ до сихъ поръ такъ несчастенъ и бѣденъ, что боялся заявить самый главный пунктъ своеволія, и своевольничалъ съ краю, какъ школьникъ. Я ужасно несчастенъ, ибо ужасно боюсь. Страхъ есть проклятіе человѣка... Но я заявлю своеволіе, я обязанъ увѣривать, что не вѣрую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасетъ всѣхъ людей и въ слѣдующемъ же поколѣніи переродитъ физически; ибо въ теперешнемъ физическомъ видѣ, сколько я думалъ, нельзя быть человѣку безъ прежняго Бога никакъ. Я три года искалъ атрибутъ божества моего и нашелъ: атрибутъ божества моего—Своеволіе! Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою.

Лицо его было неестественно блѣдно, взглядъ нестерпимо тяжелый. Онъ былъ какъ въ горячкѣ. Петръ Степановичъ подумалъ было, что онъ сейчасъ упадетъ.

— Давай перо! вдругъ совсѣмъ неожиданно крикнулъ Кирилловъ въ рѣшительномъ вдохновеніи;— диктуй, все подпишу. И что Шатова убилъ подпишу. Диктуй, пока мнѣ смѣшно. Не боюсь мыслей высокомѣрныхъ рабовъ!

Самъ увидишь, что все тайное станетъ явнымъ! А ты будешь раздавленъ... Вѣрую! Вѣрую!

Петръ Степановичъ схватился съ мѣста и мигомъ подалъ чернильницу, бумагу и сталъ диктовать, ловя минуту и трепеща за успѣхъ.

„Я, Алексѣй Кирилловъ, объявляю“...

— Стой! Не хочу! Кому объявляю?

Кирилловъ трясся какъ въ лихорадкѣ. Это объявленіе и какая-то особенная внезапная мысль о немъ, казалось, вдругъ поглотила его всего, какъ будто какой-то исходъ, куда стремительно ударился, хоть на минутку, измученный духъ его.

— Кому объявляю? Хочу знать кому?

— Никому, всѣмъ, первому, который прочтетъ. Къ чему опредѣленность? Всему міру!

— Всему міру? Bravo! И чтобы не надо раскаянiя. Не хочу, чтобы раскаиваться; и не хочу къ начальству!

— Да нѣтъ же, не надо, къ чорту начальство! Да пишите же, если вы серьезно!.. истерически прикрикнулъ Петръ Степановичъ.

— Стой! Я хочу сверху рожу съ высунутымъ языкомъ.

— Э, вздоръ! озлился Петръ Степановичъ,—и безъ ризунка можно все это выразить однимъ тономъ.

— Тономъ? Это хорошо. Да, тономъ, тономъ! Диктуй тономъ!

„Я, Алексѣй Кирилловъ,—твердо и повелительно диктовалъ Петръ Степановичъ, нагнувшись надъ плечомъ Кириллова и слѣдя за каждою буквою, которую тотъ выводилъ трепетавшею отъ волненiя рукой,—я, Кирилловъ, объявляю, что сегодня—октября, ввечеру, въ восьмомъ часу, убилъ студента Шатова, за предательство, въ паркѣ, и за доносъ о прокламаціяхъ и о Ѳедкѣ, который у насъ обоихъ, въ домѣ Филиппова также, квартировалъ и ночевалъ десять дней. Убиваю же самъ себя сегодня изъ револьвера не потому, что раскаиваюсь и васъ боюсь, а потому что имѣлъ за границей намѣреніе прекратить свою жизнь“.

— Только? съ удивленіемъ и съ негодованіемъ воскликнулъ Кирилловъ.

— Ни слова больше! махнулъ рукой Петръ Степановичъ, норовя вырвать у него документъ.

— Стой! крѣпко наложилъ на бумагу свою руку Кирилловъ,—стой, вздоръ! Я хочу, съ кѣмъ убилъ. Зачѣмъ

Оедька? А пожаръ? Я все хочу и еще изругать хочу тономъ, тономъ!

— Довольно, Кирилловъ, увѣряю васъ, что довольно! почти умолялъ Петръ Степановичъ, трепеща, чтобъ онъ не разодралъ бумагу.—Чтобы повѣрили, надо какъ можно темнѣе, именно такъ, именно одними намеками. Надо правды только уголокъ показать, ровно настолько, чтобъ ихъ раздражить. Всегда сами себѣ налгутъ больше нашего и ужъ себѣ-то, конечно, повѣрятъ больше, чѣмъ намъ, а вѣдь это всего лучше, всего лучше! Давайте; великолѣпно и такъ; давайте, давайте!

И онъ все старался вырвать бумагу. Кирилловъ, выпуча глаза, слушалъ и какъ бы старался сообразить, но, кажется, онъ переставалъ понимать.

— Э, чортъ! озлился вдругъ Петръ Степановичъ.— Да онъ еще и не подписалъ! Что-жъ вы глаза-то выпучили, подписывайте!

— Я хочу изругать... пробормоталъ Кирилловъ, однако, взялъ перо и подписался. — Я хочу изругать...

— Подпишите: *Vive la république*, и довольно.

— Bravo! почти заревѣлъ отъ восторга Кирилловъ. — *Vive la république démocratique, sociale et universelle ou la mort!*.. Нѣтъ, нѣтъ, не такъ. *Liberté, égalité, fraternité ou la mort*. Вотъ это лучше, это лучше, написалъ онъ съ наслажденіемъ подъ подписью своего имени.

— Довольно, довольно, повторялъ Петръ Степановичъ.

— Стой, еще немножко... Я, знаешь, подпишу еще разъ по-французски: „*de Kirilloff, gentilhomme russe et citoyen du monde*“. Ха-ха-ха! залился онъ хохотомъ. — Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, стой, нашелъ всего лучше, зврика: *gentilhomme-séminariste russe et citoyen du monde civilisé!* Вотъ что лучше всякихъ... вскочилъ онъ съ дивана и вдругъ быстрымъ жестомъ схватилъ съ окна револьверъ, выбѣжалъ съ нимъ въ другую комнату и плотно притворилъ за собою дверь.

Петръ Степановичъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, глядя на дверь.

„Если сейчасъ, такъ пожалуй и выстрѣлить, а начнетъ думать — ничего не будетъ“.

Онъ взялъ пока бумажку, присѣлъ и переглядѣлъ ее снова. Редакція объявленія опять ему понравилась.

„Чего же пока надо? Надо, чтобы на время совѣлъ ихъ сбить съ толку и отвлечь. Паркъ? Въ городѣ нѣтъ

парка, ну, и дойдутъ своимъ умомъ, что въ Скворешникахъ. Пока будутъ доходить, пройдетъ время, пока искать—опять время, а отыщутъ трупъ — значить, правда написана; значить и все правда, значить, и про Оедьку правда. А что такое Оедька? Оедька—это пожаръ, это Лебядкины: значить, все отсюда, изъ дому Филипповыхъ и выходило, а они-то ничего не видали, а они-то все проглядѣли, — это ужъ ихъ совсѣмъ закружить! Про нашихъ и въ голову не войдетъ; Шатовъ да Кирилловъ, да Оедька, да Лебядкинъ; и зачѣмъ они убили другъ друга,—вотъ еще имъ вопросикъ. Э, чортъ, да выстрѣла-то не слышно!..“

Онъ хотъ и читаль, и любовался редакціей, но каждый мигъ съ мучительнымъ безпокойствомъ прислушивался и—вдругъ озлился. Тревожно взглянулъ онъ на часы; было поздненько; и минутъ десять какъ тотъ ушелъ... Схвативъ свѣчку, онъ направился къ дверямъ комнаты, въ которой затворился Кирилловъ. У самыхъ дверей ему какъ разъ пришло въ голову, что вотъ и свѣчка на исходѣ и минутъ черезъ двадцать совсѣмъ догоритъ, а другой нѣтъ. Онъ взялся за замокъ и осторожно прислушался, не слышно было ни малѣйшаго звука; онъ вдругъ отперъ дверь и приподнялъ свѣчу: что-то заревѣло и бросилось къ нему. Изъ всей силы прихлопнулъ онъ дверь и опять налегъ на нее, но уже все утихло—опять мертвая тишина.

Долго стоялъ онъ въ нерѣшимости со свѣчой въ рукѣ. Въ ту секунду, какъ отворялъ, онъ очень мало могъ разглядѣть, но, однако, мелькнуло лицо Кириллова, стоявшаго въ глубинѣ комнаты, у окна, и звѣрская ярость, съ которою тотъ вдругъ къ нему кинулся. Петръ Степановичъ вздрогнулъ, быстро поставилъ свѣчку на столъ, приготовилъ револьверъ и отскочилъ на дыпочкахъ въ противоположный уголъ, такъ что, если бы Кирилловъ отворилъ дверь и устремился съ револьверомъ къ столу, онъ успѣлъ бы еще прицѣлиться и спустить курокъ раньше Кириллова.

Въ самоубійство Петръ Степановичъ уже совсѣмъ теперь не вѣрилъ.

„Стоялъ среди комнаты и думаль“, проходило какъ вихрь въ умѣ Петра Степановича.—„Къ тому же темная, страшная комната... Онъ заревѣлъ и бросился—тутъ двѣ возможности: или я помѣшалъ ему въ ту самую секунду, какъ онъ спускалъ курокъ, или... или онъ стоялъ и обдумываль, какъ бы меня убить. Да, это такъ, онъ обдумы-

валъ... Онъ знаетъ, что я не уйду не убивъ его, если самъ онъ струсить,—значить, ему надо убить меня прежде, чтобы я не убилъ его... И опять, опять тамъ тишина! Страшно даже: вдругъ отворить дверь... Свинство въ томъ, что онъ въ Бога вѣруетъ пуще чѣмъ попь... Ни за что не застрѣлится!.. Этихъ, которые „своимъ умомъ дошли“, много теперь развелось. Сволочь! фу, чортъ, свѣчка, свѣчка! Догорить черезъ четверть часа непременно... Надо кончить; во что бы то ни стало надо кончить... Что-жь, убить теперь можно... Съ этою бумагой никакъ не подумаютъ, что я убилъ. Его можно такъ сложить и приладить на полу съ разряженнымъ револьверомъ въ рукѣ, что непременно подумаютъ, что онъ самъ... Ахъ, чортъ, какъ же убить? Я отворю, а онъ опять бросится и выстрѣлитъ прежде меня. Э, чортъ, разумѣется, промахнется!“

Такъ мучился онъ, трепеща предъ неизбѣжностью замысла и отъ своей нерѣшительности. Наконецъ, взявъ свѣчу и опять подошелъ къ дверямъ, приподнявъ и приготовивъ револьверъ; лѣвою же рукой, въ которой держалъ свѣчу, налегъ на ручку замка. Но вышло неловко: ручка щелкнула, произошелъ звукъ и скрипъ. „Прямо выстрѣлить!“ мелькнуло у Петра Степановича. Изъ всей силы толкнулъ онъ ногой дверь, поднялъ свѣчу и выставилъ револьверъ; но ни выстрѣла, ни крика... Въ комнатѣ никого не было.

Онъ вздрогнулъ. Комната была не проходная, глухая, и убѣжать было некуда. Онъ поднялъ еще больше свѣчу и взглядѣлся внимательно: ровно никого. Вполголоса онъ окликнулъ Кириллова, потомъ въ другой разъ громче; никто не откликнулся.

„Неужто въ окно убѣжалъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ окнѣ отворена была форточка. „Нелѣпость, не могъ онъ убѣжать черезъ форточку“. Петръ Степановичъ прошелъ черезъ всю комнату прямо къ окну. „Никакъ не могъ“. Вдругъ онъ быстро обернулся и что-то необычайное сотрясло его.

У противоположной окнамъ стѣны, вправо отъ двери, стоялъ шкафъ. Съ правой стороны этого шкафа, въ углу, образованномъ стѣною и шкафомъ, стоялъ Кирилловъ, и стоялъ ужасно странно,—неподвижно, вытянувшись, протянувъ руки по швамъ, приподнявъ голову и плотно прижавшись затылкомъ къ стѣнѣ, въ самомъ углу, казалось, желая весь ступеваться и спрятаться. По всѣмъ призна-

камь, онъ прятался, но какъ-то нельзя было повѣрить. Петръ Степановичъ стоялъ нѣсколько наискось отъ угла и могъ наблюдать только выдающіяся части фигуры. Онъ все еще не рѣшался подвинуться влѣво, чтобы разглядѣть всего Кириллова и понять загадку. Сердце его стало сильно биться... И вдругъ имъ овладѣло совершенное бѣшенство: онъ сорвался съ мѣста, закричалъ и, топая ногами, яростно бросился къ страшному мѣсту.

Но дойдя вплоть, онъ опять остановился какъ вкопанный, еще болѣе пораженный ужасомъ. Его, главное, поразило то, что фигура, несмотря на крикъ и на бѣшенный наскокъ его, даже не двинулась, не шевельнулась, ни однимъ своимъ членомъ—точно окаменѣвшая или восковая. Блѣдность лица ея была неестественная, черные глаза совсѣмъ неподвижны и глядѣли въ какую-то точку въ пространствѣ. Петръ Степановичъ провелъ свѣчкой сверху внизъ и опять вверхъ, освѣщая со всѣхъ точекъ и разглядывая это лицо. Онъ вдругъ замѣтилъ, что Кирилловъ хоть и смотритъ куда-то предъ собой, но искоса его видитъ и даже, можетъ-быть, наблюдаетъ. Тутъ пришла ему мысль поднести огонь прямо къ лицу „этого мерзавца“, поджечь и посмотреть, что тотъ сдѣлаетъ. Вдругъ ему почудилось, что подбородокъ Кириллова шевельнулся и на губахъ какъ бы скользнула насмѣшливая улыбка—точно тотъ угадалъ его мысль. Она задрожала и, не помня себя, крѣпко схватилъ Кириллова за плечо.

Затѣмъ произошло нѣчто до того безобразное и быстрое, что Петръ Степановичъ никакъ не могъ потомъ уладить свои воспоминанія въ какомъ-нибудь порядкѣ. Едва онъ дотронулся до Кириллова, какъ тотъ быстро нагнулъ голову и головой же выбилъ изъ рукъ его свѣчку; подсвѣчникъ полетѣлъ со звономъ на полъ, и свѣча потухла. Въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ ужасную боль въ мизинцѣ своей лѣвой руки. Онъ закричалъ, и ему припомнилось только, что онъ внѣ себя три раза изо всей силы ударилъ револьверомъ по головѣ припавшаго къ нему и укусившаго ему палецъ Кириллова. Наконецъ, палецъ онъ вырвалъ и сломя голову бросился бѣжать изъ дому, отыскивая въ темнотѣ дорогу. Во слѣдъ ему изъ комнаты летѣли страшные крики:

— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ!..

Разъ десять. Но онъ все бѣжалъ и уже выбѣжалъ было въ сѣни, какъ вдругъ послышался громкій выстрѣлъ.

Тутъ онъ остановился въ сѣняхъ въ темнотѣ и минутъ пять соображалъ; наконецъ, вернулся опять въ комнаты. Но надо было добыть свѣчу. Стоило отыскать направо у шкафа на полу выбитый изъ рукъ подсвѣчникъ; но чѣмъ засвѣтить огарокъ? Въ умѣ его вдругъ промелькнуло одно темное воспоминаніе: ему припомнилось, что вчера, когда онъ сбѣжалъ въ кухню, чтобъ наброситься на Ѳедьку, то въ углу, на полкѣ, онъ какъ будто замѣтилъ мелькомъ большую красную коробку спичекъ. Ощупью направился онъ влѣво, къ кухонной двери, отыскалъ ее, прошелъ сѣнды и спустился по лѣстницѣ. На полкѣ, прямо въ томъ самомъ мѣстѣ, которое ему сейчасъ припомнилось, нашарилъ опъ въ темнотѣ полную, еще непечатую коробку спичекъ. Не зажигая огня, поспѣшно воротился онъ вверхъ и только лишь около шкафа, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ билъ револьверомъ укусившаго его Кириллова, вдругъ вспомнилъ про свой укушенный палецъ и въ то же мгновение ощутилъ въ немъ почти невыносимую боль. Стиснувъ зубы, опъ кое-какъ засвѣтилъ огарокъ, вставилъ его опять въ подсвѣчникъ и осмотрѣлся кругомъ; у окошка съ отворенной форточкой, ногами въ правый уголъ комнаты, лежалъ трупъ Кириллова. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ правый високъ, и пуля вышла вверхъ съ лѣвой стороны, пробивъ черепъ. Виднѣлись брызги крови и мозга. Револьверъ оставался въ опустившейся на полъ рукъ самоубійцы. Смерть должна была произойти мгновенно. Осмотрѣвъ все со всею аккуратностью, Петръ Степановичъ приподнялся и вышелъ на цыпочкахъ, приберъ дверь, свѣчу поставилъ на столъ въ первой комнатѣ, подумалъ и рѣшилъ не тушить ее, сообразивъ, что она не можетъ произвести пожара. Взглянувъ еще разъ на лежавшій на столѣ документъ, онъ машинально усмѣхнулся и затѣмъ уже, все почему-то на цыпочкахъ, пошелъ изъ дому. Опъ пролѣзъ опять черезъ Ѳедькинъ ходъ и опять аккуратно задралъ его за собою.

III.

Ровно безъ десяти минутъ въ шесть часовъ, въ вокзалѣ желѣзной дороги, вдоль вытянувшася, довольно длиннаго ряда вагоновъ прохаживались Петръ Степановичъ и Эркель. Петръ Степановичъ отъѣзжалъ, а Эркель прощался съ нимъ. Кладъ была сдана, сакъ отнесенъ въ вагонъ второго класса, на выбранное мѣсто. Первый зво-

ночь уже прозвенѣлъ, ждали второго. Петръ Степановичъ открыто смотрѣлъ по сторонамъ, наблюдая входившихъ въ вагоны пассажировъ. Но близкихъ знакомыхъ не встрѣтилось; всего лишь раза два пришло ему кивнуть головой,—одному купцу, котораго онъ зналъ отдаленно, и потомъ одному молодому деревенскому священнику, отбѣжавшему за двѣ станціи въ свой приходъ. Эркелю, видимо, хотѣлось въ послѣднія минуты поговорить о чемъ-нибудь поважнѣе, — хотя, можетъ-быть, онъ и самъ не зналъ, о чемъ именно; но онъ все не смѣлъ начать. Ему все казалось, что Петръ Степановичъ какъ будто съ нимъ тяготится и съ нетерпѣніемъ ждетъ остальныхъ звонковъ.

— Вы такъ открыто на всѣхъ смотрите, съ нѣкоторою робостью замѣтилъ онъ, какъ бы желая предупредить.

— Почему-жъ нѣтъ? Мнѣ еще нельзя прятаться. Рано. Не безпокойтесь. Я вотъ только боюсь, чтобы не наслалъ чортъ Липутина; пронюхаетъ и прибѣжитъ.

— Петръ Степановичъ, они не надежны, рѣшительно высказалъ Эркель.

— Липутинъ?

— Всѣ, Петръ Степановичъ.

— Вздоръ, теперь всѣ связаны вчерашнимъ. Ни одинъ не измѣнитъ. Кто пойдетъ на явную гибель, если не потеряетъ разсудка?

— Петръ Степановичъ, да вѣдь они потеряютъ разсудокъ.

Эта мысль уже, видимо, заходила въ голову Петра Степановича, и потому замѣчаніе Эркеля еще болѣе его разсердило.

— Не трусите-ли и вы, Эркель? Я на васъ больше чѣмъ на всѣхъ ихъ надѣюсь. Я теперь увидѣлъ, чего каждый стѣдитъ. Передайте имъ все словесно сегодня же, я вамъ ихъ прямо поручаю. Обѣгите ихъ съ утра. Письменную мою инструкцію прочтите завтра или послѣзавтра, собравшись, когда они уже станутъ способны выслушать... но повѣрьте, что они завтра же будутъ способны, потому что ужасно струсятъ и станутъ послушны какъ воскъ... Главное, вы-то не унывайте...

— Ахъ, Петръ Степановичъ, лучше, если-бъ вы не уѣзжали!

— Да вѣдь я только на нѣсколько дней; я мигомъ назадъ.

— Петръ Степановичъ, осторожно, но твердо вымолвилъ Эркель;—хотя бы вы и въ Петербургъ. Развѣ я не понимаю, что вы дѣлаете только необходимое для общаго дѣла.

— Я меньшаго и не ждалъ отъ васъ, Эркель. Если вы догадались, что я въ Петербургъ, то могли понять, что не могъ же я сказать имъ вчера, въ тотъ моментъ, что такъ далеко уѣзжаю, чтобы не испугать. Вы видѣли сами, каковы они были. Но вы понимаете, что я для дѣла, для главнаго и важнаго дѣла, для общаго дѣла, а не для того, чтобы улизнуть, какъ полагаетъ какой-нибудь Липутинъ.

— Петръ Степановичъ, да хотя бы и за границу, вѣдь я пойму-съ; я пойму, что вамъ нужно сберечь свою личность, потому что вы все, а мы—ничто. Я пойму, Петръ Степановичъ.

У бѣднаго мальчика задрожалъ даже голосъ.

— Благодарю васъ, Эркель... Ай, вы мнѣ большой палецъ тронули (Эркель неловко пожалъ ему руку; большой палецъ былъ приглядно перевязанъ черною тафтой).—Но я вамъ положительно говорю еще разъ, что въ Петербургъ я только пронохать и даже, можетъ-быть, всего только сутки, и тотчасъ обратно сюда. Воротясь, я для виду поселюсь въ деревнѣ у Гаганова. Если они полагаютъ въ чемъ-нибудь опасность, то я первый во главѣ пойду раздѣлить ее. Если же и замедлю въ Петербургѣ, то въ тотъ же мигъ дамъ вамъ знать... извѣстнымъ путемъ, а вы имъ.

Раздался второй звонокъ.

— А, значитъ, всего пять минутъ до отъѣзда. Я, знаете, не желалъ бы, чтобы здѣшняя кучка разсыпалась. Я-то не боюсь, обо мнѣ не беспокойтесь: этихъ узловъ общей сѣти у меня довольно и мнѣ нечего особенно дорожить; но и лишній узелъ ничему бы не помѣшалъ. Впрочемъ, я за васъ спокоенъ, хотя и оставляю васъ почти одного съ этими уродами: не беспокойтесь, не донесутъ, не посядутъ... А-а, и вы сегодня? крикнулъ онъ вдругъ, всѣмъ другимъ, веселымъ голосомъ одному очень молодому человѣку, весело подошедшему къ нему поздороваться.— Я не зналъ, что и вы тоже съ экстреннымъ. Куда, къ мамашѣ?

Мамаша молодого человѣка была богатѣйшая помѣщица сосѣдней губерніи, а молодой человѣкъ приходился отда-

леннымъ родственникомъ Юліи Михайловны и прогостилъ въ нашемъ городѣ около двухъ недѣль.

— Нѣтъ, я подальше, я въ Р... Часовъ восемь въ вагонѣ прожить предстоитъ. Въ Петербургъ? засмѣялся молодой человѣкъ.

— Почему вы предположили, что я такъ-таки въ Петербургъ? еще открытѣ засмѣялся и Петръ Степановичъ.

Молодой человѣкъ угрозилъ ему гангированнымъ пальчикомъ.

— Ну, да, вы угадали, таинственно зашепталъ ему Петръ Степановичъ, — я съ письмами Юліи Михайловны и долженъ тамъ обѣгать трехъ-четырехъ знаете какихъ лицъ, чортъ бы ихъ дралъ, откровенно говоря. Чортова должность!

— Да чего, скажите, она такъ струсила? зашепталъ и молодой человѣкъ. — Она даже меня вчера къ себѣ не пустила; по-моему, ей за мужа бояться нечего; напротивъ, онъ такъ приглядно упалъ на пожарѣ, такъ сказать, жертвуя даже жизнью.

— Ну, вотъ подите, разсмѣялся Петръ Степановичъ. — Она, видите, боится, что отсюда уже написали... то-есть нѣкоторые господа... Однимъ словомъ, тутъ главное Ставрогинъ; то-есть князь К... Эхъ, тутъ цѣлая исторія; я, пожалуй, вамъ дорогой кое-что сообщу — сколько, впрочемъ, рыцарство позволить... Это мой родственникъ, прапорщикъ Эркель, изъ уѣзда.

Молодой человѣкъ, косившій глаза на Эркеля, притронулся къ шляпѣ; Эркель отдалъ поклонъ.

— А знаете, Верховенскій, восемь часовъ въ вагонѣ ужасный жребій. Тутъ уѣзжаетъ съ нами въ первомъ классѣ Берестовъ, пресмѣшной одинъ полковникъ, сосѣдь по имѣнію: женатъ на Гаринѣ (née de Garine) и, знаете, онъ изъ порядочныхъ. Даже съ идеями. Пробылъ здѣсь всего двое сутокъ. Отчаянный охотникъ до ералаша; не затѣять-ли, а? Четвертаго я уже наглядѣлъ — Припухловъ, нашъ Т—скій купецъ съ борсдой, миллионщикъ, то-есть настоящій миллионщикъ, это я вамъ говорю... Я васъ познакомлю, преинтересный мѣшокъ съ добромъ, хохотать будемъ.

— Въ ералашъ я съ превеликимъ и ужасно люблю въ вагонѣ, но я во второмъ классѣ.

— Э, полноте, ни за что! Садитесь съ нами. Я сейчасъ велю васъ перенести въ первый классъ. Оберъ-кондукторъ меня слушается. Что у васъ, сакъ? Шлепъ?

— Чудесно, пойдёмте!

Петръ Степановичъ захватилъ свой сакъ, пледъ, книгу и тотчасъ же съ величайшею готовностью перебрался въ первый классъ. Эркель помогаль. Ударилъ третій звонокъ.

— Ну, Эркель, торопливо и съ занятымъ видомъ протянулъ въ послѣдній разъ руку уже изъ окна вагона Петръ Степановичъ, — я вѣдь вотъ сажусь съ ними играть.

— Но зачѣмъ же объяснять мнѣ, Петръ Степановичъ, я вѣдь пойму, я все пойму, Петръ Степановичъ?

— Ну, такъ до пріятнѣйшаго, отвернулся вдругъ тотъ на окликъ молодого человѣка, который позвалъ его знакомиться съ партнерами.

И Эркель уже болѣе не видалъ своего Петра Степановича.

Онъ воротился домой весьма грустный. Не то чтобъ онъ боялся того, что Петръ Степановичъ такъ вдругъ ихъ покинулъ, но... но онъ такъ скоро отъ него отвернулся, когда позвалъ его этотъ молодой франтъ и... онъ вѣдь могъ бы ему сказать что-нибудь другое, а не „до пріятнѣйшаго“ или... или хоть покрѣпче руку пожать.

Послѣднее-то и было главное. Что-то другое начинало царапать его бѣдненькое сердце, чего онъ и самъ еще не понималъ, что-то связанное со вчерашнимъ вечеромъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣднее странствованіе Степана Трофимовича.

I.

Я убѣжденъ, что Степанъ Трофимовичъ очень боялся, чувствуя приближеніе срока его безумнаго предпріятія. Я убѣжденъ, что онъ очень страдалъ отъ страху, особенно въ ночь наканунѣ, въ ту ужасную ночь. Настасья упоминала потомъ, что онъ легъ спать уже поздно, и спалъ. Но это ничего не доказываетъ; приговоренные къ смерти, говорятъ, спятъ очень крѣпко и наканунѣ казни. Хотя онъ и вышелъ уже при дневномъ свѣтѣ, когда первый человѣкъ всегда нѣсколько ободряется (а майоръ, родственникъ Виргинскаго, такъ даже въ Бога пересталъ вѣровать, чуть лишь проходила ночь), но я убѣжденъ, что онъ никогда бы прежде безъ ужаса не могъ вообразить себя одного на большой дорогѣ и въ такомъ положеніи. Конечно, вѣчто отчаянное въ его мысляхъ, вѣроятно, смягчило для него на первый разъ всю силу того

страшнаго ощущенія внезапнаго одиночества, въ которомъ онъ вдругъ очутился, едва лишь оставилъ Stasie и свое двадцатилѣтнее нагрѣтое мѣсто. Но все равно: онъ и при самомъ ясномъ сознаніи всѣхъ ужасовъ, его ожидающихъ, все-таки бы вышелъ на большую дорогу и пошелъ по ней! Тутъ было нѣчто гордое и его восхищавшее, несмотря ни на что. О, онъ могъ бы принять роскошныя условія Варвары Петровны и остаться при ея милостяхъ „comme un простой приживальщикъ!“ Но онъ не принялъ милости и не остался. И вотъ онъ самъ оставляетъ ее и подымаетъ „знамя великой идеи“ и идетъ умереть за него на большой дорогѣ! Именно такъ долженъ онъ былъ ощущать это; именно такъ долженъ былъ представляться ему его поступокъ.

Представлялся мнѣ не разъ и еще вопросъ: почему онъ именно бѣжалъ, то-есть, бѣжалъ ногами, въ буквальномъ смыслѣ, а не просто уѣхалъ на лошадахъ? Я сначала объяснялъ это пятидесятилѣтнею непрактичностью и фантастическимъ уклоненіемъ идей, подъ влияніемъ сильнаго чувства. Мнѣ казалось, что мысль о подорожной и лошадахъ (хотя бы и съ колокольчикомъ) должна была представляться ему слишкомъ простою и прозаичною; напротивъ, пилигримство, хотя бы и съ зонтикомъ, гораздо болѣе красивымъ и мстительно-любовнымъ. Но нынѣ, когда все уже кончилось, я полагаю, что все это тогда совершилось гораздо проще: во-первыхъ, онъ побоялся брать лошадей, потому что Варвара Петровна могла провѣдать и задержать его силой, что навѣрно и исполнила бы, а онъ навѣрно бы подчинился и — прощай тогда великая идея навѣки. Во-вторыхъ, чтобы взять подорожную, надо было, по крайней мѣрѣ, знать куда ѣдешь? Но именно знать объ этомъ и составляло самое главное страданіе его въ ту минуту: назвать и назначить мѣсто онъ ни за что не могъ. Ибо, рѣшисъ онъ на какой-нибудь городъ, и вмгъ предпріятіе его стало бы въ собственныхъ его глазахъ и нелѣпымъ, и невозможнымъ; онъ это очень предчувствовалъ. Ну, что будетъ онъ дѣлать въ такомъ именно городѣ и почему не въ другомъ? Искать се marchand? Но какого marchand? Тутъ опять выскакивалъ этотъ второй и уже самый страшный вопросъ. Въ сущности, не было для него ничего страшнѣе, чѣмъ се marchand, котораго онъ такъ вдругъ, сломя голову, пустился отыскивать и котораго, ужъ разумѣется, всего болѣе боялся отыскать въ

самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, ужь лучше просто большая дорога, такъ просто выйти на нее и пойти, и ни о чемъ не думать, пока только можно не думать. Большая дорога — это есть нѣчто длинное-длинное, чему не видно конца — точно жизнь человѣческая, точно мечта человѣческая. Въ большой дорогѣ заключается идея; а въ подорожной какая идея? Въ подорожной конецъ идеи... *Vive la grande route*, а тамъ что Богъ дастъ.

Послѣ внезапнаго и неожиданнаго свиданія съ Лизой, которое я уже описалъ, пустился онъ еще въ большемъ самозабвеніи далѣе. Большая дорога проходила въ полуверстѣ отъ Скворешниковъ, и — странно — онъ даже и не примѣтилъ сначала какъ вступилъ на нее. Основательно разсуждать или хоть отчетливо сознавать было для него въ ту минуту невыносимо. Мелкій дождь то переставалъ, то опять начинался; но онъ не замѣчалъ и дождя. Не замѣтилъ тоже какъ закинулъ себѣ сакъ за плечо и какъ отъ этого стало ему легче идти. Должно-быть, онъ прошелъ такъ версту или полторы, когда вдругъ остановился и осмотрѣлся. Старая, черная и изрытая колеями дорога тянулась предъ нимъ безконечною нитью, усаженная своими ветлами; направо — голое мѣсто, давнымъ-давно сжатая нивы; налѣво — кусты, а далѣе за ними лѣсокъ. И вдали — вдали едва примѣтная линія уходящей вкось желѣзной дороги и на ней дымокъ какого-то поѣзда, но звуковъ уже не было слышно. Степанъ Трофимовичъ немного оробѣлъ, но лишь на мгновеніе. Безпредметно вздохнулъ онъ, поставилъ свой сакъ подлѣ ветлы и присѣлъ отдохнуть. Дѣлая движеніе садясь, онъ ощутилъ въ себѣ ознобъ и закутался въ пледъ; замѣтивъ тутъ же и дождь, распустилъ надъ собою зонтикъ. Довольно долго сидѣлъ онъ такъ, изрѣдка шамкая губами и крѣпко сжавъ въ рукѣ ручку зонтика. Разные образы лихорадочной вереницей неслись предъ нимъ, быстро смѣняясь въ его умѣ. „Lise, Lise, думалъ онъ, — а съ нею се Maurice... Странные люди... Но что же это за странный былъ тамъ пожаръ, и про что они говорили, и какіе убитые? Миѣ кажется, Stasie еще ничего не успѣла узнать и еще ждетъ меня съ кофеемъ... Въ карты? Развѣ я проигрывалъ въ карты людей? Гм! у насъ на Руси, во время такъ-называемаго крѣпостного права... Ахъ, Боже мой, а Оедька?“

Онъ весь встрепенулся въ испугъ и осмотрѣлся кругомъ.

„Ну, что, если гдѣ-нибудь тутъ за кустомъ сидить этотъ Федька; вѣдь, говорятъ, у него гдѣ-то тутъ цѣлая шайка разбойниковъ на большой дорогѣ? О, Боже, я тогда... Я тогда скажу ему всю правду, что я виноватъ... и что я десять лѣтъ страдалъ за него, болѣе чѣмъ онъ тамъ въ солдатахъ и... и я ему отдамъ портмонэ. Гм! j'ai en tout quarante roubles; il prendra les roubles et il me tuera tout de même“.

Отъ страху онъ неизвѣстно почему закрылъ зонтикъ и положилъ его подлѣ себя. Вдали, по дорогѣ съ города, показалась какая-то телѣга; онъ съ безпокойствомъ началъ всматриваться.

„Grâce à Dieu это телѣга, и—ѣдетъ шагомъ; это не можетъ быть опасно. Эти здѣшнія заморенныя лошаденки... Я всегда говорилъ о породѣ... Это Петръ Ильичъ, впрочемъ, говорилъ въ клубѣ про породу, а я его тогда обремизилъ, et puis, но что тамъ сзади... кажется, баба въ телѣгѣ. Баба и мужикъ—cela commence à être rassurant. Баба сзади, а мужикъ впереди — c'est très rassurant. Сзади у нихъ къ телѣгѣ привязана за рога корова, c'est rassurant au plus haut degré“.

Телѣга поровнялась, довольно прочная и порядочная мужицкая телѣга. Баба сидѣла на туго набитомъ мѣшкѣ, а мужикъ на облучкѣ, свѣсивъ сбоку ноги въ сторону Степана Трофимовича. Сзади въ самомъ дѣлѣ плелась рыжая корова, привязанная за рога. Мужикъ и баба выпуча глаза смотрѣли на Степана Трофимовича, а Степанъ Трофимовичъ такъ же точно смотрѣлъ на нихъ, но когда уже пропустилъ ихъ мимо себя шаговъ на двадцать, вдругъ торопливо всталъ и пошелъ догонять. Въ сосѣдствѣ телѣги ему естественно показалось благонадежныѣе, но, догнавъ ее, онъ тотчасъ же опять забылъ обо всемъ и опять погрузился въ свои обрывки мыслей и представлений. Онъ шагаль и, ужъ конечно, не подозрѣвалъ, что для мужика и бабы онъ, въ этотъ мигъ, составляетъ самый загадочный и любопытный предметъ, какой только можно встрѣтить на большой дорогѣ.

— Вы, то-есть, изъ какихъ будете, коли не будетъ неучтиво спросить? не вытерпѣла, наконецъ, бабенка, когда Степанъ Трофимовичъ вдругъ, въ разсѣянности, посмотрѣлъ на нее.

Бабенка была лѣтъ двадцати семи, плотная, чернобро-

вая и румяная, съ ласково улыбающимися красными губами, изъ-подъ которыхъ сверкали бѣлые ровные зубы.

— Вы... вы ко мнѣ обращаетесь? съ прискорбнымъ удивленіемъ пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ.

— Изъ купцовъ надо-ть быть, самоувѣренно проговорилъ мужикъ.

Это былъ рослый мужчина лѣтъ сорока, съ широкимъ и неглупымъ лицомъ и съ рыжеватою окладистою бородой.

— Нѣтъ, я не то, что купецъ, я... я... *moi c'est autre chose*, кое-какъ отпарировалъ Степанъ Трофимовичъ, и на всякій случай на капельку пріотсталъ до задка телѣги, такъ что пошелъ уже рядомъ съ коровой.

— Изъ господъ надо-ть быть, рѣшилъ мужикъ, услышавъ не русскія слова, и дернулъ лошаденку.

— То-то мы и смотримъ на васъ, точно вы на прогулку вышли! залюбопытствовала опять бабенка.

— Это... это вы меня спрашиваете?

— Иностранцы завѣзжіе по чугункѣ иной пріѣзжаютъ, словно не по здѣшнему мѣсту у васъ сабоги такіе...

— Сапогъ военный, самодовольно и значительно вставилъ мужикъ.

— Нѣтъ, я не то, чтобы военный, я...

„Любопытная какая бабенка, злился про себя Степанъ Трофимовичъ,—и какъ они меня разсматриваютъ... *mais enfin*... Однимъ словомъ, странно, что я точно виновать предъ ними, а я ничего не виновать предъ ними“.

Бабенка пошепталась съ мужикомъ.

— Коли вамъ не обидно, мы, пожалуй, васъ подвеземъ, если только пріятно станеть.

Степанъ Трофимовичъ вдругъ спохватился.

— Да, да, мои друзья, я съ большимъ удовольствіемъ, потому что очень усталъ, только какъ я тутъ влѣзу?

„Какъ это удивительно“, подумалъ онъ про себя,— „что я такъ долго шелъ рядомъ съ этою коровой и мнѣ не пришло въ голову попроситься къ нимъ сѣсть... Эта „дѣйствительная жизнь“ имѣеть въ себѣ нѣчто весьма характерное“.

Мужикъ, однако, все еще не останавливалъ лошадь.

— Да вамъ куда будетъ? освѣдомился онъ съ нѣкото-рою недовѣрчивостью.

Степанъ Трофимовичъ не вдругъ понялъ.

— До Хатова надо-ть быть?

— Къ Хатову? Нѣтъ, не то чтобы къ Хатову?.. И я не совсѣмъ знакомъ; хотя слышалъ.

— Село Хатово, село, девять верстъ отселева.

— Село? *C'est charmant*, то-то я какъ будто бы слышалъ...

Степанъ Трофимовичъ все шелъ, а его все еще не сажали. Геніальная догадка мелькнула въ его головѣ.

— Вы, можетъ-быть, думаете, что я... Со мной паспортъ и я — профессоръ, то-есть, если хотите, учитель... но главный. И главный учитель. *Oui, c'est comme ça qu'on peut traduire*. Я бы очень хотѣлъ съестъ и я вамъ куплю... я вамъ за это куплю полштофа вина.

— Полтинникъ съ васъ, сударь, дорога тяжелая.

— А то намъ ужъ очень обидно будетъ, вставила бабенка.

— Полтинникъ? Ну, хорошо, полтинникъ. *C'est encore mieux, j'ai en tout quarante roubles, mais...*

Мужикъ остановилъ, и Степана Трофимовича общими усилиями втащили и усадили въ телѣгу, рядомъ съ бабой, на мѣшокъ. Вихрь мыслей не покидалъ его. Порой онъ самъ ощущалъ про себя, что какъ-то ужасно разсѣянъ и думаетъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ надо, и дивился тому. Это сознание въ болѣзненной слабости ума мгновеніями становилось ему очень тяжело и даже обидно.

— Это... это какъ же сзади корова? спросилъ онъ вдругъ самъ бабенку.

— Что-й-то вы, господинъ, точно не видывали, размѣялась баба.

— Въ городѣ купили, ввязался мужикъ.—Своя скотина, поди ты, еще съ весны передохла; моръ. У насъ кругомъ всѣ попадали, всѣ, половины не осталось, хощь взвой.

И онъ опять стегнулъ завязшую въ колеѣ лошаденку.

— Да, это бываетъ у васъ на Руси... и вообще мы, русскіе... ну, да, бываетъ, не докончилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Вы коль учителемъ, то вамъ что же въ Хатовѣ? Али дальше куда?

— Я... то-есть я не то чтобы дальше куда... *C'est à dire*, я къ одному купцу.

— Въ Спасовъ надо-тъ быть?

— Да, да, именно въ Спасовъ. Это, впрочемъ, все равно.

— Вы коли въ Спасовъ, да пѣшкомъ, такъ въ вашихъ сапожкахъ недѣлку бы шли, засмѣялась бабенка.

— Такъ, такъ, и это все равно, mes amis, все равно, нетерпѣливо оборвалъ Степанъ Трофимовичъ.

„Ужасно любопытный народъ; бабенка, впрочемъ, лучше его говорить, и я замѣчаю, что съ девятнадцатаго февраля у нихъ слогъ нѣсколько перемѣнился и... и какое имъ дѣло, въ Спасовъ я или не въ Спасовъ? Впрочемъ, я имъ заплачу, такъ чего же они пристають“.

— Коли въ Спасовъ, такъ на праходѣ, не отставаль мужикъ.

— Это какъ есть такъ, ввернула бабенка съ одушевленіемъ, — потому, коли на лошадахъ по берегу — версть тридцать крюку будетъ.

— Сорокъ будетъ.

— Къ завтраму къ двумъ часамъ какъ разъ въ Устьевѣ праходъ застанете, скрѣпила бабенка.

Но Степанъ Трофимовичъ упорно замолчалъ. Замолчали и вопрошатели. Мужикъ подергивалъ лошаденку; баба изрѣдка и коротко перекидывалась съ нимъ замѣчаніями. Степанъ Трофимовичъ задремалъ. Онъ ужасно удивился, когда баба смѣясь растолкала его и онъ увидѣлъ себя въ довольно большой левенѣ у подъѣзда одной избы въ три окна.

— Задремали, господишь?

— Что это? Гдѣ это я? Ахъ, ну! Ну... все равно, вздохнулъ Степанъ Трофимовичъ и слѣзъ съ телѣги.

Онъ грустно осмотрѣлся; страннымъ и ужасно чѣмъ-то чуждымъ показался ему деревенскій видъ.

— А полтивникъ-то, я и забылъ! обратился онъ къ мужику съ какимъ-то не въ мѣру торопливымъ жестомъ. Онъ видимо уже боялся разстаться съ нимъ.

— Въ комнатѣ рассчитаетесь, пожалуйста, приглашалъ мужикъ.

— Тутъ хорошо, ободряла бабенка.

Степанъ Трофимовичъ ступилъ на шаткое крылечко.

„Да какъ же это возможно“, прошепталъ онъ въ глубокомъ и пугливомъ недоумѣніи, однако, вошелъ въ избу.— „Elle l'a voulu“, вонзилось что-то въ его сердце.

И онъ опять вдругъ забылъ обо всемъ, даже о томъ, что вошелъ въ избу.

Это была свѣтлая, довольно чистая крестьянская изба въ три окна и въ двѣ комнаты; и не то что постоялый дворъ, а такъ, пріѣзжая изба, въ которой по старой привычкѣ останавливались знакомые проѣзжіе. Степанъ Тро-

фимовичъ не конфузясь прошелъ въ передній уголь, забылъ поздороваться, усѣлся и задумался. Между тѣмъ чрезвычайно пріятное ощущение тепла послѣ трехчасовой сырости на дорогѣ вдругъ разлилось по его тѣлу. Даже самый ознобъ, коротко и отрывисто забѣгавшій по спинѣ, какъ это всегда бываетъ въ лихорадкѣ съ особенно нервными людьми, при внезапномъ переходѣ съ холода въ тепло, сталъ ему вдругъ какъ-то странно пріятенъ. Онъ поднялъ голову, и сладостный запахъ горячихъ блиновъ, надъ которыми старалась у печки хозяйка, защекоталъ его обоняніе. Улыбаясь ребячьею улыбкой, онъ потянулся къ хозяйкѣ и вдругъ залепеталъ:

— Это что-жъ? Это блины? Mais c'est charmant.

— Не пожелаете-ли, господинъ, тотчасъ же и вѣжливо предложила хозяйка.

— Пожелаю, именно пожелаю, и... я бы васъ попросилъ еще чаю, оживился Степанъ Трофимовичъ.

— Самоварчикъ оставить? Это съ большимъ нашимъ удовольствіемъ.

На большой тарелкѣ съ крупными синими узорами, явились блины — извѣстные крестьянскіе, тонкіе, полупшеничные, облитые горячимъ свѣжимъ масломъ, вкуснѣйшіе блины. Степанъ Трофимовичъ съ наслажденіемъ попробовалъ.

— Какъ жирно и какъ это вкусно! И если бы только возможно un doigt d'eau de vie.

— Ужъ не водочки-ли, господинъ, пожелали?

— Именно, именно, немножко, un tout petit rien.

— На пять копеекъ, значить?

— На пять—на пять—на пять—на пять, un tout petit rien, съ блаженною улыбочкой поддакивалъ Степанъ Трофимовичъ.

Попросите простолюдина что-нибудь для васъ сдѣлать, и онъ вамъ, если можетъ и хочетъ, услужить старательно и радушно; но попросите его сходить за водочкой—и обыкновенное спокойное радушіе переходитъ вдругъ въ какую-то торопливую, радостную услужливость, почти въ родственную о васъ заботливость. Идущій за водкой,— хотя будете пить только вы, а не онъ, и онъ знаетъ это заранѣе,— все равно ощущаетъ какъ бы нѣкоторую часть вашего будущаго удовольствія... Не больше какъ черезъ три-четыре минуты (кабакъ былъ въ двухъ шагахъ)

очутилась предъ Степаномъ Трофимовичемъ на столѣ ко-
сушка и большая зеленая рюмка.

— И это все мнѣ! удивился онъ чрезвычайно.— У меня
всегда была водка, но я никогда не зналъ, что такъ много
на пять копеекъ.

Онъ налилъ рюмку, всталъ и съ нѣкоторою торже-
ственностью перешелъ черезъ комнату въ другой уголокъ,
гдѣ помѣстилась его спутница на мѣшкѣ, чернобровая
бабенка, такъ надоѣвшая ему дорогой разспросами. Ба-
бенка законфузилась и стала было отиѣкиваться, но, вы-
сказавъ все предписанное приличіемъ, подъ конецъ встала,
выпила учтиво, въ три хлебка, какъ пьютъ женщины,
и, изобразивъ чрезвычайное страданіе въ лицѣ, отдала
рюмку и поклонилась Степану Трофимовичу. Онъ съ важно-
стію отдалъ поклонъ и воротился за столъ даже съ гор-
дымъ видомъ.

Все это совершилось въ немъ по какому-то вдохнове-
нію; онъ и самъ еще, за секунду, не зналъ, что пойдетъ
потчивать бабенку.

„Я въ совершенствѣ, въ совершенствѣ умѣю обращаться
съ народомъ, и я это имъ всегда говорилъ“, самодовольно
подумалъ онъ, наливая себѣ оставшееся вино изъ косушки;
хотя вышло менѣе рюмки, но вино живительно согрѣло
его и немного даже бросилось въ голову.

„Je suis malade tout à fait, mais ce n'est pas trop mau-
vais d'être malade“.

— Не пожелаете-ли приобрѣсти? раздался подлѣ него
тихій женскій голосъ.

Онъ подыалъ глаза и къ удивленію увидалъ предъ со-
бою одну даму—une dame et elle en avait l'air—лѣтъ уже
за тридцать, очень скромную на видъ, одѣтую по-город-
скому въ темненькое платье и съ большимъ сѣрымъ плат-
комъ на плечахъ. Въ лицѣ ея было нѣчто очень привѣт-
ливое, немедленно понравившееся Степану Трофимовичу.
Она только что сейчасъ воротилась въ избу, въ которой
оставались ея вещи на лавкѣ, подлѣ самаго того мѣста,
которое занялъ Степанъ Трофимовичъ — между прочимъ
портфель, на который, онъ помнилъ это, войдя посмотрѣлъ
съ любопытствомъ, и не очень большой клеенчатый мѣшокъ.
Изъ этого-то мѣшка она вынула двѣ красиво переплетен-
ныя книжки съ вытисненными крестами на переплетахъ
и поднесла ихъ къ Степану Трофимовичу.

— Eh... mais je crois que c'est l'Evangile; съ величай-

шимъ удовольствіемъ... А, и теперь понимаю... Vous êtes ce qu'on appelle книгоноша; я читалъ неоднократно... Полтинникъ?

— По тридцати пяти копеекъ, отвѣтила книгоноша.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Je n'ai rien contre l'Evangile, et... Я давно уже хотѣлъ перечитать...

У него мелькнуло въ ту минуту, что онъ не читалъ Евангелія, по крайней мѣрѣ, лѣтъ тридцать и только развѣ лѣтъ семь назадъ припомнилъ изъ него капельку лишь по Ренановой книгѣ *Vie de Jésus*. Такъ какъ у него мелочи не было, то онъ и вытащилъ свои четыре десятирублевые билета—все, что у него было. Хозяйка взялась размѣнять, и тутъ только онъ замѣтилъ, всмотрѣвшись, что въ избу набралось довольно народу и что всѣ давно уже наблюдаютъ его и, кажется, о немъ говорятъ. Толковали тоже и о городскомъ пожарѣ, болѣе всѣхъ хозяйнѣ телѣги съ коровой, такъ какъ онъ только что вернулся изъ города. Говорили про поджогъ, про Шпигулинскихъ.

„Вѣдь вотъ ничего онъ не говорилъ со мной про пожаръ, когда везъ меня, а обо всемъ говорилъ“, подумалось что-то Степану Трофимовичу.

— Батюшка, Степанъ Трофимовичъ, васъ-ли я, сударь, вижу? Вотъ ужъ и не чаялъ совсѣмъ!.. Али не признали? воскликнулъ одинъ пожилой малый, съ виду въ родѣ стариннаго двороваго, съ бритой бородой и одѣтый въ шинель съ длиннымъ откиднымъ воротникомъ. Степанъ Трофимовичъ испугался, услыхавъ свое имя.

— Извините, пробормоталъ онъ, — я васъ не совсѣмъ припоминаю.

— Запомятавали! Да вѣдь я Анисимъ, Анисимъ Ивановъ. Я у покойнаго господина Гаганова на службѣ состоялъ, и васъ, сударь, сколько разъ съ Варварой Петровной у покойницы Авдотьи Сергѣевны видывалъ. Я къ вамъ отъ нея съ книжками хаживалъ и конфеты вамъ петербургскія отъ нея два раза приносилъ...

— Ахъ, да, помню тебя, Анисимъ, улыбнулся Степанъ Трофимовичъ.—Ты здѣсь и живешь?

— А подлѣ Спасова-съ, въ В—мъ монастырѣ, въ посадѣ, у Марѣи Сергѣевны, сестрицы Авдотьи Сергѣевны, можетъ, изволите помнить, ногу сломали, изъ коляски выскочили, на балъ ѣхали. Теперь около монастыря проживаютъ, а я при нихъ-съ; а теперь вотъ, изволите видѣть, въ губернію собрался, своихъ попровѣдать...

— Ну, да, пу, да.

— Васъ увидавъ обрадовался, милостивы до меня бывали-съ, восторженно улыбался Анисимъ.— Да куда-жь вы, сударь, такъ это собрались, кажись, какъ бы одни-одинёшеньки... Никогда, кажись, не выѣзжали одни-съ?

Степанъ Трофимовичъ пугливо посмотрѣлъ на него.

— Ужь не къ намъ-ли въ Спасовъ-съ?

— Да, я въ Спасовъ. Il me semble que tout le monde va à Spassof...

— Да ужь не къ Ѳедору-ли Матвѣвичу? То-то вамъ обрадуются. Вѣдь ужь какъ въ старину уважали васъ: теперь даже вспоминають неоднократно...

— Да, да, и къ Ѳедору Матвѣвичу.

— Надо быть-съ, надо быть-съ. То-то мужики здѣсь дивятся, словно, сударь, васъ на большой дорогѣ будто бы пѣшкомъ поветрѣчали. Глупый они народъ-съ.

— Я... Я это... Я, знаешь, Анисимъ, я объ закладъ побился, какъ у англичанъ, что я пойду пѣшкомъ, и я...

Потъ пробивался у него на лбу и на вискахъ.

— Надо быть-съ, надо быть-съ... вслушивался съ безжалостнымъ любопытствомъ Анисимъ. Но Степанъ Трофимовичъ не могъ долше вынести. Онъ такъ сконфузился, что хотѣлъ было встать и уйти изъ избы. Но подали самоваръ, и въ ту же минуту воротилась выходившая куда-то книгоноша. Съ жестомъ спасающаго себя человѣка, обратился онъ къ ней и предложилъ чаю. Анисимъ уступилъ и отошелъ.

Дѣйствительно, между мужиками поднималось недоумѣніе: „Что за человѣкъ? Нашли пѣшкомъ на дорогѣ, говорить, что учитель, одѣтъ какъ бы иностранецъ, а умомъ словно малый ребенокъ, отвѣчаетъ несуразно, точно бы убѣждалъ отъ кого, и деньги имѣетъ!“ Начиналась было мысль возвѣститъ по начальству— „такъ какъ при всемъ томъ въ городѣ не совсѣмъ спокойно“. Но Анисимъ все это уладилъ въ ту же минуту. Выйдя въ сѣни, онъ сообщилъ всѣмъ, кто хотѣлъ слушать, что Степанъ Трофимовичъ не то, чтобъ учитель, а „сами большіе ученые и большими науками занимаются, а сами здѣшніе помѣщики были и живутъ уже двадцать два года у полной генеральши Ставрогиной, замѣсто самаго главнаго человѣка въ домѣ, а почетъ имѣютъ отъ всѣхъ по городу чрезвычайный. Въ клубѣ Дворянскомъ по сѣренькой и по радужной въ одинъ вечеръ оставляли, а чиномъ совѣтникъ,

все равно, что военный подполковникъ, однимъ только чиномъ ниже полнаго полковника будутъ. А что деньги имѣютъ, такъ деньгамъ у нихъ черезъ полную генеральшу Ставрогину счету нѣтъ“ и проч., и проч.

„Mais c'est une dame et très comme il faut“, отдыхаль отъ Анисимова нападенія Степанъ Трофимовичъ, съ пріятнымъ любопытствомъ наблюдая свою сосѣдку книгоношу, пившую, впрочемъ, чай съ блюдечка и въ прикуску. „Ce petit morceau de sucre se n'est rien... Въ ней есть нѣчто благородное и независимое и въ то же время—тихое. Le comme il faut tout pur, но только нѣсколько въ другомъ родѣ“.

Онъ скоро узналъ отъ нея, что она Софья Матвѣевна Улитина и проживаетъ собственно въ К., имѣетъ тамъ сестру вдовую, изъ мѣщанъ; сама также вдова, а мужъ ея, подпоручикъ за выслугу изъ фельдфебелей, былъ убитъ въ Севастополѣ.

— Но вы еще такъ молоды, vous n'avez pas trente ans.

— Тридцать четыре-съ, улыбнулась Софья Матвѣевна.

— Какъ, вы и по-французски понимаете?

— Немножко-съ; я въ благородномъ домѣ одномъ прожила послѣ того четыре года и тамъ отъ дѣтей понаучилась.

Она рассказала, что послѣ мужа оставшись всего семнадцати лѣтъ, находилась нѣкоторое время въ Севастополѣ „въ сестрахъ“, а потомъ жила по разнымъ мѣстамъ-съ, а теперь вотъ ходитъ и Евангеліе продаетъ.

— Mais mon Dieu, это не съ вами-ли у насъ была въ городѣ одна странная, очень даже странная исторія?

Она покраснѣла; оказалось, что съ нею.

— Ces vauriens, ces malheureux!.. началъ было онъ задрожавшимъ отъ негодованія голосомъ; болѣзненное и ненавистное воспоминаніе отозвалось въ его сердцѣ мучительно. На минуту онъ какъ бы забылся.

„Ба, да она опять ушла“, спохватился онъ, замѣтивъ, что ея уже опять нѣтъ подлѣ. „Она часто выходитъ и чѣмъ-то занята; я замѣчаю, что даже встревожена... Bah, je deviens égoïste!“

Онъ подпаялъ глаза и опять увидалъ Анисима, но на этотъ разъ уже въ самой угрожающей обстановкѣ. Вся изба была полпа мужиками и всѣхъ ихъ притащилъ съ собой, очевидно, Анисимъ. Тутъ былъ и хозяинъ избы, и мужикъ съ коровой, какіе-то еще два мужика (оказались

извозчики), какой-то еще маленький полупьяный человек, одѣтый по-мужицки, а между тѣмъ бритый, похожий на пропившагося мѣщанина, и болѣе всѣхъ говорившій. И всѣ-то они толковали о немъ, о Степанѣ Трофимовичѣ. Мужикъ съ коровой стоялъ на своемъ, увѣряя, что по берегу верстъ сорокъ крюку будетъ и что непременно надо на праходѣ. Полупьяный мѣщанинъ и хозяинъ съ жаромъ возражали:

— Потому, если, братецъ ты мой, ихъ высокоблагородію, конечно, на праходѣ черезъ озеро ближе будетъ; это какъ есть; да праходъ-то, по-теперешнему, пожалуй, и не подойдетъ.

— Доходить, доходить, еще недѣлю будетъ ходить, болѣе всѣхъ горячился Анисимъ.

— Такъ-то оно такъ! Да не аккуратно приходитъ, потому время позднее, иной разъ въ Устьевѣ по три дня поджидаютъ.

— Завтра будетъ, завтра къ двумъ часамъ аккуратно прибудетъ. Въ Спасовъ еще до вечера аккуратно, сударь, прибудете, лѣзь изъ себя Анисимъ.

— Mais qu'est ce qu'il a cet homme, трепеталъ Степанъ Трофимовичъ, со страхомъ ожидая своей участи.

Выступили впередъ и извозчики, стали рядиться; брали до Устьева три рубля. Остальные кричали, что не обидно будетъ, что это какъ есть цѣна, и что отселева до Устьева все лѣто за эту цѣну возили.

— Но... здѣсь тоже хорошо... И я не хочу, прошалъ было Степанъ Трофимовичъ.

— Хорошо, сударь, это вы справедливо, въ Спасовѣ у насъ теперь куды хорошо, и Федоръ Матвѣевичъ такъ вами будутъ обрадованы.

— Mon Dieu, mes amis, все это такъ для меня неожиданно.

Наконецъ-то, воротилась Софья Матвѣевна. Но она сѣла на лавку такая убитая и печальная.

— Не быть мнѣ въ Спасовѣ! проговорила она хозяйкѣ.

— Какъ, такъ и вы въ Спасовѣ? встрепенулъ Степанъ Трофимовичъ.

Оказалось, что одна помѣщица, Надежда Егоровна Свѣтлицына, велѣла ей еще вчера подождать себя въ Хатовѣ и общалась довести до Спасова, да вотъ и не пріѣхала.

— Чтò я буду теперь дѣлать? повторяла Софья Матвѣевна.

— Mais, ma chère et nouvelle amie, вѣдь и я васъ тоже могу довести, какъ и помѣщица, въ это, какъ его, въ эту деревню, куда я нанялъ, а завтра,—ну, а завтра мы вмѣстѣ въ Спасовъ.

— Да развѣ вы тоже въ Спасовъ?

— Mais que faire, et je suis enchanté! Я васъ съ чрезвычайною радостью доведу; вонъ они хотятъ, и уже нанялъ... Я кого же изъ васъ нанялъ, ужасно захотѣлъ вдругъ въ Спасовъ Степанъ Трофимовичъ.

Черезъ четверть часа уже усаживались въ крытую бричку: онъ очень оживленный и совершенно довольный, она со своимъ мѣшкомъ и съ благодарною улыбкой подлѣ него. Подсаживалъ Анисимъ.

— Доброга пути, сударь, хлопоталъ онъ изо всѣхъ силъ около брички.—Вотъ ужъ какъ были вами обрадованы!

— Прощай, прощай, другъ мой, прощай.

— Федора Матвѣича, сударь, увидите...

— Да, мой другъ, да... Федора Петровича... только прощай.

II.

— Видите, другъ мой, вы позволите мнѣ называть себя вашимъ другомъ, n'est-ce pas? торопливо началъ Степанъ Трофимовичъ, только что тронулась бричка.—Видите, я... J'aime le peuple, c'est indispensable, mais il me semble que je ne l'avais jamais vu de près. Stazie... cela va sans dire qu'elle est aussi du peuple... mais le vrai peuple, то-есть настоящій, который на большой дорогѣ, мнѣ кажется, ему только и дѣла, куда я собственно ѣду... Но, оставимъ обиды. Я немного, какъ будто, заговариваюсь, но это, кажется, отъ торопливости.

— Кажется, вы нездоровы-съ, зорко, но почтительно присматривалась къ нему Софья Матвѣевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, стоить только закутаться, и вообще свѣжій какой-то вѣтеръ, даже ужъ очень свѣжій, но... мы забудемъ это. Я, главное, не то бы хотѣлъ сказать. Chère et incomparable amie, мнѣ кажется, что я почти счастливъ, и виною того—вы. Мнѣ счастье невыгодно, потому что я немедленно лѣзу прощать всѣхъ враговъ моихъ...

— Что-жъ, вѣдь это очень хорошо-съ.

— Не всегда, chère innocente. L'Évangile... Voyez vous, désormais nous le prêcherons ensemble, и я буду съ охотою продавать ваши красивые книжки. Да, я чувствую,

что это, пожалуй, идея, quelque chose de très nouveau dans ce genre. Народъ религиозенъ, c'est admis, но онъ еще не знаетъ Евангелія. Я ему изложу его... Въ изложеніи устномъ можно исправить ошибки этой замѣчательной книги, къ которой я, разумѣется, готовъ отнестись съ чрезвычайнымъ уваженіемъ. Я буду полезенъ и на большой дорогѣ. Я всегда былъ полезенъ, я всегда говорилъ имъ это et à cette chère ingrate... О, простимъ, простимъ, прежде всего простимъ всѣмъ и всегда. Будемъ надѣяться, что и намъ простятъ. Да, потому что всѣ и каждый одинъ предъ другимъ виноваты. Всѣ виноваты!..

— Вотъ это, кажется, вы очень хорошо изволили сказать-сь.

— Да, да... Я чувствую, что я очень хорошо говорю. Я буду говорить имъ очень хорошо, но, но что же я хотѣлъ было главнаго сказать? Я все сбиваюсь и не помню... Позвольте-ли вы мнѣ не разставаться съ вами? Я чувствую, что вашъ взглядъ и... я удивляюсь даже вашей манерѣ: вы простодушны, вы говорите слово-ерсь и опрокидываете чашку на блюдечко... съ этимъ безобразнымъ кусочкомъ; но въ васъ есть нѣчто прелестное, и я вижу по вашимъ чертамъ... О, не краснѣйте и не бойтесь меня, какъ мужчину. Chère et incomparable, pour moi une femme c'est tout. Я не могу не жить подлѣ женщины, но, только подлѣ... Я ужасно, ужасно сбился... Я никакъ не могу вспомнить, что я хотѣлъ сказать. О, блаженъ тотъ, кому Богъ посылаетъ всегда женщину и... и я думаю даже, что я въ нѣкоторомъ восторгѣ. И на большой дорогѣ есть высшая мысль! Вотъ—вотъ что я хотѣлъ сказать про мысль, вотъ теперь и вспомнилъ, а то я все не попадалъ. И зачѣмъ они повезли насъ дальше? Тамъ было тоже хорошо, а тутъ—cela devient trop froid. A propos, j'ai en tout quarante roubles et voilà cet argent, возьмите, возьмите, я не умѣю, я потеряю, и у меня возьмутъ, и... Мнѣ кажется, что мнѣ хочется спать; у меня что-то въ головѣ вертится. Табъ, вертится, вертится, вертится. О, какъ вы добры, чѣмъ это вы меня накрываете?

— У васъ вѣрно совершенная лихорадка-сь, и я васъ одѣяломъ моимъ накрыла, а только про деньги-сь я-бы...

— О, ради Бога, n'en parlons plus, parce que cela me fait mal, о, какъ вы добры!

Онъ какъ-то быстро прервалъ говорить и чрезвычайно

скоро заснулъ лихорадочнымъ, знобящимъ сномъ. Проселокъ, по которому ѣхали эти семнадцать верстъ, былъ не изъ гладкихъ, и экипажъ жестоко подталкивало. Степанъ Трофимовичъ часто просыпался, быстро поднимался съ маленькой подушки, которую просунула ему подъ голову Софья Матвѣевна, схватывалъ ее за руку и освѣдомлялся: „Вы здѣсь?“ точно опасался, чтобъ она не ушла отъ него. Онъ увѣрялъ ее тоже, что видѣлъ во снѣ какую-то раскрытую челюсть съ зубами, и что ему это очень противно. Софья Матвѣевна была въ большемъ за него безпокойствѣ.

Извозчики подвезли ихъ прямо къ большой избѣ въ четыре окна и съ жилыми пристройками па дворѣ. Проснувшійся Степанъ Трофимовичъ поспѣшилъ войти и прямо процѣлъ во вторую, самую просторную и лучшую комнату дома. Заспанное лицо его приняло самое хлопотливое выраженіе. Онъ тотчасъ же объяснилъ хозяйкѣ, высокой и плотной бабѣ, лѣтъ сорока, очень черноволосой и чуть не съ усами, что требуетъ для себя всю комнату, „и чтобы комнату затворить и никого болѣе сюда не впускать, parce que nous avons à parler. Oui, j'ai beaucoup à vous dire, chère amie. Я вамъ заплачу, заплачу!“ замахалъ онъ хозяйкѣ.

Онъ хотъ и торопился, но какъ-то туго шевелилъ языкомъ. Хозяйка выслушала непривѣтливо, но промолчала въ знакъ согласія, въ которомъ, впрочемъ, предчувствовалось какъ бы нѣчто угрожающее. Онъ ничего этого не примѣтилъ и торопливо (онъ ужасно торопился) потребовалъ, чтобъ она ушла и подала сейчасъ же, какъ можно скорѣе, обѣдать, „пимало не медли“.

Тутъ баба съ усами не вытерпѣла:

— Здѣсь вамъ не постоялый дворъ, господинъ, мы обѣды для проѣзжихъ не содержимъ. Раковъ сварить, аль самоваръ поставить, а больше нѣтъ у пасъ ничего. Рыба свѣжая завтра лишь будетъ.

Но Степанъ Трофимовичъ замахалъ руками, съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ повторяя: „заплачу, только скорѣе, скорѣе“. Порѣшили на ухѣ и на жареной курицѣ; хозяйка объявила, что во всей деревнѣ нельзя достать курицу; впрочемъ, согласилась пойти поискать, но съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлала необычайное одолженіе.

Только что она вышла, Степанъ Трофимовичъ мигомъ усѣлся на диванѣ и посадилъ подлѣ себя Софью Матвѣевну.

Въ комнатѣ были и диванъ, и кресла, но ужаснаго вида. Вообще вся комната довольно обширная (съ отдѣленіемъ за перегородкой, гдѣ стояла кровать), съ желтыми, старыми порвавшимися обоями, съ миеологическими ужасными литографіями на стѣпахъ, съ длиннымъ рядомъ иконъ и мѣдныхъ складней въ переднемъ углу, со своею странныю сборною мебелью, представляла собою неприглядную смѣсь чего-то городского и искони-крестьянскаго. Но онъ даже не взглянулъ на все это, даже не поглядѣлъ въ окошко на огромное озеро, начинавшееся въ десяти сажняхъ отъ избы.

— Наконецъ, мы отдѣльно, и мы никого не пустимъ! Я хочу вамъ все, все рассказать съ самаго начала.

Софья Матвѣевна съ сильнымъ даже безпокойствомъ остановила его:

— Вамъ извѣстно-ли, Степанъ Трофимовичъ...

— Comment, vous savez déjà mon nom? улыбнулся онъ радостно...

— Я давеча отъ Анисима Ивановича слышала, какъ вы съ нимъ разговаривали. А я вотъ въ чемъ осмѣлюсь вамъ съ своей стороны...

И она быстро зашептала ему, оглядываясь на запертую дверь, чтобы кто не подслушалъ,—что здѣсь, въ этой деревнѣ, бѣда-съ. Что всѣ здѣшніе мужики, хотя и рыболовы, а что тѣмъ собственно и промышляютъ, что каждымъ лѣтомъ съ постояльцевъ берутъ плату, какую только имъ вздумается. Деревня эта не проѣзжая, а глухая, и что потому только и пріѣзжаютъ сюда, что здѣсь пароходъ останавливается, и что когда пароходъ не приходитъ, потому чуть-чуть непогода, такъ онъ ни за что не придетъ, то наберется пароду за нѣсколько дней, и ужъ тутъ всѣ избы по деревнѣ заняты, а хозяева только того и ждутъ; потому за каждый предметъ въ три цѣны берутъ, и хозяинъ здѣшній гордый и надменный, потому что ужъ очень по здѣшнему мѣсту богатъ; у него неводъ одинъ тысячу рублей стоитъ.

Степанъ Трофимовичъ глядѣлъ въ чрезвычайно одушевленное лицо Софьи Матвѣевны чуть не съ укоромъ, и нѣсколько разъ дѣлалъ жестъ, чтобы остановить ее. Но она стала на своемъ и досказала: по ея словамъ, она уже была здѣсь лѣтомъ съ одною „очень благородною госпожей-съ“ изъ города и тоже заночевали, пока пароходъ не приходилъ, цѣлыхъ даже два дня-съ, и что такого горя натерпѣлись, что вспомнить страшно.

— Вотъ вы, Степанъ Трофимовичъ, изволили спросить эту комнату для одного себя-съ... Я только потому, чтобы предупредить-съ... Тамъ, въ той комнатѣ, уже есть приѣзжіе, одинъ пожилой человѣкъ и одинъ молодой человѣкъ, да какая-то госпожа съ дѣтьми, а къ завтраму полная изба наберется до двухъ часовъ, потому что пароходъ, такъ какъ два дня не приходилъ, такъ ужъ навѣрно завтра придетъ. Такъ за особую комнату, и за то, что вы вотъ спросили у нихъ обѣдать-съ, и за обиду всѣмъ проѣзжимъ они столько съ васъ потребуютъ, что и въ столицахъ не слыхано-съ...

Но онъ страдалъ, страдалъ истинно:

— Assez, mon enfant, я васъ умоляю, nous avons notre argent et après—et après le bon Dieu. И я даже удивляюсь, что вы, съ возвышенностью вашихъ понятій... Assez, assez, vous me tourmentez, произнесъ онъ истерически.—Предъ нами вся наша будущность, а вы... вы меня пугаете за будущее...

Онъ тотчасъ же сталъ излагать всю исторію, до того торопясь, что сначала даже и понять было трудно. Продолжалась она очень долго. Подавали уху, подавали курицу, подали, наконецъ, самоваръ, а онъ все говорилъ... Нѣсколько странно и болѣзненно у него выходило, да вѣдь и былъ же онъ боленъ. Это было внезапное напряженіе умственныхъ силъ, которое, конечно, — и это съ тоской предвидѣла Софья Матвѣевна во все время его разказа, — должно было отозваться тотчасъ же потомъ чрезвычайнымъ упадкомъ силъ въ его уже разстроенномъ организмѣ. Началъ онъ чуть не съ дѣтства, когда „со свѣжею грудью бѣжалъ по полямъ“; черезъ часъ только добрался до своихъ двухъ женитбъ и берлинской жизни. Я, впрочемъ, не посмѣю смѣяться. Тутъ было для него дѣйствительно нѣчто высшее и, говоря новѣйшимъ языкомъ, почти борьба за существованіе. Онъ видѣлъ предъ собою ту, которую онъ уже предъизбралъ себѣ въ будущій путь, и спѣшилъ, такъ сказать, посвятить ее. Его гевіальность не должна была болѣе оставаться для нея тайною... Можетъ-быть, онъ сильно насчетъ Софьи Матвѣевны преувеличивалъ, но онъ уже избралъ ее. Онъ не могъ быть безъ женщины. Онъ самъ по лицу ясно видѣлъ, что она совсѣмъ почти его не понимаетъ, и даже самага капитальнаго.

„Ce n'est rien, nous attendrons, а пока она можетъ понять предчувствіемъ“...

— Другъ мой, мнѣ всего только и надо одно ваше сердце! восклицалъ онъ ей, прерывая рассказъ, — и вотъ этотъ теперешній, милый обаятельный взглядъ, какимъ вы на меня смотрите. О, не краснѣйте! Я уже вамъ сказалъ...

Особенно много было туманнаго для бѣдной попавшейся Софьи Матвѣевны, когда исторія перешла чуть-ли не въ цѣлую диссертацію о томъ, какъ никто и никогда не могъ понять Степана Трофимовича, и какъ „гибнуть у насъ въ Россіи таланты“. Ужъ очень было „такое все умное-съ“, передавала она истомъ съ уныніемъ. Она слушала съ видимымъ страданіемъ, немного вытаращивъ глаза. Когда же Степанъ Трофимовичъ бросился въ юморъ и въ остроумнѣйшія колкости насчетъ нашихъ „передовыхъ и господствующих“, то она съ горя попробовала даже раза два усмѣхнуться въ отвѣтъ на его смѣхъ, но вышло у ней хуже слезъ, такъ что Степанъ Трофимовичъ даже, наконецъ, самъ сконфузился и тѣмъ съ большимъ азартомъ и злобой ударилъ на нигилистовъ и „новыхъ людей“. Тутъ ужъ онъ ее просто испугалъ, и отдохнула она лишь нѣсколько, самымъ обманчивымъ, впрочемъ, отдыхомъ, когда собственно начался романъ. Женщина всегда женщина, будь хоть монахиня. Она улыбалась, качала головой и тутъ же очень краснѣла и потупляла глаза, тѣмъ приводя Степана Трофимовича въ совершенное восхищеніе и вдохновеніе, такъ что онъ даже много и пригнулъ. Варвара Петровна вышла у него прелестнѣйшею брюнеткой („восхищавшею Петербургъ и весьма многія столицы Европы“), а мужъ ея умеръ „сраженный въ Севастополѣ пулей“, единственно лишь потому, что чувствовалъ себя недостойнымъ любви ея, и уступая сопернику, то-есть все тому же Степану Трофимовичу...

— Не смущайтесь, моя тихая, моя христіанка! воскликнулъ онъ Софьѣ Матвѣевнѣ, почти самъ вѣря всему тому, что рассказывалъ. — Это было нѣчто высшее, нѣчто до того тонкое, что мы оба ни разу даже и не объяснились во всю нашу жизнь.

Причиною такого положенія вещей являлась въ дальнѣйшемъ рассказѣ уже блондинка (если не Дарья Павловна, то я ужъ и не знаю кого тутъ подразумѣвалъ Степанъ Трофимовичъ). Эта блондинка была всѣмъ обязана брюнеткѣ и въ качествѣ дальней родственницы выросла въ ея домѣ. Брюнетка, замѣтивъ, наконецъ, любовь блондинки къ Степану Трофимовичу, заключилась

сама въ себя. Блондинка, съ овоей стороны, замѣтивъ любовь брюнетки къ Степану Трофимовичу, тоже заключилась сама въ себя. И всѣ трое, изнемогая отъ взаимнаго великодушія, промолчали такимъ образомъ двадцать лѣтъ, заключившись сами въ себя. „О, что это была за страсть, что это была за страсть!“ восклицалъ онъ, всхлипывая въ самомъ искреннемъ восторгѣ. — „Я видѣлъ полный расцвѣтъ красоты ея (брюнетки), видѣлъ „съ нарывомъ въ сердцѣ“ ежедневно, какъ она проходила мимо меня, какъ бы стыдяся красоты своей. (Разъ онъ сказалъ: „стыдяся своей полноты“). Наконецъ, онъ убѣжалъ, бросивъ весь этотъ горячечный двадцатилѣтній сонъ. — Vingt ans! И вотъ теперь на большой дорогѣ... Затѣмъ, въ какомъ-то воспалительномъ состояніи мозга, принялся онъ объяснять Софьѣ Матвѣевнѣ, что должна означать сегодняшняя „столь нечаянная и столь роковая встрѣча ихъ навѣки вѣковъ“. Софья Матвѣевна въ ужасномъ смущеніи встала, наконецъ, съ дивана; онъ даже сдѣлалъ попытку опуститься передъ нею на колѣни, такъ что она заплакала. Сумерки сгущались: оба пробыли въ запертой комнатѣ уже нѣсколько часовъ...

— Нѣтъ, ужъ лучше вы меня отпустите въ ту комнату-съ, лепетала она,—а то пожалуй вѣдь что люди подумаютъ-съ.

Она вырвалась, наконецъ; онъ ее отпустилъ, давъ ей слово сейчасъ же лечь спать. Прощаясь, пожаловался, что у него очень болитъ голова. Софья Матвѣевна, еще какъ входила, оставила свой сакъ и ведки въ первой комнатѣ, намѣреваясь ночевать съ хозяевами; но ей не удалось отдохнуть.

Въ ночи со Степаномъ Трофимовичемъ приключился столь извѣстный мнѣ и всѣмъ друзьямъ его припадокъ холерины—обыкновенный исходъ всѣхъ нервныхъ напряженій и правственныхъ его потрясеній. Вѣдная Софья Матвѣевна не спала всю ночь. Такъ какъ ей, ухаживая за больнымъ, приходилось довольно часто входить и выходить изъ избы черезъ хозяйскую комнату, то спавшіе тутъ проѣзжіе и хозяйка ворчали, и даже начали подъ конецъ браниться, когда она вздумала подъ утро поставить самоваръ. Степанъ Трофимовичъ все время припадка былъ въ полузабытѣ; иногда какъ бы мерещилось ему, что ставятъ самоваръ, что его чѣмъ-то поятъ (малиной), грѣютъ ему чѣмъ-то животъ, грудь. Но онъ чувствовалъ

почти каждую минуту, что она была тутъ подлѣ него; что это она приходила и уходила, снимала его съ кровати и опять укладывала на нее. Часамъ къ тремъ пополудни ему стало легче; онъ привсталъ, спустилъ ноги съ постели и, не думая ни о чемъ, свалился предъ нею на полъ. Это было уже не давешнее колѣнопреклоненіе; онъ просто упалъ ей въ ноги и цѣловалъ полы ея платья...

— Полноте-съ, я совсѣмъ не стою-съ, лепетала она, стараясь поднять его на кровать.

— Спасительница моя, благоговѣнно сложилъ онъ передъ нею руки. — Vous êtes noble comme une marquise! Я — я негодяй! О, я всю жизнь былъ безчестель...

— Успокойтесь, упрасивала Софья Матвѣевна.

— Я вамъ давеча все нагаль, — для славы, для роскоши, изъ праздности, — все, все до послѣдняго слова, о, негодяй, негодяй!

Холерина перешла такимъ образомъ въ другой припадокъ, истерическаго самоосужденія. Я уже упоминалъ объ этихъ припадкахъ, говоря о письмахъ его къ Варварѣ Петровѣ. Онъ вспомнилъ вдругъ о Lise, о вчерашней встрѣчѣ утромъ.

— Это было такъ ужасно и --- тутъ навѣрно было несчастье, а я не спросилъ, не узналъ! Я думалъ только о себѣ! О, что съ нею, не знаете-ли вы, что съ нею? умолялъ онъ Софью Матвѣевну.

Потомъ онъ клялся, что „не измѣнить“, что онъ къ ней воротится (то-есть къ Варварѣ Петровѣ).

— Мы будемъ подходить къ ея крыльцу (то-есть все съ Софьей Матвѣевной) каждый день, когда она садится въ карету для утренней прогулки, и будемъ тихонько смотрѣть... О, я хочу, чтобъ она ударила меня въ другую щеку; съ наслажденіемъ хочу. Я подставляю ей мою другую щеку comme dans votre livre! Я теперь, теперь только понялъ, что значить подставить другую... „дланиту“. Я никогда не понималъ прежде!

Для Софьи Матвѣевны наступили два страшные дня ея жизни; она и теперь припоминаетъ о нихъ съ содроганіемъ. Степанъ Трофимовичъ заболѣлъ такъ серьезно, что онъ не могъ отправиться на пароходѣ, который на этотъ разъ явился аккуратно въ два часа пополудни; она же не въ силахъ была оставить его одного и тоже не поѣхала въ Спасовъ. По ея разказу, онъ очень даже обрадовался, что пароходъ ушелъ:

— Ну, и славно, ну, и прекрасно, пробормоталъ онъ съ постели,—а то я все боялся, что мы уѣдемъ. Здѣсь такъ хорошо, здѣсь лучше всего... Вы меня не оставите? О, вы меня не оставили!

„Здѣсь“, однако, было вовсе не такъ хорошо. Онъ ничего не хотѣлъ знать изъ ея затрудненій; голова его была полна однѣми фантазіями. Свою же болѣзнь онъ считалъ чѣмъ-то мимолетнымъ, пустяками, и не думалъ о ней вовсе, а думалъ только о томъ, какъ они пойдутъ и станутъ продавать „эти книжки“. Онъ просилъ ее почитать ему Евангеліе.

— Я давно уже не читалъ... въ оригиналѣ. А то кто-нибудь спросить, а я ошибусь; надо тоже все-таки приготовиться.

Она усѣлась подлѣ него и развернула книжку.

— Вы прекрасно читаете, прервалъ онъ ее съ первой же строки.—Я вижу, вижу, что я не ошибся! прибавилъ онъ неясно, но восторженно.

И вообще онъ былъ въ непрерывномъ восторженномъ состояніи. Она прочитала нагорную проповѣдь.

— *Assez, assez, mon enfant*, довольно... Неужто вы думаете, что *этого* не довольно!

И онъ въ безсиліи закрылъ глаза. Онъ былъ очень слабъ, но еще не терялъ сознанія. Софья Матвѣевна поднялась было, полагая, что онъ хочетъ заснуть, но онъ остановилъ.

— Другъ мой, я всю жизнь мою лгалъ. Даже когда говорилъ правду. Я никогда не говорилъ для истины, а только для себя, я это и прежде зналъ, но теперь только вижу... О, гдѣ твои друзья, которыхъ я оскорблялъ моею дружбой всю мою жизнь? И всѣ, и всѣ! *Savez-vous*, я, можетъ, лгу и теперь; навѣрно лгу и теперь. Главное въ томъ, что я самъ себя вѣрю, когда лгу. Всего труднѣе въ жизни жить и не лгать... и... и собственной лжи не вѣрить, да, да, вотъ это именно! Но подождите, это все потомъ... Мы вмѣстѣ, вмѣстѣ! прибавилъ онъ съ энтузіазмомъ.

— Степанъ Трофимовичъ, робко попросила Софья Матвѣевна,—не послать-ли въ „губернію“ за докторомъ?

Онъ ужасно былъ пораженъ.

— Зачѣмъ? *Est-ce que je suis si malade. Mais rien de sérieux.* И зачѣмъ намъ посторонніе люди? Еще узнаютъ и—что тогда будетъ? Нѣтъ, нѣтъ, никто изъ постороннихъ, мы вмѣстѣ, вмѣстѣ!

— Знаете, сказалъ онъ, помолчавъ, — прочтите мнѣ еще что-нибудь, такъ, на выборъ, что-нибудь, куда глазъ попадетъ.

Софья Матвѣевна развернула и стала читать.

— Гдѣ развернется, гдѣ развернется нечаянно, повторилъ онъ.

— „И Ангелу Лаодикійской церкви напиши“...

— Это что? Что? Это откуда?

— Это изъ Апокалипсиса.

— О, je m'en souviens, oui, l'Apocalypse. Lisez, lisez, я загадалъ по книгѣ о нашей будущности, я хочу знать, что вышло; читайте съ ангела, съ ангела...

— „И Ангелу Лаодикійской церкви напиши: такъ говоритъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія. Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о если-бъ ты былъ холоденъ или горячъ! Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“.

— Это... и это въ вашей книгѣ! воскликнулъ онъ, сверкая глазами и приподнимаясь съ изголовья, — я никогда не зналъ этого великаго мѣста! Слышите: скорѣе холоднаго, холоднаго, чѣмъ теплаго, чѣмъ *только* теплаго. О, я докажу! Только не оставляйте, не оставляйте меня одного! Мы докажемъ, мы докажемъ!

— Да не оставляю же я васъ, Степанъ Трофимовичъ, никогда не оставляю-сь! схватила она его руку и сжала въ своихъ, поднося ихъ къ сердцу, со слезами на глазахъ смотри на него. (Жалко ужъ очень мнѣ ихъ стало въ ту минуту, передавала она).

Губы его задергались какъ бы судорожно.

— Однако, Степанъ Трофимовичъ, какъ же намъ все-таки быть-сь? Не дать-ли знать кому изъ вашихъ знакомыхъ али, можетъ, родныхъ?

Но тутъ ужъ онъ до того испугался, что она и не рада была, что еще разъ помянула. Трепеща и дрожа, умолялъ онъ не звать никого, не предпринимать ничего; бралъ съ нея слово, уговаривалъ: „Никого, никого! Мы одни, только одни, nous partirons ensemble“.

Очень худо было и то, что хозяева тоже стали беспокоиться, ворчали и приставали къ Софьѣ Матвѣевнѣ. Она

нимъ уплатила и постаралась показать деньги; это смягчило на время; но хозяинъ потребовалъ „видѣ“ Степана Трофимовича. Больной съ высокобѣрною улыбкой указалъ на свой маленькій сакъ; въ немъ Софья Матвѣевна отыскала его указъ объ отставкѣ или что-то въ этомъ родѣ, по которому онъ всю жизнь проживалъ. Хозяинъ не унялся и говорилъ, что „надо ихъ куда ни на есть принять, потому у насъ не больница, а помреть, такъ еще, пожалуй, что выйдеть; натерпимся“. Софья Матвѣевна заговорила было и съ нимъ о докторѣ, но вышло, что если послать въ „губернію“, то до того могло дорого обойтись, что, ужъ конечно, надо было оставить о докторѣ всякую мысль. Она съ тоской воротилась къ своему больному. Степанъ Трофимовичъ слабѣлъ все болѣе и болѣе.

— Теперь прочитайте мнѣ еще одно мѣсто... о свиньяхъ, произнесъ онъ вдругъ.

— Чего-съ? испугалась ужасно Софья Матвѣевна.

— О свиньяхъ... это тутъ же... ces cochons... я помню, бѣсы вошли въ свиней и всѣ потонули. Прочтите мнѣ это непременно: я вамъ послѣ скажу для чего. Я припомнить хочу буквально. Мнѣ надо буквально.

Софья Матвѣевна знала Евангеліе хорошо и тотчасъ отыскала стѣ Луки то самое мѣсто, которое я и выставилъ эпиграфомъ въ моей хроникѣ. Приведу его здѣсь опять:

„Тутъ же на горѣ паслось большое стадо свиней, и бѣсы просили Его, чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро и потонуло. Пастухи, увидя происшедшее, побѣжали и рассказали въ городѣ и въ селеніяхъ. И вышли видѣть происшедшее, и пришедши къ Иисусу нашли человѣка, изъ котораго вышли бѣсы, сидящаго у ногъ Иисусовыхъ, одѣтаго и въ здоровомъ умѣ, и ужаснулись. Видѣвшіе же рассказали имъ, какъ исцѣлился бѣсновавшійся“.

— Другъ мой, произнесъ Степанъ Трофимовичъ въ большомъ волненіи,—*savez vous*, это чудесное и... необыкновенное мѣсто было мнѣ всю жизнь камнемъ преткновенія... *dans ce livre*... такъ что я это мѣсто еще съ дѣтства упомянулъ. Теперь же мнѣ пришла одна мысль; une *comparaison*. Мнѣ ужасно много приходится теперь мыслей: видите, это точь-въ-точь какъ наша Россія. Эти

бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней— это всѣ язвы, всѣ миазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка! Oui, cette Russie, que j'aime toujours. Но великая мысль и великая воля освѣять ее свыше, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже, можетъ быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша... et les autres avec lui, и я, можетъ быть, первый во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потоцемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватить. Но больной исцѣлится и „сядетъ у ногъ Иисусовыхъ“... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ... Милая, vous comprendrez après, а теперь это очень волнуетъ меня... Vous comprendrez après... Nous comprendrons ensemble.

Съ нимъ сдѣлался бредъ, и онъ, наконецъ, потерялъ сознание. Такъ продолжалось и весь слѣдующій день. Софья Матвѣевна сидѣла подлѣ него и плакала, не спала почти совсѣмъ уже третью ночь и избѣгала показываться на глаза хозяевамъ, которые, она предчувствовала, что-то уже начинали предпринимать. Избавленіе послѣдовало лишь на третій день. На утро Степанъ Трофимовичъ очнулся, узналъ ее и протянулъ ей руку. Она перекрестилась съ надеждой. Ему хотѣлось посмотрѣть въ окно.

— Tiens un lac, проговорилъ онъ, — ахъ, Боже мой, я еще и не видалъ его...

Въ эту минуту у подъѣзда избы прогремѣлъ чей-то экипажъ и въ домъ поднялась чрезвычайная суматоха.

III.

То была сама Варвара Петровна, прибывшая въ четырехмѣстной каретѣ, четверней, съ двумя лакеями и съ Дарьей Павловной. Чудо совершилось просто: умиравшій отъ любопытства Анисимъ, прибывъ въ городъ, зашелъ таки на другой день въ домъ Варвары Петровны и разболталъ прислугѣ, что встрѣтилъ Степана Трофимовича одного въ деревнѣ, что видѣли его мужики на большой дорогѣ одного, пѣшкомъ, а что отправился онъ въ Спасовъ, на Устьево, уже вдвоемъ съ Софьей Матвѣевной. Такъ какъ Варвара Петровна, съ своей стороны, уже

страшно тревожилась и разыскивала, какъ могла, своего бѣлаго друга, то объ Анисимѣ ей тотчасъ же доложили. Выслушавъ его и, главное, о подробностяхъ отъѣзда въ Устьево вмѣстѣ съ какою-то Софьей Матвѣвной въ одной бричкѣ, она мигомъ собралась и по горячему слѣду прикатила сама въ Устьево. О болѣзни его она еще не имѣла понятія.

Раздался суровый и повелительный ея голосъ; даже хозяева струсили. Она остановилась лишь освѣдомиться и распросить, увѣренная, что Степанъ Трофимовичъ давно уже въ Спасовѣ; узнавъ же, что онъ тутъ и боленъ, въ волненіи вступила въ избу.

— Ну, гдѣ тутъ онъ? А, это ты! крикнула она, увидавъ Софью Матвѣвну, какъ разъ въ ту самую минуту показавшуюся на порогѣ изъ второй комнаты,—я по твоему безстыжему лицу догадалась, что это ты. Прочь, негодяйка! Чтобы сейчасъ духа ея не было въ домѣ! Выгнать ее, не то, мать моя, я тебя въ острогъ навѣкъ упрячу. Стеречь ее пока въ другомъ домѣ. Она уже въ городѣ сидѣла разъ въ острогѣ, еще посидитъ. И прошу тебя, хозяинъ, не смѣть никого впускать, пока я тутъ. Я генеральша Ставрогина и занимаю весь домъ. А ты, голубушка, мнѣ во всемъ дашь отчетъ.

Знакомые звуки потрясли Степана Трофимовича. Онъ затрепеталъ. Но она уже вступила за перегородку. Сверкая глазами, подтолкнула она ногой стулъ и, откинувшись на спинку, прокричала Дашѣ:

— Выйди пока вонъ, побудь у хозяевъ. Чтѣ за любопытство? Да двери-то покрѣпче затвори за собой.

Нѣсколько времени она молча и какимъ-то хищнымъ взглядомъ всматривалась въ испуганное его лицо.

— Ну, какъ поживаете, Степанъ Трофимовичъ? Какое погуляли? вырвалось вдругъ у нея съ яростною пропѣй.

— *Chère*, залепеталъ не помня себя Степанъ Трофимовичъ,—я узналъ русскую дѣйствительную жизнь... *Et je prêcherai l'Évangile...*

— О, безстыдный, неблагородный человѣкъ! возопила она вдругъ, всплеснувъ руками.— Мало вамъ было осрамить меня, вы связались... О, старый, безстыжій развратникъ!

— *Chère...*

У него пресѣкъся голосъ, и онъ ничего не могъ вы-

молвить, а только смотрѣлъ, вытаращивъ глаза отъ ужаса.

— Кто она такая?

— C'est un ange... C'était plus qu'un ange pour moi, она всю ночь... О, не кричите, не пугайте ее, chère, chère...

Варвара Петровна вдругъ, гремя, вскочила со стула; раздался ея испуганный крикъ: „воды, воды!“ Онъ хоть и очнулся, но она все еще дрожала отъ страху и, блѣдная, смотрѣла на исказившееся его лицо: тутъ только въ первый разъ догадалась она о размѣрахъ его болѣзни.

— Дарья, зашептала она вдругъ Дарьѣ Павловнѣ, — немедленно за докторомъ, за Зальцифиемъ; пусть ѣдетъ сейчасъ Егорычъ; пусть найметъ здѣсь лошадей, а изъ города возьметъ другую карету. Чтобы къ ночи быть тутъ.

Даша бросилась исполнять приказаніе. Степанъ Трофимовичъ смотрѣлъ все тѣмъ же вытаращеннымъ, испуганнымъ взглядомъ; поблѣвшія губы его дрожали.

— Подожди, Степанъ Трофимовичъ, подожди, голубчикъ! уговаривала она его какъ ребенка.—Ну, подожди же, подожди, вотъ Дарья воротится и... Ахъ, Боже мой, хозяйка, хозяйка, да приди хоть ты, матушка!

Въ нетерпѣніи она побѣжала къ хозяйкѣ.

— Сейчасъ, сію минуту эту опять назадъ. Воротить ее, воротить!

Къ счастью, Софья Матвѣевна не успѣла еще выбратъся изъ дому и только выходила изъ воротъ со своимъ мѣшкомъ и узелкомъ. Ее вернули. Она такъ была испугана, что даже ноги и руки ея тряслись. Варвара Петровна схватила ее за руку, какъ коршунъ цыпленка, и стремительно потащила къ Степану Трофимовичу.

— Ну, вотъ она вамъ. Не съѣла же я ее. Вы думали, что я ее такъ и съѣла.

Степанъ Трофимовичъ схватилъ Варвару Петровну за руку, поднесъ ее къ своимъ глазамъ и залился слезами, навзрыдъ, болѣзненно, припадочно.

— Ну, успокойся, успокойся, ну, голубчикъ мой, ну, батюшка! Ахъ, Боже мой, да ус-по-кой-тесь же! крикнула она нектово.—О, мучитель, мучитель, вѣчный мучитель мой!

— Милая, пролепеталъ, наконецъ, Степанъ Трофимовичъ, обращаясь къ Софьѣ Матвѣевнѣ, — побудьте, милая, тамъ, и что-то хочу здѣсь сказать...

Софья Матвѣевна тотчасъ же поспѣшила выйти.

— Chérie... chérie... задыхался онъ.

— Подождите говорить, Степанъ Трофимовичъ, подождите немного, пока отдохнете. Вотъ вода. Да подожди-тѣ же!

Она сѣла опять на стулъ. Степанъ Трофимовичъ крѣпко держалъ ее за руку. Долго она не позволяла ему говорить. Онъ поднесъ руку ея къ губамъ и сталъ цѣловать. Она стиснула зубы, смотря куда-то въ уголь.

— Je vous aimais! вырвалось у него, наконецъ. Никогда не слыхала она отъ него такого слова, такъ выговореннаго.

— Гм! промычала она въ отвѣтъ.

— Je vous aimais toute ma vie... vingt ans!

Она все молчала—минуты двѣ-три.

— А какъ къ Дашѣ готовился, духами опрыскался... проговорила она вдругъ страшнымъ шопотомъ. Степанъ Трофимовичъ такъ и обомлѣлъ.

— Новый галстукъ надѣлъ...

Опять молчаніе минуты на двѣ.

— Сигарку помните?

-- Другъ мой, прошамкалъ было онъ въ ужасѣ.

— Сигарку, вечеромъ, у окна... мѣсяцъ свѣтилъ... послѣ бесѣдки... въ Скворешникахъ? Помнишь-ли, помнишь-ли, вскочила она съ мѣста, схвативъ за оба угла его подушку и потрясая ее вмѣстѣ съ его головой.—Помнишь-ли, пустой, пустой, безславный, малодушный, вѣчно, вѣчно пустой человѣкъ! шипѣла она своимъ яростнымъ шопотомъ, удерживаясь отъ крику. Наконецъ, бросила его и упала на стулъ, закрывъ руками лицо.—Довольно! отрѣзала она, выпрямившись. — Двадцать лѣтъ прошло, не воротишь; дура и я.

— Je vous aimais, сложилъ онъ опять руки.

— Да что ты мнѣ все aimais да aimais! Довольно! вскочила она опять. — И если вы теперь сейчасъ же не заснете, то я... Вамъ нуженъ покой; спать, сейчасъ спать, закройте глаза. Ахъ, Боже мой, онъ, можетъ быть, завтракать хочетъ! Что вы ѣдите? Что онъ ѣстъ? Ахъ, Боже мой, гдѣ та? Гдѣ она?

Началась было суматоха. Но Степанъ Трофимовичъ слабымъ голосомъ пролепеталъ, что онъ дѣйствительно бы заснулъ une heure, а тамъ—un bouillon, un thé... enfin il est si heureux. Онъ легъ и дѣйствительно какъ будто заснулъ (вѣроятно, притворился). Варвара Петровна подождала и на цыпочкахъ вышла изъ-за перегородки.

Она усѣлась въ хозяйской комнатѣ, хозяйевъ выгнала и приказала Дашѣ привести къ себѣ *ту*. Начался серьезный допросъ.

— Расскажи теперь, матушка, всё подробности; садись подлѣ, такъ. Ну?

— Я Степана Трофимовича встрѣтила...

— Стой, молчи. Предупреждаю тебя, что если ты что совершь или утаишь, то я изъ-подъ земли тебя выкопаю. Ну?

— Я со Степаномъ Трофимовичемъ... какъ только я пришла въ Хатово-съ... почти задохалась Софья Матвѣевна...

— Стой, молчи, подожди; чего забарабанила? Во-первыхъ, сама ты что за птица?

Та рассказала ей кое-какъ, впрочемъ, въ самыхъ короткихъ словахъ, о себѣ, начиная съ Севастополя. Варвара Петровна выслушала молча, выпрямившись на стулѣ, строго и упорно смотря прямо въ глаза рассказчицѣ.

— Чего ты такая запуганная? Чего ты въ землю смотришь?—Я люблю такихъ, которыя смотреть прямо и со мною спорять. Продолжай.

Она досказала о истрѣчѣ, о книжкахъ, о томъ какъ Степанъ Трофимовичъ потчивалъ бабу водкой...

— Такъ, такъ, не забывай ни малѣйшей подробности, ободрила Варвара Петровна. Наконецъ, о томъ, какъ поѣхали и какъ Степанъ Трофимовичъ все говорилъ „уже совсѣмъ больные-съ“, а здѣсь всю жизнь, съ самаго первоначалу, нѣсколько даже часовъ рассказывали.

— Расскажи про жизнь.

Софья Матвѣевна вдругъ запнулась и совсѣмъ стала втупикъ.

— Ничего я тутъ не умѣю сказать-съ, промолвила она чуть не плача,—да и не поняла я почти ничего-съ.

— Врешь! Не могла совсѣмъ ничего не понять.

— Про одну черноволосую знатную даму долго рассказывали-съ, покраснѣла ужасно Софья Матвѣевна, замѣтивъ, впрочемъ, бѣлокурые волосы Варвары Петровны и совершенное несходство ея съ „брюнеткой“

— Черноволосую?—Что же именно? Ну, говори!

— О томъ, какъ эта знатная дама ужъ очень были въ нихъ влюблены-съ, во всю жизнь, двадцать цѣлыхъ лѣтъ; но все не смѣли открыться и стыдились предъ ними, потому что ужъ очень были полны-съ...

— Дуракъ! задумчиво, но рѣшительно отрѣзала Варвара Петровна.

Софья Матвѣевна совсѣмъ уже плакала.

— Ничего я тутъ не умѣю хорошо рассказать, потому сама въ большемъ страхѣ за нихъ была и понять не могла, такъ какъ они такіе умные люди...

— Объ умѣ его не такой воронѣ какъ ты судить. Руку предлагалъ?

Разказчица затрепетала.

— Влюбился въ тебя?—Говори! Предлагалъ тебѣ руку? прикрикнула Варвара Петровна.

— Почти что такъ оно и было-сь, всплакнула она.— Только я все это за ничто приняла, по ихъ болѣзни, прибавила она, твердо подымая глаза.

— Какъ тебя зовутъ: имя-отчество?

— Софья Матвѣевна-сь.

— Ну, такъ знай ты, Софья Матвѣевна, что это самый дрянной, самый пустой человѣчишко... Господи, Господи! За негодяйку меня считаешь?

Та выпучила глаза.

— За негодяйку, за тиранку?—Его жизнь сгубившую?

— Какъ же это можно-сь, когда вы сами плачете-сь!

У Варвары Петровны дѣйствительно стояли слезы на глазахъ.

— Ну, садись, садись, не пугайся.—Посмотри мнѣ еще разъ въ глаза, прямо; чего покраснѣлась? Даша, поди сюда, смотри на нее: какъ ты думаешь, у ней сердце чистое...

И, къ удивленію, а, можетъ, еще къ большому страху Софьи Матвѣевны, она вдругъ потрепала ее по щекѣ.

— Жаль только, что дура.—Не по лѣтамъ дура. Хорошо, милая, я тобою займусь. Вижу, что все это вздоръ. Живи пока подлѣ, квартиру тебѣ наймутъ, а отъ меня тебѣ столъ и все... пока спрошу.

Софья Матвѣевна заиьнулась было въ испугѣ, что ей надо спѣшить.

— Некуда тебѣ спѣшить.—Книги твои всѣ покупаю, а ты сиди здѣсь. Молчи, безъ отговорокъ. Вѣдь если-бъ я не пріѣхала, ты бы все равно его не оставила?

— Ни за что бы ихъ я не оставила-сь, тихо и твердо промолвила Софья Матвѣевна, утирая глаза.

Доктора Зальцфиша привезли уже поздно ночью. Это былъ весьма почтенный старичокъ и довольно опытный практикъ, недавно потерявшій у насъ, вслѣдствіе какой-то

амбиціозной ссоры со своимъ начальствомъ, свое служеб-ное мѣсто. Варвара Петровна въ тотъ же мигъ изо всѣхъ силъ начала ему „протезировать“. Онъ осмотрѣлъ боль-ного внимательно, распросилъ и осторожно объявилъ Вар-варѣ Петровнѣ, что состояніе „страждущаго“ весьма со-мнительно, вслѣдствіе происшедшаго осложненія болѣзни, и что надо ожидать „всего даже худшаго“. Варвара Пе-тровна, въ двадцать лѣтъ отвыкшая даже отъ мысли о чемъ-нибудь серьезномъ и рѣшительномъ во всемъ, что исходило лично отъ Степана Трофимовича, была глубоко потрясена, даже поблѣднѣла.

— Неужто никакой надежды?

— Возможно-ли, чтобы не было отнюдь и совершенно никакой надежды, но...

Она не ложилась спать всю ночь и едва дождалась утра. Лишь только больной открылъ глаза и пришелъ въ па-мять (онъ все пока былъ въ памяти, хотя съ каждымъ часомъ ослабѣвалъ), приступила къ нему съ самымъ рѣ-шительнымъ видомъ:

— Степанъ Трофимовичъ, надо все предвидѣть. — Я послала за священникомъ. Вы обязаны исполнить долгъ...

Зная его убѣжденія, она чрезвычайно боялась отказа. Онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Вздоръ, вздоръ! возопила она, думая, что онъ уже отказывается. — Теперь не до шалостей. Довольно дура-чились.

— Но... развѣ я такъ уже боленъ?

Онъ задумчиво согласился. И вообще я съ большимъ удивленіемъ узналъ потомъ отъ Варвары Петровны, что нисколько не испугался смерти. Можетъ быть, просто не повѣрилъ и продолжалъ считать свою болѣзнь пустяками.

Онъ исповѣдался и причастился весьма охотно. Всѣ, и Софья Матвѣевна, и даже слуги, пришли поздравить его съ приобщеніемъ Святыхъ Таинъ. Всѣ до единого сдер-жанно плакали, смотря на его осунувшееся и изнеможен-ное лицо и поблѣвшія, вздрагивавшія губы.

— Oui, mes amis, и я удивляюсь только, что вы такъ... хлопочете. Завтра я, вѣроятно, встану, и мы... отпра-вимся... Toute cette cérémonie... которой я, разумѣется, отдаю все должное... была...

— Прощу васъ, батюшка, непременно остаться съ боль-нымъ, быстро остановила Варвара Петровна разоблачив-шагося уже священника. — Какъ только обнесутъ чай,

прошу васъ немедленно заговорить про божественное, чтобы поддержать къ нему вѣру.

Священникъ заговорилъ; всѣ сидѣли или стояли около постели больного.

— Въ наше грѣховное время, плавно началъ священникъ, съ чашкой чаю въ рукахъ, — вѣра во Всевышняго есть единственное прибѣжище рода человѣческаго во всѣхъ скорбяхъ и испытаніяхъ жизни, равно какъ въ упованіи вѣчнаго блаженства, обѣтованнаго праведникамъ...

Степанъ Трофимовичъ какъ будто весь оживился; топкая усмѣшка скользнула на губахъ его.

— Mon père, je vous remercie, et vous etes bien bon, mais...

— Совсѣмъ не mais, вовсе не mais! воскликнула Варвара Петровна, срываясь со стула. — Батюшка, обратилась она къ священнику, — это, это такой человѣкъ, это такой человѣкъ... его черезъ часъ опять переисповѣдать надо будетъ! Вотъ какой это человѣкъ!

Степанъ Трофимовичъ сдержанно улыбнулся.

— Друзья мои, проговорилъ онъ, — Богъ уже потому мнѣ необходимъ, что это единственное существо, которое можно вѣчно любить...

Въ самомъ-ли дѣлѣ онъ увѣровалъ, или величественная церемонія совершеннаго таинства потрясла его и возбудила художественную воспримчивость его натуры, по онъ твердо и, говорятъ, съ большимъ чувствомъ произнесъ нѣсколько словъ прямо въ разрѣзъ многому изъ его прежнихъ убѣжденій.

— Мое безсмертіе уже потому необходимо, что Богъ не захочетъ сдѣлать неправды и погасить совсѣмъ огонь разъ возгорѣвшей къ Нему любви въ моемъ сердцѣ. И чтò дороже любви? Любовь выше бытія, любовь вѣнецъ бытія, и какъ-же возможно, чтобы бытіе было ей неподклонно? Если я полюбилъ Его и обрадовался любви моей — возможно-ли, чтобы Онъ погасилъ и меня и радость мою, и обратилъ насъ въ пухъ? Если есть Богъ, то и я безсмертенъ! Voilà ma profession de foi.

— Богъ есть, Степанъ Трофимовичъ, увѣряю васъ, что есть, умоляла Варвара Петровна, — отрекитесь, бросьте всѣ ваши глупости хоть разъ въ жизни! (Она, кажется, не совсѣмъ поняла его profession de foi).

— Другъ мой, одушевляясь онъ болѣе и болѣе, хотя голосъ его часто прерывался, — другъ мой, когда я по-

няль... эту подставленную ланиту, я... тутъ-же и еще кой-что поняль. J'ai menti toute ma vie, всю, всю жизнь! Я-бы хотѣль... впрочемъ, завтра... Завтра мы всѣ отправимся.

Варвара Петровна заплакала. Онъ искалъ кого-то глазами.

— Вотъ она, она здѣсь! схватила она и подвела къ нему за руку Софью Матвѣевну. Онъ умиленно улыбнулся.

— О, я-бы очень желалъ опять жить! воскликнулъ онъ съ чрезвычайнымъ приливомъ энергіи. — Каждая минута, каждое мгновеніе жизни должны быть блаженствомъ человѣку... должны, непременно должны! Это обязанность самого человѣка такъ устроить; это его законъ,—скрытый, но существующій непременно... О, я-бы желалъ видѣть Петрушу... и ихъ всѣхъ... и Шатова!

Замѣчу, что о Шатовѣ еще ничего не знали, ни Дарья Павловна, ни Варвара Петровна, ни даже Зальцфишъ, послѣднимъ прибывшій изъ города.

Степанъ Трофимовичъ волновался болѣе и болѣе, болѣзненно, не по силамъ.

— Одна уже всегдашняя мысль о томъ, что существуетъ нѣчто безмѣрно справедливейшее и счастливѣйшее чѣмъ я, уже наполняетъ и меня всего безмѣрнымъ умиленіемъ и — славой, — о, кто бы я ни былъ, что бы ни сдѣлалъ! Человѣку гораздо необходимѣе собственнаго счастья знать и каждое мгновеніе вѣровать въ то, что есть гдѣ-то уже совершенное и спокойное счастье, для всѣхъ и для всего... Весь закопъ бытія человѣческаго лишь въ томъ, чтобы человѣкъ всегда могъ преклониться предъ безмѣрно великимъ. Если лишитъ людей безмѣрно великаго, то не станутъ они жить и умрутъ въ отчаяніи. Безмѣрное и безконечное такъ же необходимо человѣку, какъ и та малая планета, на которой онъ обитаетъ... Друзья мои, всѣ, всѣ: да здравствуетъ Великая Мысль! Вѣчная, безмѣрная Мысль! Всякому человѣку, кто бы онъ ни былъ, необходимо преклониться предъ тѣмъ, что есть Великая Мысль. Даже самому глупому человѣку необходимо хотя бы нѣчто великое. Петруша... О, какъ я хочу увидѣть ихъ всѣхъ опять! Они не знаютъ, не знаютъ, что въ нихъ заключена все та же вѣчная Великая Мысль!

Докторъ Зальцфишъ не былъ при церемоніи. Войдя внезапно, онъ пришелъ въ ужасъ и разогналъ собраніе, настаивая, чтобы больнаго не волновали.

Степанъ Трофимовичъ скончался три дня спустя, но

уже въ совершенномъ безпамятствѣ. Онъ какъ-то тихо угасъ, точно догорѣвшая свѣча. Варвара Петровна, совершивъ на мѣстѣ отиѣваніе, перевезла тѣло своего бѣднаго друга въ Скворешники. Могила его въ церковной оградѣ и уже покрыта мраморною плитой. Надпись и рѣшетка оставлены до весны.

Все отсутствіе Варвары Петровны изъ города продолжалось дней восемь. Въ мѣстѣ съ нею, рядомъ въ ея каретѣ, прибыла и Софья Матвѣевна, кажется, навѣки у нея поселившаяся. Замѣчу, что едва лишь Степанъ Трофимовичъ потерялъ сознание (въ то же утро), какъ Варвара Петровна немедленно опять устранила Софью Матвѣевну, совсѣмъ вонъ изъ избы, и ухаживала за больнымъ сама, одна до конца; а только лишь опъ испустилъ духъ, немедленно позвала ее. Никакихъ возраженій ей, ужасно испуганной предложеніемъ (вѣрнѣе приказаніемъ) поселиться навѣки въ Скворешникахъ, она не хотѣла слушать.

— Все вздоръ! Я сама буду съ тобой ходить продавать Евангеліе. Нѣтъ у меня теперь никого на свѣтѣ.

— У васъ, однако, есть сынъ, замѣтилъ было Зальцфишъ.

— Нѣтъ у меня сына! отрѣзала Варвара Петровна и— словно напорочила.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Заключеніе.

Всѣ совершившіяся безчинства и преступленія обнаружены съ чрезвычайною быстротой, гораздо быстрѣе, чѣмъ предполагалъ Петръ Степановичъ. Началось съ того, что несчастная Марья Игнатьевна, въ ночь убійства мужа, проснулась предъ разсвѣтомъ, схватила его и пришла въ неописанное волненіе, не видя его подлѣ себя. Съ ней ночевала нанятая тогда Ариной Прохоровной прислужница. Та никакъ не могла ее успокоить и, чуть лишь стало свѣтать, побѣжала за самой Ариной Прохоровной, увѣривъ больную, что та знаетъ, гдѣ ея мужъ и когда онъ воротится. Между тѣмъ и Арина Прохоровна находилась тоже въ нѣкоторой заботѣ: она уже знала отъ своего мужа о ночномъ подвигѣ въ Скворешникахъ. Онъ воротился домой часу уже въ одиннадцатомъ ночи, въ ужасномъ состояніи и видѣ; ломая руки, бросился ничкомъ на кровать и все повторялъ, сотрясаясь отъ конвульсив-

ныхъ рыданій: „Это не то, не то; это совсѣмъ не то!“ Разумѣется, кончилъ тѣмъ, что признался приступившей къ нему Аринѣ Прохоровнѣ во всемъ—впрочемъ, только ей одной во всемъ домѣ. Та оставила его въ постели, строго внушивъ, что „если хочетъ хныкать, то ревѣль бы въ подушку, чтобъ не слышали, и что дуракъ онъ будетъ, если завтра покажетъ какой-нибудь видъ“. Она-таки призадумалась и тотчасъ же начала прибираться на всякій случай: лишнія бумаги, книги, даже, можетъ-быть, прокламаціи успѣла припрятать или истребить до тла. За всѣмъ тѣмъ разсудила, что собственно ей, ея сестрѣ, теткѣ, студенткѣ, а, можетъ-быть, и вислоухому братцу бояться очень-то нечего. Когда къ утру прибѣжала за ней сидѣлка, она пошла къ Марьѣ Игнатьевнѣ не задумавшись. Ей, впрочемъ, ужасно хотѣлось поскорѣе провѣдать, вѣрно-ли то, что вчера испуганнымъ и безумнымъ шонотомъ, похожимъ на бредъ, сообщилъ ей супругъ о расчетахъ Петра Степановича, въ видахъ общей пользы, на Кириллова.

Но припла она къ Марьѣ Игнатьевнѣ уже поздно: отправивъ служанку и оставшись одна, та не вытерпѣла, встала съ постели и, накинувъ на себя что попало подъ руку изъ одежды, кажется, очень что-то легкое и къ сезону не подходящее, отправилась сама во флигель къ Кириллову, соображая, что, можетъ-быть, онъ ей вѣрнѣе всѣхъ сообщитъ о мужѣ. Можно представить, какъ подѣйствовало на родильницу то, что она тамъ увидѣла. Замѣчательно, что она не прочла предемертной записки Кириллова, лежавшей на столѣ, на виду, конечно, въ испугъ проглядѣвъ ее вовсе. Она бѣжала въ свою свѣтелку, схватила младенца и пошла съ нимъ изъ дома по улицѣ. Утро было сырое, стоялъ туманъ. Прохожихъ въ такой глухой улицѣ не встрѣтилось. Она все бѣжала, задыхаясь, по холодной и топкой грязи, и, наконецъ, начала стучаться въ дома; въ одномъ домѣ не отперли, въ другомъ долго не отпирали; она бросила въ нетерпѣніи и начала стучаться въ третій домъ. Это былъ домъ нашего купца Титова. Здѣсь она надѣлала большой суматохи, вопила и безсвязно увѣряла, что „ея мужа убили“. Шатова и отчасти его исторію у Титовыхъ нѣсколько знали: поражены были ужасомъ, что она, по ея словамъ, всего только сѣтки родивши, бѣгаетъ въ такой одеждѣ и въ такой хододѣ по улицамъ, съ едва прикрытымъ мла-

денцемъ въ рукахъ. Подумали было сначала, что только въ бреду, тѣмъ болѣе, что никакъ не могли выяснитъ, кто убить: Кирилловъ или ея мужъ? Она, смекнувъ, что ей не вѣрять, бросилась было бѣжать дальше, но ее оставили силой и, говорятъ, она страшно кричала и билась. Оправились въ домъ Филиппова, и черезъ два часа самоубійство Кириллова и его предсмертная записка стали извѣстны всему городу. Полиція приступила къ родильницѣ, бывшей еще въ памяти; тутъ-то и оказалось, что она записки Кириллова не читала, а почему именно заключила, что и мужъ ея убить — отъ нея не могли добиться. Она только кричала, что „коли тотъ убить, такъ и мужъ убить; они вмѣстѣ были!“ Къ полудню она впала въ безпамятство, изъ котораго ужъ и не выходила, и скончалась дня черезъ три. Простуженный ребенокъ померъ еще раньше ея. Арина Прохоровва, не найдя на мѣстѣ Марьи Игнатьевны и младенца и смекнувъ, что худо, хотѣла было бѣжать домой, но остановилась у воротъ и послала сидѣлку „спросить во флигелѣ, у господина, не у нихъ-ли Марья Игнатьевна и не знаетъ-ли онъ чего о ней?“ Посланица воротилась, неистово крича на всю улицу. Убѣдивъ ее не кричать и никому не объявлять, знаменитымъ аргументомъ: „засудятъ“, она улизнула со двора.

Само собою, что ее въ то же утро обезпожили, какъ бывшую позитуху родильницы; но не многого добились: она очень дѣльно и хладнокровно рассказала все, что сама видѣла и слышала у Шатова, но о случившейся исторіи отозвалась, что ничего въ ней не знаетъ и не понимаетъ.

Можно себѣ представить, какая по городу поднялась суматоха. Новая „исторія“, опять убійство! Но тутъ уже было другое: становилось ясно, что есть, дѣйствительно есть тайное общество убійцъ, поджигателей-революционеровъ, бунтовщиковъ. Ужасная смерть Лизы, убійство жены Ставрогина, самъ Ставрогинъ, поджогъ, балъ для гувернантокъ, распушеянность вокругъ Юліи Михайловны... Даже въ исчезновеніи Степана Трофимовича хотѣли непременно видѣть загадку. Очень, очень шептались про Николая Всеволодовича. Къ концу дня узнали и объ отсутствіи Петра Степановича и, странно, о немъ менѣе всего говорили. Но болѣе всего въ тотъ день говорили о „сенаторѣ“. У дома Филиппова почти все утро стояла толпа.

Дѣйствительно, начальство было введено въ заблужденіе запиской Кириллова. Повѣрили и въ убійство Кирилловымъ Шатова, и въ самоубійство „убійцы“. Впрочемъ, начальство хоть и потерялось, но не совсѣмъ. Слово „паркъ“, напримѣръ, столь неопредѣленно помѣщенное въ запискѣ Кириллова, не сбило никого съ толку, какъ рассчитывалъ Петръ Степановичъ. Полиція тотчасъ же кинулась въ Скворешники, и не потому одному, что тамъ былъ паркъ, котораго нигдѣ у насъ въ другомъ мѣстѣ не было, а и по нѣкоторому даже инстинкту, такъ какъ всѣ ужасы послѣднихъ дней, или прямо, или отчасти, связаны были со Скворешниками. Такъ, по крайней мѣрѣ, я догадываюсь. (Замѣчу, что Варвара Петровна, рано утромъ и не зная ни о чемъ, выѣхала для поимки Степана Трофимовича). Тѣло отыскали въ прудѣ въ тотъ же день къ вечеру, по нѣкоторымъ слѣдамъ; на самомъ мѣстѣ убійства найденъ былъ картузь Шатова, съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ позабытый убійцами. Наглядное и медицинское изслѣдованіе трупа и нѣкоторыя догадки съ перваго шагу возбуждали подозрѣніе, что Кирилловъ не могъ не имѣть товарищей. Выяснилось существованіе Шатова-Кирилловскаго тайнаго общества, связаннаго съ прокламаціями. Кто же были эти товарищи? О *нашихъ* ни объ одномъ въ тотъ день и мысли еще не было. Узнали, что Кирилловъ жилъ затворникомъ и до того уединенно, что съ нимъ вмѣстѣ, какъ объявлялось въ запискѣ, могъ квартировать столько дней Оедька, котораго вездѣ такъ искали... Главное, томило всѣхъ то, что изъ всей представлявшейся путаницы ничего нельзя было извлечь общаго и связующаго. Трудно представить, до какихъ заключеній и до какого безначалія мысли дошло бы, наконецъ, наше перепуганное до паники общество, если бы вдругъ не объяснилось все разомъ, на другой же день, благодаря Лямшину.

Онъ не вынесъ. Съ нимъ случилось то, что даже и Петръ Степановичъ подъ конецъ сталъ предчувствовать. Порученный Толкаченку, а потомъ Эркелю, онъ весь слѣдующій день пролежалъ въ постели, позидимому, смиренно, отвернувшись къ стѣнѣ и не говоря ни слова, почти не отвѣчая, если съ нимъ заговаривали. Онъ ничего такимъ образомъ не узналъ во весь день изъ происходившаго въ городѣ. Но Толкаченку, отлично узнавшему происшедшее, вздумалось къ вечеру бросить возложенную на него Петромъ Степановичемъ роль при Лямшинѣ и отлучиться

изъ города въ уѣздъ, то-есть по-просту убѣжать: подлинно, что потеряли рассудокъ, какъ напороочилъ о нихъ о всѣхъ Эркель. Замѣчу кстати, что и Липутинъ въ тотъ же день исчезъ изъ города, еще прежде полудня. Но съ этимъ какъ-то такъ произошло, что объ исчезновеніи его узналось начальствомъ лишь только на другой день къ вечеру, когда прямо приступили съ разспросами къ перепуганному его отсутствіемъ, но молчавшему отъ страха его семейству. Но продолжаю о Лямшинѣ. Лишь только онъ остался одинъ (Эркель, надѣясь на Толкаченка, еще прежде ушелъ къ себѣ), какъ тотчасъ же выбѣжалъ изъ дому и, разумеется, очень скоро узналъ о положеніи дѣлъ. Не заходя даже домой, онъ бросился тоже бѣжать куда глаза глядятъ. Но почъ была такъ темна, а предпріятіе до того страшное и многотрудное, что, пройдя двѣ-три улицы, онъ воротился домой и заперся на всю ночь. Кажется, къ утру онъ сдѣлалъ попытку къ самоубійству; но у него не вышло. Просидѣлъ онъ, однако, взаперти почти до полудня и — вдругъ побѣжалъ къ начальству. Говорятъ, онъ ползалъ на колѣняхъ, рыдалъ, визжалъ, цѣловалъ полъ, крича, что недостойнъ цѣловать даже сапоговъ стоявшихъ предъ нимъ сановниковъ. Его успокоили и даже облакали. Допросъ тянулся, говорятъ, часа три. Онъ объявилъ все, все, рассказалъ всю подноготную, все, что зналъ, всѣ подробности; забѣгалъ впередъ, спѣшилъ признаніями, передавалъ даже ненужное и безъ спросу. Оказалось, что онъ зналъ довольно, и довольно хорошо поставилъ на видъ дѣло: трагедія съ Шатовымъ и Кирилловымъ, пожаръ, смерть Лебядкиныхъ и пр. поступили на планъ второстепенный. На первый планъ выступили Петръ Степановичъ, тайное общество, организація, сѣть. На вопросъ: для чего было сдѣлано столько убійствъ, скандаловъ и мерзостей? онъ съ горячею торопливостью отвѣтилъ, что „для систематическаго потрясенія основъ, для систематическаго разложенія общества и всѣхъ началъ; для того, чтобы всѣхъ обезкуражить и изо всего сдѣлать кашу, и расшатавшееся такимъ образомъ общество, болѣзненное и раскисшее, пиническое и невѣрующее, но съ безконечною жаждой какой-нибудь руководящей мысли и самоохраненія—вдругъ взять въ свои руки, поднявъ знамя бунта и опиравсь на цѣлую сѣть пятерокъ, тѣмъ временемъ дѣйствовавшихъ, вербовавшихъ и изыскивавшихъ практически всѣ приемы и всѣ слабыя мѣста, за которыя можно ухва-

тяться“. Заключилъ онъ, что здѣсь, въ нашемъ городѣ, устроена была Петромъ Степановичемъ лишь первая проба такого систематическаго безпорядка, такъ сказать, программа дальнѣйшихъ дѣйствій и даже для всѣхъ пятерокъ, — и что это уже собственно его (Лямшина) мысль, его догадка и „чтобы непременно попомнили и чтобы все это поставили на видъ, до какой степени онъ откровенно и благонравно разъясняетъ дѣло и, стало-быть, очень можетъ пригодиться и даже впрямь для услугъ начальства“. На положительный вопросъ: много-ли пятерокъ? отвѣчалъ, что безкопечное множество, что вся Россія покрыта сѣтью, и хотя не представилъ доказательствъ, но, думаю, отвѣчалъ совершенно искренно. Представилъ только печатную программу общества, заграничной печати, и проектъ развитія системы дальнѣйшихъ дѣйствій, написанный хотя и начерно, но собственною рукой Петра Степановича. Оказалось, что о „потрясеніи основъ“ Лямшинъ буквально цитовалъ по этой бумажкѣ, не забывъ даже точекъ и запятыхъ, хотя и увѣрялъ, что это его только собственное соображеніе. Про Юлію Михайловну онъ удивительно смѣшно и даже безъ спросу, а забѣгая впередъ, выразился, что „она невинна и что ее только одурачили“. Но замѣчательно, что Николая Ставрогина онъ совершенно выгородилъ изъ всякаго участія въ тайномъ обществѣ, изъ всякаго соглашенія съ Петромъ Степановичемъ. (О завѣтныхъ и весьма смѣшныхъ надеждахъ Петра Степановича на Ставрогина Лямшинъ не имѣлъ никакого понятія). Смерть Лебядкиныхъ, по словамъ его, была устроена лишь однимъ Петромъ Степановичемъ, безъ всякаго участія Николая Всеволодовича, съ хитрою цѣлью втянуть того въ преступленіе и, стало-быть, въ зависимость отъ Петра Степановича; но вмѣсто благодарности, на которую несомнѣнно и легкомысленно рассчитывалъ, Петръ Степановичъ возбудилъ лишь полное негодованіе и даже отчаяніе въ „благородномъ“ Николаѣ Всеволодовичѣ. Закончилъ онъ о Ставрогинѣ, тоже спѣша и безъ спросу, видимо нарочнымъ намекомъ, что тотъ чуть-ли не чрезвычайно важная птица, но что въ этомъ какой-то секретъ; что проживалъ онъ у насъ, такъ сказать, incognito, что онъ съ порученіями, и что очень возможно, что и опять пожалуетъ къ намъ изъ Петербурга (Лямшинъ увѣренъ былъ, что Ставрогинъ въ Петербургѣ), но только уже совершенно въ другомъ видѣ

и въ другой обстановкѣ и въ свѣтѣ такихъ лицъ, о которыхъ, можетъ-быть, скоро и у насъ услышать, и что все это онъ слышалъ отъ Петра Степановича, „тайнаго врага Николая Всеволодовича“.

Сдѣлаю нота-бене. Два мѣсяца спустя, Лямшинъ сознался, что выгораживалъ Ставрогина парочно, надѣясь на протекцію Ставрогина и на то, что тотъ въ Петербургѣ выхлопочетъ ему облегченіе двумя степенями, а въ ссылку снабдитъ деньгами и рекомендательными письмами. Изъ этого признанія видно, что онъ имѣлъ дѣйствительно чрезмѣрно преувеличенное понятіе о Николаѣ Ставрогинѣ.

Въ тотъ же день, разумѣется, арестовали и Виргинскаго, а сгоряча и весь домъ. (Арина Прохорошна, ея сестра, тетка и даже студентка теперь давно уже на волѣ; говорятъ даже, что и Шигалевъ будто бы непременно будетъ выпущенъ, въ самомъ скоромъ времени, такъ какъ ни подъ одну категорію обвиняемыхъ не подходитъ; впрочемъ, это все еще только разговоръ). Виргинскій сразу и во всемъ повинился: онъ лежалъ больной и былъ въ жару, когда его арестовали. Говорятъ, онъ почти обрадовался: „съ сердца свалилось“, проговорилъ онъ будто бы. Слышно про него, что онъ даетъ теперь показанія откровенно, но съ нѣкоторымъ даже достоинствомъ, и не отстываетъ ни отъ одной изъ „свѣтлыхъ надеждъ“ своихъ, проклиная въ то же время политическій путь (въ противоположность соціальному), на который былъ увлеченъ такъ печально и легкомысленно „вихремъ сошедшихся обстоятельствъ“. Поведеніе его при совершеніи убійства разъясняется въ смягчающемъ для него смыслѣ, кажется, и онъ тоже можетъ рассчитывать на нѣкоторое смягченіе своей участи. Такъ, по крайней мѣрѣ, у насъ утверждаютъ.

Но врядъ-ли возможно будетъ облегчить судьбу Эркеля. Этому съ самаго ареста своего молчать или по возможности извращаетъ правду. Ни одного слова раскаянія до сихъ поръ отъ него не добились. А между тѣмъ онъ даже въ самыхъ строгихъ судьяхъ возбудилъ къ себѣ нѣкоторую симпатію,—своею молодостью, своею незащищенностью, явнымъ свидѣтельствомъ, что онъ только фанатическая жертва политическаго оболъстителя; а болѣе всего, обнаружившимся поведеніемъ его съ матерью, которой онъ отсылалъ чуть не половину своего незначительнаго жалованья. Мать его теперь у насъ; это слабая

и больная женщина, старушка не по лѣтамъ; она плачетъ и буквально валяется въ ногахъ, выпрашивая за сына. Что-то будетъ, но Эркеля у насъ многіе жалѣютъ.

Липутина арестовали уже въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Съ нимъ случилось почти невѣроятное дѣло, которое даже трудно и объяснить. Говорятъ, что онъ имѣлъ и паспортъ на чужое имя, и полную возможность успѣть улизнуть за границу, и весьма значительныя деньги съ собой, а между тѣмъ остался въ Петербургѣ и никуда не поѣхалъ. Нѣкоторое время онъ разыскивалъ Ставрогина и Петра Степановича и вдругъ запылъ и сталъ развратничать безо всякой мѣры, какъ человѣкъ совершенно потерявшій всякій здравый смыслъ и попятіе о своемъ положеніи. Его и арестовали въ Петербургѣ гдѣ-то въ домѣ терпимости и нетрезваго. Носится слухъ, что теперь онъ вовсе не теряетъ духа, въ показаніяхъ своихъ лжетъ и готовится къ предстоящему суду съ нѣкоторою торжественностью и надеждою (?). Онъ намѣренъ даже поговорить на судѣ. Толкаченко, арестованный гдѣ-то въ уѣздѣ, дней десять спустя послѣ своего бѣгства, ведетъ себя несравненно учтивѣе, не лжетъ, не виляетъ, говорить все, что знаетъ, себя не оправдываетъ, винится со всею скромностью, но тоже наклоненъ по-краспобайничать; много и съ охотою говорить, а когда дѣло дойдетъ до знанія парода и революціонныхъ (?) его элементовъ, то даже позируетъ и жаждетъ эффекта. Онъ тоже, слышно, намѣренъ поговорить на судѣ. Вообще, онъ и Липутинъ не очень испуганы, и это даже странно.

Повторю, дѣло это еще не кончено. Теперь, три мѣсяца спустя, общество наше отдохнуло, оправилось, отгулялось, имѣетъ собственное мнѣніе, и до того, что даже самого Петра Степановича иные считаютъ чуть не за генія, по крайней мѣрѣ, „съ геніальными способностями“. „Организация-съ!“ говорятъ въ клубѣ, подымая палецъ кверху. Вирочемъ, все это очень невинно, да и немногіе говорятъ-то. Другіе, напротивъ, не отрицаютъ въ немъ остроты способностей, но при совершенномъ незнаніи дѣйствительности, при страшной отвлеченности, при уродливомъ и тушомъ развитіи въ одну сторону, съ чрезвычайнымъ, происходящимъ отъ того легкомысліемъ. Относительно нравственныхъ его сторонъ всѣ соглашаются; тутъ ужъ никто не споритъ.

Право не знаю, о комъ бы еще упомянуть, чтобы не

забыть кого. Маврикій Николаевичъ куда-то совсѣмъ уѣхалъ. Старуха Дроздова впала въ дѣтство... Впрочемъ, остается разказать еще одну очень мрачную исторію. Ограничусь лишь фактами.

Барвара Петровна по пріѣздѣ остановилась въ городскомъ, своемъ домѣ. Разомъ хлынули на нее всѣ накопившіяся извѣстія и потрясли ее ужасно. Она затворилась у себя одна. Былъ вечеръ; всѣ устали и рано легли спать.

Путру горничная передала Дарьѣ Павловнѣ, съ таинственнымъ видомъ, письмо. Это письмо, по ея словамъ, пришло еще вчера, но поздно, когда всѣ уже почивали, такъ что она не посмѣла разбудить. Пришло не по почтѣ, а въ Скворешники, черезъ неизвѣстнаго человѣка, къ Алексѣю Егорычу. А Алексѣй Егорычъ тотчасъ самъ и доставилъ, вчера вечеромъ, ей въ руки, и тотчасъ же опять уѣхалъ въ Скворешники.

Дарья Павловна, съ біеніемъ сердца, долго смотрѣла на письмо и не смѣла распечатать. Она знала отъ кого: писалъ Николай Ставрогинъ. Она прочла надпись на конвертѣ: „Алексѣю Егорычу съ передачею Дарьѣ Павловнѣ, секретно“.

Вотъ это письмо, слово-въ-слово, безъ исправленія малѣйшей ошибки въ слогѣ русскаго барича, не совсѣмъ доучившагося русской грамотѣ, несмотря на всю европейскую свою образованность:

„Милая Дарья Павловна,

„Вы когда-то захотѣли ко мнѣ „въ сидѣлки“ и взяли обѣщаніе прислать за вами когда будетъ падо. Я ѣду черезъ два дня и не ворочусь. Хотите со мной?

„Прошлаго года, я, какъ Герценъ, записался въ граждана кантона Ури, и этого никто не знаетъ. Тамъ я уже купилъ маленькій домъ. У меня еще есть двѣнадцать тысячъ рублей; мы поѣдемъ и будемъ тамъ жить вѣчно. Я не хочу никогда никуда выѣзжать.

„Мѣсто очень скучно, ущелье; горы тѣснятъ зрѣніе и мысль. Очень мрачное. Я потому что продавался маленькій домъ. Если вамъ не понравится, я продамъ и куплю другой въ другомъ мѣстѣ.

„Я нездоровъ, но отъ галюсинацій надѣюсь избавиться съ тамошнимъ воздухомъ. Это физически; а нравственно вы все знаете; только все-ли?

„Я вамъ разказалъ многое изъ моеи жизни. Но не все.

Даже вамъ не все! Кстати, подтверждаю, что совѣтъю я виновать въ смерти жены. Я съ вами не видѣлся послѣ того, а потому подтверждаю. Виновать и предъ Лизаветой Николаевной; но тутъ вы знаете; тутъ вы все почти предсказали.

— „Лучше не прїѣзжайте. То что я зову васъ къ себѣ есть ужасная низость. Да и зачѣмъ вамъ хоронить со мной вашу жизнь? Мнѣ вы милы, и мнѣ, въ тоскѣ, было хорошо подлѣ васъ: при васъ при одной я могъ вслухъ говорить о себѣ. Изъ этого ничего не слѣдуетъ. Вы опредѣлили сами „въ сидѣлки“—это ваше выраженіе; къ чему столько жертвовать? Вникните то же, что я васъ не жалѣю, коли зову, и не уважаю, коли жду. А между тѣмъ и зову и жду. Во всякомъ случаѣ въ вашемъ отвѣтѣ нуждаюсь, потому что надо ѣхать очень скоро. Въ такомъ случаѣ уѣду одинъ.

„Я ничего отъ Ури не надѣюсь; я просто ѣду. Я не выбиралъ нарочно угрюмага мѣста. Въ Россіи я ничѣмъ не связанъ,—въ ней мнѣ все такъ же чужое какъ и вездѣ. Правда, я въ ней болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ не любилъ жить; но даже и въ ней ничего не могъ возненавидѣть!

„Я пробовалъ вездѣ мою силу. Вы мнѣ совѣтовали это, „чтобъ узнать себя“. На пробахъ для себя и для показу, какъ и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась безпредѣльною. На вашихъ глазахъ я снесъ пощечину отъ вашего брата; я признался въ бракѣ публично. Но къ чему приложить эту силу—вотъ чего никогда не видѣлъ, не вижу и теперь, не смотря на ваши одобренія въ Швейцаріи, которымъ повѣрилъ. Я все такъ же какъ и всегда прежде могу пожелать сдѣлать доброе дѣло и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злаго и тоже чувствую удовольствіе. Но и то и другое чувство, по прежнему, всегда слишкомъ мелко, а очень никогда не бываетъ. Мои желанія слишкомъ не сильны; руководить не могутъ. На бревнѣ можно переплыть рѣку, а на щепкѣ нѣтъ. Это чтобы не подумали вы, что я ѣду въ Ури съ какими-нибудь надеждами.

„Я по прежнему никого не виню. Я пробовалъ большой развратъ и истощилъ въ немъ силы: но я не люблю и не хотѣлъ разврата. Вы за мной въ послѣднее время слѣдили. Знаете-ли, что я смотрѣлъ даже на отрицающихъ нашихъ со злобой, отъ зависти къ ихъ надеждамъ? Но вы

напрасно боялись; я не могъ быть тутъ товарищемъ, ибо не раздѣлялъ ничего. А для смѣху, со злобы, тоже не могъ, и не потому чтобы боялся смѣшнаго,—я смѣшнаго не могу испугаться,—а потому что всетаки имѣю привычки порядочнаго человѣка и мнѣ мерзило. Но если-бъ имѣлъ къ нимъ злобы и зависти больше, то, можетъ, и пошелъ-бы съ ними. Судите, до какой степени мнѣ было легко и сколько я метался!

„Другъ милый, созданіе нѣжное и великодушное, которое я угадалъ! Можетъ быть, вы мечтаете дать мнѣ столько любви и излить на меня столько прекраснаго изъ прекрасной души вашей, что надѣетесь тѣмъ самымъ поставить предо мной, наконецъ, и цѣль? Нѣтъ, лучше вамъ быть осторожнѣе; любовь моя будетъ такъ-же мелка, какъ и я самъ, а вы несчастны. Вашъ братъ говорилъ мнѣ, что тотъ, кто терлетъ связи съ своею землей, тотъ терлетъ и боговъ своихъ, то-есть всѣ свои цѣли. Обо всемъ можно спорить безконечно, но изъ меня вылилось одно отрицаніе, безъ всякаго великодушія и безо всякой силы. Даже отрицанія не вылилось. Все всегда мелко и вяло. Великодушный Кириловъ не вынесъ идеи и—застрѣлился; но вѣдь я вижу, что онъ былъ великодушенъ потому, что не въ здоровомъ разсудкѣ. Я никогда не могу потерять разсудокъ и никогда не могу повѣрить идеѣ въ той степени, какъ онъ. Я даже заняться идеей въ той степени не могу. Никогда, никогда я не могу застрѣлиться!

„Я знаю, что мнѣ надо-бы убить себя, смести себя съ земли какъ подлое насѣкомое; но я боюсь самоубійства, ибо боюсь показать великодушіе. Я знаю, что будетъ еще обманъ,—последній обманъ въ безконечномъ ряду обмановъ. Чтѣ-же пользы себя обмануть, чтобы только сыграть въ великодушіе? Негодованія и стыда во мнѣ никогда быть не можетъ; стало быть, и отчаянія.

„Простите, что такъ много пишу. Я опомнился и это нечаянно. Этакъ ста страницъ мало и десяти строкъ довольно. Довольно и десяти строкъ призыва „въ сидѣлки“.

„Я, съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ, живу на шестой станціи у зрителя. Съ нимъ я сошелся во время кутежа, пять лѣтъ назадъ въ Петербургѣ. Что тамъ я живу никто не знаетъ. Напишите на его имя. Прилагаю адресъ.

„Николай Ставрогинъ“.

Дарья Павловна тотчасъ-же пошла и показала письмо Варварѣ Петровнѣ. Та прочитала и попросила Дашу

выйти, чтобъ еще одной прочитатъ; но что-то очень скоро опять позвала ее.

— Поѣдешь? спросила она почти робко.

— Поѣду, отвѣтила Даша.

— Собирайся! Ѣдемъ вмѣстѣ!

Даша посмотрѣла вопросительно.

— А что мнѣ теперь здѣсь дѣлать? Не все-ли равно? Я тоже въ Ури запишусь и проживу въ ущельи... Не безпокойся, не помѣшаю.

Начали быстро собираться, чтобы поспѣть къ полуденному поѣзду. Но не прошло получаса, какъ явился изъ Скворешниковъ Алексѣй Егоровичъ. Онъ доложилъ, что Николай Всеволодовичъ „вдругъ“ пріѣхали поутру, съ раннимъ поѣздомъ, и находятся въ Скворешникахъ, но „въ такомъ видѣ, что на вопросы не отвѣчаютъ, прошли по всѣмъ компатамъ и заперлись на своей половинѣ...“

— Я помимо ихъ приказанія заключилъ пріѣхать и доложить, прибавилъ Алексѣй Егорычъ съ очень внимательнымъ видомъ.

Варвара Петровна пронзительно поглядѣла на него и не стала разспрашивать. Мигомъ подали карету. Поѣхала съ Дашей. Пока ѣхали, часто, говорятъ, крестилась.

На „своей половинѣ“ всѣ двери были отперты, и нигдѣ Николая Всеволодовича не оказалось.

— Ужъ не въ мезонинѣ-ли-съ? осторожно произнесъ Омушка.

Замѣчательно, что слѣдомъ за Варварой Петровной на „свою половину“ вошло нѣсколько слугъ; а остальные слуги всѣ ждали въ залѣ. Никогда бы они не посмѣли прежде позволить себѣ такого нарушенія этикета. Варвара Петровна видѣла и молчала.

Взобрались и въ мезонинъ. Тамъ было три комнаты; но ни въ одной никого не нашли.

— Да ужъ не туда-ли пошли-съ? указалъ кто-то на дверь въ свѣтелку.

Въ самомъ дѣлѣ, всегда затворенная дверца въ свѣтелку была теперь отперта и стояла настежь. Подыматься приходилось чуть не подъ крышу по деревянной, длинной, очень узенькой и ужасно крутой лѣстницѣ. Тамъ была тоже кака-то комнатка.

— Я не пойду туда. Съ какой стати онъ полѣзетъ туда? ужасно поблѣднѣла Варвара Петровна, озираясь на слугъ. Тѣ смотрѣли на нее и молчали. Даша дрожала.

Варвара Петровна бросилась по лѣсенкѣ; Даша за нею; но едва вошла въ свѣтелку, закричала и упала безъ чувствъ.

Гражданинъ кантона Ури висѣлъ тутъ же за дверцей. На столикѣ лежалъ клочокъ бумаги со словами карандашомъ: „Никого не винить, я самъ“. Тутъ же на столикѣ лежалъ и молотокъ, кусокъ мыла и большой гвоздь, очевидно, припасенный про запасъ. Крѣпкій шелковый шнурокъ, очевидно, заранѣе припасенный и выбранный, на которомъ повѣсился Николай Всеволодовичъ, былъ жирно намыленъ. Все означало преднамѣренность и сознание до послѣдней минуты.

Наши медики, по вскрытіи трупа, совершенно и настойчиво отвергли помѣшательство.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	СТРАИ.
Глава I. Въмсто введенія: нѣсколько подробностей изъ біографіи многотимаго Степана Трофимовича Верховенскаго	5
„ II. Принцъ Гарри. Сватовство	38
„ III. Чужіе грѣхи	77
„ IV. Хромоножка	120
„ V. Премудрый змій	153

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Ночь	201
„ II. Ночь (продолженіе)	248
„ III. Поединокъ	272
„ IV. Всѣ въ ожиданіи	284
„ V. Передъ праздникомъ	307
„ VI. Петръ Степановичъ въ хлопотахъ	333
„ VII. У нашихъ	376
„ VIII. Иванъ-Царевичъ	400
„ IX. Степана Трофимовича описали	410
„ X. Флибустьеры. Роковое утро	419

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава	I. Праздникъ. Отдѣлъ первый	444
"	II. Окончаніе праздника.	473
"	III. Законченный романъ.	501
"	IV. Последнее рѣшеніе	521
"	V. Путешественница	544
"	VI. Многогрудная ночь	575
"	VII. Последнее странствованіе Степана Трофимо- вича	607
"	VIII. Заключеніе	640

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

098279

Biblioteka WSP Kielce

0162430